

Angefangen
[illegible]16

Н. Л. Кладо

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ
военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны.

1906 г.

ОЧЕРКЪ

военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны.

Успѣхъ войны зависѣлъ отъ успѣха дѣйствій на морѣ.

Нашъ флотъ во время этой войны былъ не только разбитъ, но просто уничтоженъ. Наша армія была также разбита и если она не была также уничтожена, то только потому, что могла безконечно и непрерывно получать подкрѣпленія. Значеніе и результаты пораженій флота и арміи однако совсѣмъ разные въ этой войнѣ. Армія **не могла** побѣдить безъ побѣды флота, такъ какъ японцы, при владѣніи моремъ, всегда могли выставить больше войскъ и не нуждаться въ запасахъ, опираясь на удобное и неограниченное никакой численностью морское сообщеніе, тогда какъ наша армія опиралась на одну желѣзную дорогу огромной длины, провозоспособность которой была ограничена.

Флотъ же могъ побѣдить при полномъ отсутствіи арміи. Вотъ почему отъ флота зависѣла вся участь этой войны, и вотъ почему, если не было шансовъ на побѣду на морѣ, войны слѣдовало избѣгнуть во что-бы то ни стало. Слѣдовательно при рѣшеніи вопроса, можно-ли доводить дѣло до войны, главной данной должна была служить сравнительная готовность и сила нашего и японскаго флота.

I. Соотношеніе силъ и готовность флотовъ къ войнѣ.

Намъ слѣдовало готовиться къ войнѣ съ Японіей съ 1895 года.

Японія начала готовиться къ борьбѣ съ нами сейчасъ же послѣ того, какъ мы, по окончаніи побѣдоносной ея войны съ Китаемъ (1895 г.), не позволили ей утвердиться на материкѣ, а когда мы сами заняли тотъ Ліатонгскій полуостровъ (1898 г.), которымъ не позволили завладѣть японцамъ, война наша съ Японіей стала неизбѣжной, и моментъ ея зависѣлъ только отъ такой готовности японцевъ, которая давала бы имъ надежду на успѣхъ.

Слѣдовательно для того, чтобы избѣжать войны, которая намъ была совершенно не нужна (намъ нужно было только удержать захваченное), а нужна она была только японцамъ, намъ слѣдовало самымъ энергичнымъ образомъ готовиться къ этой войнѣ и быть все время сильнѣе японцевъ на морѣ. Исходное наше положеніе, въ которомъ въ 1895 году находился нашъ флотъ, было несравненно болѣе выгоднымъ, нежели у нашего противника.

Наше исходное положеніе для подготовки къ войнѣ было гораздо выгоднѣе, нежели для Японіи.

Въ это время японскій флотъ состоялъ исключительно изъ бронепалубныхъ крейсеровъ 2-го класса. Такъ какъ въ это время уже существовала скорострѣльная артиллерія и снаряды уже начинялись сильно-взрывчатыми веществами, то было ясно, что никакія суда, кромѣ хорошо защищенныхъ броней, непригодны для боя или, иначе говоря, японскій флотъ представлялъ изъ себя вполнѣ ничтожную силу, и значеніе могли имѣть только тѣ суда, которыя японцы выстроятъ вновь.

Между тѣмъ мы имѣли въ это время, не считая Черноморскаго флота, 4 готовыхъ эскадренныхъ броненосца („Импер. Александръ II", „Импер. Николай I", „Гангутъ", „Наваринъ") и 5 броненосныхъ крейсеровъ („Влад. Мономахъ", „Дмитрій Донской„, „Адм. Нахимовъ", „Память Азова", „Рюрикъ") и еще 4 эскадренныхъ броненосца („Сисой Великій", „Петропавловскъ", „Полтава", „Севастополь") были уже спущены, а еще одинъ броненосный крейсеръ („Россія") находился на стапелѣ (спущенъ въ 1896 году).

Помимо этого могли быть, въ случаѣ надобности, отправлены на дальній востокъ три броненосца береговой обороны, изъ которыхъ въ то время два уже были спущены и одинъ строился и, наконецъ, въ резервѣ находился могущественный Черноморскій флотъ. Къ этому надо прибавить, что всѣ эти корабли были выстроены у себя дома, а слѣдовательно кораблестроительныя средства были огромныя, по сравненію съ Японіей, которая большинство своихъ судовъ выстроила заграницей, и которая не имѣла ни одной верфи, на которой можно было бы начать постройку эскадреннаго броненосца или крейсера I класса.

Имѣя такое огромное, подавляющее преимущество на нашей сторонѣ, намъ очень легко было имѣть всегда превосходныя силы и на дальнемъ востокѣ. Стоило только на каждый заложенный японцами корабль отвѣчать закладкой такого же типа, но болѣе сильнаго и совершеннаго.

Такъ какъ японцы должны были строить свой флотъ, и въ дѣйствительности строили его на иностранныхъ верфяхъ (въ Европѣ), то слѣдить за ихъ кораблестроеніемъ не представляло никакихъ затрудненій и даже можно было предупредить японцевъ, такъ какъ программа ихъ новыхъ построекъ, вплоть до 1902 года, была извѣстна съ 1895 года.

Посылая на дальній востокъ, помимо этого, часть кораблей изъ тѣхъ, которые у насъ были готовы, легко было имѣть тамъ въ каждый моментъ флотъ, по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза сильнѣе японскаго.

Надо было съ 1895 года начать перевооруженіе годныхъ для боя судовъ.

Правда, часть изъ перечисленныхъ выше нашихъ судовъ была вооружена еще старой артиллеріей, но времени для ихъ перевооруженія было болѣе чѣмъ достаточно.

Конечно, мы не могли весь нашъ готовый флотъ отправить на дальній востокъ, такъ какъ могла возникнуть надобность въ немъ и въ Европѣ, а союзъ съ Франціей накладывалъ на насъ и извѣстныя обязательства въ этомъ отношеніи.

Россія всегда должна имѣть сильную эскадру въ Средиземномъ морѣ.

Но изъ этого былъ вполнѣ естественный выходъ—надо было содержать сильную эскадру въ Средиземномъ морѣ, которая немедленно могла бы отправиться на дальній востокъ при возникновеніи тамъ опасности войны. Существенные интересы наши въ восточной части Средиземнаго моря и союзъ съ Франціей дѣлали пребываніе такой эскадры въ этихъ водахъ вполнѣ естественнымъ.

Кромѣ того и политическія событія—волненія въ армянскихъ областяхъ Турціи и на Критѣ—оправдывали такую дислокацію нашихъ морскихъ силъ.

Содержаніе эскадры въ Средиземномъ морѣ тѣмъ болѣе было необходимо, что этимъ самымъ наилучшимъ образомъ достигались и другія цѣли, которыя могли быть поставлены нашему флоту.

Прежде всего, онъ могъ въ каждый данный моментъ впродолженіи круглаго года соединиться со своимъ союзникомъ—французскимъ флотомъ; въ противномъ случаѣ непріятельскій флотъ становился между союзными и получалъ возможность вступать въ борьбу съ ними поочередно, т. е. разбивать ихъ по частямъ. Въ случаѣ войны съ Германіей, если бы даже французскій флотъ былъ отвлеченъ борьбой съ другими противниками, напр. съ австро-итальянскимъ флотомъ, нахожденіе нашего флота въ тылу у германцевъ служило бы наилучшимъ средствомъ, чтобы не позволять Германіи отправлять свой флотъ въ Балтійское море.

А безъ этого флота не могъ быть и отправленъ десантъ, ни въ Финляндію, ни въ Прибалтійскій край, такъ какъ съ нимъ тогда легко справился бы и флотъ береговой обороны (минный и подводный). Такимъ образомъ отъ Германіи былъ бы отнятъ, до уничтоженія нашей эскадры Средиземнаго моря, наилучшій способъ борьбы съ нашей сухопутной арміей, такъ какъ наиболѣе слабыя ея мѣста—флангъ и тылъ,—были бы обезпечены отъ нападенія. Это имѣло бы огромное значеніе, даже при неудачѣ нашего флота, такъ какъ позволило-бы нашей арміи выиграть время, необходимое ей при, сравнительно съ германской, медленной ея мобилизаціи.

Въ случаѣ войны съ Турціей, расположеніе нашего Балтійскаго флота въ восточной части Средиземнаго моря наивыгоднѣйшее, для совмѣстнаго его дѣйствія съ Черноморскимъ флотомъ. При вмѣшательствѣ въ эту борьбу Англіи или какой либо другой державы, опять - быстрое соединеніе нашей эскадры съ французскимъ флотомъ являлось бы наилучшимъ ея употребленіемъ.

Наконецъ постоянное пребываніе нашей эскадры въ Средиземномъ морѣ давало бы ту необходимую практику и сплоченность личному составу Балтійскаго флота, которой у него никогда не было при кратковременныхъ лѣтнихъ плаваніяхъ. Пребываніе во французскихъ портахъ, на которыхъ наша эскадра базировалась-бы, постоянная связь съ французскимъ флотомъ, сдѣлали-бы союзные флоты дѣйствительно способными къ образованію сплоченной и единой силы, давъ имъ возможность изучить другъ друга, установить совмѣстный образъ дѣйствій и т. д.

Постоянное соприкосновеніе съ эскадрами другихъ державъ (напр. англійской и итальянской), духъ соревнованія въ различныхъ морскихъ упражненіяхъ, служили-бы могущественнымъ средствомъ, чтобы поддерживать познанія и опытность нашего личнаго состава на уровнѣ современности.

И вотъ эта эскадра въ каждый данный моментъ была бы готова къ отправкѣ на дальній востокъ. Помимо того, что она могла туда поспѣть на мѣсяцъ раньше, чѣмъ вышедшая изъ Балтійскаго моря, главный выигрышъ времени состоялъ въ ея постоянной готовности, тогда какъ, при пребываніи въ Балтійскомъ морѣ не въ плаваніи, большая

часть кораблей потребовала бы огромнаго времени на изготовленіе къ походу.

Чтобы обезпечить себя отъ полной зависимости отъ французскихъ портовъ, эта эскадра могла быть снабжена транспортами съ запасами, углемъ и мастерскими, т. е. плавучей базой. Практика снабженія изъ этой базы и исправленій въ ней была бы драгоцѣнной для предстоящаго плаванія на дальній востокъ, а организація этой плавучей базы въ глазахъ другихъ имѣла бы вполнѣ естественное объясненіе въ отсутствіи русскаго порта въ Средиземномъ морѣ.

Слѣдовало обезпечить возможность выхода Черноморскаго флота.

Помимо содержанія этой эскадры, надо было подготовить почву къ выходу въ нужный моментъ нашего флота изъ Чернаго моря.

Наилучшимъ средствомъ для этого было бы открытіе проливовъ и Чернаго моря для военныхъ флотовъ всѣхъ державъ. Вѣдь собственно закрытіе проливовъ насъ ровно ни отъ чего не обезпечивало, такъ какъ, въ случаѣ возникновенія войны съ Англіей, англичане ни одной минуты не задумались бы передъ введеніемъ своего флота въ Черное море. Согласіе султана—факторъ чисто фиктивный, разъ онъ не можетъ поддержать своего запрещенія силой. Постояннымъ напоминаніемъ объ этой возможности долженъ былъ бы служить для насъ 1878 годъ.

Если же полное открытіе проливовъ было намъ нежелательно или невозможно, то выходъ нашего Черноморскаго флота въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ затрудненій на дальнемъ востокѣ, могъ быть обезпеченъ особыми соглашеніями съ Турціей или съ Англіей. Напр. при заключеніи англо-японскаго союза, мы могли заявить, что въ виду послѣдовавшаго изъ за этого усиленія Японіи на морѣ, мы предоставляемъ себѣ, въ случаѣ войны съ нею, вывести нашъ Черноморскій флотъ. Тогда, такъ или иначе, ко времени возникновенія натянутыхъ отношеній съ Японіей, вопросъ этотъ былъ бы рѣшенъ съ полною ясностью и мы бы знали точно, на какую силу мы опираемся при веденіи переговоровъ.

Вотъ, если бы все это было сдѣлано, война могла быть избѣгнута.

Мы опоздали на три года съ программой кораблестроенія.

На самомъ дѣлѣ вышло такъ, что мы поступали какъ разъ обратно. Сейчасъ же послѣ заключенія мира съ Китаемъ, японцы составили программу, согласно которой предполагалось создать въ 7 лѣтъ (къ 1902 году) броненосную эскадру изъ 6 броненосцевъ и 6 броненосныхъ крейсеровъ, и немедленно со страшной энергіей принялись за ея осуществленіе. Въ 1894 году весь морской ихъ бюджетъ составлялъ около 10 милліоновъ рублей, а въ 1896 году на одно кораблестроеніе было истрачено 28 милліоновъ и въ слѣдующемъ году эта цифра достигла 61 милліона. Потомъ эта цифра начала уменьшаться и въ 1901 году упала до 17 милліоновъ, и понятно отчего—японцы достигли своей цѣли—флотъ былъ созданъ и они *обогнали русскихъ*. Въ 1900 году всѣ 12 предположенныхъ броненосныхъ судовъ уже были спущены и въ 1902 году они уже находились въ Японіи.

Въ отвѣтъ на это, мы только черезъ три года послѣ японцевъ (въ 1898 году) составили программу кораблестроенія и тоже съ разсчетомъ на выполненіе ея въ 7 лѣтъ (къ 1905 году), т. е. мы сознательно опаздывали противъ японцевъ на 3 года. Очевидно японцы, имѣя готовый флотъ,

не стали ожидать готовности нашего, и довели дѣло до войны. Огромное большинство нашихъ кораблей, вошедшихъ въ программу 1898 года, еще находились въ это время въ постройкѣ.

Мы строили небронеосные крейсеры вмѣсто броненосныхъ.

Затѣмъ въ то время, какъ японцы внесли въ свою программу 6 **броненосныхъ** крейсеровъ, почти въ 10.000 тн. каждый, мы внесли въ нашу программу только **одинъ** броненосный крейсеръ („Баянъ") гораздо болѣе слабый. Это могло бы имѣть основаніе, если бы у насъ на лицо было бы уже достаточное число такихъ крейсеровъ. Но въ моментъ составленія программы на стапелѣ находился только одинъ броненосный крейсеръ („Громобой"), хотя и тотъ имѣлъ худшую броневую защиту, чѣмъ японскіе крейсеры; всѣ же готовые наши броненосные крейсеры, включая сюда и новѣйшіе („Россія" и „Рюрикъ") не могли идти ни въ какое сравненіе съ японскими крейсерами, такъ какъ **ни одно** орудіе на нихъ не имѣло броневой защиты. За то наша программа заключала въ себѣ большое количество **неброненосныхъ** крейсеровъ 1 ранга, которыхъ въ это время уже не строили **ни въ одномъ** флотѣ, какъ для боя между броненосными судами совершенно безполезныхъ. Это было послѣдствіемъ нашей отсталости въ военномъ дѣлѣ и недостатка у нашего личнаго состава военнаго образованія, безъ котораго немыслимъ независимый и правильный взглядъ на типы судовъ и вообще на всю сложную технику военнаго флота.

Слѣдующая таблица показываетъ сравнительное изготовленіе **броненосныхъ** флотовъ Японіи и Россіи съ 1896 года до начала русско-японской войны.

Годъ спука.	Японія.				Россія.			
	Эскренные броненосцы.	Водоизмѣщеніе.	Броненосные крейсеры.	Водоизмѣщеніе.	Эскадренные броненосцы.	Водоизмѣщеніе.	Броненосные крейсеры.	Водоизмѣщеніе.
1896	Фуджи Яшима	12.649 12.517	— —	— —	— —	— —	Россія —	13.675 —
Итого		25.166						13.166
1897	—	—	—	—	—	—	—	—
1898	Шикишима	14.850	Токива Азама	9.755 9.755	Пересвѣтъ Ослябя	12.674 12.674	—	—
Итого		14.850		19.510		25.348		
1899	Асахи Хатсусе	15.200 15.000	Идзумо Адзума Якумо	9.800 9.460 9.800	—	—	Громобой	13.880
Итого		30.200		29.060				13.880

Годъ спуска.	Японія.				Россія.			
	Эскадренные броненосцы.	Водоизмѣщеніе.	Броненосные крейсеры.	Водоизмѣщеніе.	Эскадренные броненосцы.	Водоизмѣщеніе.	Броненосные крейсеры.	Водоизмѣщеніе.
1900	Миказа	15.352	Ивате	9.800	Ретвизанъ Побѣда	12.902 12.674	Баянъ	7.726
Итого		15.352		9.800		25.576	—	7.726
1901	—	—	—	—	Цесаревичъ И.Алекс. III. Бородино	12.900 13.516 13.516	—	—
Итого						39.932		
1902	—	—	—	—	Орелъ Кн. Суворовъ	13.516 13.516	—	—
Итого						27.032		
1903					Слава	13.516		
Всего	6	85.568	6	58.370	10	131.404	3	34.772
	143.938				166.176			

Эта таблица ясно показываетъ, что мы регулярно опаздывали противъ японцевъ и притомъ всѣ наши эскадренные броненосцы не превосходили спущенные раньше японскіе, а неизмѣнно еще при этомъ и уступали имъ въ силѣ. Наконецъ, еще послѣ спуска наши корабли изготовлялись гораздо дольше, чѣмъ японскіе. Напр. броненосецъ „Миказа", спущенный въ 1900 году, былъ уже въ 1902 году на мѣстѣ, а наши броненосцы „Пересвѣтъ" и „Ослябя", спущенные на два года раньше (въ 1898 году), пришли на дальній востокъ: первый въ 1902 году, а второй вышелъ только въ 1903 году изъ Кронштадта. Въ результатѣ въ 1902 году вся японская эскадра изъ 12 броненосныхъ судовъ была уже въ сборѣ, а у насъ въ концѣ этого года находилось на дальнемъ востокѣ всего 4 эскадренныхъ броненосца (3 типа „Петропавловскъ", болѣе слабаго чѣмъ даже типъ „Фуджи", и „Пересвѣтъ"), и 3 броненосныхъ крейсера—„Россія", „Рюрикъ", „Громобой", изъ которыхъ только послѣдній могъ равняться съ японскими броненосными крейсерами. Даже изъ неброненосныхъ крейсеровъ тамъ находился только одинъ „Варягъ", а эскадренныхъ миноносцевъ было всего 7.

Въ 1901 г. мы были въ $3^1/_2$—4 раза слабѣе японцевъ.

Смѣло можно было сказать, что въ это время наша броненосная эскадра была въ $3^1/_2$—4 раза слабѣе японской, а въ отношеніи неброненосныхъ крейсеровъ и минной флотиліи сила ея была просто ничтожна по сравненію

съ соотвѣтствующей японской. И въ такомъ положенiи наши силы были **за годъ** до войны, когда она уже висѣла въ воздухѣ.

Вмѣсто созданiя оборудованной базы на мѣстѣ, мы уводили корабли для ремонта въ Кронштадтъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть еще объ одномъ фактѣ. За тотъ промежутокъ времени, когда японцы съ такой энергiей создавали свой броненосный флотъ, мы, изъ находившихся уже на дальнемъ востокѣ нашихъ броненосныхъ судовъ, отозвали назадъ въ Кронштадтъ—4 эскадренныхъ броненосца („Имп. Николай I", „Имп. Александръ II", „Наваринъ", „Сисой Великiй") и 4 броненосныхъ крейсера („Дм. Донской", „Вл. Мономахъ", „Адм. Нахимовъ" и „Память Азова"), причемъ большая часть изъ нихъ, и притомъ состоящая изъ сильнѣйшихъ кораблей, ушла съ дальняго востока какъ разъ въ то время (конецъ 1901 года), когда туда начали прибывать японскiя броненосныя суда. Съ ними же покинулъ дальнiй востокъ наиболѣе опытный и энергичный изъ находившихся тамъ адмираловъ — Гр. Павл. Чухнинъ, естественный замѣститель, оканчивавшаго свой срокъ пребыванiя въ 1902 году, начальника эскадры—адмирала Скрыдлова.

Возвращенiе этихъ восьми, хотя и далеко не современныхъ, но все таки броненосныхъ судовъ, объяснялось тѣмъ, что они требовали извѣстнаго ремонта, перемѣны котловъ, перевооруженiя новой артиллерiей и т. п.... Но очевидно было гораздо выгоднѣе послать на дальнiй востокъ и новую артиллерiю, и котлы, и создать на мѣстѣ необходимыя мастерскiя, нежели вести эти корабли для ремонта за 12.000 миль.

Тѣмъ болѣе вѣдь, имѣя въ виду содержать на дальнемъ востокѣ сильный флотъ, все равно нельзя было его оставить безъ доковъ и широко оборудованныхъ ремонтныхъ мастерскихъ. А между тѣмъ и въ этомъ мы страшно отставали отъ японцевъ. Тѣ тратили огромныя суммы на созданiе и богатое снабженiе цѣлаго ряда новыхъ портовъ, а мы оставили Портъ-Артуръ безъ большого дока, имѣя притомъ только одинъ докъ во Владивостокѣ, а ремонтныя мастерскiя были такъ слабо оборудованы, что въ 1902 году они могли выполнить *не болѣе половины* обыкновенныхъ дефектовъ мирнаго времени, и то при томъ слабомъ составѣ эскадры, который имѣлся въ то время. Значитъ въ военное время и при увеличенiи эскадры вдвое, какъ это было при началѣ войны, портовыя средства были просто въ жалкомъ состоянiи.

Достоинъ вниманiя тотъ фактъ, что изъ возвращенныхъ для ремонта и перевооруженiя судовъ, новую артиллерiю получили только самыя слабыя изъ нихъ — „Владимiръ Мономахъ" и „Дмитрiй Донской". Броненосцы-же „Императоръ Николай I", „Наваринъ" и крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ" пошли со 2 и съ 3 эскадрой съ той-же старой артиллерiей и „Наваринъ" — съ тѣми-же старыми котлами, для перемѣны которыхъ они были приведены за 12.000 миль. На броненосцѣ „Императоръ Александръ II" и крейсерѣ „Память Азова" собрались мѣнять артиллерiю только въ концѣ 1904 года, т. е. черезъ годъ послѣ начала войны.

А въ это время уже не стоило мѣнять артиллерiю не только потому, что посылка этихъ кораблей запоздала, но также и потому, что та новая артиллерiя, которую собирались на нихъ ставить, и даже поставили, поспѣла уже устарѣть, и больше уже нигдѣ теперь такая артиллерiя не

ставится. Это имѣло полный смыслъ десять лѣтъ тому назадъ—въ 1894 году, и временный—въ ожиданіи войны—спеціально для этой войны.

Недостатокъ личнаго состава.

Помимо своей малочисленности и необорудованности портовъ, эскадра наша терпѣла огромный недостатокъ въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ—спеціалистахъ и въ снарядахъ, что ясно видно изъ нижеслѣдующихъ таблицъ.

Въ 1902 году не хватало до комплекта:

Флотскихъ офицеровъ	отъ 16,5 до 37%
Инженеръ-механиковъ	„ 25,0 „ 29,4%
Кондукторовъ	„ „ „ 76%
Артиллеристовъ:	
Унтеръ-офицеровъ	14,3%
Старшихъ комендоровъ	33,1%
Комендоровъ	11,3%
Гальванеровъ	31,4%
Минеровъ:	
Унтеръ-офицеровъ	17,1%
Старшихъ минеровъ	18,5%
Минеровъ	20,1%
Машинистовъ и кочегаровъ	16%

При этомъ въ числѣ офицеровъ на должностяхъ вахтенныхъ начальниковъ, которые по закону должны быть въ чинѣ лейтенанта, находилось 70% мичмановъ.

Недостатокъ снарядовъ.

Въ 1902 году въ Портъ-Артурѣ и во Владивостокѣ не хватало снарядовъ до положенныхъ по закону 2-хъ комплектовъ:

Для	12″	орудій	50%
„	10″	„	100%
„	8″	„	13%
„	6″(ск.)	„	83%
„	4,″7	„	38%
„	3″	„	97%
„	47 мм.	„	96%
„	37 мм.	„	80%

Притомъ эти нехватки приходились главнымъ образомъ на болѣе необходимые въ бою снаряды—на бронебойные и фугасные. Кромѣ того нехватки эти были совершенно случайно распредѣлены между портами. Напр. во Владивостокѣ не было въ запасѣ **ни одного** 3″ снаряда, а для 12″ орудій во Владивостокѣ было 1037 снарядовъ, а въ Портъ-Артурѣ всего 153, тогда какъ **всѣ** корабли, вооруженные орудіями этого калибра, находились въ Портъ-Артурѣ.

Введеніе вооруженнаго резерва.

Наконецъ, отъ личнаго состава эскадры и безъ того малочисленнаго, и безъ того малоопытнаго, была отнята возможность неустанной практики, которая могла прикрыть многіе недостатки. Изъ экономическихъ соображеній, въ корнѣ неправильныхъ, была установлена и для Тихоокеанской эскадры система вооруженнаго резерва.

Уничтоженіе отряда Средиземнаго моря.

Наконецъ отрядъ Средиземнаго моря, который долженъ былъ служить самымъ надежнымъ резервомъ для нашихъ морскихъ силъ на дальнемъ востокѣ, вмѣсто того, чтобы развиваться, все уменьшался въ своемъ составѣ и значеніи и наконецъ передъ самой войной (въ 1903 году) былъ расформированъ совсѣмъ.

Почему японцы не начали войну въ 1902 году.

Итакъ, все роковымъ образомъ вело къ катастрофѣ. Изъ того, что было изложено выше, явствуетъ, что для японцевъ представлялся превосходный случай напасть на насъ еще въ концѣ 1902 года, и если они этого не сдѣлали, то, вѣроятно, только потому, что не была еще быть можетъ вполнѣ готова ихъ сухопутная армія, и можетъ быть они вполнѣ основательно считали, что готовому, въ смыслѣ кораблей, флоту еще не доставало совмѣстнаго обученія и сплоченности. Впродолженіи года они достигли и этого, въ то время какъ наша эскадра пребывала въ вооруженномъ резервѣ. Наконецъ осенью 1903 года представлялся и подходящій предлогъ для непріязненныхъ отношеній—срокъ очищенія русскими войсками Манджуріи.

Какъ мы воспользовались отсрочкой войны.

Все, что мы сдѣлали за этотъ годъ данной намъ отсрочки—это было увеличеніе силы нашей эскадры на дальнемъ востокѣ, которая была, какъ выше было указано, въ $3^1/_2$ — 4 раза слабѣе японской. Все же остальное осталось безъ перемѣны.

Осенью 1902 года на дальній востокъ былъ направленъ отрядъ, подъ флагомъ контръ-адмирала барона Штакельберга, изъ 2 эскадренныхъ броненосцевъ („Ретвизанъ", „Побѣда"), 6 неброненосныхъ крейсеровъ („Паллада", „Діана", „Богатырь", „Аскольдъ", „Бояринъ", „Новикъ") и 7 эскадренныхъ миноносцевъ.

Наконецъ, уже только въ ноябрѣ 1903 года, присоединились къ Тихоокеанской эскадрѣ броненосецъ „Цесаревичъ" и броненосный крейсеръ „Баянъ". Направлялся въ это время на дальній востокъ еще одинъ отрядъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Виреніуса, состоящій изъ 1 эскадреннаго броненосца („Ослябя"), двухъ крейсеровъ („Дм. Донской", „Аврора") и изъ семи эскадренныхъ и четырехъ номерныхъ миноносцевъ, но объявленіе войны застало этотъ отрядъ еще въ Джибути и ему пришлось возвратиться назадъ.

Японскій флотъ за все это время увеличился лишь на два броненосныхъ крейсера „Ниссинъ", „Кассуга", купленныхъ незадолго передъ объявленіемъ войны у Аргентины.

Сравненіе силы нашей эскадры и японскаго флота въ моментъ начала войны.

Несмотря на усиленіе нашей тихоокеанской эскадры противъ ея состава въ 1902 году, она, въ моментъ объявленія войны, значительно уступала въ силѣ японскому флоту.

Для подсчета шансовъ морского боя можно было принимать во вниманіе только броненосныя эскадры. Противъ нашихъ 7 эскадренныхъ броненосцевъ и 4 броненосныхъ

крейсеровъ, японцы имѣли 6 эскадренныхъ броненосцевъ и 8 броненосныхъ крейсеровъ. Общее водоизмѣщеніе русскихъ броненосцевъ было 132.277 тн. противъ 159.104 японскихъ, что даетъ отношеніе—1,2, но на самомъ дѣлѣ это отношеніе было гораздо больше. Происходило это вслѣдствіе того, что всѣ японскіе броненосцы были гораздо сильнѣе и лучше защищены сравнительно съ соотвѣтствующими типами русскихъ броненосцевъ. Только „Цесаревичъ" могъ идти въ сравненіе съ броненосцемъ „Миказа". Типъ „Петропавловска" (три корабля) значительно уступалъ, въ особенности въ защитѣ, типу „Фуджи" (два корабля), а типъ „Пересвѣтъ" (два корабля) невозможно было и сравнивать съ типомъ „Асахи" (три корабля).

Въ результатѣ отрядъ японскихъ эскадренныхъ броненосцевъ являлся болѣе однотипнымъ, **несравненно лучше защищеннымъ,** обладалъ большей скоростью, а по артиллеріи его можно было считать приближенно равнымъ по силѣ съ русскимъ отрядомъ (24—12″ и 76—6″ противъ русскихъ 20—12″, 8—10″ и 82—6″ пушекъ).

Но главное преимущество въ силѣ было на сторонѣ японскихъ броненосныхъ крейсеровъ. Только по сравненію суммы ихъ водоизмѣщеній съ русскими отношеніе это было 1,6. Такой же огромный перевѣсъ былъ на сторонѣ японцевъ и въ числѣ орудій (1—10″, 30—8″ и 108—6″ противъ 14—8″ и 56—6″ пушекъ на русскихъ крейсерахъ). Но все это далеко не въ полной степени характеризовало преимущество японскихъ броненосныхъ крейсеровъ передъ нашими. Изъ русскихъ четырехъ крейсеровъ, настоящими броненосными могли считаться только два—„Россія" и „Рюрикъ" не только не имѣли полной защиты ватерлиніи (не имѣли этого „Громобой и „Баянъ"), но **ни одна** ихъ пушка не была защищена броней.

Все это приводитъ къ выводу, что русскую броненосную эскадру надо было считать по крайней мѣрѣ въ 1½ раза слабѣе японской. Что касается до средствъ противниковъ для развѣдокъ, въ видѣ отрядовъ бронепалубныхъ крейсеровъ, то противъ 7 русскихъ крейсеровъ 1-го и 3-го ранга, японцы имѣли 17 крейсеровъ 2 и 3 ранга и нѣсколько посыльныхъ судовъ. Хотя наши крейсеры 1-го ранга и были въ общемъ сильнѣе японскихъ, но напр. ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ 8″ орудій, тогда какъ 6 японскихъ крейсеровъ 2 класса имѣли въ числѣ своихъ пушекъ и такія. По своей скорости нѣкоторые изъ русскихъ крейсеровъ „Богатырь", „Аскольдъ", „Новикъ" превосходили всѣ японскіе, но за то остальные значительно уступали новѣйшимъ японскимъ крейсерамъ. Въ общемъ отряды бронепалубныхъ крейсеровъ не измѣняли вышеуказаннаго соотношенія между силой броненосныхъ эскадръ и скорѣе увеличивали шансы японцевъ, нежели русскихъ. Еще болѣе въ значительной степени увеличивались шансы японцевъ, при введеніи въ сравненіе силъ минныхъ флотилій противниковъ. Въ Портъ-Артурѣ имѣлось 25 эскадренныхъ миноносцевъ, но изъ нихъ 12, кромѣ того, что они принадлежали къ очень неудачному и совершенно несовременному для того времени типу (водоизмѣщеніе 240 тн., ходъ около 27 узловъ [1]), эти миноносцы были собраны въ Портъ-Артурѣ и работа эта была произведена настолько плохо, что они не дали и того хода, на который разсчитывали, и машины ихъ постоянно портились. Наконецъ, всѣ наши миноносцы были вооружены слабѣе японскихъ (пять и три 47 мм.

---

[1]) Отд. II. стр. 99 и 100.

пушекъ противъ пяти 57 мм.) и всѣ уступали послѣднимъ въ ходѣ на 2—3 узла. Достаточно указать на фактъ, что самымъ лучшимъ нашимъ эскадреннымъ миноносцемъ оказался „Лейтенантъ Бураковъ", взятый у китайцевъ, и именно его посылали два раза въ Инкоу изъ заблокированнаго японцами Портъ-Артура.

У японцевъ эскадренныхъ миноносцевъ числилось всего 19, но помимо ихъ лучшихъ качествъ, въ постройкѣ находилось еще 6, и вѣроятно они тоже уже вошли въ строй, если не къ началу войны, то не позже какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого момента. Затѣмъ японцы уже во время войны на нѣкоторыхъ изъ нихъ поставили по два 75 мм. орудія. Но кромѣ того японцы обладали огромной флотиліей миноносцевъ I (24) и II (57) классовъ которые принимали дѣятельное участіе въ операціяхъ у Портъ-Артура.

Но однимъ подсчетомъ числа кораблей, ихъ величины и вооруженія нельзя было ограничиваться при сравненіи силы нашей Тихоокеанской эскадры съ японскимъ флотомъ. Выше уже было сказано о жалкихъ нашихъ портовыхъ средствахъ и объ отсутствіи доковъ, по сравненію съ многочисленными и широко оборудованными портами японцевъ.

Также было сказано о скудныхъ запасахъ снарядовъ, объ огромной нехваткѣ офицеровъ и объ отсутствіи плаваній. Въ то время какъ японскій флотъ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ до войны, безпрерывно плавалъ, неустанно практикуясь въ маневрированіи и стрѣльбѣ, наша эскадра находилась въ вооруженномъ резервѣ, и получила приказъ начать кампанію всего за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій.

Личный составъ эскадры Тихаго океана.

Всѣ эти обстоятельства дѣлали положеніе личнаго состава нашей эскадры исключительно тяжелымъ, и на него отнюдь нельзя возлагать главную отвѣтственность за наши неудачи. Самоотверженность и мужество огромнаго большинства личнаго состава ярко сказались во всѣхъ операціяхъ на морѣ и на берегу, такъ какъ морскіе офицеры и команды приняли самое дѣятельное участіе въ защитѣ Портъ-Артура съ суши. Но какъ и въ сухопутныхъ войскахъ, далеко не на высотѣ оказался именно командный персоналъ, въ средѣ котораго сильно чувствовался недостатокъ опыта и чисто военныхъ знаній. Также давалъ себя знать и недостатокъ системы въ подборѣ командного персонала. Казалось-бы, на эту эскадру, стоявшую на стражѣ нашихъ интересовъ на дальней окраинѣ, отстоящей отъ европейской Россіи на огромномъ разстояніи, долженствовавшую быть готовой во всякій моментъ вступить въ бой, личный составъ, и въ особенности командный персоналъ, долженъ былъ подбираться особенно тщательно, такъ какъ смѣна въ послѣдній моментъ, помимо огромнаго вреда этого для дѣла по существу, явилась бы для нашей тихоокеанской эскадры сильно запоздалой, въ виду ея отдаленности.

Между тѣмъ въ дѣйствительности и къ этой эскадрѣ примѣнялась система **очередныхъ** назначеній для выполненія морского ценза, внѣ зависимости отъ опыта и достоинствъ назначаемыхъ. Только этимъ можно объяснить фактъ смѣны очень большой части командного персонала въ первые же дни войны, начиная съ начальника эскадры. При этомъ на мѣстѣ ихъ оказалось замѣнить некѣмъ и пришлось спѣшно послать изъ европейской Россіи нѣсколько адмираловъ и капитановъ 1 ранга и большое количество офицеровъ для пополненія въ послѣдній моментъ недостатка офицеровъ, который бросался въ глаза уже впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Портъ-Артуръ и Владивостокъ были слабы, какъ крѣпости.

Чтобы закончить характеристику того плачевнаго положенія, въ которомъ находилась на дальнемъ востокѣ наша морская сила, надо отмѣтить, что при всей необорудованности ея базъ (Портъ-Артура и Владивостока), эти базы были кромѣ того очень слабы и какъ крѣпости, такъ что флотъ долженъ былъ жить подъ постояннымъ опасеніемъ, что базы эти окажутся въ рукахъ непріятеля.

Въ Портъ-Артурѣ защита сухопутнаго фронта была далеко не окончена, въ особенности на лѣвомъ флангѣ, который господствовалъ надъ рейдомъ и портомъ. Изъ экономіи, напр., бетонные потолки казематовъ и въ законченныхъ фортахъ имѣли толщину въ два фута вмѣсто полагавшихся четырехъ. Линія фортовъ была такъ неискусно расположена, что, еще до взятія ихъ, флотъ уже подвергался на рейдѣ бомбардировкѣ. Кинчжоуская позиція была укрѣплена очень слабо, и наконецъ гарнизонъ крѣпости былъ страшно малъ и далеко не соотвѣтствовалъ длинѣ оборонительной линіи. Затѣмъ минное загражденіе порта и подступовъ къ нему совершенно отсутствовало — въ крѣпости не было даже минной роты. Владивостокъ былъ въ положеніи еще худшемъ, нежели Портъ-Артуръ. Ни одна береговая пушка не могла обстрѣливать Уссурійскій заливъ въ той его части, изъ которой непріятель свободно могъ бомбардировать какъ городъ, такъ и портъ. Русскій островъ, который являлся ключемъ всей крѣпости, былъ совершенно беззащитенъ и открытъ для дессанта. Число артиллеристовъ доходило только до половины комплекта и въ продолженіе года послѣ начала войны у многихъ орудій стояли наскоро подученные пѣхотинцы. Наконецъ въ моментъ начала войны гарнизонъ состоялъ всего изъ 2000 человѣкъ, т. е. онъ былъ бы совершенно безсиленъ оказать какое либо серьезное сопротивленіе, если бы непріятель началъ оперировать противъ Владивостока въ началѣ войны.

Затѣмъ новѣйшія орудія (10″ и 6″ Канэ), какъ въ той, такъ и въ другой крѣпости, оказались безъ бронебойныхъ и фугасныхъ снарядовъ, единственно пригодныхъ для дѣйствій противъ флота. Вѣрнѣе говоря, снаряды, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ, были, но имъ предстояло остаться неснаряженными, такъ какъ не была еще сконструирована въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи донная трубка для воспламененія начинки снаряда. Поэтому съ самаго начала войны пришлось прибѣгнуть къ запасамъ Морского Вѣдомства, а между тѣмъ эти запасы и такъ были болѣе чѣмъ умѣренны.

Послѣдствія неправильной оцѣнки готовности нашего флота къ войнѣ.

Всѣ эти данныя для сужденія объ относительной силѣ нашего и японскаго флота были конечно хорошо извѣстны въ Главномъ Морскомъ Штабѣ, начальникъ котораго, по закону, является отвѣтственнымъ за личный составъ и за боевую готовность кораблей. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря выдающимся качествамъ нашего военно-морского агента въ Японіи—капитана 2 ранга Русина, начальникъ штаба и намѣстникъ на дальнемъ востокѣ были вполнѣ точно освѣдомлены о прекрасномъ состояніи японскаго флота, о неустанной его практикѣ и подготовкѣ къ войнѣ, о широкой оборудованности японскихъ портовъ, и наконецъ—о неизбѣжности войны начало которой кап. 2 р. Русинъ предсказалъ вполнѣ точно еще въ декабрѣ.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и сопоставленій могъ быть сдѣланъ

двоякій: или всѣми средствами надо было избѣжать войны, или—если это считалось невозможнымъ—оставалось не жалѣть никакихъ денегъ и усилій, чтобы привести въ наикратчайшій промежутокъ времени въ полную боевую готовность всѣ резервы, увеличить ихъ чѣмъ можно (напр. покупками иностранныхъ судовъ) и послать ихъ на дальній востокъ, поставивъ наличнымъ тамъ силамъ задачу—лишь удерживать непріятеля до прибытія подкрѣпленій

Первый шагъ для рѣшенія вопроса въ первомъ направленіи, состоялъ въ томъ, чтобы представить правительству и, въ частности, министерству иностранныхъ дѣлъ, полную картину плачевнаго состоянія нашихъ морскихъ силъ на дальнемъ востокѣ, чтобы убѣдить его въ необходимости идти на всевозможныя уступки, лишь бы не доводить дѣло до войны. При этомъ на морскомъ вѣдомствѣ лежала важная задача - представить вѣскія и неопровержимыя доказательства, что успѣхъ или неуспѣхъ войны съ Японіей зависитъ исключительно отъ результата борьбы на морѣ, и что пораженіе флота поведетъ за собою и обезсиленіе арміи. Предсказать пораженіе арміи конечно было недоступно морскому вѣдомству, такъ какъ оно не могло знать о выказавшихся во время войны огромныхъ недостаткахъ арміи.

При выяснившейся невозможности избѣжать войны, такъ какъ это зависѣло не только отъ нашего правительства, морскому вѣдомству, на основаніи выясненнаго имъ правительству опаснаго положенія флота на дальнемъ востокѣ, оставалось потребовать немедленнаго ассигнованія обширныхъ денежныхъ средствъ на подготовку и на посылку на театръ войны резервовъ.

Къ несчастью, здѣсь приходится констатировать плохо поддающійся объясненію фактъ, который имѣлъ самыя фатальныя послѣдствія на всю судьбу этой войны, а потому на немъ нельзя не остановиться. Начальникъ Главнаго Морского Штаба сдѣлалъ ошибку въ сравнительной оцѣнкѣ нашего и японскаго флотовъ на дальнемъ востокѣ. Онъ пришелъ къ заключенію, что наша тихоокеанская эскадра приблизительно по силѣ **равна** японскому флоту, и что побѣда для нея **возможна**. Изъ этого ошибочнаго предположенія вытекло другое, не менѣе ошибочное,—что Японія не рѣшится намъ объявить войну, а потому можно быть увѣреннымъ, что войны не будетъ.

Такое печальное и необъяснимое заблужденіе, представленное правительству и министру иностранныхъ дѣлъ, какъ мнѣніе Морского министерства, имѣло самыя фатальныя послѣдствія.

Прежде всего правительство, хотя вполнѣ искренно не хотѣло и избѣгало этой войны, въ числѣ причинъ, изъ за которыхъ оно ея избѣгало, не числило „возможности тяжкаго пораженія“ и именно изъ за пораженія на морѣ. Оно считало наши морскія силы, въ случаѣ неизбѣжности войны, достаточными, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было твердо установившагося сознанія, что пораженіе на морѣ—это проигрышъ всей кампаніи.

А утвердить это сознаніе въ правительствѣ не могло и Морское министерство, такъ какъ даже и оно его само не имѣло.

Всѣ придавали первостепенное значеніе арміи, которую считали къ тому же неодолимой для японцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, основываясь на ошибочномъ представленіи о силѣ флота, считали возможнымъ, даже въ то время, когда натянутыя отношенія съ Японіей начали принимать угрожающій характеръ, все еще выжидать съ сосредоточеніемъ въ Манчжуріи значительныхъ сухопутныхъ силъ. Это

было выгодно въ экономическомъ отношенiи и въ политическомъ, такъ какъ мобилизацiя и отправка большихъ сухопутныхъ силъ на дальнiй востокъ дала бы поводъ Японiи утверждать, что именно Россiя стремится къ войнѣ. И если бы нашъ флотъ дѣйствительно былъ силенъ, нельзя было бы не воспользоваться такой выгодой, но при слабости флота это являлось огромной ошибкой, и главная причина этой ошибки—ошибочное представленiе о силѣ флота.

Наконецъ, отрицая слабость нашей Тихоокеанской эскадры, Морское министерство отрѣзало себѣ возможность, въ виду несомнѣнно надвигавшихся недоразумѣнiй съ Японiей, своевременно потребовать кредиты на спѣшную подготовку подкрѣпленiй для нашихъ морскихъ силъ на дальнемъ востокѣ.

Какъ слѣдовало готовиться къ войнѣ впродолженiи 1903 года.

А подготовка эта должна была заключаться въ слѣдующемъ. Надо было спѣшно достроить броненосцы типа «Суворовъ», перевооружить и исправить всѣ годныя для посылки въ Тихiй океанъ старыя суда, и прiобрѣсти военные корабли покупкой въ иностранныхъ государствахъ. Въ случаѣ невозможности, призвавъ на помощь всѣ русскiе какъ крупные, такъ и мелкiе заводы, привести въ боевую готовность всѣ корабли у себя дома, можно было послать нѣсколько кораблей для этого на иностранные заводы. Надо для этого было выбрать именно тѣ, которые не требовали ремонта машинъ и перемѣны котловъ, чтобы, въ случаѣ внезапнаго возникновенiя войны, они не оказались-бы интернированными, изъ за невозможности покинуть нейтральный портъ въ извѣстный срокъ.

Всѣ корабли, по мѣрѣ изготовленiя на русскихъ и иностранныхъ заводахъ, и по мѣрѣ ихъ покупки, надо было сосредоточивать въ Средиземномъ морѣ, организуя при нихъ караванъ транспортовъ съ углемъ, водой, провизiей, запасами и мастерскими.

Съ такою же энергiей слѣдовало заканчивать, строить и прiобрѣтать покупкой минныя и подводныя суда и направлять ихъ на дальнiй востокъ на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ, которая въ это время была совершенно свободна. Также въ это время слѣдовало тѣмъ же путемъ пополнить снабженiе Владивостока и Портъ-Артура, отправкой туда запасовъ, мастеровыхъ и станковъ.

Именно, сознавая свою слабость въ отсутствiи доковъ, въ средствахъ исправленiя и обученiя личнаго состава, надо было создать, хотя бы въ матерiальномъ отношенiи, подавляющее превосходство передъ японцами. Восполнить недостатокъ обученiя личнаго состава было ужъ куда труднѣе, но и тутъ являлась возможность заблаговременно замѣнить на эскадрѣ Тихаго океана ненадежныхъ очередныхъ адмираловъ и командировъ другими и пополнить недостатокъ въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ. Наконецъ съ организацiей резервной эскадры въ Средиземномъ морѣ, на ней, внѣ зависимости отъ времени года (зимы), могъ подготовляться личный составъ для еще неготовыхъ судовъ. То-же самое можно было дѣлать въ Черномъ морѣ, гдѣ, между тѣмъ, эскадра и учебные отряды окончили и въ 1903 году, по обыкновенiю, кампанiю 1 октября. Они должны были продолжать плаванiе всю зиму и на нихъ непрерывно должны были обучаться какъ офицеры, такъ и нижнiе чины для комплектованiя достраиваемыхъ и предполагаемыхъ къ покупкѣ кораблей.

Тѣмъ болѣе вышеизложенное необходимо было сдѣлать, несмотря на значительныя затраты, что все это требовалось въ предвидѣніи войны—объ этомъ нечего и говорить,—но все это настоятельно было необходимо и вообще, чтобы привести, въ продолженіе многихъ лѣтъ запущенный, флотъ въ порядокъ и возмѣстить потерянное время, благодаря которому мы отвѣтили на японскую кораблестроительную программу 1895 года только въ 1898 году. Слѣдовательно это надо было сдѣлать все равно, даже не имѣя въ виду возможности войны.

Но для этого нужно было одно—**сознаніе въ слабости флота и въ сдѣланныхъ упущеніяхъ**. И вотъ именно этого то и не было.

Вмѣсто этого было совершенно ошибочное и совершенно непонятное для такого, долженствующаго быть компетентнымъ, учрежденія, какъ Главный Морской Штабъ, во главѣ съ его начальникомъ, представленіе о томъ, что мы не слабѣе японцевъ.

Конечно, при такомъ положеніи дѣла было бы странно просить какихъ либо дополнительныхъ кредитовъ у правительства, которое и было спокойно за флотъ.

Только этимъ и можно объяснить, что **никакихъ** приготовленій къ войнѣ во флотѣ не было, и даже Тихоокеанская эскадра въ продолженіе всего времени переговоровъ съ Японіей продолжала пребывать въ резервѣ. Именно въ это время былъ окончательно расформированъ отрядъ Средиземнаго моря, а предлагавшіеся для покупки военные корабли были отвергнуты. А между тѣмъ случай для покупки представлялся превосходный. Еще за годъ передъ этимъ (декабрь 1902) Аргентинская и Чилійская республики подписали договоръ, по которому обязались въ наикратчайшій срокъ продать строящіеся для нихъ въ Европѣ корабли. А корабли эти были—2 эскадренныхъ броненосца (Чили) и 2 броненосныхъ крейсера (Аргентина), строившіеся на первоклассныхъ заводахъ (Армстронгъ и Ансальдо) и представлявшіе изъ себя послѣднее слово кораблестроительной техники. Напр., чилійскіе броненосцы были въ то время единственные въ мірѣ корабли, которые были вооружены артиллеріей въ 50 калибровъ длиной, при чемъ средняя артиллерія, вмѣсто 6″, была уже 7″,5 калибра. Помимо этихъ кораблей Аргентина и Чили готовы были продать и другіе свои корабли, изъ которыхъ семь-восемь судовъ имѣли еще очень большую боевую цѣнность („Pueyrredon", „General Belgrano", „San Martino", „Garibaldi", „O'Higgins", „Esmeralda", „Chacabuco", „Ministro Zenteno", „Capitan Prat"). Въ результатѣ, въ декабрѣ 1903 года, когда война была совершенно неизбѣжна, чилійскіе броненосцы купила Англія, а аргентинскіе крейсеры—Японія. Въ особенности послѣдніе крейсеры усиленно предлагались Россіи, но мы, ошибочно увѣренные въ своихъ морскихъ силахъ, отказались отъ нихъ. Остальныя же вышеуказанныя аргентинскія и чилійскія суда—это именно тѣ, для покупки которыхъ, уже во время войны, было потрачено нами столько усилій и денегъ, и которая все таки **во время войны** уже не удалась, да едва ли и могла удасться, при явной недоброжелательности къ намъ Англіи.

Основная причина неготовности флота къ войнѣ.

Вдумываясь въ вопросъ о томъ, гдѣ же основная причина такой фатальной ошибки въ оцѣнкѣ своихъ и непріятельскихъ силъ и въ значеніи флота, объясненіе ея можно найти въ полномъ пренебреженіи уроками исторіи морскихъ,

даже ближайшихъ по времени, войнъ и вообще въ пренебреженіи изученія такихъ важныхъ отраслей военно-морскихъ знаній, какъ стратегія, тактика и администрація. Только незнаніемъ можно объяснить постройку неподходящихъ, уже всѣми оставленныхъ, типовъ кораблей, надежду на то, что неброненосные крейсеры могутъ быть противупоставлены броненоснымъ, что флотъ можно считать готовымъ къ бою, когда онъ находится въ вооруженномъ резервѣ, что можно имѣть флотъ, не практикуя его неустанно въ непрерывныхъ плаваніяхъ, что можно обходиться безъ широко разработанныхъ плановъ войны. Самоувѣренность же явилась естественнымъ послѣдствіемъ незнанія. Средства же государствомъ были отпущены дастаточныя—они были лишь неразумно использованы.

II. Событія на театрѣ войны до паденія Портъ-Артура.

Оцѣнка силы нашего флота въ Тихомъ Океанѣ его начальниками.

Полновластнымъ распорядителемъ подготовки нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ Океанѣ къ войнѣ, въ предѣлахъ ассигнованныхъ на то, изъ общаго бюджета Морского Министерства, средствъ, былъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Ограниченіе средствъ однако давало себя знать очень чувствительнымъ образомъ. Изъ за недостатка этихъ средствъ, эскадра могла находиться въ плаваніи очень ограниченное время, и Портъ-Артуръ и Владивостокъ были лишены необходимыхъ запасовъ, доковъ, мастерскихъ и рабочихъ. Не входя въ обсужденіе всѣхъ причинъ недостаточности средствъ къ подготовкѣ флота къ войнѣ, интересно остановиться только на одной—оцѣнкѣ нашихъ силъ и вѣроятности войны съ Японіей со стороны намѣстника на дальнемъ востокѣ. Состояніе нашей эскадры было ему извѣстно еще ближе и лучше, нежели Главному Морскому Штабу. Неизбѣжность же войны съ Японіей и именно въ началѣ 1904 года, конечно должна была быть ему болѣе ясной, чѣмъ кому либо другому. Во-первыхъ, онъ былъ на мѣстѣ, во-вторыхъ, черезъ него шли всѣ переговоры и онъ имѣлъ безспорно большое вліяніе въ ихъ направленіи, и въ-третьихъ—донесенія напр. нашего военно-морского агента въ Японіи, направленныя ему, были болѣе обстоятельныя, нежели шедшія въ Петербургъ, куда нѣкоторыя свѣдѣнія рискованно было посылать почтой, а также нѣкоторыя изъ свѣдѣній, въ особенности передъ самой войной, отправлять было и безполезно, такъ какъ было вполнѣ очевидно, что они придутъ слишкомъ поздно. Наконецъ намѣстникъ былъ морякъ, и болѣе чѣмъ кто либо другой имѣлъ возможность сознавать, что вся судьба этой войны зависитъ отъ флота.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ, въ связи съ тѣмъ, что переговоры привели все таки къ войнѣ, и что эскадра почти до послѣдняго момента находилась въ вооруженномъ резервѣ, показываетъ, что и генералъ-адъютантъ Алексѣевъ впалъ въ такое же заблужденіе относительно силы нашего флота и возможности объявленія японцами намъ войны, какъ и начальникъ Главнаго Морского Штаба. Вѣроятно одинаковъ былъ и источникъ этого фатальнаго заблужденія. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, допустить мысли, что, если бы правительству своевременно была представлена намѣстникомъ полная картина слабости нашего флота на дальнемъ востокѣ,

и твердаго намѣренія японцевъ довести дѣло до войны, чтобы правительство не выбрало одного изъ двухъ рѣшеній: или избѣжать войны во что бы то ни стало, путемъ какихъ угодно уступокъ, или ассигновать всѣ необходимые кредиты на непрерывное плаваніе всего Тихоокеанскаго флота, на снабженіе его всѣмъ необходимымъ и на подготовку резервовъ, подробности которой были развиты въ предыдущей главѣ. Если правительство этого не сдѣлало, значитъ оно было неосвѣдомлено, какъ со стороны намѣстника, такъ и со стороны Морского Министерства. А не освѣдомили они правительство потому, что сами заблуждались.

Планъ военныхъ дѣйствій намѣстника.

Но что было въ полной власти генералъ-адъютанта Алексѣева—это дислокація нашихъ наличныхъ морскихъ силъ на дальнемъ востокѣ и распоряженіе всѣми ихъ передвиженіями.

По его плану, отъ эскадры, мѣстопребываніемъ которой былъ назначенъ Портъ-Артуръ, былъ отдѣленъ отрядъ изъ наиболѣе сильныхъ 4-хъ крейсеровъ („Громобой“, „Россія“, „Рюрикъ“, „Богатырь“) и расположенъ во Владивостокѣ. Задача этого отряда была дѣйствовать на сообщенія японцевъ. Уже одинъ этотъ планъ свидѣтельствуетъ, что намѣстникъ имѣлъ преувеличенное представленіе о силѣ нашего флота и крѣпостей. Извѣстно, что крейсерскія операціи могутъ имѣть вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій только при владѣніи моремъ. Въ противномъ случаѣ возможны одинъ—два удачныхъ набѣга, но нарушить ими морскія сообщенія противника владѣющаго моремъ нельзя. Значитъ намѣстникъ думалъ, что флотъ нашъ имѣетъ шансы завладѣть моремъ. Притомъ какъ бы предполагалось, что къ этому способна даже та часть эскадры, которая осталась въ Портъ-Артурѣ. Иначе, крейсерскій отрядъ былъ бы отдѣленъ лишь тогда, когда эта задача была бы достигнута. Разсчитывать на совмѣстныя дѣйствія обѣихъ частей было очень трудно. Базы ихъ хотя и были соединены телеграфомъ, но съ момента выхода изъ базы всякое сообщеніе между ними прекращалось, а между тѣмъ разстояніе между ними было больше тысячи миль, и противникъ занималъ относительно ихъ центральное положеніе, имѣя возможность обратить превосходныя силы противъ каждой изъ частей въ отдѣльности. Наконецъ какъ бы совсѣмъ отсутствовалъ разсчетъ на осаду одной изъ базъ, а тогда уже надо было оставить всякую надежду на согласованность дѣйствій. А между тѣмъ обѣ крѣпости были явно слабы, обѣ были далеко отъ раіона сосредоточенія нашей арміи, и если осада ихъ какъ бы считалась невозможной, то опять въ этомъ видно вліяніе преувеличеннаго представленія о силѣ нашего флота, какъ бы недопускавшемъ высадки значительныхъ непріятельскихъ силъ. Въ результатѣ, отдѣленіе отряда крейсеровъ повело лишь къ раздѣленію силъ и безъ того слабыхъ. Ясное сознаніе слабости нашего флота неминуемо должно было привести къ сосредоточенію всего флота во Владивостокѣ. Портъ-Артуръ, по трудности выхода изъ него (только въ полную воду), по отсутствію внутренняго рейда достаточной величины, по легкости его заблокировать и забросать выходъ изъ него минами—годился только для сильнѣйшаго флота, который сдѣлалъ бы приближеніе къ нему непріятельскаго флота опаснымъ для послѣдняго. Владивостокъ же, съ его обширными внутренними рейдами, двумя выходами, съ лѣтними туманами и зимними штормами представлялъ наилучшую базу для дѣйствій слабаго

флота, и для набѣговъ на японскіе берега, такъ какъ расположенъ въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ трехъ проливовъ, ведущихъ въ Японское море. Такимъ образомъ, принятый намѣстникомъ планъ не соотвѣтствовалъ дѣйствительному соотношенію силъ.

Затѣмъ оставленіе до послѣдняго момента въ Кореѣ такого стаціонера какъ „Варягъ" и расположеніе нашей эскадры на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура, гдѣ она подвергалась явной опасности быть атакованной миноносцами, показывало, что намѣстникъ заблуждался и въ рѣшимости японцевъ объявить намъ войну. Это второе заблужденіе могло вытекать изъ перваго — изъ преувеличеннаго представленія о силѣ нашей эскадры.

Начальникъ эскадры оказался не достаточно самостоятельнымъ для того, чтобы имѣть право уводить свою эскадру на ночь въ море, или входить на ночь на внутренній рейдъ и даже для того, чтобы имѣть право поставить сѣти. Въ результатѣ, въ ночь съ 26 на 27 января, японцы, безъ объявленія войны, произвели минную атаку, и вывели изъ строя два нашихъ лучшихъ броненосца „Цесаревичъ" и „Ретвизанъ" и одинъ крейсеръ „Палладу". 27 же января былъ захваченъ врасплохъ въ Чемульпо крейсеръ „Варягъ" затопившій себя на рейдѣ, послѣ краткой попытки къ бою съ многочисленнымъ японскимъ отрядомъ адмирала Уріу.

Ожидать, что японцы поступятъ именно такъ, имѣлось полное основаніе, потому что именно такъ они начали войну съ Китаемъ въ 1894 году, и именно такъ начинались и другія войны. Успѣху японцевъ помогло отсутствіе настоящей дозорной службы, отсутствіе удовлетворительныхъ опознательныхъ сигналовъ, которыми всегда пренебрегали въ нашемъ флотѣ, и наконецъ — просто безпечность, такъ какъ очень немногіе на эскадрѣ серьезно ожидали внезапной атаки со стороны японцевъ.

Въ ночь на 27-ое января мы могли потерять всю эскадру.

Но самая опасная ошибка, которая была допущена на русской эскадрѣ состояла въ томъ, что вся она была безъ паровъ, за исключеніемъ двухъ дежурныхъ крейсеровъ. Именно благодаря этому, только недостаточная рѣшительность японцевъ, или быть можетъ вѣрнѣе ихъ неосвѣдомленность о томъ, что русская эскадра безъ паровъ, спасла эту эскадру отъ полнаго уничтоженія въ эту ночь.

Если бы японцы направили для атаки въ два—три раза больше минныхъ судовъ, чѣмъ они это сдѣлали на самомъ дѣлѣ, если бы вслѣдъ за минной атакой, воспользовавшись смятеніемъ и разстройствомъ русской эскадры, появился японскій флотъ и началъ бы громить расположенные на якорѣ и ковреждённые минами корабли, то при неготовности крѣпости и трудности ночью отличить своихъ отъ чужихъ, полный разгромъ русской эскадры былъ неминуемъ. При такихъ обстоятельствахъ японцы имѣли шансы даже проникнуть на внутренній рейдъ и произвести высадку въ ближайшихъ окрестностяхъ крѣпости. Самые малые шансы возможности такой развязки не могли быть уравновѣшены никакими соображеніями, чтобы не разводить паровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти соображенія сводились вѣроятно къ одному—экономіи въ углѣ. Предполагалось, что эскадра утромъ 27 января снимется съ якоря и отправится въ крейсерство къ берегамъ Кореи. Очевидно, что самый лучшій моментъ для ухода эскадры былъ—съ наступленіемъ темноты. Тогда японскіе шпіоны, которыми кишѣла крѣпость узнали бы объ ея уходѣ только утромъ, и въ это время

она была бы уже далеко. Также не видѣли бы ее и въ морѣ, въ первые 12 часовъ ея плаванія. Наконецъ, къ этому обязывало все то же опасеніе минной атаки.

26 января намѣстникъ уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что война началась. Если это было не такъ, то выѣздъ въ этотъ день всѣхъ японцевъ изъ Портъ-Артура долженъ бы былъ утвердить его въ этой мысли. Состояніе Портъ-Артура съ незаконченными укрѣпленіями, безъ достаточнаго гарнизона, необорудованность его какъ базы для флота и т. п. могли бы подсказать рѣшеніе—отправить эскадру во Владивостокъ, и въ этотъ моментъ она имѣла очень много шансовъ туда дойти, разойдясь въ морѣ съ адмираломъ Того. Это совершенно нарушило бы планъ японцевъ, составленный въ разсчетѣ на пребываніе эскадры въ Портъ-Артурѣ. Пришлось бы перевозить войска подъ постоянной угрозой выхода эскадры изъ Владивостока, а для дѣйствій противъ нея требовалась блокада Владивостока зимой, что представляло изъ себя исключительныя трудности.

Если же наша эскадра встрѣтилась бы съ японской, то произошелъ бы бой, который рѣшилъ бы участь первой половины компаніи, но бой этотъ состоялся бы при несравненно лучшихъ условіяхъ, нежели 28 іюля, такъ какъ за все это время эскадра ослабѣвала какъ матеріально, такъ и духовно.

Всѣ три корабля пораженные минами въ ночь съ 26 на 27 января, справились со своими пробоинами и были введены на внутренній рейдъ. При этомъ „Ретвизанъ" сѣлъ на мель въ проходѣ и въ этомъ положеніи оставался нѣсколько недѣль, но во всякомъ случаѣ онъ могъ быть тутъ обезпеченъ отъ послѣдующихъ минныхъ атакъ.

Бой 27 января.

27 января въ $10^1/_2$ ч. утра появились передъ Портъ-Артуромъ главныя силы японскаго флота (6 эск. бр. и 10 крейс.) и это дневное появленіе оказалось для нашей эскадры столь же неожиданнымъ, какъ и ночная минная атака, хотя эскадра располагала нѣсколькими быстроходными крейсерами, которые могли бы своевременно обнаружить непріятеля. Внезапность появленія эскадры Того характеризуется тѣмъ фактомъ, что въ этотъ моментъ начальникъ русской эскадры былъ **на берегу** у намѣстника **для полученія** отъ него **инструкцій**. Между тѣмъ японская эскадра приближалась, она была ужъ на такомъ разстояніи, что могла открыть огонь, и оставаться нашей эскадрѣ на якорѣ становилось уже прямо опаснымъ. Пришлось сдѣлать сигналъ о съемкѣ съ якоря флагъ-капитану, и когда уже эскадра была на ходу, присталъ къ флагманскому кораблю, вышедшій съ внутренняго рейда на паровомъ катерѣ, начальникъ эскадры.

Завязанный японцами бой являлся чрезвычайно выгоднымъ для русской эскадры, такъ какъ она могла пользоваться поддержкой береговыхъ укрѣпленій. Въ частности русскіе корабли проектировались на фонѣ берега и попадать въ нихъ было труднѣе, нежели въ японскія суда, имѣвшія за собой чистый горизонтъ. Но адмиралъ Того конечно очень быстро увидѣлъ всѣ невыгоды для себя такого боя и дѣло ограничилось непродолжительной перестрѣлкой, послѣ которой японцы ушли.

Вѣроятнѣе даже будетъ предположить, что они и не хотѣли ввязываться въ серьезный бой и цѣль ихъ появленія была узнать—въ какомъ состояніи русская эскадра послѣ ночной минной атаки. Эта цѣль была ими достигнута, такъ какъ отсутствіе въ строю „Цесаревича", „Ретвизана"

и „Паллады“, которые наканунѣ стояли на внѣшнемъ рейдѣ, и которыхъ видѣли уѣзжавшіе въ этотъ день изъ Портъ-Артура японцы, ясно показывало, что повреждены именно эти корабли. Впрочемъ адмиралъ Того совершенно напрасно рисковалъ своими кораблями для полученія этихъ свѣдѣній. По совершенно непонятнымъ причинамъ, не только имена поврежденныхъ кораблей, но даже характеръ полученныхъ ими поврежденій и сроки вѣроятной готовности были русскими опубликованы. Такъ напр. 28 января въ газетахъ было напечатано, что всѣ три взорванныхъ корабля держатся на водѣ, что котлы и машины ихъ невредимы, что пробоина „Ретвизана“ въ отдѣленіи минныхъ аппаратовъ, а „Цесаревича“ въ рулевомъ отдѣленіи, при чемъ поврежденъ руль, что „Полтава“, „Діана“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ получили во время перестрѣлки по одной подводной пробоинѣ у ватеръ-линіи. 30 января къ этому добавлялось, что исправленіе броненосцевъ представитъ сложную работу, срокъ готовности которой опредѣлить трудно, „Паллада“ же и „Новикъ“ будутъ введены въ докъ поочередно и исправленіе ихъ потребуетъ до двухъ недѣль, а остальныя исправленія будутъ закончены въ трехдневный срокъ.

Въ объявленіи этого во всеобщее свѣдѣніе сказалась неподготовленность Главнаго Морского Штаба, который, въ лицѣ своего начальника, не сумѣлъ дать надлежащей оцѣнки этимъ извѣстіямъ.

Существуютъ извѣстныя основанія думать, что нѣкоторыя японскія суда получили серьезныя поврежденія въ этой, во всякомъ случаѣ очень невыгодной для нихъ, перестрѣлкѣ, и это вызвало замѣшательство въ японскомъ строѣ, во время поворота эскадры въ море, а можетъ быть и самый поворотъ былъ вызванъ этими поврежденіями и замѣшательствомъ. Адмиралъ Старкъ хотѣлъ воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы сблизиться съ японцами и атаковать поврежденныя суда, но, замѣтивъ это его движеніе, намѣстникъ, наблюдавшій за ходомъ боя съ берега, отозвалъ его обратно сигналомъ.

Пребываніе адмирала Старка на берегу у намѣстника для полученія инструкцій, когда непріятель уже былъ въ виду, и этотъ сигналъ ярко характеризуютъ ту степень самостоятельности, которою пользовался такой высокій начальникъ, какъ командующій эскадрой Тихаго океана. Очевидно онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности и это не могло не отражаться пагубно на всемъ, что только касалось эскадры. Послѣ этой перестрѣлки эскадра вошла на внутренній рейдъ и тамъ жизнь ея временно замерла. Приступили къ томительной и трудной задѣлкѣ пробоинъ „Цесаревича“ и „Ретвизана“ посредствомъ кессоновъ. „Паллада“ же была введена въ докъ.

Уничтоженіе „Варяга“ и „Корейца“.

Въ эту же ночь съ 26 на 27 января японцы высадили въ Чемульпо около 3000 войскъ и заняли Сеулъ. Станціонерами въ Чемульпо были „Варягъ“ и „Кореецъ“. Еще наканунѣ, посланная изъ Чемульпо въ Портъ-Артуръ, лодка „Кореецъ“ встрѣтила японскій отрядъ состоявшій изъ одного броненоснаго (Азама) и 5 неброненосныхъ крейсеровъ и 8 миноносцевъ. Въ виду явно непріязненныхъ дѣйствій японцевъ, при чемъ миноносцы даже стрѣляли минами, „Кореецъ“ вернулся. На слѣдующій день командиръ „Варяга“ получилъ отъ японскаго адмирала офиціальное увѣдомленіе о началѣ военныхъ дѣйствій, и приглашеніе покинуть до полудня рейдъ, съ угрозою, въ противномъ слу-

чаѣ, атаковать его на рейдѣ. Иностранные станціонеры (французскій, англійскій, итальянскій и американскій) получили отъ японцевъ предложеніе удалиться съ рейда къ 4 ч. дня, если его не покинутъ русскіе. Поэтому наши станціонеры вышли и послѣ кратковременнаго боя вернулись. Чтобы не отдать суда въ руки японцевъ, „Кореецъ“ былъ взорванъ, а „Варягъ“ затопленъ.

Во время боя „Кореецъ“ не имѣлъ, ни потерь, ни поврежденій, а „Варягъ“ получилъ опасныя пробоины, и потерялъ убитыми одного офицера и 33 матроса и четырехъ офицеровъ и болѣе 70 матросовъ ранеными. Раненые были свезены на французскій, итальянскій и англійскій станціонеры.

До сихъ поръ не опубликовано никакихъ дальнѣйшихъ подробностей этого событія.

Потери японцевъ въ бою, какъ и слѣдовало ожидать, были ничтожны. Потеря ими крейсера „Такачихо“, указанная въ донесеніи нашего посланника въ Кореѣ, не подтвердилась. Также оказалось, что на „Варягѣ“ часть 6'' артиллеріи не могла дѣйствовать изъ за поврежденій въ подъемныхъ механизмахъ.

Дѣйствія нашего посланника и командира „Варяга“ едва ли можно признать правильными.

Разъ у посланника, еще 26 января возникло серьезное опасеніе за участь нашихъ станціонеровъ, а слѣдовательно и за возможность начатія японцами военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны, естественно было немедленно послать въ Портъ-Артуръ не „Кореецъ“, а „Варягъ“. Именно его, какъ новый и большой, желательно было сохранить предпочтительнѣе передъ первымъ; по тѣмъ-же причинамъ его надо было отослать къ главнымъ силамъ, а если свѣдѣнія, съ нимъ посылаемыя, имѣли большую важность, то именно онъ—быстроходный и независимый отъ погоды, могъ доставить эти свѣдѣнія въ кратчайшій срокъ. Если бы онъ былъ посланъ напр. 26 съ разсвѣтомъ, то онъ могъ бы поспѣть въ Портъ-Артуръ еще до атаки и предупредить эскадру.

Если намѣренія японцевъ сдѣлались посланнику ясными лишь по возвращеніи „Корейца“, то „Варягъ“ могъ быть высланъ для прорыва въ ту же ночь.

Затѣмъ попытка спасти „Варягъ“ могла заключаться еще въ томъ, чтобы посланникъ поднялъ на немъ свой флагъ, чтобы покинуть Корею, въ которой роль его уже кончилась.

Едва ли японскій адмиралъ рѣшился въ этомъ случаѣ открыть огонь. „Кореецъ“ же, какъ судно не имѣвшее никакого боевого значенія, слѣдовало приготовить къ уничтоженію, чтобы выполнить это въ послѣдній моментъ.

Командиръ „Варяга“ сильно облегчилъ положеніе иностранныхъ станціонеровъ, пожертвовавъ при этомъ русскими интересами, когда онъ принялъ предложеніе японскаго адмирала. Корея все таки безспорно была нейтральной державой, при ней были акредитованы посланники нѣсколькихъ державъ, иностранные станціонеры совсѣмъ не были обязаны покинуть рейдъ, по предложенію японскаго адмирала, а русскій станціонеръ долженъ былъ его покинуть лишь черезъ 24 часа послѣ формальнаго объявленія войны, и то лишь по требованію Корейскаго правитель-

ства. Командиръ долженъ былъ надѣяться, что за это время русская эскадра въ Портъ-Артурѣ не останется бездѣятельной, а потому онъ долженъ былъ настаивать на выполненіи всѣхъ этихъ формальностей, и иностранные станціонеры не могли его не поддержать.

Если бы этой поддержки фактически, а не по предварительнымъ переговорамъ, не оказалось, если бы въ такихъ-же требованіяхъ не былъ поддержанъ русскій посланникъ другими, то все таки дѣло можно было дотянуть до ночи, и тогда попробовать прорваться. Наконецъ, рѣшившись даже на бой, ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало брать съ собой „Кореецъ", который въ бою пользы не принесъ конечно никакой, а помѣшалъ „Варягу" сдѣлать попытку къ прорыву. Слѣдовало „Кореецъ" сначала уничтожить, взять его команду на „Варягъ" и затѣмъ выходить.

Характеръ первоначальныхъ операцій японцевъ противъ Портъ-Артура.

Ослабивши нашу эскадру, японцы начали спѣшно перевозить войска въ Корею. Чтобы обезпечить высадку отъ появленія русскихъ, они періодически появлялись у Портъ-Артура,—вѣроятно въ періоды прибытія къ берегамъ Кореи значительныхъ эшелоновъ транспортовъ съ войсками,—и всѣми мѣрами старались ослабить наши морскія силы и затруднить имъ выходъ въ море и исправленіе повреждений. Для этого ими примѣнялись бомбардировки, попытки заградить выходъ затопленіемъ тамъ коммерческихъ пароходовъ и забрасываніе внѣшняго рейда минами загражденія.

На стоявшій же на мели въ проходѣ „Ретвизанъ" былъ произведенъ цѣлый рядъ минныхъ атакъ.

Всѣ эти операціи никакого успѣха не имѣли, за исключеніемъ одного снаряда, повредившаго кессонъ у „Ретвизана" и задержавшаго такимъ образомъ работу по его исправленію.

Спѣшное усиленіе укрѣпленій Портъ-Артура и Владивостока.

Съ своей стороны русскіе усиливали оборону Владивостока и Портъ-Артура и ихъ окрестностей, при чемъ приходилось теперь наспѣхъ и съ огромными усиліями дѣлать многое изъ того, что давно должно было быть сдѣлано еще въ мирное время.

Минное загражденіе.

Такъ какъ въ Портъ-Артурѣ не оказалось ни минной роты, ни минныхъ станцій, ни минъ для загражденія подступовъ къ рейду и окрестныхъ бухтъ, пришлось прибѣгнуть для этого къ морскимъ минамъ загражденія, очень опаснымъ и для своихъ кораблей, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ значительные приливы и теченія, и предназначеннымъ спеціально для забрасыванія выходовъ съ непріятельскихъ рейдовъ и для накидыванія минныхъ банокъ внѣ раіона движенія своихъ судовъ. Во время постановки такого миннаго загражденія въ Таліенванѣ, 29 января погибъ минный транспортъ „Енисей", будучи нанесенъ на загражденіе, а вслѣдъ за тѣмъ на это же загражденіе наткнулся и крейсеръ „Бояринъ", высланный на рѣзвѣдку и не освѣдомленный точно о мѣстѣ постановки этого загражденія.

При этомъ командиру представилось, что крейсеръ погибаетъ, и онъ поторопился снять съ него команду, тогда какъ крейсеръ продолжалъ плавать, и окончательно погибъ только черезъ нѣсколько дней.

На берегу шло спѣшное сооруженіе укрѣпленій, такъ какъ многія важныя для обороны мѣста оказались совершенно незащищенными.

Въ особенности тяжелы были работы во Владивостокѣ. Здѣсь оказалось, что ни одно орудіе не можетъ быть направлено въ Уссурійскій заливъ, и именно изъ этого залива японцы, совершенно безнаказанно для себя, бомбардировали городъ и портъ. Такъ какъ почва промерзла на большую глубину, то для возведенія укрѣпленій пришлось складывать огромные костры, согрѣвать такимъ образомъ почву и потомъ уже производить земляныя работы. Орудій для вооруженія новыхъ батарей не было и пришлось взять то старье, которое было въ порту, напр. пушки съ погибшаго „Витязя". Хотя во Владивостокѣ имѣлось минное загражденіе инженернаго вѣдомства, но его оказалось недостаточно и пришлось поставить въ Уссурійскомъ заливѣ тоже морскія мины, съ которыми тоже не обошлось безъ несчастій, — на этомъ загражденіи взорвался одинъ изъ германскихъ пароходовъ, доставившій во Владивостокъ уголь.

Въ портахъ, какъ въ Артурѣ, такъ и во Владивостокѣ оказалась масса нехватокъ. Не было ни достаточнаго количества мастеровыхъ, ни матеріаловъ. Пришлось все это посылать по желѣзной дорогѣ изъ европейской Россіи, но въ это время желѣзная дорога уже была страшно отягчена спѣшной перевозкой войскъ, а потому подвозъ къ портамъ шелъ чрезвычайно медленно.

Замѣны личнаго состава.

Также спѣшно пришлось замѣнять личный составъ, среди котораго сразу оказалось много элементовъ, на которые не надѣялись — чѣмъ либо инымъ нельзя было объяснить эти спѣшныя замѣны.

Былъ смѣненъ начальникъ эскадры, на мѣсто котораго былъ назначенъ 9 февраля адмиралъ Макаровъ, и ему было присвоено званіе командующаго флотомъ. Назначеніе это было очень удачно, но оно показывало, что между многочисленными флагманами не нашлось подходящихъ, и пришлось взять одного изъ главныхъ командировъ. Также было смѣнено нѣсколько командировъ.

То же случилось и съ начальникомъ отряда, находившагося въ Джибути. Хотя адмиралъ Виреніусъ былъ назначенъ незадолго до войны и спеціально для того, чтобы вести отрядъ на дальній востокъ, но теперь оказалось необходимымъ его замѣнить и опять выборъ палъ не на кого либо изъ флагмановъ, а на начальника Главнаго Морского Штаба, т. е. то лицо, на которомъ лежитъ отвѣтственность за боевую готоность всего флота, съ началомъ войны покидало этотъ постъ, чтобы вести два корабля, что могло быть сдѣлано даже штабъ-офицеромъ.

Это характеризуетъ то значеніе, которое придавалось работѣ Главнаго Морского Штаба и въ частности ея начальника во время войны. Къ счастью, это назначеніе не состоялось, такъ какъ рѣшено было отрядъ Виреніуса вернуть обратно въ Россію, и это можно было поручить и ему.

Опозданіе правилъ о военной контрабандѣ.

Неготовность къ войнѣ сказывалась во всемъ. Долго не могли составить и опубликовать правила о военной контрабандѣ. Изъ за этого было приказано отпустить нѣсколько пароходовъ, нагруженныхъ военной контрабандой, которые были захвачены отрядомъ адмирала Виреніуса на обратномъ пути.

Командиры этихъ пароходовъ и не скрывали, что они везутъ въ Япо-

нію военную контрабанду, и были прямо поражены тѣмъ, что ихъ освободили.

1-ый выходъ отряда крейсеровъ.

До пріѣзда адмирала Макарова въ Портъ-Артуръ положеніе на морскомъ театрѣ войны ни въ чемъ не измѣнилось. Наши крейсера изъ Владивостока, въ отвѣтъ на внезапную минную атаку, вышли было въ крейсерство, но встрѣтили въ морѣ штормъ, изъ за котораго черезъ нѣсколько дней принуждены были возвратиться, не достигнувъ никакихъ результатовъ, если не считать уничтоженія небольшого японскаго парохода.

Первая попытка японцевъ закупорить Портъ-Артуръ.

11 февраля японцы произвели первую свою попытку заградить выходъ изъ Портъ-Артура, посредствомъ затопленія коммерческихъ пароходовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ миноносцы атаковали стоявшій въ проходѣ „Ретвизанъ". Все это потерпѣло полную неудачу. Пароходы были разстрѣляны раньше, чѣмъ дошли до прохода, и принуждены были выброситься на берегъ, а миноносцы наткнулись на боновыя загражденія, были своевременно замѣчены и встрѣчены сильнымъ огнемъ. На слѣдующую ночь японцы повторили минную атаку, но опять безуспѣшно.

Пароходы, которыми японцы намѣревались заградить проходъ, были наполнены горючими матеріалами и должны были представлять изъ себя нѣчто въ родѣ брандеровъ.

Огромная трудность зажечь такимъ способомъ современныя металлическія суда ясна само по себѣ, а потому едва ли эти брандеры могли имѣть хоть какой нибудь шансъ на успѣхъ, если бы имъ даже и удалось стать на мель въ самомъ близкомъ разстояніи отъ „Ретвизана".

Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась и держалась передъ Портъ-Артуромъ впродолженіе 4-хъ дней и эскадра адмирала Того, въ составѣ 16 судовъ, но кромѣ незначительныхъ и безрезультатныхъ перестрѣлокъ съ нѣсколькими нашими крейсерами, выходившими на внѣшній рейдъ, она ничего не предпринимала и держалась внѣ выстрѣловъ береговыхъ батарей. Изъ Портъ-Артура высылались каждую ночь для атаки отряды миноносцевъ, но ни разу имъ не удалось найти японскую эскадру, которая очевидно уходила на ночь далеко въ море.

24 февраля прибылъ въ Портъ-Артуръ адмиралъ Макаровъ, а въ ночь съ 25 на 26 уже вновь появились японцы. Хотя замѣчены были только миноносцы, но по предыдущему опыту можно было предполагать, что за ними слѣдуетъ и эскадра, а потому въ эту-же ночь были высланы 6 нашихъ миноносцевъ (въ двухъ группахъ 4 и 2), но эскадры они опять не нашли.

Первая группа наткнулась на отрядъ японскихъ миноносцевъ (6—8), съ которымъ вступила въ артиллерійскій бой, отступая по направленію къ Портъ-Артуру. Командиръ миноносца „Властный" предполагалъ, что ему удалось потопить одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ миной выпущенной съ самаго короткаго разстоянія.

Подвигъ двухъ матросовъ миноносца „Стерегущій".

Вслѣдъ за первымъ отрядомъ, когда было уже свѣтло, возвращался и второй. Онъ состоялъ изъ двухъ миноносцевъ — „Рѣшительнаго" и „Стерегущаго". На него также напалъ отрядъ японскихъ миноносцевъ, вслѣдъ за которымъ показались крейсеры. „Рѣшительному" удалось уйти, на „Стерегущемъ"-

же была повреждена машина и онъ былъ окруженъ непріятелемъ. Осыпаемый градомъ снарядовъ, миноносецъ потерялъ всѣхъ офицеровъ убитыми, команда также почти вся была перебита. Тогда къ нему подошелъ японскій миноносецъ и взялъ его на буксиръ. Но оказалось, что „Стерегущій“ еще не окончательно былъ въ ихъ рукахъ. Въ кочегарномъ отдѣленіи заперлись два матроса и отказывались сдаться. При этомъ они рѣшились на подвигъ исключительный, по выказанному ими самопожертвованію и величавой простотѣ—они открыли кингстоны, и такъ какъ японцы, находившіеся на палубѣ миноносца, могли ихъ закрыть, если-бы могли проникнуть въ кочегарное отдѣленіе, то эти, такъ и оставшіеся безвѣстными герои, не открыли люка и приняли мученическую смерть, но миноносецъ потопили и онъ не достался въ руки японцамъ. Когда вернувшіеся въ Портъ-Артуръ миноносцы сообщили, что „Стерегущій“ остался въ рукахъ японцевъ, адмиралъ Макаровъ вышелъ съ „Баяномъ“ и „Новикомъ“ на выручку, но было уже поздно—у „Стерегущаго“ уже было 5 непріятельскихъ крейсеровъ и показалась японская броненосная эскадра.

Бомбардировка съ моря 26 февраля.

Около 9 ч. утра японцы начали бомбардировку, при чемъ вели ее съ дальней дистанціи (до 14 верстъ) и изъ за Ляотешаня, т. е. съ такого мѣста, по которому могла дѣйствовать только небольшая часть крѣпостныхъ орудій. Такъ какъ въ этомъ случаѣ японцамъ пришлось стрѣлять по невидимой цѣли, то передъ входомъ держался крейсеръ, задача котораго была вѣроятно—корректировать стрѣльбу. Хотя поврежденія на судахъ оказались самыя незначительныя, но все таки снаряды часто ложились на внутреннемъ рейдѣ между кораблями и надо было впредь считаться съ фактомъ, что рейдъ не только не обезпеченъ отъ бомбардировки съ суши, вслѣдствіе незаконченности сухопутныхъ укрѣпленій, но не защищенъ и отъ бомбардировки съ моря.

Ясно стало, что Портъ-Артуръ, въ томъ состояніи, въ которомъ онъ оказался, совершенно не былъ пригоденъ какъ база для флота.

Дѣятельность адмирала Макарова.

Съ прибытіемъ адмирала Макарова эскадра ожила. Онъ ясно сознавалъ, что неизмѣнное пребываніе на внутреннемъ рейдѣ понижаетъ качество личнаго состава, отъ котораго зависитъ все на войнѣ, и рѣшилъ ее выводить для практики въ море при каждомъ удобномъ случаѣ. На сколько онъ былъ правъ, показываетъ тотъ фактъ, что въ первое время, при маневрированіи, произошелъ цѣлый рядъ столкновеній, къ счастью безъ серьезныхъ послѣдствій. Конечно здѣсь былъ рискъ поврежденія кораблей, но неспособные маневрировать корабли все равно надо было считать поврежденными. Раньше корабли выходили на внѣшній рейдъ страшно медленно и вся эскадра никакъ не могла выйти въ одну полную воду. Такое раздѣленіе силъ являлось крайне опаснымъ въ присутствіи непріятеля. Адмиралъ Макаровъ добился того, что вся эскадра выходила въ ту же самую полную воду. Для защиты прохода и рейда отъ минныхъ атакъ и отъ дальнѣйшихъ попытокъ заградить проходъ, онъ искусно воспользовался затонувшими японскими пароходами, въ дополненіе къ которымъ затопилъ еще нѣсколько своихъ и такимъ образомъ устроилъ на внѣшнемъ рейдѣ нѣчто въ родѣ мола, за которымъ, въ сравнительной безопасности, могли располагаться сторожевыя суда, съ которыхъ легче было наблюдать за рейдомъ, нежели изъ прохода. Для противодѣйствія перекидной стрѣльбѣ японцевъ изъ за Ляотешаня, адмиралъ

Макаровъ организовалъ перекидную стрѣльбу съ нашихъ броненосцевъ, съ корректированіемъ стрѣльбы съ Ляотешаня. Но самое важное, что сдѣлалъ адмиралъ Макаровъ — это то, что онъ поднялъ было сильно упавшій духъ личнаго состава. Это былъ начальникъ, въ котораго вѣрили, энергія котораго увлекала всѣхъ, военныя знанія котораго проявлялись во всемъ, какъ въ крупномъ, такъ и въ мелочахъ. Съ нимъ воскресла надежда на успѣхъ. Скоро почувствовали это и японцы.

Когда въ ночь съ 8 на 9 марта вновь появились ихъ миноносцы, они были открыты со сторожевыхъ судовъ и принуждены были удалиться. На слѣдующее утро появилась вся ихъ броненосная эскадра (12 судовъ), въ сопровожденіи 6 бронепалубныхъ крейсеровъ, и возобновила попытку перекидной стрѣльбы изъ за Ляотешаня, при чемъ опять для корректированія стрѣльбы къ югу и къ юго-востоку отъ Портъ-Артура расположились въ двухъ группахъ крейсеры. Но въ отвѣтъ на это наша эскадра немедленно начала выходить на наружный рейдъ. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, она не терпѣла отъ бомбардировки, а, во-вторыхъ, японскіе крейсеры должны были покинуть свою позицію. Кромѣ того, съ внутренняго рейда открылъ перекидную стрѣльбу броненосецъ „Ретвизанъ" и притомъ очень удачно—одинъ его 12″ снарядъ попалъ въ башню броненосца „Фуджи". Такимъ образомъ весь японскій планъ оказался нарушеннымъ и черезъ два часа японская эскадра скрылась.

Черезъ четыре дня (въ ночь съ 13 на 14 марта) японцы повторили попытку заградить входъ коммерческими пароходами и опять потерпѣли неудачу.

Передовой пароходъ былъ замѣченъ сторожевымъ миноносцемъ „Сильнымъ", командиръ котораго лейтенантъ Криницкій выпустилъ въ него мину и взорвалъ ему носъ. Это заставило его уклониться отъ курса въ проходъ, а за нимъ послѣдовали и остальные. Осыпаемые снарядами съ сторожевыхъ судовъ и батарей, пароходы выбросились на берегъ и были покинуты своей командой. Утромъ по обыкновенію показалась непріятельская эскадра, но наша опять вышла ей навстрѣчу, а потому японцы бомбардировки и не начинали и скоро скрылись изъ вида.

Гибель адмирала Макарова.

Энергичныя дѣйствія адмирала Макарова заставили японцевъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, для обезпеченія себя отъ выходовъ нашей эскадры. Они начали усиленно забрасывать наружный рейдъ минами загражденія. Съ этимъ борьба уже была значительно труднѣе. Дѣйствительно, очень трудно было по ночамъ открыть японскіе миноносцы, съ которыхъ ставились эти мины, а тѣмъ болѣе трудно было услѣдить за многочисленными китайскими джонками, которыми японцы тоже несомнѣнно пользовались для этой же цѣли. Приходилось обратиться къ систематическому траленію рейда—работѣ трудной, длительной и все таки далеко не обезпечивавшей полной безопасности. 31 марта усилія японцевъ увѣнчались успѣхомъ—наткнувшись на группу этихъ минъ загражденія, погибъ броненосецъ „Петропавловскъ" и съ нимъ адмиралъ Макаровъ.

Подвигъ лейтенанта Маллѣева.

Случилось это такъ. 30-го марта изъ Портъ-Артура былъ высланъ отрядъ изъ 8 миноносцевъ для рекогносцировки. Миноносцамъ не удалось все время держаться соединенно и три изъ нихъ отдѣлились отъ остальныхъ. Отыскивая своихъ, одинъ изъ нихъ, миноносецъ „Страшный", встрѣтилъ нѣсколько японскихъ миноносцевъ. Принявъ ихъ за своихъ, онъ пошелъ съ ними, но съ разсвѣтомъ, въ 15 миляхъ отъ Портъ-

Артура, былъ узнанъ и вынужденъ былъ вступить въ неравный бой. Потерявъ командира, двухъ офицеровъ и большинство команды, имѣя серьезныя поврежденія въ корпусѣ, артиллеріи и въ машинѣ, миноносецъ продолжалъ отчаянно защищаться, руководимый единственнымъ оставшимся въ живыхъ, но также раненымъ лейтенантомъ Маллѣевымъ, который, не смотря на свою рану, самъ стрѣлялъ изъ пулемета. Въ это время вышелъ изъ Портъ-Артура крейсеръ „Баянъ", но онъ поспѣлъ къ мѣсту боя уже тогда, когда „Страшный" затонулъ. Къ японскимъ миноносцамъ въ свою очередь подоспѣлъ отрядъ изъ 6 крейсеровъ. Не смотря на это, „Баянъ", отбиваясь однимъ бортомъ отъ крейсеровъ, съ другого борта спустилъ шлюпку и подобралъ изъ воды 5 человѣкъ со „Страшнаго", но между ними лейтенанта Маллѣева уже не оказалось. Между тѣмъ на рейдъ выходила вся наша эскадра и передъ нею японскіе крейсеры отступили на свою броненосную эскадру, которая въ это время показалась на горизонтѣ. Наша эскадра начала выстраиваться подъ берегомъ, готовясь къ бою, но въ 9 ч. 43 м. утра раздалось нѣсколько быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ взрывовъ и броненосецъ „Петропавловскъ", на которомъ держалъ свой флагъ командующій флотомъ, скрылся подъ водой. Вѣроятно взрывъ японской мины повлекъ за собою взрывъ внутри броненосца находившихся на немъ минъ загражденія, бомбовыхъ погребовъ, а потомъ и котловъ. Все это произошло въ 1½—2 минуты и вызвало на эскадрѣ значительное смятеніе. Многіе корабли, во главѣ съ адмираломъ Ухтомскимъ, который отдалъ объ этомъ приказаніе сигналомъ, направились ко входу въ гавань. Въ это время послышался новый взрывъ—это наткнулся на мину броненосецъ „Побѣда", но онъ только накренился и продолжалъ идти. На эскадрѣ началась безпорядочная стрѣльба по водѣ, такъ какъ нѣкоторымъ показалось, что они видятъ подводныя лодки, которымъ они приписывали предыдущіе взрывы. Съ ближайшихъ судовъ къ погибшему „Петропавловску" были посланы шлюпки, но спасти удалось очень немногихъ. Спаслись Е. И. В. В. К. Кириллъ Владиміровичъ, 6 офицеровъ и 73 матроса—остальные всѣ погибли.

Японская эскадра оставалась безмолвной зрительницей катастрофы и всѣ наши суда благополучно вошли на внутренній рейдъ. Только черезъ два дня японцы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ бомбардировали крѣпость изъ за Ляотешаня, но наша эскадра уже на внѣшній рейдъ не выходила. Послѣ этого японцы ушли.

Гибель „Петропавловска" сама по себѣ не могла имѣть рѣшающаго значенія на характеръ дѣйствій нашей эскадры—все таки это былъ броненосецъ наиболѣе слабаго типа. Но гибель адмирала Макарова отразилась самымъ ужаснымъ образомъ—эскадра вновь замерла и вновь перешла къ пассивному выжиданію событій.

Высадка японцевъ на Ліатонгскій полуостровъ.

Между тѣмъ японцы, въ первомъ же серьезномъ столкновеніи съ русской арміей у Тюренчена, оказались и тутъ побѣдителями. Русскіе дали имъ возможность перейти черезъ Ялу и отступили въ глубь Манчжуріи. Этимъ японцы воспользовались и рѣшили произвести высадку на Ліатонгскій полуостровъ, чтобы отрѣзать Портъ-Артуръ.

18 апрѣля японскій флотъ произвелъ демонстрацію у западныхъ береговъ полуострова у Гайджоу; въ ночь на 20 апрѣля вновь была

повторена попытка, окончившаяся опять неудачею,—запереть Портъ-Артуръ, причемъ на этотъ разъ въ ней участвовало уже 12 пароходовъ, а 21 апрѣля, подъ прикрытіемъ всей своей эскадры, японцы начали высадку войскъ у Бицзыво, на восточномъ берегу полуострова. Русскіе не сдѣлали никакой попытки помѣшать высадкѣ. Конечно сдѣлать это было крайне трудно при слабости нашей эскадры, изъ числа судовъ которой три броненосца и одинъ крейсеръ не могли тронуться съ мѣста, такъ какъ исправляли полученныя ими минныя пробоины, но для предпріимчивости минной флотиліи все-таки представлялось извѣстное поле дѣятельности. Японскій десантъ помѣщался на 60 транспортахъ и охранять ихъ ночью было конечно чрезвычайно трудно. Затѣмъ, вскорѣ послѣ начала высадки, задулъ очень свѣжій вѣтеръ, а такъ какъ Бицзыво совершенно открыто съ моря, то пришлось высадку на нѣсколько дней прекратить, а транспортамъ держаться въ морѣ. На сухомъ пути это отразилось тѣмъ, что прерванное было 23 апрѣля желѣзно-дорожное сообщеніе, 25 апрѣля было вновь возстановлено и въ Портъ-Артуръ было проведено два поѣзда съ боевыми припасами. Только въ полночь съ 29 на 30 апрѣля японцы были въ состояніи вновь занять желѣзную дорогу и окончательно отрѣзать Портъ-Артуръ отъ сообщенія съ Манчжуріей.

Трудно сказать, на сколько цѣлесообразно было рисковать минной флотиліей для нападенія на японскіе транспорты. Конечно японцы не отказались бы отъ высадки изъ за потери нѣскольких транспортовъ, и все равно Портъ-Артуръ рано или поздно былъ бы осажденъ. Но слѣдуетъ лишь отмѣтить, что въ Портъ-Артурѣ не кому было и рѣшать такой важный вопросъ, какъ о томъ—выходить или не выходить флоту для воспрепятствованія высадкѣ.

Выѣздъ адмирала Алексѣева изъ Портъ-Артура.

Принявшій было послѣ гибели адмирала Макарова временно командованіе флотомъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, немедленно (23 апрѣля) выѣхалъ изъ Портъ-Артура, какъ только явилась опасность перерыва сообщенія, и оставилъ для командованія эскадрой контръ - адмирала Витгефта. Такое рѣшеніе намѣстника, помимо того, что вновь назначенный начальникъ эскадры передъ этимъ никогда не командовалъ даже отрядомъ, создало въ Портъ-Артурѣ совершенно неестественное и вредное для дѣла положеніе высшаго командованія. Портъ-Артуру предстояло быть отрѣзаннымъ и слѣдовательно именно въ немъ надлежало быть вполнѣ самостоятельному и полномочному лицу, способному руководить, какъ флотомъ, такъ и сухопутными войсками. Такъ какъ Портъ-Артуръ существовалъ исключительно для флота, такъ какъ сухопутныя войска и его укрѣпленія могли только обороняться, и только одинъ флотъ имѣлъ выборъ между чисто пассивнымъ образомъ дѣйствій, вплоть до разоруженія для усиленія крѣпости, и другими видами дѣятельности, вплоть до перехода во Владивостокъ, то лучше если бы этимъ полномочнымъ лицомъ явился бы адмиралъ, а не генералъ. Никакой настоятельной надобности генералъ-адъютанту Алексѣеву ѣхать въ Мукденъ не было. Правда, онъ былъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, но если ему предстоялъ выборъ, при какихъ именно силахъ остаться, при сухопутныхъ или морскихъ, очевидно онъ долженъ былъ выбрать вторыя, во-первыхъ потому, что онъ былъ самъ морякъ, во-вторыхъ, такъ какъ

морскія силы играли въ этой войнѣ болѣе важную роль, нежели сухопутныя, и въ-третьихъ,—онъ долженъ былъ имѣть въ виду, что во главѣ сухопутныхъ силъ уже стоялъ, считавшійся опытнѣйшимъ въ русской арміи генералъ, который въ случаѣ нужды могъ быть замѣненъ другимъ, и на мѣстѣ и присылкой изъ Россіи, во главѣ же флота оставался совершенно неопытный человѣкъ, имѣя столь же неопытнаго помощника, и замѣнить ихъ кѣмъ либо, даже въ случаѣ ихъ смерти, не представлялось никакой надежды, такъ какъ Портъ-Артуру предстояло быть отрѣзаннымъ. Несмотря на все это, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ предпочелъ остаться при арміи и быть отрѣзаннымъ отъ флота, не установивъ въ Портъ-Артурѣ даже единовластія—адмиралъ Витгефтъ не былъ подчиненъ генералу Стесселю, а послѣдній дѣлилъ свою власть съ комендантомъ—генераломъ Смирновымъ.

Дезорганизація высшаго командованія.

Такая же вредная для дѣла неопредѣленность въ командованіи установилась и во Владивостокѣ.

Изъ за того, что Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ, вновь назначенный командующимъ флотомъ, вице-адмиралъ Скрыдловъ, выѣхавшій только 20 апрѣля изъ Севастополя, не могъ практически принять это командованіе. Наиболѣе естественнымъ выходомъ было бы его возвращеніе назадъ и принятіе командованія снаряжавшейся въ Кронштадтѣ 2-й эскадрой Тихаго Океана. Но этого сдѣлано не было и онъ продолжалъ свой путь. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ еще вице-адмиралъ Безобразовъ, назначенный начальникомъ 2-й эскадры. Оба они были спѣшно направлены во Владивостокъ, на столько спѣшно, что намѣстникъ упустилъ даже случай лично повидаться съ командующимъ флотомъ и, совмѣстно съ нимъ и съ командующимъ арміей, установить какой либо общій планъ дѣйствій. Простой обмѣнъ мыслей между этими тремя лицами, на которыхъ по ихъ званіямъ было возложено общее руководство военными операціями, принесъ бы огромную пользу, и чѣмъ чаще они могли-бы сговариваться не письменно, а лично, тѣмъ лучше шло бы дѣло.

Во Владивостокѣ, правда, положеніе дѣла было далеко не блестящее, но легче всего его было направить на истинный путь посредствомъ соглашенія старшихъ начальниковъ, и на это можно было пожертвовать нѣсколько дней.

Второй выходъ отряда крейсеровъ.

Послѣ своего неудачнаго выхода въ январѣ, отрядъ крейсеровъ простоялъ въ полной бездѣятельности около $2^1/_2$ мѣсяцевъ, при чемъ объектомъ для перваго своего крейсерства адмиралъ Іессенъ выбралъ Гензанъ. Очевидно, что Гензанъ не могъ быть не занятъ японцами, какъ одинъ изъ важныхъ Корейскихъ портовъ, но мѣстомъ высадки для войскъ, направлявшихся въ Манчжурію, онъ служить не могъ, такъ какъ изъ этого порта туда нѣтъ сносныхъ путей сообщенія. Поэтому конечно тутъ могли встрѣтиться кое-какіе японскіе пароходы, но достойнаго объекта дѣйствій для отряда броненосныхъ океанскихъ крейсеровъ здѣсь быть не могло. Сюда можно было послать отрядъ миноносцевъ, легкій крейсеръ, вооруженный коммерческій пароходъ, но не больше. Для нашихъ крейсеровъ представлялись двѣ задачи — или пробраться въ Портъ-Артуръ, чтобы исправить допущенную ошибку ихъ отдѣленія, или, если идти въ крейсерство — то въ Корейскій проливъ и Желтое море, или въ Тихій Океанъ,

къ восточнымъ берегамъ Японіи, для захвата пароходовъ съ контрабандой, шедшихъ изъ Америки. Робкая же попытка адмирала Іессена, съ очень малой надеждой на какой либо крупный результатъ, — былъ напрасный рискъ сильнымъ отрядомъ, такъ какъ при всякомъ крейсерствѣ отрядъ рисковалъ встрѣтиться съ превосходными силами японцевъ. Это вполнѣ оправдалось на этомъ крейсерствѣ. Въ Гензанѣ, къ которому адмиралъ Іессенъ подошелъ 12 апрѣля, оказался только одинъ небольшой пароходъ въ 500 тоннъ, который и былъ уничтоженъ посланными на рейдъ двумя миноносцами. Въ морѣ былъ уничтоженъ еще одинъ пароходикъ въ 220 тоннъ, а вслѣдъ за нимъ попался отряду и военный транспортъ „Киншіо-Мару" въ 4000 тоннъ. На немъ оказался рисъ, уголь и эшелонъ пѣхоты. Конечно такой пароходъ стоилъ того, чтобы привести его во Владивостокъ, но тутъ произошло какое-то непонятное недоразумѣніе. При осмотрѣ транспорта посланнымъ съ крейсера „Россіи" офицеромъ, командиръ его скрылъ, что у него находятся войска. Но когда онъ началъ осматривать внутреннія помѣщенія, то сначала нашелъ 17 офицеровъ, которые по первому же требованію отдали оружіе и сдались, а потомъ ему было доложено, что въ трюмѣ находится значительное количество пѣхотныхъ солдатъ. Такъ какъ людей съ нимъ было очень мало, то офицеръ далъ знать о результатахъ осмотра на „Россію", и ожидалъ подкрѣпленій. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приказаніе немедленно оставить пароходъ, а потому осталось невыясненнымъ отношеніе къ сдачѣ нижнихъ чиновъ, найденныхъ въ трюмѣ. Между тѣмъ сдавшіеся офицеры были перевезены на крейсеръ, и то же было сдѣлано и съ остальной командой (65 чел.) и военными кули (85 чел.), пытавшихся бѣжать съ парохода на шлюпкахъ. Въ пароходъ же была пущена мина съ крейсера „Россія". По однимъ показаніямъ, это было сдѣлано вслѣдствіе того, что нижніе чины не захотѣли сдаться и даже открыли огонь изъ ружей, а по другимъ — тѣ только тогда открыли огонь, когда пароходъ былъ взорванъ миной, т. е. видя все равно вѣрную свою гибель. Возня съ этимъ пароходомъ продолжалась нѣсколько часовъ и въ результатѣ, вслѣдствіе недоразумѣнія, былъ потопленъ цѣнный призъ, который, по количеству находившагося на немъ угля, свободно могъ дойти до Владивостока какимъ угодно кружнымъ путемъ. Все это явилось слѣдствіемъ отсутствія организаціи и всякой подготовки дѣла захватовъ, а между тѣмъ времени на это, за время долгой стоянки во Владивостокѣ, было болѣе чѣмъ достаточно.

Вслѣдъ за этимъ, 14 апрѣля отрядъ возвратился во Владивостокъ, при чемъ благополучно разошелся съ отрядомъ адмирала Камимуры, оказавшимся въ этихъ же водахъ.

Постановка японцами минныхъ загражденій у Владивостока

Дѣйствительно въ ночь на 16 апрѣля четыре японскихъ миноносца подходили къ острову Скрыплева, а на слѣдующій день утромъ отрядъ Камимуры продефилировалъ на горизонтѣ мимо Русскаго острова и затѣмъ скрылся. Какая была цѣль прихода японцевъ—сказать трудно.

Повидимому ихъ задача была набросать минъ по пути выхода крейсеровъ и вѣроятно это и сдѣлали миноносцы, подходившіе къ Скрыплеву. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи тамъ оказалось значительное количество японскихъ минъ загражденія, на которыхъ погибъ одинъ изъ нашихъ

миноносцевъ и еще одинъ пароходъ, шедшій во Владивостокъ съ углемъ. И сдѣлали это японскіе миноносцы на глазахъ нашей полевой батареи, наблюдавшей за ними съ близлежащаго мыса Русскаго острова, но сухопутные наши офицеры приняли эти миноносцы за свои. Морская же охрана подступовъ къ рейду не была организована адмираломъ Іессеномъ, также какъ и охрана судовъ на рейдѣ носила самый примитивный характеръ. Затѣмъ, не смотря на то, что на трехъ крейсерахъ изъ четырехъ были водотрубные котлы, такъ что разводка паровъ могла быть очень быстрой, они стояли постоянно подъ парами и это довело котлы ихъ до того, что когда отъ крейсеровъ потребовались продолжительныя соотвѣтственныя ихъ типу крейсерства, котлы напр. крейсера „Россія“ потребовали до двухъ недѣль для очистки.

Постановка крейсера „Богатырь“ на камни.

Въ довершеніе всего, 4 мая крейсеръ „Богатырь“ былъ самымъ неосторожнымъ образомъ посаженъ на камни при входѣ въ бухту Славянка, Адмиралу Іессену представилась надобность осмотрѣть минное загражденіе въ Посьетѣ, о цѣлесообразности котораго шелъ междувѣдомственный споръ (загражденіе принадлежало инженерному вѣдомству). Не смотря на близость разстоянія, адмиралъ пошелъ туда не на миноносцѣ, а на „Богатырѣ“ и не отказался отъ этого похода, не смотря на густой туманъ бывшій въ этотъ день и не смотря даже на отказъ командира отъ отвѣтственности за могущія быть послѣдствія. Въ результатѣ крейсеръ налетѣлъ на камни, и такъ какъ бухта Славянка расположена внѣ обстрѣла орудій крѣпости, и внѣ раіона расположенія войскъ, то явилась опасность, что японцы разстрѣляютъ крейсеръ. Поэтому для защиты его съ моря было поставлено минное загражденіе, а на сосѣднемъ мысу расположился лагеремъ и окопался небольшой отрядъ пѣхоты съ полубатареей артиллеріи. При такихъ обстоятельствахъ прибылъ 9 мая во Владивостокъ новый командующій флотомъ, отъ своего флота отрѣзанный.

Прибытіе во Владивостокъ адмирала Скрыдлова.

Единственная причина, которая оправдывала бы приказаніе адмиралу Скрыдлову ѣхать во Владивостокъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться назадъ, это назначеніе его начальникомъ обороны всего побережья Приморской Области, со включеніемъ туда Владивостока и Николаевска и теченія рѣки Амура. Эта оборона, какъ и оборона Ліатонгскаго полуострова, нуждалась въ единствѣ власти, и такъ какъ противникъ могъ придти только съ моря, то болѣе подходящими лицами для этого объединенія власти являлись моряки. Наконецъ, въ это время для главнокомандующаго уже представлялся желательнымъ переходъ эскадры изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, что еще болѣе перенесло бы центръ тяжести всѣхъ дѣйствій въ Приморской Области къ морю, и тогда-же начиналось движеніе нашихъ войскъ вдоль побережья въ Корею, что могло быть выполнено только подъ прикрытіемъ флота.

На самомъ дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Командующему флотомъ было предоставлено вѣдать исключительно отрядомъ изъ четырехъ крейсеровъ. Такъ какъ одинъ былъ на мели, то на каждый изъ остальныхъ крейсеровъ приходилось по адмиралу, изъ нихъ два въ чинѣ вице-адмирала. Всѣ портовыя суда, транспорты и отрядъ изъ десяти миноносцевъ оказались подчиненными коменданту крѣпости—генералу. Всѣ наблюда-

тельные посты и станціи въ районѣ крѣпости были подчинены ему-же, а по остальному побережью—начальнику обороны Приморской области—генералу, имѣвшему пребываніе въ Хабаровскѣ. Между ними были вкраплены посты дружинниковъ, которые подчинялись губернатору Приморской области—генералу, находившемуся въ Никольскѣ-Уссурійскомъ. Всякаго права сношенія съ флотомъ, находившимся въ Портъ-Артурѣ, командующій флотомъ былъ лишенъ—это взялъ на себя главнокомандующій, находившійся въ Мукденѣ; также лишенъ онъ былъ возможности сноситься съ командующимъ арміей. Очевидно при такомъ хаосѣ въ организаціи высшаго командованія не могло быть никакой общности въ морскихъ операціяхъ и соотвѣтствіи ихъ съ операціями на сушѣ, а присутствіе во Владивостокѣ командующаго флотомъ, да вообще и существованіе этой обязанности являлось совершенно излишнимъ.

Гибель „Хатсусе" и „Яшимы". Между тѣмъ въ Портъ-Артурѣ начало мая ознаменовалось крупнымъ успѣхомъ. Для воспрепятствованія доступа японцамъ въ окрестныя бухты, былъ набросанъ цѣлый рядъ минныхъ банокъ. Также рѣшено было набросать мины въ томъ районѣ, въ которомъ обыкновенно появлялись передъ крѣпостью блокировавшіе ее японскіе отряды. Первая такая постановка была сдѣлана 1 мая съ миннаго заградителя „Амуръ" и на слѣдующій же день на этихъ минахъ взорвались японскіе броненосцы „Хатсусе" и „Яшима". Первый тутъ же затонулъ, а второй, хотя и выправилъ кренъ и подъ прикрытіемъ крейсеровъ ушелъ, но въ ту-же ночь погибъ въ открытомъ морѣ. Въ этотъ же день взорвался въ бухтѣ Керръ японскій крейсеръ „Міяко", а также вскорѣ произошло въ туманѣ столкновеніе между крейсерами „Кассуга" и „Іошино", при которомъ послѣдній погибъ.

Гибель такого начальника, какъ адмиралъ Макаровъ, и отсутствіе единства власти самымъ обиднымъ образомъ дали себя знать именно 2 мая, когда японскіе броненосцы наткнулись на наше минное загражденіе.

Если „Амуръ" былъ высланъ поставить загражденіе, то вѣдь конечно съ извѣстнымъ разсчетомъ на успѣхъ. Поэтому въ связи съ этимъ необходимо было держать въ готовности къ выходу извѣстную силу, чтобы использовать этотъ успѣхъ, и имѣть надежно охраненнымъ каналъ для быстраго выхода этой силы. Для этого адмиралъ Витгефтъ располагалъ 3 броненосцами („Пересвѣтъ", „Полтава", „Севастополь") и почти всѣми крейсерами. Но на постановку минъ былъ взглядъ, какъ на нѣчто особое, находившееся въ завѣдываніи особаго лица, несвязанное съ дѣйствіями эскадры. Поэтому оказалось, что въ тотъ моментъ, когда японскій отрядъ, состоявшій изъ 4 эскадренныхъ броненосцевъ и 3 крейсеровъ, потерявъ одинъ броненосецъ, въ замѣшательствѣ столпился у другого поврежденнаго, ни на одномъ изъ русскихъ броненосцевъ и крейсеровъ, за исключеніемъ „Новика", не оказалось паровъ и они не могли выйти, хотя какъ разъ въ 11 ч. утра въ этотъ день была полная вода. Только въ 12 ч. дня, т. е. черезъ $1^1/_2$ часа послѣ взрыва, вышелъ отрядъ нашихъ миноносцевъ, который легко былъ отбитъ огнемъ японскихъ судовъ, къ которымъ подошли еще 5 крейсеровъ. Здѣсь представлялся прекрасный случай и нанести серьезное пораженіе японцамъ, которые, вѣроятно, не смотря на слабыя силы, не оставили бы „Яшиму", и сразу поднять духъ эскадры блестящимъ удачнымъ дѣломъ. Такой же случай представился

4 мая, когда японскій броненосецъ и 4 крейсера дѣлали попытку высадить десантъ для порчи желѣзной дороги между Артуромъ и Дальнимъ.

Взятіе японцами Кинчжоу.

Также не воспользовались морскими неудачами японцевъ, при атакѣ ими 13 мая Кинчжоусской позиціи, и не выслали туда сильный отрядъ на помощь сухопутнымъ войскамъ. А между тѣмъ, поспѣвшая къ Кинчжоу изъ Дальняго, лодка „Бобръ" и два миноносца оказали огромную помощь нашему правому флангу. За то лѣвый нашъ флангъ былъ обойденъ японской пѣхотой по водѣ, подъ прикрытіемъ огня двухъ ихъ канонерокъ и позиція, считавшаяся неприступной, была взята японцами въ нѣсколько часовъ.

Съ этого момента участь Портъ-Артура была собственно рѣшена. Несовершенство и незаконченность его укрѣпленій не давали права разсчитывать, что онъ устоитъ противъ правильной осады. Потеря Дальняго, который не могъ уже нами быть удержанъ послѣ паденія Кинчжоу, передавала въ руки японцевъ превосходную базу для ихъ флота и осадной арміи, всѣ средства для удобной выгрузки осадной артиллеріи и всевозможныхъ тяжестей, чего они до этого момента были лишены.

Роль Портъ-Артурской эскадры.

Поэтому находившійся въ Портъ-Артурѣ флотъ долженъ былъ считаться съ фактомъ, что рано или поздно настанетъ моментъ, когда ему оставаться въ Портъ-Артурѣ будетъ невозможно, такъ какъ въ крѣпости не было на столько далеко вынесенныхъ и надежныхъ укрѣпленій, которыя могли бы защитить флотъ отъ бомбардировки съ суши.

Выигрышъ кампаніи зависѣлъ исключительно отъ возможности побѣды на морѣ, а потому съ Портъ-Артурской эскадрой можно было поступить двояко—или въ рядѣ послѣдовательныхъ выходовъ—ослабить на сколько возможно японскій флотъ, чтобы облегчить задачу готовившейся въ Кронштадтѣ 2 эскадрѣ, или сохранить себя въ полной цѣлости до прихода этой эскадры, чтобы совмѣстно съ нею обрушиться на Того. Второе рѣшеніе по существу являлось бы самымъ правильнымъ, но для этого надо было имѣть убѣжденіе, что дѣйствительно можно было сохранить первую эскадру до прихода второй. Что эта послѣдняя эскадра можетъ выйти только осенью и слѣдовательно можетъ быть на мѣстѣ не раньше марта 1905 года, было въ это время уже хорошо извѣстно и слѣдовательно надо было рѣшить—продержится-ли до этого времени Портъ-Артуръ въ такомъ состояніи чтобы обезпечить эскадру отъ бомбардировки.

Но слабость укрѣпленій дала себя знать немедленно послѣ высадки японцевъ. Уже 29 апрѣля въ приказѣ по эскадрѣ было объявлено о распоряженіи намѣстника передать на сухопутный фронтъ 23—6″, 6—120 мм. и необходимое количество 75 мм. и болѣе мелкихъ орудій. Уже въ первыхъ числахъ мая, напр. съ „Пересвѣта", т. е. вполнѣ исправнаго и готоваго къ выходу корабля, было свезено на берегъ пять 6″ орудій.

Два изъ нихъ были отправлены въ Кинчжоу, но къ счастью одна опоздала, а другая, не поспѣвъ быть установленной, попала въ руки японцевъ.

Въ виду такого состоянія укрѣпленій—судьба Артура должна была бы быть ясной.

Оставалась надежда на выручку крѣпости съ суши. Здѣсь конечно могли быть преувеличенныя надежды, но и здѣсь должна была доминировать, и въ особенности въ умахъ морскихъ начальниковъ, идея о томъ

значеніи, которое имѣлъ въ этой войнѣ флотъ. Тогда они ясно бы сознали, что надежды на выручку Портъ-Артура быть не можетъ, пока японцы владѣютъ моремъ, и что выгоднѣе потерять Портъ-Артуръ, использовавъ силу флота, хотя бы только для ослабленія непріятельскаго, чѣмъ сохранить Артуръ цѣной полнаго разоруженія кораблей и разрушенія ихъ личнаго состава, вслѣдствіе службы и потерь на береговыхъ батареяхъ.

Вотъ для принятія такихъ крупныхъ, вліяющихъ на весь ходъ войны рѣшеній, надо было генералъ-адъютанту Алексѣеву остаться въ Портъ-Артурѣ, а онъ уѣхалъ, предоставивъ рѣшеніе этихъ вопросовъ неопытному и нерѣшительному адмиралу, который кромѣ того не былъ подчиненъ сухопутному начальству крѣпости. Очевидно, пререканія и соперничества были между ними неизбѣжны.

И оригинально, что эти пререканія заключались между прочимъ въ томъ, что генералъ Стессель указывалъ на необходимость флоту выйти, а адмиралы доказывали, что это не разумно, и что лучше флотъ разоружить для защиты крѣпости. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ убѣжденіи былъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, откуда проистекали всѣ послѣдующія дѣйствія эскадры, то здѣсь приводится протоколъ собранія флагмановъ и командировъ, состоявшагося 15 мая.

Копія.

Мнѣніе собранія флагмановъ и капитановъ.

Протоколъ собранія гг. флагмановъ и командировъ судовъ I ранга въ Портъ-Артурѣ 15 мая 1904 года.

Командующій эскадрой предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ: оставаться ли флоту въ Артурѣ до конца, помогая чѣмъ можно на берегу въ оборонѣ Артура?

Присутствующіе высказали слѣдующія мнѣнія:

Кап. 1 ранга Фонъ Эссенъ — выходить въ море немедленно при первой возможности и всѣмъ готовымъ судамъ идти во Владивостокъ.

Кап. 1 ранга Грамматчиковъ — выходъ флота нежелателенъ до послѣдняго момента; въ послѣдній моментъ флоту выйти на рейдъ и помогать защитѣ Артура, стоя на рейдѣ.

Кап. 1 ранга Виренъ — флоту оставаться въ Артурѣ, составляя съ нимъ нераздѣльное цѣлое, но раздѣлить суда на тѣ, которыя будутъ выходить на рейдъ и другія, которыя останутся въ гавани, окончатъ кампанію и вся команда ихъ пойдетъ на берегъ и приметъ участіе въ оборонѣ Артура

Кап. 2 ранга кн. Ливенъ — оставаться въ Артурѣ, давъ на берегъ всѣ средства для защиты.

Кап. 1 ранга Успенскій — оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента, а затѣмъ время покажетъ — нужно ли флоту выходить.

Кап. 1 ранга Бойсманъ — оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента.

Кап. 1 ранга Щенсновичъ — оставаться и помогать на берегу оборонѣ Артура и оставить Артуръ, когда непріятель будетъ брать крѣпость.

Кап. 1 ранга Рейценштейнъ — изъ Артура не выходить.

Контръ-адм. Лощинскій — оставаться до конца въ Артурѣ.

Контръ-адм. Григоровичъ — оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента.

Контръ-адм. Матусевичъ — уходить въ море и идти во Владивостокъ.
„Съ мнѣніемъ флагмановъ и командировъ вполнѣ согласенъ, какъ уже и раньше высказывалъ".

Подписалъ: Контръ-адмиралъ *Витгефтъ*.

Вѣрно: Старшій флагъ-офицеръ лейтенантъ *Кедровъ*.

При такомъ настроеніи командного персонала эскадрѣ трудно было надѣяться на успѣшность ея выходовъ.

Также поражаетъ въ этихъ мнѣніяхъ еще одинъ фактъ. Два мнѣнія были поданы за выходъ въ море, но оба они связаны съ переходомъ эскадры во Владивостокъ. Конечно переходъ эскадры во Владивостокъ былъ крайне желателенъ и причины этого были уже подробно разобраны выше. Но на возможность этого разсчитывать было очень трудно и тогда оставалось одно: базируясь на Портъ-Артуръ, посредствомъ ряда выходовъ, ослабить на сколько возможно японскій флотъ, чтобы облегчить дѣло 2-й эскадрѣ. Иначе говоря, на первую эскадру приходилось въ этомъ случаѣ смотрѣть какъ на необходимую жертву для успѣха второй. А тогда при выходѣ главной цѣлью ставился бы **бой** и нанесеніе возможнаго вреда непріятелю, а не прорывъ во Владивостокъ, и послѣдній могъ бы явиться лишь слѣдствіемъ удачнаго боя.

Между тѣмъ исправленіе минныхъ пробоинъ кораблей подвигалось къ концу, и уже если было выходить, то какъ можно скорѣе, такъ какъ можно было предполагать, что японскій броненосецъ „Яшима", о гибели котораго было неизвѣстно, не поспѣлъ еще вступить въ строй.

Какъ подготовлялся выходъ Портъ-Артурской эскадры.

Таково и было приказаніе намѣстника. Оно было получено въ Портъ-Артурѣ на миноносцѣ „Бураковъ", который два раза благополучно прорвался въ Инкоу. Вмѣстѣ съ этимъ въ Портъ-Артурѣ были получены точныя свѣдѣнія о неудачахъ нашей арміи, и слѣдовательно надежды на выручку съ суши уже больше не могло быть.

Приказывая эскадрѣ адмирала Витгефта выйти, намѣстникъ имѣлъ возможность скомбинировать этотъ выходъ съ выходомъ крейсеровъ изъ Владивостока, или уже по крайней мѣрѣ можно было сдѣлать къ этому попытку. Для этого можно было, посылая приказаніе о выходѣ, назначить впередъ для этого день, конечно съ разсчетомъ, что здѣсь можетъ быть ошибка на два-три дня, въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Время нахожденія приказанія въ пути можно было учесть, назначая день выхода съ извѣстнымъ запасомъ впередъ. Выходъ крейсеровъ можно было назначить за трое сутокъ до дня самаго ранняго выхода эскадры. Двое сутокъ они бы употребили на то, чтобы дойти до Корейскаго пролива, а въ продолженіе сутокъ, японцы, получивъ объ этомъ извѣстіе, могли бы ужъ отдѣлить туда соотвѣтствующія силы.

Японцы имѣли конечно значительный перевѣсъ въ силахъ, но было и у нашего флота для этой предстоящей операціи одно крупное преимущество, это — иниціатива. Моментъ выхода зависѣлъ отъ русскихъ, а японцы должны были постоянно его ждать. Поэтому наши корабли могли выйти съ полными угольными ямами, и въ тотъ моментъ, когда всѣ наши корабли въ исправности, тогда какъ японцамъ приходилось начать дѣйствовать съ тѣмъ, что оказалось бы въ моментъ выхода на лицо. Но для этого непремѣннымъ условіемъ было полное соблюденіе тайны выхода.

Наконецъ прорывъ „Буракова" въ Инкоу позволялъ направить въ Портъ-Артуръ на немъ командующаго флотомъ. Тѣмъ болѣе это слѣдовало сдѣлать, что, помимо своей неподготовленности въ командованiи эскадрой, адмиралъ Витгефтъ былъ постояннымъ противникомъ выхода, какъ это могъ усмотрѣть намѣстникъ изъ протокола, который былъ приведенъ выше, и который въ это время былъ уже въ его рукахъ.

Къ сожалѣнiю, ничего изъ этого не было сдѣлано—напротивъ.

Во-первыхъ, уже 1 мая Главнымъ Морскимъ Штабомъ была разрѣшена для печати телеграмма намѣстника о томъ, что „работы по исправленiю броненосцевъ „Цесаревичъ" и „Ретвизанъ" производятся весьма успѣшно", а 3 iюня было напечатано, что „работы по исправленiю судовъ закончены **весьма успѣшно**, какъ на броненосцахъ и крейсерахъ, такъ и на миноносцахъ". Слѣдовательно японцамъ оставалось только усилить бдительность и готовиться къ выходу русской эскадры.

Третiй выходъ отряда крейсеровъ.

Во-вторыхъ, командующiй флотомъ не былъ извѣщенъ о приходѣ „Буракова" въ Инкоу, хотя тотъ простоялъ тамъ три дня. Также онъ не былъ посвященъ въ планъ предстоящаго выхода эскадры Витгефта, и, будучи предоставленъ съ отрядомъ крейсеровъ собственному усмотрѣнiю, выслалъ отрядъ крейсеровъ 30 мая для дѣйствiй на морскiя сообщенiя японской армiи. 2 iюня этотъ отрядъ появился въ Корейскомъ проливѣ и уничтожилъ тамъ три парохода съ военнымъ грузомъ и съ войсками. Это было само по себѣ значительной удачей, но, ограничившись уничтоженiемъ только этихъ трехъ пароходовъ, отрядъ вернулся (въ ночь на 7 iюня) во Владивостокъ, а между тѣмъ въ Корейскомъ проливѣ въ это время было 12 транспортовъ съ войсками, и отрядъ крейсеровъ могъ продержаться въ морѣ двѣ недѣли. 8 iюня о возвращенiи крейсеровъ было напечатано въ газетахъ и японцы могли спокойно стянуть всѣ свои силы къ Портъ-Артуру въ ожиданiи выхода адмирала Витгефта.

Выходъ эскадры 10 iюня.

Полученное въ Портъ-Артурѣ приказанiе выйти, было подвергнуто обсужденiю въ собранiи флагмановъ и капитановъ, которое рѣшило выходить 9 iюня съ полной водой, приходившейся въ этотъ день рано утромъ. Многихъ орудiй съ берега на броненосцы вернуть не поспѣли и напримѣръ на „Побѣдѣ", вмѣсто одиннадцати 6" орудiй, имѣлось всего четыре.

Къ разсвѣту 9 iюня на всѣхъ судахъ пары были готовы, но въ это время оказалось, что заболѣлъ командиръ „Побѣды". Его нашли нужнымъ замѣстить командиромъ „Паллады", а на этотъ крейсеръ назначить командира „Амура", а въ виду того, что новые командиры не поспѣли вступить въ свои должности, **отложили выходъ эскадры на сутки**. Такимъ образомъ тайна предполагаемаго выхода не могла быть сохранена. Между тѣмъ—почему надо было замѣнить командира „Побѣды"? Вѣдь тамъ имѣлся старшiй офицеръ, лучше знакомый съ кораблемъ и командой, чѣмъ вновь назначенный, хотя бы лучшiй изъ командировъ, но съ другого корабля. Въ такое же положенiе былъ поставленъ и крейсеръ „Паллада". Вѣдь если бы, въ послѣдовавшемъ бою, изъ строя выбылъ командиръ, вѣдь его замѣнилъ бы именно старшiй офицеръ, и не явилось бы мысли переводить командира съ другого корабля. Столь-же неправильно было поступать и въ указанномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что

это отнимало отъ эскадры одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ ея успѣха — внезапность ея выхода для японцевъ.

Очевидно, разъ о предполагавшемся выходѣ теперь узналъ весь городъ, японскіе шпіоны могли сообщить объ этомъ и непріятелю.

Можетъ быть это было и не такъ, но едва-ли можно приписать случайному совпаденію тотъ фактъ, что именно въ ночь съ 9 на 10 іюня на внѣшнемъ рейдѣ появились японскіе заградители и набросали новыхъ минъ на фарватерѣ, который былъ тщательно протраленъ для выхода эскадры. Ихъ, оказывается, видѣли съ фортовъ, но сухопутные артиллеристы приняли ихъ за наши миноносцы, которые дѣйствительно были высланы въ море въ эту ночь, и по нимъ не стрѣляли. У одного изъ прожекторовъ находился минный квартирмейстеръ и онъ то ясно замѣтилъ, что это были непріятельскія суда и что они ставили мины, но когда онъ прибѣжалъ на сосѣднюю батарею, чтобы просить открыть огонь, то онъ не былъ допущенъ къ командиру батареи, который спалъ. Тогда онъ побѣжалъ внизъ въ портъ и доложилъ о видѣнномъ командиру „Ретвизана". Въ это время „Цесаревичъ" уже выходилъ на рейдъ, и съ „Ретвизана" предупредили его только сигналомъ, переданнымъ черезъ сигнальную станцію на Золотой Горѣ. Вслѣдствіе этого „Цесаревичъ" сталъ на якорь, не дойдя до назначеннаго для него мѣста, и суда, посланныя протралить мѣсто, гдѣ предполагалось расположить эскадру, сейчасъ же нашли нѣсколько минъ. Только въ 2 часа дня тронулась эскадра. Пока все это происходило, на горизонтѣ держалось нѣсколько миноносцевъ, и какъ только эскадра пошла, часть изъ нихъ скрылась — очевидно для извѣщенія главныхъ силъ. Этого также можно было избѣжать, выславъ впередъ крейсеры, чтобы отогнать миноносцы, но къ сожалѣнію и это не было сдѣлано.

Около 6 час. вечера показалась японская эскадра. Она состояла изъ 4 броненосцевъ, 4 броненосныхъ крейсеровъ, 12 неброненосныхъ крейсеровъ и 28 миноносцевъ.

Значитъ, недоставало 4 броненосныхъ крейсеровъ. Такимъ образомъ обстоятельства оказывались сравнительно благопріятными. Противъ 8 непріятельскихъ броненосныхъ судовъ мы имѣли 7 (6 броненосцевъ и „Баянъ"), преимущество же непріятеля въ числѣ неброненосныхъ крейсеровъ (14 противъ 4) не могло имѣть особаго значенія въ эскадренномъ бою. Правда, у него было гораздо больше миноносцевъ, но ночь предстояла лунная. Наконецъ обстоятельства намъ благопріятствовали и въ томъ отношеніи, что вся наша эскадра благополучно миновала всѣ минныя загражденія. Кромѣ того, солнце садилось за нашей эскадрой и свѣтило прямо въ глаза японцамъ.

Мотивы рѣшенія адмирала Витгефта — вернуться.

Однако адмиралъ Витгефтъ уже въ 7 часовъ пришелъ къ рѣшенію вернуться въ Портъ-Артуръ. Онъ объяснилъ въ своемъ донесеніи это рѣшеніе такъ: „При сближеніи курса стало видно, что непріятель намѣревается поставить одинъ крейсерскій отрядъ и миноносцы между берегомъ и эскадрою, чтобы ночью минными атаками большого числа миноносцевъ вывести изъ строя часть нашихъ судовъ и затѣмъ днемъ вступить всѣми силами въ бой. Принимая во вниманіе сборъ всѣхъ силъ непріятеля, много превосходившихъ наши, и большое число его миноносцевъ, я рѣшилъ возвратиться въ Портъ-Артуръ, чтобы дѣйствовать сообразно обстоятель-

ствамъ, считая, что такой образъ дѣйствій грозилъ **меньшими потерями**". Нельзя не отмѣтить, что начальникъ эскадры главнымъ образомъ думалъ только о своихъ потеряхъ, стараясь ихъ лишь уменьшить, а не о нанесеніи наибольшаго вреда непріятелю. Это ужъ былъ зловѣщій признакъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ основанія, приведенныя въ этомъ донесеніи, являются непонятными. Возвращеніе ночью въ Портъ-Артуръ и проведеніе всей ночи на якорѣ на внѣшнемъ рейдѣ, такъ какъ на внутренній рейдъ нельзя было войти до утра, представляло огромную опасность, сравнительно съ тѣмъ, если бы эскадра осталась въ морѣ. Во-первыхъ, можно было наткнуться на многочисленныя японскія мины загражденія, а во-вторыхъ, японскимъ миноносцамъ предоставлялась наилучшая обстановка для минныхъ атакъ—на якорѣ. Такъ дѣйствительно можно было погубить значительную часть эскадры.

Но счастье продолжало намъ благопріятствовать. Только одинъ корабль „Севастополь" при возвращеніи наткнулся на мину и притомъ справился съ минной пробоиной, а всѣ японскія минныя атаки, которыя они непрерывно производили до самаго разсвѣта, оказались неудачными.

Это показываетъ, что тѣмъ болѣе нечего было опасаться этихъ атакъ, если бы эскадра была на ходу, въ особенности же принимая во вниманіе, что ночь была свѣтлая, лунная.

Такимъ образомъ благопріятный случай былъ упущенъ и приходилось ждать теперь, когда будетъ исправленъ „Севастополь", рискуя за это время понести и другія потери и еще ослабить эскадру свозомъ на берегъ орудій и командъ. Дѣйствительно 14 іюля наткнулся на мину „Баянъ"—единственный броненосный крейсеръ при эскадрѣ. А могли наткнуться и другіе, такъ какъ для помощи нашимъ сухопутнымъ войскамъ выходили кромѣ того „Ретвизанъ", „Аскольдъ", „Паллада" и „Новикъ".

Снятіе съ камней „Богатыря".

Между тѣмъ отрядъ крейсеровъ во Владивостокѣ, хотя и несогласованно съ дѣйствіями Портъ-Артурской эскадры, продолжалъ свои набѣги.

Черезъ мѣсяцъ послѣ своей посадки, цѣною огромныхъ усилій, былъ наконецъ снятъ „Богатырь" и приведенъ благополучно во Владивостокъ, но вслѣдствіе плохой оборудованности порта и серьезности своихъ поврежденій, исправленіе его затянулось на такое большое время, что разсчитывать на него уже было нельзя. Приходилось довольствоваться тремя крейсерами и „Леной".

„Лена".

Назначеніе „Лены" состояло въ томъ, чтобы служить угольной базой для крейсеровъ, для которыхъ она брала почти полный запасъ угля. Вмѣстѣ съ тѣмъ вооруженіе ея давало возможность и ей принять участіе въ крейсерскихъ операціяхъ. Между тѣмъ „Лена" **ни разу** не была использована для этихъ цѣлей и собственно 7 мѣсяцевъ простояла во Владивостокѣ безъ всякой пользы. А это отозвалось тѣмъ, что крейсеры не могли пробыть въ морѣ больше 2 недѣль, что сильно стѣсняло ихъ операціи.

Бездѣятельность „Лены" объяснялась плохимъ состояніемъ ея котловъ. Дѣйствительно трубки въ котлахъ были ненадежнаго качества и постоянно лопались, но все таки неисправность была не столь велика, чтобы не участвовать въ крейсерствахъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что та же „Лена" была предназначена и отправлена въ **двухмѣсячное** крейсерство

къ берегамъ Охотскаго моря и Камчатки для защиты нашихъ рыбныхъ промысловъ, а потомъ она очутилась въ С.-Франциско, сдѣлавъ огромный переходъ черезъ Тихій океанъ. Вѣрнѣе, при общей нерѣшительности, и дезорганизаціи высшаго командованія, которая отразилась и на крейсерскихъ операціяхъ, неучастіе „Лены" въ крейсерствахъ вызывалось опасеніемъ отпустить крейсеры на слишкомъ долгое время.

Водотрубные котлы.

Была еще одна причина, которая вліяла на уменьшеніе радіуса дѣйствій крейсеровъ—это утвердившееся убѣжденіе, какъ у начальниковъ отряда (адм. Безобразовъ и Іессенъ), такъ и у командировъ, что во все время крейсерства въ дѣйствіи должны быть всѣ котлы, хотя бы крейсеры и ходили значительное время только подъ частью котловъ — въ остальныхъ котлахъ считалось необходимымъ поддерживать пары. Это мнѣніе раздѣлялось, къ сожалѣнію, и инженеръ-механиками крейсеровъ. Такъ какъ водотрубные котлы („Громобой" „Россія") для поддержки паровъ требуютъ сравнительно съ цилиндрическими очень большое количество топлива, то выходило такъ, что самымъ большимъ раіономъ дѣйствій обладалъ самый старый крейсеръ „Рюрикъ", на которомъ были цилиндрическіе котлы. Такимъ образомъ качество водотрубныхъ котловъ—возможность быстрой разводки паровъ—оставалось неиспользованнымъ.

Между тѣмъ, казалось бы, можно было разсуждать такъ. Пусть въ тотъ моментъ, когда на нашихъ крейсерахъ пары только въ половинномъ числѣ котловъ, появляется японскій отрядъ крейсеровъ, у котораго пары во всѣхъ котлахъ. Въ ясную погоду, да еще при тщательномъ наблюденіи изъ „вороньяго гнѣзда", ихъ увидятъ на разстояніи 12—15 миль. Немедленно начинаютъ разводить пары и наши крейсеры ложатся на курсъ противоположный тому румбу, по которому открылся непріятель. Пусть тотъ немедленно начинаетъ погоню. На разводку паровъ требуется $1^1/_4$—$1^1/_2$ часа, но при нѣкоторой форсировкѣ, вполнѣ умѣстной въ такомъ случаѣ, можно свободно сдѣлать это въ часъ. Много времени при разводкѣ паровъ идетъ на прогрѣваніе машины и трубъ, но во время похода это не имѣло мѣста. Чтобы впродолженіи часа приблизиться съ разстоянія въ 12 миль до 6 миль, съ котораго уже можетъ начаться бой, японскимъ крейсерамъ понадобилось бы имѣть преимущество въ ходѣ въ 6 узловъ, т. е. идти 20 узловымъ ходомъ, такъ какъ скорость нашихъ крейсеровъ подъ половиннымъ числомъ котловъ—14 узловъ. На самомъ дѣлѣ сближеніе до боевой дистанціи возьметъ гораздо больше времени, и всегда можно къ этому времени имѣть пары во всѣхъ котлахъ. Понятно, напр., съ разсвѣтомъ можно оказаться внезапно вблизи непріятеля, также можетъ это случиться въ туманную погоду, да и вообще не въ ясную погоду непріятеля нельзя увидѣть на большомъ разстояніи. Все это вѣрно, и за часъ до разсвѣта и надо развести пары во всѣхъ котлахъ, и затѣмъ ихъ прекратить. Также надо поступать и въ туманную погоду. Наконецъ можно имѣть одинъ крейсеръ поочереди, съ парами во всѣхъ котлахъ, миль на 20 впереди, и сноситься съ нимъ по безпроводному телеграфу. Тогда, увидѣвъ непріятеля, онъ идетъ полнымъ ходомъ къ отряду, а остальные разводятъ пары.

Примѣненіе всѣхъ этихъ мѣръ дало бы огромное сбереженіе въ топливѣ и увеличило бы раіонъ дѣйствій крейсеровъ. Между тѣмъ вышеука-

занныя обстоятельства не остались безъ вліянія на малые результаты, которыхъ достигали крейсеры при своихъ выходахъ въ море.

Четвертый выходъ отряда крейсеровъ.

По возвращеніи изъ предыдущаго крейсерства (7 іюня) отряду потребовалось 8 сутокъ для чистки котловъ и погрузки угля, такъ какъ котлы, вслѣдствіе постояннаго нахожденія подъ парами, о чемъ уже упоминалось выше, были сильно запущены. Отрядъ опять долженъ былъ направиться черезъ Корейскій проливъ въ Желтое море, что не было имъ выполнено въ предыдущее крейсерство, но такъ какъ имѣлись извѣстія, указывавшія на возможность нахожденія отряда Камимуры въ Гензанѣ, то рѣшено было по дорогѣ, произвести рекогносцировку этого порта, и идти дальше лишь убѣдившись, что непріятель не остался въ тылу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не выдать этой рекогносцировкой факта выхода крейсеровъ и направленіе ихъ пути, рекогносцировка была возложена на отрядъ миноносцевъ, въ сопровожденіи „Лены". Въ ночь съ 16 на 17 іюня отрядъ подошелъ къ Гензану, а крейсеры остались въ открытомъ морѣ, внѣ вида береговъ, гдѣ и выжидали результата рекогносцировки. Съ разсвѣтомъ миноносцы вошли на рейдъ. Отряда Камимуры тамъ не оказалось. Изъ торговыхъ судовъ тамъ оказался каботажный пароходъ и нѣсколько шхунъ, при чемъ одна изъ нихъ захваченная японцами и принадлежавшая русской китобойной компаніи. На ней былъ поднятъ корейскій флагъ и капитанъ оставался прежній. При входѣ на рейдъ миноносецъ № 204 сѣлъ кормой на мель. Вошедшіе на рейдъ миноносцы уничтожили пароходъ и одну шхуну, а бывшую китоловную оставили нетронутой. Обстрѣлявши затѣмъ впродолженіи получаса японскій кварталъ и оказавшіяся тамъ японскія войска, миноносцы ушли; № 204 удалось быстро снять съ мели, но, хотя на немъ не было никакой течи и винты и машины были въ полной исправности, руль оказался свернутымъ.

Къ сожалѣнію, этому ничтожному въ сущности факту было придано не соотвѣтствующее значеніе. Весь отрядъ собрался у „Лены", къ которой былъ подведенъ поврежденный миноносецъ и впродолженіи долгихъ часовъ дѣлались попытки исправить или уничтожить поврежденный руль, и когда эти попытки не удались, пришли къ заключенію, что ничего больше не остается, какъ уничтожить миноносецъ, что и было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ далеко не всѣ суда на рейдѣ были осмотрѣны, также не были осмотрѣны бухты. Не были также собраны свѣдѣнія о пребываніи японскихъ судовъ въ Кореѣ, а между тѣмъ объ этомъ могъ бы сообщить хотя бы командиръ бывшей русской шхуны, который пробылъ въ Гензанѣ все время съ самаго начала войны и его можно бы было даже привезти во Владивостокъ. Наконецъ начальникъ отряда крейсеровъ, не получая единственно для него важнаго извѣстія—оказался ли на рейдѣ отрядъ Камимуры, подошелъ къ берегу со своимъ отрядомъ и тѣмъ открылъ свое присутствіе, тогда какъ онъ могъ свободно послать напр. одинъ изъ минныхъ своихъ катеровъ.

Послѣ уничтоженія миноносца, „Лена" съ остальными семью направилась во Владивостокъ, при чемъ во время шторма миноносцы подвергались серьезной опасности. Хотя этотъ отрядъ имѣлъ приказаніе осмотрѣть на обратномъ пути корейское побережье, но ни въ одну изъ многочисленныхъ бухтъ онъ не зашелъ, хотя бы для того, чтобы отстояться во

время шторма. Опасаться появленія непріятеля было нечего, такъ какъ въ тылу оставался, направившійся въ Корейскій проливъ, нашъ отрядъ крейсеровъ.

Неосторожное появленіе нашихъ крейсеровъ въ виду берега у Гензана не замедлило сказаться. Только что они прошли Корейскій проливъ— что было около 6 час. вечера 18 іюня—какъ съ юга показался непріятельскій отрядъ въ составѣ 4 броненосныхъ крейсеровъ и еще нѣсколькихъ судовъ, которые были приняты съ нашей стороны за эскадренные броненосцы, но безъ достаточныхъ повидимому для этого основаній. Во всякомъ случаѣ отрядъ нашъ повернулъ назадъ. Непріятель началъ преслѣдовать и открылъ совершенно безвредный огонь съ разстоянія 80 кабельтововъ. Въ это время наступила темнота и одновременно съ этимъ съ сѣвера показался отрядъ японскихъ миноносцевъ. Очевидно заранѣе подготовленный, вслѣдствіе того, что они знали, когда наши крейсеры пройдутъ Корейскій проливъ, планъ японцевъ состоялъ въ томъ, чтобы поставить наши суда съ наступленіемъ темноты между миноносцами и отрядомъ Камимуры. Однако разсчеты японцевъ не оправдались. Минная атака оказалась неудачной, и такъ какъ японцы могли предполагать, по извѣстіямъ изъ Гензана, что при русскомъ отрядѣ имѣются миноносцы, то приблизившіеся къ своему отряду, послѣ неудачной атаки, японскіе миноносцы были приняты за русскіе и энергично разстрѣливались впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, что было ясно видно съ нашего отряда.

Единственнымъ результатомъ этого крейсерства былъ захваченный англійскій пароходъ съ грузомъ шпалъ и дерева для Сеулъ-Фузанской желѣзной дороги.

Крейсерство Владивостокскаго отряда въ Тихомъ Океанѣ.

Послѣ возвращенія отряда во Владивостокъ, ему потребовалось двѣ недѣли для приготовленія къ слѣдующему крейсерству, при чемъ опять главной работой явилась капитальная чистка котловъ. На этотъ разъ крейсеры направились чрезъ Сангарскій проливъ (7 іюля) въ Тихій океанъ.

Крейсерство вдоль восточнаго берега Японіи продолжалось десять дней, при чемъ отрядъ приближался на разстояніе 20—30 миль ко входу въ Іокогамскій заливъ. За это время было захвачено 4 большихъ парохода съ контрабандой — два германскихъ и два англійскихъ. Два изъ нихъ были отправлены во Владивостокъ, а два пришлось, снявъ команду, утопить, такъ какъ у нихъ не было достаточнаго количества угля, чтобы дойти до Владивостока. Кромѣ того былъ уничтоженъ небольшой японскій пароходъ и нѣсколько японскихъ парусныхъ шхунъ.

На, обратномъ пути, въ Сангарскомъ проливѣ, параллельно съ нашими отрядами двигались вдоль обоихъ береговъ 3 непріятельскихъ броненосца береговой обороны и нѣсколько миноносцевъ. Конечно, они были настолько сравнительно слабы, что не могли и думать вступить съ нашими крейсерами въ бой и выходъ ихъ имѣлъ вѣроятно цѣлью — завлечь русскія суда на минныя загражденія. Однако нашъ отрядъ не сдѣлалъ никакой попытки вступить съ ними въ бой и прошелъ мимо, не обращая на нихъ вниманія, и такъ какъ скорость ихъ была сравнительно мала, то они скоро отстали.

Значеніе операцій отряда крейсеровъ.

Этимъ и закончились крейсерскія операціи владивостокскихъ крейсеровъ, въ общемъ очень малорезультатныя, и едва ли оказавшія какое либо вліяніе на

ходъ военныхъ дѣйствій. Говорятъ, что на одномъ изъ пароходовъ, потопленныхъ 2 іюня въ Корейскомъ проливѣ, шла осадная артиллерія къ Портъ-Артуру и что это задержало начало бомбардировки, но даже если это и такъ, все таки крейсеры принесли бы больше пользы, находясь при эскадрѣ. Быть можетъ тогда адмиралъ Витгефтъ рѣшился бы на бой 10 іюня, вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ и вновь запереться въ Портъ-Артурѣ.

Бой 28 іюля. Между тѣмъ положеніе эскадры тамъ становилось опаснымъ. Все тѣснѣе и тѣснѣе облагали крѣпость японцы и наконецъ снаряды съ ихъ осадныхъ батарей начали попадать и въ корабли. Падая подъ большимъ угломъ, снаряды проникали глубоко въ воду, и если мѣсто паденія приходилось близко отъ борта, они проникали подъ броню и даже 120 мм. снаряды дѣлали подводныя пробоины. Былъ раненъ самъ начальникъ эскадры и его флагъ-офицеръ.

Очевидно, оставаться въ Портъ-Артурѣ было больше нельзя и эскадрѣ надо было выходить, иначе ей грозила опасность быть ослабленной или даже погибнуть совсѣмъ, совершенно безполезно, нисколько не ослабивъ морскія силы противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла наши въ Манчжуріи шли такъ плохо, что становилось яснымъ, что выручить Портъ-Артуръ съ суши не удастся. Поэтому намѣстникъ сообщилъ Витгефту, что, по приказанію Государя Императора, онъ требуетъ немедленнаго ухода эскадры во Владивостокъ, и при этомъ указалъ, что эскадра никоимъ образомъ не можетъ связывать свою судьбу съ судьбою крѣпости. Приказаніе это пришло черезъ Чифу на джонкѣ въ двадцатыхъ числахъ іюля.

Въ $8^1/_2$ ч. утра 28 іюля эскадра вышла на наружный рейдъ и направилась въ море. На этотъ разъ не хватало „Баяна", который не поспѣлъ исправить минную пробоину, — „Севастополь" же вошелъ уже въ строй.

Число орудій на корабляхъ, какъ и 10 іюня, опять было неполное. Не хватало: на „Ретвизанѣ"—двухъ 6″, на „Побѣдѣ"—трехъ 6″ и двухъ 3″, на „Пересвѣтѣ"—одного 6″, на „Аскольдѣ"—двухъ 6″, на „Діанѣ"—двухъ 6″ и четырехъ 3″, на „Палладѣ"—двухъ 6″ и восьми 3″ орудій.

Въ 9 ч. утра адмиралъ сдѣлалъ сигналъ: „флотъ извѣщается, что Государь Императоръ приказалъ идти во Владивостокъ". Пока еще эскадра выходила, японскія мелкія суда наблюдали за ней и около полудня уже появились главныя силы непріятеля.

Какъ и во время выхода 10 іюня, судьба благопріятствовала нашей эскадрѣ.

Такъ же, какъ и тогда, она благополучно миновала раіонъ минныхъ загражденій и въ полномъ составѣ вышла въ открытое море. Что же касается до усмотрѣнныхъ силъ японцевъ, то дѣло обстояло совсѣмъ хорошо. На лицо было только два отряда: одинъ—изъ 4-хъ эскадренныхъ броненосцевъ и 2-хъ броненосныхъ крейсеровъ, а во второмъ былъ одинъ броненосный крейсеръ съ тремя бронепалубными, правда лучшими, крейсерами. Остальныхъ судовъ, кромѣ миноносцевъ, находившихся далеко впереди, не было видно, и хотя они потомъ и появлялись, но въ бою участія не приняли, такъ какъ это были только слабые крейсеры и устарѣлый броненосецъ „Чэнъ-Іенъ". Такимъ образомъ противъ 7 японскихъ броненосцевъ мы имѣли 6, а противъ трехъ ихъ крейсеровъ — 4.

II-й японскій отрядъ былъ очень далеко, I-й — шелъ сходящимся курсомъ. Черезъ четверть часа японскіе броненосцы уже пересѣкли курсъ нашей эскадры, на разстояніи около 9 миль, и открыли безрезультатный огонь. Пройдя около четверти часа контръ-курсомъ, при чемъ разстояніе уменьшилось до 60 кабельтовыхъ, японскіе броненосцы повернули всѣ вдругъ на 16 румбовъ и черезъ четверть часа вновь повторили этотъ маневръ. Повидимому они, маневрируя передъ носомъ нашей эскадры, хотѣли ее задержать, чтобы дать время подойти II-му отряду, который все еще находился внѣ дальности пушечныхъ выстрѣловъ. Дѣйствительно, адмиралъ Витгефтъ нѣсколько склонялся то влѣво, то вправо. Послѣ этого японскій броненосный отрядъ пошелъ контръ-курсомъ и прошелъ отъ нашего арріергарда въ разстояніи 50 кабельтововъ. Здѣсь огонь уже сдѣлался довольно дѣйствительнымъ. Наибольшему обстрѣлу подвергались концевые корабли—„Севастополь" и „Полтава" и крейсеры. Въ „Аскольдъ" попалъ снарядъ въ переднюю трубу, который вывелъ изъ строя передній котелъ. Вслѣдствіе этого начальникъ отряда крейсеровъ, контръ-адмиралъ Рейценштейнъ, счелъ нужнымъ прибавить ходъ и уйти за линію броненосцевъ. Конечно бронепалубнымъ крейсерамъ не мѣсто въ бою броненосцевъ, но едва ли этотъ маневръ былъ выгоденъ. Онъ уменьшилъ силу огня русской эскадры, а всѣ японскіе перелеты все равно грозили крейсерамъ. Притомъ японскій огонь далеко еще не дошелъ до такой интенсивности, чтобы крейсерамъ необходимо было покинуть свое мѣсто, да и поврежденія ихъ еще были по сущности незначительны. А ужъ если выходить изъ линіи, то выгоднѣе было уйти дальше, чтобы держаться совсѣмъ внѣ выстрѣловъ.

Такъ какъ японцы продолжали идти контръ-галсомъ, то они оказались сзади, но въ 1 ч. 30 м. они вновь повернули, на этотъ разъ послѣдовательно, и прекратившаяся было перестрѣлка возобновилась вновь. Послѣ этого разстояніе стало увеличиваться и въ исходѣ 3 часа стрѣльба прекратилась. Этимъ закончился первый періодъ боя. Въ немъ съ японской стороны принималъ участіе исключительно только первый отрядъ, при чемъ онъ какъ будто избѣгалъ рѣшительнаго боя. Къ сожалѣнію, не стремилась сблизиться и русская эскадра — а это былъ для нея самый лучшій моментъ для сближенія и рѣшительнаго боя. Портъ-Артуръ былъ недалеко, японскіе отряды были разрознены, и достаточно было сосредоточеннымъ огнемъ повредить хотя бы одинъ изъ японскихъ кораблей, чтобы въ значительной степени парализовать преимущество непріятеля въ ходѣ. Можетъ быть непріятель не принялъ-бы рѣшительнаго боя— это было въ его власти, но едва ли это такъ — вѣдь черезъ нѣсколько часовъ онъ не уклонился отъ него. Но къ этому русскими не было сдѣлано и попытки и вѣроятно вслѣдствіе того, что главной цѣлью былъ поставленъ прорывъ во Владивостокъ, а не рѣшительный бой съ противникомъ—и въ этомъ была крупная ошибка со стороны русской эскадры.

Между тѣмъ отставшіе было японцы вновь увеличили ходъ и въ 4 ч. 45 м. дня головной японскій броненосецъ былъ въ разстояніи 42 кабельтововъ отъ нашего арьергарда и открылъ огонь. Ему отвѣчали наши концевые броненосцы. II-й японскій отрядъ опять не принималъ участія въ бою и шелъ въ нѣкоторомъ разстояніи за первымъ. Понемногу разстояніе все уменьшалось и къ 6 ч. дошло до 20 кабельтововъ. Это

былъ самый горячій моментъ боя. Обѣ эскадры развили наисильнѣйшій огонь, но успѣхъ еще не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Въ началѣ 7 часа былъ убитъ адмиралъ Витгефтъ и раненъ начальникъ штаба-адмиралъ Матусевичъ и командиръ „Цесаревича". Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ броненосцѣ былъ поврежденъ рулевой приводъ, и, пока съ этимъ поврежденіемъ справлялись, броненосецъ, съ положеннымъ на бортъ рулемъ описалъ крутую циркуляцію влѣво, угрожая столкновеніемъ сзади идущимъ кораблямъ. Это внесло полное разстройство въ нашу линію. „Ретвизанъ" было повернулъ вслѣдъ за головнымъ, но потомъ повернулъ обратно и пошелъ на сближеніе съ японцами. „Побѣда" и „Пересвѣтъ" повернули отъ прорѣзавшаго строй „Цесаревича" къ сѣверу, а „Севастополь" къ югу, тоже имѣя намѣреніе сблизиться съ непріятелемъ. На „Цесаревичѣ" между тѣмъ подняли сигналъ „адмиралъ передаетъ командованіе". Вступившій въ командованіе контръ-адмиралъ Ухтомскій, рѣшившій повернуть назадъ, но, имѣя сбитыми мачты, принужденъ былъ поднять сигналъ „слѣдовать за мной" на поручняхъ мостика. Не всѣ разобрали этотъ сигналъ и порядокъ не возстановлялся. Японцы же сосредоточили на наши пришедшія въ безпорядокъ, суда убійственный огонь. „Ретвизанъ", повернувшій на японцевъ, сблизился съ броненосцемъ „Миказа" на 15 кабельтововъ и принялъ на себя весь огонь японцевъ, но въ это время былъ контуженъ его командиръ, да кромѣ того ни одинъ изъ остальныхъ броненосцевъ за нимъ не послѣдовалъ, а напротивъ всѣ удалились въ противуположную сторону, — поэтому повернулъ и онъ, и вся эскадра такимъ образомъ направилась въ Портъ-Артуръ.

Ей преградили было дорогу отряды японскихъ крейсеровъ, но они быстро отступили передъ огнемъ нашихъ броненосцевъ, а японская броненосная эскадра уходила въ это время на востокъ, очевидно избѣгая дальнѣйшаго боя.

Если бы нужно было рѣшить при данныхъ обстоятельствахъ, что дѣлать дальше, то поневолѣ склоняешься къ тому, что самымъ благоразумнымъ выходомъ было возвращеніе въ Портъ-Артуръ. Но возвращеніе лишь временное, для того чтобы наскоро исправить свои поврежденія, подгрузиться углемъ и снарядами и выйти снова.

Дѣйствительно, при сближеніи было видно, что японскія суда пострадали очень сильно. Напр. на броненосцѣ „Миказа" почти всѣ орудія молчали, около боевой рубки все было разворочено, мостикъ былъ снесенъ, кормовыя части броненосцевъ „Шикишима" и „Асахи" были совершенно разбиты и т. п. Это подтверждалъ и фактъ прекращенія японцами боя, что служило также указаніемъ, что они израсходовали всѣ свои снаряды. Оно такъ и должно было быть, такъ какъ наши суда стрѣляли гораздо рѣже японскихъ. Слѣдовательно адмиралу Того не обойтись было безъ возвращенія въ Японію. Но ему было идти гораздо дальше, нашимъ же судамъ до Портъ-Артура надо было пройти всего 100 миль. Идти во Владивостокъ было рискованно, имѣя нѣсколько сильно подбитыхъ судовъ. Особенно пострадали „Цесаревичъ" и „Пересвѣтъ". На нѣкоторыхъ судахъ были сильно повреждены трубы и вслѣдствіе этого настолько увеличился расходъ угля, что могло до Владивостока и не хватить топлива.

Все это были вѣскія причины, но возвращеніе въ Портъ-Артуръ по-

лучало полный смыслъ лишь при возвращенiи туда всѣхъ судовъ — тогда эскадра сохраняла свою силу и значенiе для дальнѣйшихъ дѣйствiй. И такъ бы вѣроятно и случилось, если бы цѣлью выхода эскадры изъ Портъ-Артура былъ рѣшительный бой съ непрiятелемъ, а не прорывъ во Владивостокъ, который могъ явиться лишь слѣдствiемъ удачнаго боя. Разъ же не было побѣды, а бой оказался не рѣшительнымъ, естественно было вернуться, чтобы исправиться и выйти вновь.

При постановкѣ же достиженiя Владивостока, какъ главной цѣли, по окончанiи боя у нѣкоторыхъ командировъ явилась мысль о самостоятельномъ прорывѣ во Владивостокъ, приведшая къ печальнымъ послѣдствiямъ — къ распаденiю эскадры.

Всѣмъ надо было идти вмѣстѣ въ ту или другую сторону, но **вмѣстѣ**.

На самомъ же дѣлѣ случилось слѣдующее. Адмиралу Рейценштейну вѣроятно показалось, что дѣло окончательно проиграно, что японцы со всѣхъ сторонъ окружаютъ кольцомъ нашу эскадру — на самомъ дѣлѣ японскiе броненосцы уходили на востокъ, а крейсеры на западъ,—и онъ рѣшилъ съ отрядомъ крейсеровъ прорваться, и сдѣлалъ имъ сигналъ „слѣдовать за мной“. Но при этомъ онъ далъ такой ходъ — 20 узловъ — при которомъ, онъ отлично зналъ, за нимъ не могли слѣдовать ни „Дiана“, ни „Паллада“. Въ результатѣ онъ оказался въ одиночествѣ, и признавъ невозможнымъ, вслѣдствiе поврежденiй, идти во Владивостокъ, онъ не пошелъ и въ Портъ-Артуръ, который былъ ближе, а направился въ Шанхай. Крейсеръ „Дiана“ ушелъ еще дальше — въ Сайгонъ, что уже совсѣмъ объяснить нельзя. „Цесаревичъ“ также, вмѣсто Портъ-Артура, бывшаго въ разстоянiи 100 миль, направился почему то въ Кiо-Чау, до котораго было гораздо дальше. Эти суда увлекли за собой часть миноносцевъ (3 пришли съ „Цесаревичемъ“ въ Кiо-Чау, одинъ съ „Аскольдомъ“ въ Шанхай, а одинъ разбился у Вей-ха-вея), и на слѣдующее утро оказалось, что передъ Портъ-Артуромъ собрались лишь 5 броненосцевъ, крейсеръ „Паллада“ и 3 миноносца. Многочисленныя минныя атаки японцевъ опять успѣха не имѣли — ни въ одно изъ судовъ не попало ни одной мины. 29 iюня вернувшiеся въ Портъ-Артуръ суда были благополучно введены на внутреннiй рейдъ.

Конецъ „Новика“.

Только одинъ „Новикъ“ довелъ до конца первый порывъ, которымъ всѣ объясняли оставленiе эскадры — намѣренiе идти во Владивостокъ. Онъ зашелъ въ Кiо-Чау только на нѣсколько часовъ, чтобы нагрузиться углемъ, и направился послѣ этого кругомъ Японiи и благополучно добрался 7 августа до Корсаковскаго поста.

Путь, выбранный „Новикомъ“, не укрылся отъ японцевъ, и навстрѣчу ему въ Японское море было направлено два крейсера — „Читозе“ и „Цсусима“. Въ Хакодате они нагрузились углемъ и, уже направляясь въ Лаперузовъ проливъ, они получили сообщенiе, что „Новикъ“ прошелъ цѣпь Курильскихъ острововъ. Единственный шансъ спасенiя для „Новика“ былъ — пройти Лаперузовъ проливъ ночью и полнымъ ходомъ идти прямо во Владивостокъ, но у него не было угля и пришлось для погрузки зайти въ Корсаковскiй постъ. Здѣсь его засталъ „Цсусима“ и въ послѣдовавшемъ бою, хотя Новикъ и причинилъ тяжкiя поврежденiя „Цсусимѣ“, но сильно пострадалъ и самъ. У него оказались три подводныя

пробоины, поврежденіе въ рулѣ и только половина котловъ въ исправности. Возвратившись въ Корсаковскій постъ для осмотра и исправленія повреждeній, чтобы ночью опять выйти въ море, командиръ, по числу прожекторовъ, убѣдился, что японскій крейсеръ не одинъ. Дѣйствительно въ это время подошелъ „Читозе". При такихъ обстоятельствахъ прорывъ былъ немыслимъ, и командиръ, свезя команду, затопилъ крейсеръ. Очевидно, дѣло разыгралось бы совершенно иначе, если бы примѣру „Новика" послѣдовали „Діана" и „Аскольдъ", для которыхъ притомъ задача, взятая на себя „Новикомъ", была гораздо болѣе доступна при ихъ запасахъ угля.

Бой 1 августа. Во Владивостокѣ извѣстіе о выходѣ Витгефта было получено въ 4 ч. дня 29 августа и явилось вполнѣ неожиданнымъ, такъ какъ о посланнномъ приказаніи Портъ-Артурской эскадрѣ выйти, командующій флотомъ ничего не зналъ. Поэтому напр. крейсеры стояли безъ паровъ, и вышли только на слѣдующій день утромъ.

Обстановка этого выхода существенно отличалась отъ прежнихъ, а потому и способъ дѣйствій долженъ бы быть совсѣмъ другой. Выходя для дѣйствій на японскія сообщенія, крейсеры имѣли задачей пробыть какъ можно дольше въ морѣ и какъ можно дольше скрыть свое мѣстопребываніе отъ непріятеля. Поэтому понятно было, что по выходѣ изъ Владивостока, они, для сбереженія угля, шли экономическимъ ходомъ и вполнѣ логичнымъ являлся бы прорывъ черезъ проливы (Корейскій и Сангарскій) ночью. Послѣднее, къ сожалѣнію, ни разу не было выполнено, вѣроятно изъ за преувеличеннаго опасенія минныхъ атакъ и крейсеры всегда проходили проливы днемъ.

Но теперь обстоятельства были совершенно другія. Отрядъ шелъ навстрѣчу адмиралу Витгефту, причемъ вышелъ послѣ Витгефта черезъ 2 сутокъ т. е. въ тотъ моментъ, когда уже Витгефтъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ быть въ Корейскомъ проливѣ. Поэтому прежде всего надо было прибыть туда какъ можно скорѣе, и слѣдовательно: вопервыхъ не терять ни одной минуты лишней во Владивостокѣ, для чего можно было отступить на этотъ разъ отъ правилъ сохраненія котловъ и форсировать разводку паровъ на „Рюрикѣ" (цилиндрическіе котлы), и во-вторыхъ—идти полнымъ ходомъ. Угля здѣсь нечего было жалѣть, такъ какъ предполагалось не крейсерство, а только рейсъ къ Корейскому проливу и обратно. Въ случаѣ встрѣчи съ адмираломъ Витгефтомъ, предстояло вернуться съ нимъ назадъ во Владивостокъ, въ случаѣ же выяснившейся неудачи Витгефта. тоже пришлось бы вернуться туда же, чтобы выяснить обстановку, созданную выходомъ Портъ-Артурской эскадры. Между тѣмъ оба эти обстоятельства, къ сожалѣнію, не были приняты во вниманіе. Крейсеры сильно запоздали съ выходомъ и шли до Корейскаго пролива экономическимъ ходомъ. Въ результатѣ они появились у пролива съ разсвѣтомъ 1 августа.

А между тѣмъ это представляло значительныя невыгоды. Отрядъ шелъ вѣдь на встрѣчу эскадрѣ Витгефта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ближе къ Корейскому проливу, тѣмъ больше была вѣроятность встрѣтить и противника. Различить же ночью свои суда отъ противника очень трудно. Кромѣ того, подходя ночью къ тому раіону, который могъ быть занятъ противникомъ, являлась опасность пройти мимо него и вслѣдствіе этого

оказаться отрѣзаннымъ отъ Владивостока. Въ этомъ раіонѣ надо было появиться днемъ и притомъ искать встрѣчи съ противникомъ, а не избѣгать его, такъ какъ, проскользнувъ мимо него, являлась та же опасность быть отрѣзаннымъ. Всѣ базы японцевъ въ Корейскомъ проливѣ (Такесики, Фузанъ, Мозампо), лежатъ въ западномъ проливѣ. Поэтому въ предыдущихъ крейсерствахъ выгодно было идти восточнымъ проливомъ, а теперь надо было идти къ западному, чтобы непремѣнно обнаружить непріятеля по носу, и не оставить его сзади себя. Вѣдь встрѣча непріятеля въ значительныхъ силахъ доказывала бы неудачу эскадры Витгефта (крейсеры могли подойти къ Корейскому проливу черезъ $3^1/_2$—4 сутокъ послѣ его выхода изъ Артура), и тогда во что бы то ни стало надо было избѣжать боя, чтобы не увеличивать катастрофы. Но даже при надеждѣ на проходъ Витгефта Корейскимъ проливомъ, особенно выгодно было отвлечь сильнѣйшаго противника возможно дальше къ сѣверу отъ пролива, а это можно было сдѣлать только, увидѣвъ его отъ себя къ югу и отступая послѣ того къ сѣверу.

Извѣстіе о выходѣ нашихъ крейсеровъ 30 августа вечеромъ появилось уже въ лондонскихъ газетахъ и адмиралъ Камимура приготовился къ ихъ встрѣчѣ. Свой отрядъ изъ 4 броненосныхъ крейсеровъ онъ расположилъ сѣвернѣе входа въ западный проливъ, а въ восточномъ растянулъ цѣпь изъ 3 крейсеровъ 2 класса и миноносцевъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ направленія русскаго отряда въ этотъ послѣдній, онъ былъ бы замѣченъ этими крейсерами, которые передъ ними бы отступили, а броненосные крейсеры тѣмъ временемъ отрѣзали бы ему окончательно отступленіе во Владивостокъ, причемъ русскій отрядъ оказался бы между двумя японскими. Между тѣмъ, если бы онъ увидѣлъ японскіе броненосные крейсеры, приближаясь съ сѣвера, то, отступая, онъ не позволилъ бы японскимъ отрядамъ соединиться, такъ какъ отряду восточнаго пролива не удалось бы догнать свои броненосные крейсеры.

Расположеніе судовъ отряда адмирала Камимуры было вполнѣ логично и на случай прорыва съ юга остатковъ эскадры Витгефта, и тѣмъ болѣе именно на такое расположеніе слѣдовало разсчитывать адмиралу Іессену.

Къ сожалѣнію русскій отрядъ не избѣгъ ловушки, устроенной ему японцами. Онъ увидѣлъ отрядъ Камимуры („Ивате", „Идзумо", „Адзума" и „Токива") съ разсвѣтомъ 1 Августа, но... въ разстояніи 80 кабельтововъ къ **сѣверу**, т. е. сзади. Произошло это во-первыхъ потому, что русскій отрядъ шелъ *ночью* въ томъ раіонѣ, въ которомъ встрѣча съ непріятелемъ являлась наиболѣе вѣроятной, а во вторыхъ отрядъ шелъ очень далеко отъ Корейскаго берега (42 мили отъ Фузана по его параллели), а потому и обошелъ японцевъ съ востока. Только дойдя до параллели Фузана, отрядъ направился на западъ, и въ это-то время и увидѣлъ японцевъ на сѣверѣ, впереди праваго своего траверза, шедшихъ однимъ курсомъ съ нашимъ отрядомъ. Адмиралъ Камимура немедленно приказалъ, по безпроволочному телеграфу, идти на сѣверъ отряду крейсеровъ 2 класса („Нанива", „Токачиха", „Нитака", „Цсусима" и „Чихайя") и отряду миноносцевъ изъ Такесики, а самъ склонилъ свой курсъ для сближенія съ русскими. Это ему удалось, такъ какъ во первыхъ адмиралъ Іесенъ нѣкоторое время продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ, а

затѣмъ русскій отрядъ началъ поворачивать послѣдовательно влѣво, намѣреваясь прорваться на NO. За это время разстояніе уменьшилось до 60 кабельтововъ и японцы открыли огонь.

Чтобы помѣшать попыткѣ русскихъ, Камимура повернулъ на O. Въ это время показался съ юга первый изъ крейсеровъ 2 класса — „Нанива". Опасаясь быть окруженнымъ, адмиралъ Іессенъ внезапно повернулъ послѣдовательно вправо, чтобы прорваться на NW. Конечно и этому легко могъ бы помѣшать японскій броненосный отрядъ, имѣвшій преимущество въ ходѣ, но для этого надо было сблизиться съ русскими. Этого же Камимура тщательно избѣгалъ, вслѣдствіе чего весь этотъ бой, веденный на очень большомъ разстояніи, не имѣлъ достаточно рѣшительнаго характера. Изъ за этого попытка русскихъ могла даже имѣть надежду на успѣхъ, но тутъ случилось несчастье съ Рюрикомъ. Въ самомъ началѣ боя были ранены командиръ, старшій офицеръ и повреждены рулевые приводы въ боевой рубкѣ, вслѣдствіе чего пришлось перенести управленіе крейсеромъ въ рулевое отдѣленіе—на боевой штурвалъ. Но вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подводныхъ пробоинъ въ кормѣ, грозившихъ прекращеніемъ кормовой подачѣ, пришлось задраить рулевое отдѣленіе наполнявшееся водой, и слѣдовательно отказаться отъ управленія рулемъ. Поэтому поставили руль прямо, и начали управляться машинами. Но очень скоро крейсеръ вдругъ бросился вправо и пересталъ быть послушнымъ управленію машинъ, все время имѣя стремленіе къ циркуляціи вправо, несмотря на полный ходъ назадъ лѣвой машины. По предположенію командира, въ задраеное румпельное отдѣленіе вѣроятно попалъ новый снарядъ и заклинилъ руль въ положеніе лѣво на бортъ. При такихъ условіяхъ нельзя было управиться и машинами и крейсеръ вышелъ изъ строя. Конечно вѣроятность такого случая была бы гораздо меньше, если бы „Рюрикъ", съ незащищенной кормой, не былъ бы концевымъ, каковое мѣсто естественно принадлежало „Громобою", и въ особенности это сказалось при поворотахъ послѣдовательно въ сторону противоположную отъ японцевъ, причемъ особой опасности подвергалась корма концевого. Два такихъ поворота и оказались для „Рюрика" роковыми.

До 8 часовъ утра адмиралъ Іессенъ маневрировалъ такъ, чтобы прикрыть „Рюрика" и дать ему возможность исправить повреждение. Японцы держались къ сѣверу отъ него, но все время на большомъ разстояніи.

Подвигъ „Рюрика". Обстоятельства, которыя затѣмъ повели къ уходу адмирала Іессена отъ „Рюрика", не представляются ясными. Адмиралъ говоритъ въ своемъ рапортѣ: „На „Рюрикѣ" былъ поднятъ сигналъ не могу управляться. Маневривуя впереди его, я далъ ему возможность отойти по направленію къ Корейскому берегу мили на двѣ (не все ли равно быть въ разстояніи отъ этого берега 42 или 40 миль), и, такъ какъ на поднятый ему около 8 часовъ сигналъ „идти во Владивостокъ", онъ отрепетовалъ его и привелъ на надлежащій курсъ, имѣя при этомъ большой ходъ, что видно было по буруну впереди его носа, я съ крейсерами „Россія" и „Громобой" окончательно легъ на NW, все время сражаясь съ непріятелемъ, взявшимъ параллельный курсъ и державшимся отъ носа на разстояніи отъ 32 до 42 кабельтововъ. Въ это время „Рюрикъ" находился отъ насъ приблизительно на SW, въ разстояніи 3—4 миль. Около половины девятаго часа „Рюрикъ" сталъ сильно отставать (значитъ раньше

онъ какъ бы не отставалъ) и снова повернулъ носомъ отъ берега. Видно было, что присоединившіеся къ „Нанивѣ" два крейсера 2 класса завязали съ нимъ бой, послѣ чего онъ вскорѣ сталъ скрываться изъ вида. Но такъ какъ адмиралъ Камимура съ 4 броненосными крейсерами неотступно держался наравнѣ съ нами и такимъ образомъ удалился отъ „Рюрика", то я продолжалъ бой на этомъ галсѣ, отвлекая непріятеля на сѣверъ, въ надеждѣ, что „Рюрикъ" справится съ двумя сравнительно слабыми противниками, и исправивъ поврежденіе руля, будетъ въ состояніи самостоятельно достигнуть Владивостока".

Лейтенантъ же Ивановъ 13, принявшій командованіе „Рюрикомъ", доноситъ объ этомъ фактѣ такъ: „управленіе машинами, вслѣдствіе положенія руля было крайне затруднительно и крейсеръ не могъ слѣдовать сигналу адмирала идти полнымъ ходомъ за уходящими крейсерами „Россіей" и „Громобоемъ", ведущими бой съ 4 броненосными крейсерами, отсталъ и принялъ бой съ подошедчими вновь двумя крейсерами „Такачиха" и „Нанива". Такимъ образомъ положеніе „Рюрика" съ момента поврежденія руля не улучшилось и съ „Россіи" ошибочно заключили, что онъ далъ полный ходъ. Онъ съ такимъ трудомъ могъ управляться, что японскіе крейсеры легко держались внѣ обстрѣла его артиллеріи, и безнаказанно громили его продольными выстрѣлами. Онъ пытался было таранить, но конечно эта попытка не удалась. Огонь его постепенно ослабѣвалъ, вслѣдствіе большаго количества подбитыхъ орудій и въ началѣ 12 часа прекратился совершенно, такъ какъ всѣ орудія оказались подбитыми и была большая убыль въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ. Изъ всѣхъ минныхъ аппаратовъ уцѣлѣлъ только одинъ—выпустили изъ него мину, но она не достигла цѣли. Изъ флотскихъ офицеровъ оставался цѣлымъ одинъ—остальные были всѣ убиты или ранены. Изъ 800 человѣкъ команды, около 200 было убито и 278 ранено. Въ это время показались возвращавшіеся назадъ четыре броненосныхъ крейсера, и съ юга подошли еще три крейсера 3 класса и 5 миноносцевъ. Поэтому лейтенантъ Ивановъ приказалъ взорвать крейсеръ, но оказалось сдѣлать этого было нельзя, такъ какъ часть бикфордовыхъ шнуровъ была уничтожена въ боевой рубкѣ отъ взрыва снаряда, а другая находилась въ затопленномъ рулевомъ отдѣленіи. Поэтому приказано было открыть кингстоны. По прекращеніи огня „Рюрикомъ" вскорѣ прекратили огонь и японцы. Оставшееся время до погруженія крейсера было употреблено на спасаніе раненыхъ и команды съ помощью матрасовъ, поясовъ, обломковъ дерева, такъ какъ всѣ шлюпки были разбиты. Въ концѣ 12 часа дня крейсеръ пошелъ ко дну, а всплывшая команда была подобрана непріятельскими судами. „Я былъ смытъ съ борта въ моментъ переворота крейсера" говоритъ лейтенантъ Ивановъ 13, „и лишь вынырнулъ на поверхность, какъ былъ свидѣтелемъ несмолкаемаго „ура", которымъ провожала утопающая команда свой утопающій крейсеръ".

Такъ геройски погибъ „Рюрикъ".

Послѣ оставленія „Рюрика" бой остальныхъ нашихъ двухъ крейсеровъ съ отрядомъ Камимуры продолжался еще два часа. Въ 10 же часовъ утра, послѣдній вдругъ повернулъ и началъ уходить къ югу, а наши крейсеры продолжали путь во Владивостокъ. Причины, по которымъ Камимура повернулъ, могли представиться для русскаго адмирала такими:

1) Онъ опасался за участь своихъ небольшихъ крейсеровъ, не надѣясь, что они справятся съ „Рюрикомъ";

2) онъ получилъ по безпроводному телеграфу извѣстіе, что съ юга показались русскія суда изъ эскадры Витгефта;

3) у него могли выйти всѣ снаряды;

4) у него могъ быть на исходѣ уголь, вслѣдствіе чего онъ не могъ дольше поддерживать полный ходъ;

5) суда его могли быть сильно повреждены.

Послѣдняя причина была маловѣроятна, такъ какъ видимыхъ признаковъ этого не было, и передъ самымъ моментомъ поворота японскіе крейсеры развили очень сильный огонь.

Всѣ же остальныя причины, должны были бы привести русскихъ къ попыткѣ повернуть за японцами, чтобы убѣдиться въ чемъ тутъ дѣло и воспользоваться случаемъ, чтобы выяснить судьбу „Рюрика". Если бы предположенія эти оказались ошибочными и причина поворота японцевъ заключалась просто въ нежеланіи продолжать бой, удовлетворяясь уже достигнутыми реультатами, то Камимура конечно сейчасъ же повернулъ бы вновь на сѣверъ. и положеніе бы не измѣнилось, и послѣ того можно бы было уходить во Владивостокъ съ сознаніемъ, что для выручки „Рюрика" было дѣйствительно сдѣлано все, что только возможно.

Конечно наши крейсеры имѣли серьезныя поврежденія, какъ въ корпусѣ, такъ и въ артиллеріи и значительныя потери въ личномъ составѣ (50% офицеровъ и около 25% нижнихъ чиновъ), но поврежденій грозившихъ кораблямъ потопленіемъ не было. Къ тому же погода стояла тихая.

Излишнія потери въ людяхъ на „Громобоѣ".

При сравненіи числа убитыхъ и раненыхъ на двухъ нашихъ крейсерахъ, поражаетъ тотъ фактъ, что на „Громобоѣ", гораздо лучше защищенномъ нежели „Россія", было гораздо больше чѣмъ на послѣдней потерь въ людяхъ. А именно на „Громобоѣ" было убито нижнихъ чиновъ — 82 и ранено 172, тогда какъ на „Россіи" было убито 46 и ранено 140. Тѣмъ болѣе это было странно, что флагманскимъ кораблемъ была „Россія" — слѣдовательно японцы обстрѣливали ее во всякомъ случаѣ не менѣе энергично, чѣмъ „Громобой". На дѣлѣ оказалось, что на „Громобоѣ" былъ сдѣланъ крупный промахъ. Хотя разстояніе было столь велико, что изъ 75 мм. пушекъ стрѣлять было нельзя, и хотя эти пушки стояли совершенно открыто на верхней палубѣ, прислугу держали у этихъ орудій, и даже, при убыли, замѣняли ее другими людьми. Вотъ эти люди и полегли почти всѣ и притомъ совершенно безполезно. Крупныя орудія „Громобоя" почти всѣ находятся за броней и изъ ихъ прислуги раненъ только одинъ, да и то случайно. А между тѣмъ только однихъ комендоровъ выбыло 52 человѣка.

По прибытіи во Владивостокъ оказалось, что всѣ исправленія могутъ быть сдѣланы безъ ввода крейсеровъ въ докъ, что представлялось очень важнымъ, такъ какъ единственный докъ былъ занятъ еще далеко неготовымъ „Богатыремъ".

Гибель эскадры въ Портъ-Артурѣ.

Между тѣмъ, возвратившаяся въ Портъ-Артуръ, эскадра черезъ двѣ недѣли исправила всѣ свои поврежденія и вновь была готова къ выходу. Однако она не вышла, такъ какъ опять собранный совѣтъ флагмановъ и капитановъ категорически

высказался противъ выхода, а новаго приказанія выйти отъ намѣстника, какъ это было передъ 10 іюня и 28 іюля, еще не было. Опять дѣятельно ратовалъ за выходъ только капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ. Онъ напрасно старался убѣдить своихъ товарищей въ томъ, что роль эскадры — подготовить все для облегченія задачи подкрѣпленіямъ, идущимъ изъ Балтійскаго моря, что для этого необходимо немедленно выйти для боя съ непріятельскимъ флотомъ и нанести ему возможно бо́льшій вредъ, рискуя даже гибелью эскадры, на которую надо смотрѣть, какъ на расходный матеріалъ, израсходовать который надо только съ наибольшей для себя пользой... но все было напрасно. Эскадра не только не вышла, но начала щедрой рукой отдавать на берегъ и снаряды и людей — драгоцѣнныхъ людей, выученныхъ различнымъ спеціальностямъ и которыхъ замѣнить было некѣмъ. Каждый броненосецъ долженъ былъ послать въ десантъ 250 человѣкъ, и послѣ перваго же штурма напр. (8 августа) на „Севастополь" вернулось всего 130 человѣкъ.

Какое огромное значеніе эскадрѣ, съ своей стороны, придавали японцы явствуетъ изъ того, что 4 августа командующій японской осадной арміей генералъ Ноги прислалъ генералу Стесселю предложеніе — сдать крѣпость на почетныхъ условіяхъ. Гарнизону разрѣшалось съ оружіемъ пройти на сѣверъ на соединеніе съ арміей Куропаткина, но всѣ укрѣпленія и флотъ требовалось сдать въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся. Конечно предложеніе это было отвергнуто.

А между тѣмъ эскадра все больше и больше слабѣла. 10 августа высланъ былъ въ море для обстрѣливанія японскихъ батарей броненосецъ „Севастополь" и, возвращаясь, онъ наскочилъ на мину — такъ что вновь предстояла ему длительная починка. Снаряды и люди все продолжали убывать.

Въ концѣ августа пришло приказаніе намѣстника о сдачѣ эскадры адмираломъ Ухтомскимъ капитану 1 ранга Вирену. Съ одной стороны это какъ бы означало, что отъ эскадры ждутъ энергичныхъ самостоятельныхъ дѣйствій, такъ какъ начальникомъ эскадры назначался почти самый младшій изъ командировъ, и притомъ не участвовавшій въ бою 28 іюля. Слѣдовательно какъ бы дѣйствіями адмирала и командировъ въ этомъ бою были недовольны. Съ другой стороны, капитанъ 1 ранга Виренъ съ самаго начала былъ противникомъ выходовъ эскадры и горячимъ сторонникомъ отдачи всѣхъ средствъ эскадры для защиты крѣпости съ суши. Этотъ свой взглядъ онъ и проводилъ, вступивъ въ командованіе эскадрой. Ужъ если хотѣли, чтобы флотъ дѣйствовалъ рѣшительно, нечего было останавливаться на полумѣрѣ и начальникомъ эскадры надо было назначить капитана 1 ранга фонъ-Эссена. Вотъ тогда навѣрно событія приняли бы совершенно другой оборотъ.

Теперь же всѣ операціи на морѣ ограничивались постановками минныхъ банокъ съ миноносцевъ. Японцы съ своей стороны тоже не переставали забрасывать рейдъ минами. Эта минная война не осталась безрезультатной и не мало погибло на минахъ, какъ нашихъ, такъ и японскихъ судовъ.

5 августа взорвалась и затонула на внѣшнемъ рейдѣ канонерская лодка „Гремящій", а 11 августа та же участь постигла миноносцы „Разящій" и „Выносливый", затѣмъ подорвался миноносецъ „Сердитый". Въ октябрѣ погибъ миноносецъ „Стройный" и подорвались миноносцы

„Бдительный“ и „Сильный“. Японцы съ своей стороны потеряли на минахъ, кромѣ двухъ эскадренныхъ броненосцевъ (2 мая), еще 3 крейсера, 5 миноносцевъ, одинъ броненосецъ береговой обороны (Сай-Іенъ) и 2 парохода.

Также съ момента своего возвращенія, суда эскадры вновь начали подвергаться бомбардировкамъ. Пока японцы вели стрѣльбу только изъ 120 мм. пушекъ, результаты ими достигались небольшіе. Правда, попадавшіе въ корабли снаряды сильно мѣшали работамъ по исправленію, правда нѣкоторыя удачныя попаданія производили подводныя пробоины, но все это быстро задѣлывалось и исправлялось и эскадра, хотя и ослабленная значительной убылью снарядовъ и людей, все таки продолжала существовать.

Но съ 19 сентября японцы начали бомбардировку изъ 11 мортиръ и тутъ ужъ дѣло совершенно измѣнилось. Такой снарядъ, попавши въ мелкое судно, пробивалъ его насквозь, а на крупныхъ судахъ онъ пробивалъ нѣсколько палубъ и часто доходилъ до нижней броневой. При паденіи около борта такой снарядъ производилъ очень серьезную подводную пробоину.

Къ 1 октября уже многія суда были очень серьезно повреждены: въ „Побѣду“ попало 3, въ „Пересвѣтъ“ — 36, въ „Полтаву“ — 5, въ „Севастополь“ — одинъ, въ „Ретвизанъ“ — 3, въ „Палладу“ — 3, въ „Баянъ“ — одинъ. Судьба эскадры уже была рѣшена и теперь о выходѣ ея нельзя было и думать. Можно было попытаться прорваться во Владивостокъ только отдѣльнымъ кораблямъ, но и такихъ попытокъ сдѣлано не было.

Но все таки снаряды эти попадали сравнительно рѣдко, такъ какъ съ японскихъ позицій, гдѣ были установлены 11″ мортиры, не были прямо видны мѣста стоянки нашихъ судовъ. Но когда японцы взяли (23 ноября) Высокую гору, съ которой весь внутренній рейдъ и бассейнъ видны какъ на ладони, дни кораблей были сочтены. Въ четыре дня были потоплены „Полтава“, „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ и „Баянъ“ — но такъ какъ они сѣли на дно и часть корпуса ихъ возвышалась надъ водой, то очевидно ихъ можно было поднять безъ особыхъ усилій. Только одинъ „Севастополь“, благодаря самоотверженной настойчивости своего командира, капитана 1-го ранга фонъ-Эссена, которому пришлось выдержать жестокую борьбу и съ начальникомъ эскадры и командиромъ порта, погибъ съ честью. Онъ вышелъ со своимъ броненосцемъ на наружный рейдъ, геройски отбился тамъ отъ цѣлаго ряда минныхъ атакъ, но въ концѣ концовъ все таки нѣсколько минъ въ него попали, и тогда искалѣченный броненосецъ былъ отведенъ на большую глубину и тамъ затопленъ. Онъ одинъ только изъ крупныхъ нашихъ судовъ, который не попалъ въ руки японцевъ. Остальныя же, хотя и были подорваны въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ ночь передъ капитуляціей, но работа эта была выполнена наспѣхъ, и все таки корабли сидѣли на днѣ, и каковы бы ни были ихъ поврежденія, конечно ихъ можно было поднять и исправить. И дѣйствительно всѣ они теперь числятся въ спискахъ японскаго флота.

Такъ погибла Портъ-Артурская эскадра, погибла даромъ, не спасши и Портъ-Артура, и не ослабивъ японскаго флота. Этимъ осуждалась почти на вѣрное пораженіе и 2-я эскадра и вмѣстѣ съ этимъ проигрывалась и вся кампанія.

III. Вторая эскадра.

Въ первые мѣсяцы войны эскадра готовилась вяло.

Мысль о посылкѣ подкрѣпленій, въ видѣ второй эскадры, начала принимать опредѣленную форму только въ концѣ февраля 1904 года. Однако работы по изготовленію новыхъ судовъ хотя и были усилены, но далеко не были доведены до полнаго напряженія, а также начальникъ эскадры былъ только намѣченъ, а потому не существовалъ его штабъ и вообще не подбирался личный составъ. При такихъ условіяхъ эскадра конечно готовилась очень вяло — не было хозяина дѣла, не было увѣренности, что она пойдетъ.

Предположенія о крейсерскихъ операціяхъ.

Дѣятельно подготовлялись только крейсерскія операціи. Было куплено 4 большихъ трансатлантическихъ парохода („Донъ", „Терекъ", „Уралъ", „Кубань"), которые, вмѣстѣ съ двумя пароходами добровольнаго флота („Смоленскъ" и „Петербургъ") должны были составить отрядъ для дѣйствій на сообщенія Японіи съ Европой и съ Америкой, опираясь на базу на Зондскихъ островахъ. Эти операціи принесли бы огромную пользу — гораздо большую чѣмъ выходы крейсеровъ изъ Владивостока, которые не могли продержаться въ морѣ больше двухъ недѣль.

Начало серьезныхъ приготовленій эскадры.

Серьезно 2-ая эскадра начала готовиться только послѣ гибели адмирала Макарова. Потеря „Петропавловска", минная пробоина „Побѣды", бездѣятельность Владивостокскаго отряда, крейсеровъ — все это ясно указывало что нѣтъ надежды, чтобы наша Тихоокеанская эскадра овладѣла моремъ, а безъ этого выиграть кампанію было невозможно — понемногу и эта мысль пробивала себѣ путь въ сознаніе руководителей войны.

На самомъ дѣлѣ это было конечно ясно и до начала войны, а тѣмъ болѣе послѣ внезапной атаки японцевъ въ ночь съ 26 на 27 января.

Взглядъ Начальника эскадры на ея составъ.

Хотя начальникъ эскадры и не былъ назначенъ, но намѣченъ былъ на эту должность начальникъ Главнаго Морского Штаба адмиралъ Рожественскій. Отъ него зависѣлъ и выборъ состава эскадры, и только выбранные имъ корабли и готовились. Его выборъ остановился на четырехъ броненосцахъ типа „Суворовъ" (пятый — „Славу" — нашли невозможнымъ изготовить), „Сисой Великій", и крейсерахъ: „Олегъ", „Жемчугъ", „Изумрудъ" и „Свѣтлана". Къ нимъ долженъ былъ присоединиться возвращавшійся въ Либаву отрядъ адмирала Вireніуса — броненосецъ „Ослябя" и крейсеры „Аврора" и „Дмитрій Донской". Кромѣ того предполагалось взять извѣстное количество эскадренныхъ миноносцевъ — сколько окажется въ наличности готовыхъ и надежныхъ для предстоящаго дальняго плаванія.

Недостатокъ въ числѣ транспортовъ-мастерскихъ.

Мастерская готовилась только одна — пароходъ „Камчатка", который строился для того, чтобы быть угольнымъ транспортомъ. Конечно это было болѣе чѣмъ рискованно. Плаваніе предстояло безъ возможности ремонта въ порту — слѣдовательно плавучая мастерская — это былъ жизненный органъ эскадры, съ поврежденіемъ котораго могло рушиться все предпріятіе. Поэтому, для живучести этого органа, для обезпеченности воз-

можности исправленій, необходимо было готовить нѣсколько мастерскихъ. Это кромѣ того давало возможность не бояться раздѣленія эскадры — при каждомъ отрядѣ могла быть своя мастерская.

Наконецъ, необходимо было имѣть особыя мастерскія для миноносцевъ, которыя могли бы состоять транспортами-матками для отрядовъ миноносцевъ. Но такихъ транспортовъ не готовили совсѣмъ.

А между тѣмъ „Камчатка" и сама по себѣ была болѣе чѣмъ неудовлетворительна. Предназначенная при постройкѣ быть угольнымъ транспортомъ, она по предположенію и не должна была имѣть больше 12 узловъ хода, а слѣдовательно на самомъ дѣлѣ имѣла бы значительно меньше—такимъ образомъ впередъ было извѣстно, что она будетъ сильно стѣснять эскадру.

Неправильность въ разсчетѣ состава эскадры при существовавшей обстановкѣ.

Вышеуказанный составъ эскадры, за исключеніемъ недостатка въ подготовкѣ вспомогательныхъ судовъ, являлся вполнѣ цѣлесообразнымъ, при условіи, что она поспѣетъ на театръ военныхъ дѣйствій до дальнѣйшаго ослабленія тамъ нашихъ морскихъ силъ, или при условіи, что ослабленіе какъ нашихъ, такъ и японскихъ морскихъ силъ будетъ обоюдное. Наша выгода состояла въ томъ, что у насъ еще были резервы, а японцамъ уже прибавить къ своимъ силамъ было нечего. Надо было послать ихъ туда только какъ можно скорѣе. Но на это разсчитывать было нельзя, такъ какъ всѣ корабли были совсѣмъ не готовы и серьезно надѣяться на изготовленіе ихъ раньше осени было очень трудно.

Здравый стратегическій разсчетъ учитъ основываться на наивыгоднѣйшихъ шансахъ для противника и на наихудшихъ для себя. Поэтому, считая, что эскадра можетъ прибыть на театръ военныхъ дѣйствій почти

Нельзя было разсчитывать на Портъ-Артуръ и его эскадру.

черезъ годъ послѣ начала своего изготовленія, что за этотъ годъ могутъ произойти всевозможныя событія, надо было всѣ эти событія считать въ пользу противнику. Надо было разсчитывать, что Портъ-Артурская эскадра не существуетъ, и что японскій флотъ сохранитъ свою силу.

На этомъ разсчетѣ и надо было вести приготовленія, т. е. готовить не только новыя суда, но положительно все, что имѣло шансы добраться до театра военныхъ дѣйствій. Надо было считать, что Портъ-Артуръ падетъ, а потому самымъ широкимъ образомъ слѣдовало оборудовать и снабдить Владивостокъ.

Приведеніе въ боевую готовность старыхъ кораблей было необходимо во всякомъ случаѣ.

Если бы дальнѣйшія обстоятельства, благопріятныя для насъ, показали бы, что ничего этого не нужно, что можно обойтись меньшими силами, то не слѣдовало жалѣть о сдѣланныхъ казалось бы излишнихъ затратахъ — это значило бы жалѣть о платѣ за страховку своего дома и имущества, когда не случилось пожара. Разница лишь въ томъ, что страховыя деньги идутъ чужому, а здѣсь эти расходы идутъ на себя. Вѣдь приведеніе въ дѣйствительную боевую готовность всѣхъ нашихъ судовъ и приведеніе въ дѣйствительную исправность военнаго порта (Владивостока) никакъ нельзя было бы назвать брошенными деньгами. Сдѣлано было бы только то, что давно надо было сдѣлать въ мирное время.

Старые, приведенные въ боевую готовность корабли могли остаться дома, если бы обстоятельства въ моментъ отправленія эскадры позволяли.

бы обойтись безъ нихъ, или еще лучше — могли бы отправиться, а затѣмъ возвратиться, такъ какъ плаванie требовало такого долгаго времени, что еще многое впродолженie этого времени могло измѣниться.

Къ сожалѣнiю, такое мнѣнie, хотя и имѣвшее мѣсто въ извѣстныхъ кругахъ флота, не нашло себѣ достаточно могущественной поддержки, и приготовленiя велись въ разсчетѣ на то, что дальнѣйшихъ пораженiй у насъ не будетъ, и наступаетъ эра побѣдъ. Жестокое заблужденie, за которое уже столько платились на войнѣ, и въ которое всегда впадаютъ вновь, такъ какъ вмѣсто уроковъ исторiи увлекаются неразумной экономiей!

Окончательное назначенie начальникомъ эскадры адмирала Рожественскаго.

Былъ моментъ, когда дѣло могло принять другой оборотъ—это послѣ гибели адмирала Макарова. Вновь назначенный командующiй флотомъ выдвинулъ вопросъ о значительномъ увеличенiи числа готовящихся къ отправленiю кораблей и транспортовъ, а также возникло предположенie о назначенiи начальникомъ второй эскадры адмирала Чухнина. Однако это назначенie не состоялось и начальникомъ 2-ой эскадры былъ окончательно утвержденъ адмиралъ Рожественскiй, а потому и взглядъ на то, какie корабли надо готовить, остался прежнiй. Въ этомъ отношенiи начальнику эскадры была предоставлена полная мочь. Это было неправильно, такъ какъ не соотвѣтствовало, ни его служебному положенiю, ни сущности дѣла. Понятно, что ему слѣдовало предоставить полную мочь во всемъ, что касалось приготовленiй и дѣйствiй *его эскадры*, можно объяснить, что ему былъ предоставленъ и выборъ для нея судовъ, такъ какъ очень важно, чтобы начальникъ имѣлъ подъ руками именно тѣ средства, которыя онъ хочетъ и въ которыя вѣритъ,—но все остальное его уже не касалось. Надъ нимъ стояли начальники съ болѣе широкимъ кругомъ отвѣтственности—командующiй флотомъ и главнокомандующiй. Если по ихъ мнѣнiю эскадра была слаба, надо было сформировать тогда же третью эскадру и сейчасъ же начать ее готовить.

Окончательный составъ готовившейся эскадры являлся вреднымъ компромиссомъ.

Къ сожалѣнiю адмиралъ Рожественскiй еще нѣсколько отступилъ отъ своего состава эскадры въ пользу противуположнаго мнѣнiя, но этимъ скорѣе былъ принесенъ вредъ.

Къ эскадрѣ были присоединены броненосецъ „Наваринъ“ и крейсеръ „Нахимовъ“, а также продолжалъ числиться въ эскадрѣ крейсеръ „Дмитрiй Донской“. Послѣднiй, хотя и былъ перевооруженъ, но самъ по себѣ былъ совершенно стараго типа и обладалъ самой незначительной скоростью. Первые два, помимо устарѣлости, имѣли и старую артиллерiю въ 35 калибровъ. Если бы одновременно съ ними были включены въ составъ эскадры броненосцы „Императоръ Николай“ и „Императоръ Александръ II“ и крейсеры „Память Азова“ и „Владимiръ Мономахъ“, то вмѣстѣ они бы составили отрядъ, способный къ самостоятельнымъ дѣйствiямъ — теперь же два устарѣлыхъ судна только нарушали однотипность эскадры. Наконецъ три броненосца береговой обороны типа „Адмиралъ Ушаковъ“, гораздо болѣе новые и вооруженные новой артиллерiей, являлись, въ видѣ отдѣльнаго отряда, болѣе цѣлесообразными въ эскадрѣ, нежели старые „Наваринъ“ и „Нахимовъ“. Если бы рѣшенie включить старые корабли въ эскадру послѣдовало съ самаго начала возникновенiя мысли объ ея посылкѣ, то можно было даже снабдить ихъ новой артиллерiей.

Отказъ отъ крейсерскихъ операцій въ Тихомъ океанѣ.

Вмѣстѣ съ окончательнымъ установленіемъ состава эскадры, вновь назначенный ея начальникъ настоялъ на оставленіи мысли о предполагавшихся крейсерскихъ операціяхъ съ базой въ Зондскомъ Архипелагѣ. Онъ рѣшилъ, что вспомогательные крейсеры пойдутъ только вмѣстѣ съ эскадрой, и начнутъ дѣйствовать лишь послѣ завладѣнія нами моремъ. Мысль теоретически правильная, но несообразенная съ обстановкой. Онъ какъ бы забылъ, что японскій флотъ былъ пока еще прикованъ къ Портъ-Артуру, и что для поддержки крейсерскихъ операцій имѣлись владивостокскіе крейсеры, и что сила Японіи въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ подвоза изъ Европы и Америки. При такой обстановкѣ крейсерскія операціи могли имѣть успѣхъ и могли принести огромную пользу.

Неудачная посылка крейсеровъ въ Красное море.

Но къ сожалѣнію начальникъ эскадры уничтоженіемъ крейсерскихъ операцій не ограничился, а остановился опять на компромиссѣ —два крейсера изъ Чернаго моря были посланы для захвата идущей въ Японію контрабанды въ Красное море. Здѣсь проходила масса пароходовъ и безъ контрабанды и направлявшихся во всевозможныя страны и кромѣ Японіи. Это дало поводъ къ отрицанію контрабанды и на тѣхъ судахъ, на которыхъ она дѣйствительмо была, и массу поводовъ къ раздраженію и къ поддержкѣ своихъ протестовъ со стороны нейтральныхъ державъ, въ особенности со стороны Англіи. Наконецъ дѣло „Малакки" кончилось унизительнымъ для Россіи отказомъ отъ крейсерскихъ операцій.

Недостатки въ организаціи личнаго состава эскадры.

Но самый важный пробѣлъ, допущенный при изготовленіи эскадры, относился къ ея личному составу. Въ виду долгаго изготовленія кораблей имѣлось вполнѣ достаточное время, чтобы подобрать для эскадры наилучшихъ людей, и въ особенности командоровъ, которыхъ можно было впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрерывно обучать стрѣльбѣ.

Весь черноморскій флотъ долженъ былъ служить для этой цѣли. Со всѣхъ судовъ и съ обоихъ артиллерійскихъ отрядовъ можно было собрать лучшихъ наводчиковъ и послать ихъ на эскадрѣ, отъ которой зависѣло рѣшеніе участи войны. Для такой важной цѣли стоило это сдѣлать. Между тѣмъ подборъ людей сдѣланъ не былъ. На эскадрѣ пошло много запасныхъ, много такихъ, которые не хотѣли идти, а такіе, которые хотѣли и просились —не попали.

Упущеніе въ подготовкѣ запаса снарядовъ.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ изготовленіемъ кораблей, нельзя было не готовить запаса снарядовъ, какъ для практики во время перехода, такъ и для пополненія запаса послѣ боя. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что эскадра ушла, имѣя только 20% лишнихъ противъ полнаго запаса, а потому практиковаться не могла. Вотъ подборъ личнаго состава, его боевая подготовка, и забота о запасѣ снарядовъ — это гораздо болѣе входило въ компетенцію начальника эскадры, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, какіе корабли надо приводить въ боевую готовность.

Не готовилось оборудованіе для временной базы.

Былъ еще одинъ вопросъ, который былъ упущенъ при снаряженіи второй эскадры. Хотя бы ко времени ея прибытія на театръ военныхъ дѣйствій Портъ-Артуръ и Владивостокъ находились въ нашихъ рукахъ, никакъ нельзя

было отрицать, что ей не понадобится занять на непріятельской территоріи какую либо временную базу. А тогда необходимо было имѣть для этого извѣстное количество сухопутныхъ войскъ, артиллерію для возведенія временныхъ укрѣпленій и запасъ минъ для минныхъ загражденій. Для помѣщенія всего этого достаточно было двухъ-трехъ большихъ пароходовъ. Матеріалъ и спеціально обученный личный составъ были подъ рукой въ видѣ особаго артиллерійскаго запаса и морского баталіона въ Одессѣ. Къ сожалѣнію эти части, поглотившія въ свое время много денегъ, такъ и не были использованы во время этой войны.

Начало кампаніи.

1 августа эскадра начала кампанію.

Въ это время еще не были готовы: броненосецъ „Орелъ“, крейсеры „Олегъ“, „Изумрудъ“ и „Жемчугъ“.

Мѣсяцъ эскадра должна была плавать для практики въ Финскомъ заливѣ, и 1 сентября ей предстояло отправиться въ путь.

Въ концѣ августа было совершенно ясно, что эскадру посылать нельзя.

Между тѣмъ обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій къ этому времени значительно измѣнилась. Портъ-Артурская эскадра и Владивостокскій отрядъ потерпѣли пораженіе. Выяснилась необходимость сражаться на дальней дистанціи. Опредѣлилось свойство японскихъ снарядовъ рваться при ударѣ объ воду и встрѣчѣ малѣйшаго препятствія и кромѣ этого еще получился цѣлый рядъ указаній для морского боя.

Опредѣлилось при этомъ, что японцы въ этихъ бояхъ не потеряли ни одного судна, а такъ какъ вторая эскадра еще не выходила, то было ясно, что ко времени ея прибытія японскія суда, при богатствѣ ихъ портовыхъ средствъ, будутъ вновь изготовлены къ бою.

Было также въ это время извѣстно и рѣшеніе флагмановъ и капитановъ Портъ-Артурской эскадры — не выходить и отдать все вооруженіе эскадры и весь личный составъ на береговыя укрѣпленія. Также съ достаточною ясностью опредѣлилось, что корабли будутъ постепенно разрушаться бомбардировкой съ сухого пути. 11 дюймовыя мортиры, правда, еще не появлялись у японцевъ, но уже 120 мм. ихъ пушки успѣли достаточно себя показать и вполнѣ логично было ожидать появленія у нихъ болѣе крупныхъ калибровъ, разъ можно было попадать въ корабли.

Затѣмъ послѣдовало пораженіе нашей арміи подъ Ляояномъ, а съ этимъ исчезла надежда на выручку Портъ-Артура съ суши. Было поэтому сознано, что до прихода эскадры Портъ-Артуръ продержаться не можетъ, а сопоставляя это съ ролью принятой на себя первой эскадрой, пришлось и ее считать несуществующей.

Относительно Владивостокскихъ крейсеровъ дѣло обстояло не лучше. „Лена“ была отпущена намѣстникомъ въ Америку, а въ пріобрѣтеніи быстроходнаго парохода-угольщика было отказано, хотя таковой (пароходъ „Калхасъ“) находился во Владивостокѣ на рейдѣ. Онъ былъ захваченъ съ контрабандой, но такъ какъ она составляла меньше половины его груза, то пришлось его отпустить. Такимъ образомъ крейсеры не могли выйти на встрѣчу и присоединиться къ второй эскадрѣ.

Всѣ эти вопросы были ясно поставлены на состоявшемся 30 августа совѣщаніи по поводу отправки второй эскадры. Было постановлено, что она не можетъ разсчитывать на первую эскадру, что она не можетъ застать Портъ-Артуръ въ русскихъ рукахъ, и что въ ея распоряженіи не будетъ никакой базы.

Мнѣніе начальника эскадры о необходимости послать эскадру.

Вполнѣ естественно возникъ вопргосъ—слѣдуетъ-ли въ такомъ случаѣ посылать эскадру? Все оворило противъ ея посылки въ такомъ слабомъ составѣ и при такой обстановкѣ, которая оказалась на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ голосахъ противъ посылки недостатка не было. Но не такъ смотрѣлъ на это дѣло начальникъ эскадры—онъ энергично стоялъ за отправленіе эскадры, и притомъ за немедленное, не дожидаясь неготовыхъ судовъ, и его мнѣніе взяло опять верхъ. Это могло быть лишь послѣдствіемъ увѣренности въ преимуществѣ своихъ силъ передъ японскими, притомъ основанномъ на явномъ недоразумѣніи.

Почему эскадра была задержана на сентябрь.

Слабость второй эскадры, сравнительно съ японскимъ флотомъ, бросалась прямо въ глаза, а потому черезъ нѣсколько дней рѣшено было задержать эскадру на мѣсяцъ, чтобы, во-первыхъ, дождаться неготовыхъ судовъ, а во-вторыхъ—въ это время усилились надежды на возможность покупки аргентинскихъ и чилійскихъ крейсеровъ и хотѣли отправить эскадру лишь по рѣшеніи этого вопроса.

Надежды на покупку чилійскихъ и аргентинскихъ крейсеровъ не имѣли реальныхъ основаній.

Надежды конечно были напрасныя. Достаточно было вдуматься въ договоръ 1902 года между Чили и Аргентиной о взаимномъ уменьшеніи и разоруженіи ихъ флотовъ. Относительно строившихся судовъ, пунктъ 3 прямо говорилъ, что эти корабли „по взаимному соглашенію предоставлены въ распоряженіе Его Величества короля Англіи и безъ его личнаго приказанія не могутъ быть переданы какой-бы то ни было державѣ“. При такихъ условіяхъ не обошлось-бы безъ затрудненій и при покупкѣ этихъ судовъ въ мирное время. Но мы и не дѣлали никакихъ тогда усилій, и корабли эти попали въ руки Англіи (2 чилійскихъ броненосца) и въ руки ея союзницы Японіи (2 аргентинскихъ броненосныхъ крейсера). Относительно-же остальныхъ кораблей, пунктъ 7-й договора гласитъ: „обѣ республики будутъ просить Его Величество короля Англіи принять на себя посредничество въ дѣлѣ разрѣшенія всякихъ вопросовъ, сопряженныхъ съ необходимостью приведенія флота въ боевое положеніе“. Очевидно это позволяло Англіи наложить свое veto на всякую нашу попытку пріобрѣсти эти суда, тѣмъ болѣе, что международное право самымъ положительнымъ образомъ противилось такому акту. А между тѣмъ надежда была у насъ большая. Былъ уже сформированъ личный составъ для этихъ крейсеровъ, и командовать этимъ отрядомъ былъ назначенъ адмиралъ Небогатовъ.

Вредъ надежды на покупку крейсеровъ.

Надежда на пріобрѣтеніе этихъ судовъ принесла намъ не мало вреда. Хотя наши старые корабли и не приводились въ боевую готовность, но можно было начать это дѣлать съ начала августа, когда многіе заводы оказались свободными, вслѣдствіе окончанія большинства судовъ второй эскадры, находившихся уже въ плаваніи. Но этого, надѣясь на покупку, не дѣлали. Если-бы не было этой надежды, можетъ быть не пошла-бы и вторая эскадра. Цѣлый рядъ мнѣній опытнѣйшихъ людей во флотѣ указывалъ на ея слабость. Къ этому времени подоспѣли и мнѣнія командующаго флотомъ и главнокомандующаго о немыслимости оставлять эскадру въ такомъ слабомъ составѣ, но ничто не имѣло успѣха.

Эскадра не могла воспользоваться отсрочкой, чтобы обучить комендоровъ.

Тутъ еще ярко сказалось отсутствіе заготовки большого запаса снарядовъ. Какъ сказано было выше, выяснилось, что надо вести бой на дальнихъ дистанціяхъ, а между тѣмъ всѣмъ было извѣстно, что наши комендоры никогда не обучались стрѣльбѣ на такихъ дистанціяхъ. Тутъ-бы и практиковаться неустанно въ такой стрѣльбѣ — на это было $1^1/_2$ мѣсяца времени, но . . . не было снарядовъ. Можно было добыть небольшое количество снарядовъ для 75 мм. пушекъ, которыхъ дальность не превышаетъ 35 кабельтововъ. Изъ нихъ и стрѣляли съ грѣхомъ пополамъ до разстоянія въ 40 кабельтововъ.

Отправленіе эскадры.

Наконецъ былъ готовъ „Орелъ“, подоспѣлъ также „Жемчугъ“ и 1 октября эскадра отправилась въ путь, оставивъ позади себя „Олегъ“ и „Изумрудъ“. Тѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими миноносцами, вышли въ догонку черезъ мѣсяцъ — 1 ноября.

Раздѣленіе эскадры на три эшелона.

Между тѣмъ эскадра раздѣлилась: большіе броненосцы и крейсеры пошли кругомъ Африки, — остальные — Суецкимъ каналомъ. Значитъ эскадра разбилась на три эшелона, которые всѣ должны были соединиться у Мадагаскара. Такимъ образомъ съ самаго начала явилась надобность въ трехъ транспортахъ мастерскихъ, но къ счастью все обошлось благополучно и къ 1 февраля всѣ эшелоны соединились.

Обстановка къ приходу эскадры на Мадагаскаръ.

Первое извѣстіе, которое получилъ адмиралъ Рожественскій по приходѣ на Мадагаскаръ 16 декабря — это объ уничтоженіи портъ-артурской эскадры. 24 декабря онъ узналъ о сдачѣ Портъ-Артура.

Надежда на покупку чилійскихъ и аргентинскихъ крейсеровъ тоже исчезла. Адмиралъ Небогатовъ былъ уже назначенъ командовать первымъ эшелономъ, начавшей наконецъ снаряжаться, третьей эскадры. Только 23 ноября, въ день взятія японцами Высокой горы, послѣ чего первую эскадру надо было считать погибшей, послѣдовало распоряженіе о приготовленіи третьей эскадры.

Въ первый эшелонъ входили: броненосецъ „Имп. Николай I“, 3 броненосца береговой обороны типа „Адмиралъ Ушаковъ“ и крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“. Этотъ эшелонъ могъ быть готовъ къ плаванію черезъ 6 недѣль послѣ начала работъ по изготовленію, — остальные корабли не могли тронуться раньше весны: на броненосцѣ „Импер. Александръ II“ и крейсерѣ „Память Азова“ только что приступили къ перемѣнѣ артиллеріи, также былъ неготовъ и броненосецъ „Слава“. Первый эшелонъ началъ готовиться только черезъ двѣ недѣли послѣ рѣшенія снаряжать эскадру, т. е. только 8 декабря, слѣдовательно онъ могъ выйти въ концѣ Января.

Таково было положеніе дѣлъ въ моментъ прибытія адмирала Рожественскаго на Мадагаскаръ.

Эскадру надо было вернуть съ Мадагаскара.

Очевидно дальнѣйшее плаваніе эскадры было дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ — шансовъ на ея успѣхъ не было собственно никакихъ

Еще можно было оправдать ея плаваніе до Мадагаскара. Какъ ни ясно можно было предвидѣть еще въ августѣ паденіе Портъ-Артура и уничтоженіе первой эскадры, но все таки это еще не было совер-

шившимся фактомъ и можно было руководиться мыслью—имѣть на всякій, даже маловѣроятный, случай, эскадру ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Но теперь и это соображеніе отпадало. Эскадру тѣмъ болѣе слѣдовало вернуть, что, хотя готовившіеся ей подкрѣпленія, и могли ее нѣсколько усилить, но все-же она оставалась-бы слишкомъ слабой сравнительно съ японскимъ флотомъ, а кромѣ того выяснились значительные недостатки лучшихъ ея кораблей, ясно было, что за плаваніе личный составъ ея не можетъ быть обученъ стрѣльбѣ, за недостаткомъ снарядовъ, которые и сюда не были высланы, и т. п. Также опредѣлился и духъ эскадры, нравственная сплоченность личнаго состава и его связь съ начальниками. Все это конечно лучше всего было извѣстно начальнику эскадры, но все таки не отъ него можно было требовать инициативы въ возвращеніи эскадры, въ особенности въ виду его настойчивости ея отправленія. Съ этимъ психологическимъ факторомъ нельзя было не считаться. Отъ начальника эскадры требовался только совершенно откровенный отчетъ о состояніи эскадры—отозваніе же ея должно было послѣдовать изъ Петербурга. Вотъ что писалъ по этому поводу 28 февраля одинъ изъ лучшихъ командировъ эскадры, покойный капитанъ 1 ранга Серебрениковъ (Бородино): „говорятъ, что мы скоро уходимъ въ Владивостокъ? Навѣрно не правда—идти туда послѣ паденія Артура въ томъ составѣ, что мы имѣемъ—нельзя, безсмысленно, да мы, я въ этомъ увѣренъ, и не пойдемъ, даже соединившись съ 3 отрядомъ. Послѣ сдачи Мукдена, что принесли намъ сегодня французскія телеграммы, идти мы не можемъ—этого не должно быть, въ противномъ случаѣ—это будетъ роковая ошибка“.

Что оставалось дѣлать съ третьей эскадрой.

Почему эскадра отправилась въ дальнѣйшій путь, какія и кѣмъ были выставлены для этого основанія, осталось невыясненнымъ — это сдѣлаетъ исторія. Но разъ такъ или иначе было рѣшено, что она будетъ продолжать свой путь, надо было рѣшить, что-же дѣлать съ готовившейся третьей эскадрой?

Главные отряды второй эскадры, т. е. не считая отряда капитана 1 ранга Добротворскаго („Олегъ“, „Изумрудъ“), соединились на Мадагаскарѣ 27 декабря и, слѣдовательно, если не было какихъ либо внутреннихъ у нея причинъ, оставшихся неизвѣстными, она черезъ нѣсколько дней могла тронуться въ путь. Первый-же эшелонъ третьей эскадры могъ тронуться только черезъ мѣсяцъ (на самомъ дѣлѣ вышелъ 2 февраля), и еще по крайней мѣрѣ мѣсяца полтора надо было положить на переходъ его до Индѣйскаго океана (онъ вышелъ изъ Джибути 25 марта). Слѣдовательно впередъ можно было знать, что или второй эскадрѣ надо ждать $2^1/_2$ мѣсяца Небогатова, или ей идти сейчасъ, а тогда ужъ Небогатова задержать до готовности всей третьей эскадры. Такъ какъ вся эта эскадра раньше мая мѣсяца готова быть не могла, а столкновеніе съ японцами адмирала Рожественскаго, при его немедленномъ отправленіи, послѣдовало-бы гораздо раньше, то, въ зависимости отъ результатовъ этого столкновенія, можно было-бы рѣшить вопросъ—отправлять или не отправлять третью эскадру.

Почему 2-я эскадра такъ долго ждала на Мадагаскарѣ.

Слѣдовательно, разъ Небогатовъ вышелъ 2 февраля, можно было предполагать, что вторая эскадра простоитъ еще $1^1/_2$ мѣсяца у Мадагаскара. Значитъ дипломатическимъ путемъ была обезпечена возможность такой про-

должительной стоянки, которая къ тому же продолжалась уже столько же времени (съ 16 декабря). Если начальникъ второй эскадры былъ противъ такого выжиданія, и вообще противъ присоединенія къ нему адмирала Небогатова, то онъ могъ съ достаточною ясностью и твердостью убѣдить въ этомъ высшее начальство и въ періодъ времени съ 16 декабря по 1 января (самый ранній срокъ возможности второй эскадрѣ продолжать свой путь). Кажется просто невѣроятнымъ, чтобы на его доводы не обратили вниманія и *заставили* бы его ждать. И если бы послѣднее предположеніе, болѣе чѣмъ невѣроятное, имѣло бы мѣсто, то уже заставили бы ждать до конца, а между тѣмъ эскадра пошла дальше 3 марта, черезъ два дня послѣ того, какъ Небогатовъ прибылъ въ Канею, т. е. послѣ того, какъ онъ преодолѣлъ самую опасную (зимній переходъ сѣверными морями, Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ) часть пути, когда съ полной очевидностью выяснилась способность его кораблей совершать большіе переходы (главное возраженіе противъ посылки броненосцевъ береговой обороны, это были ихъ плохія морскія качества и неспособность къ большимъ переходамъ), и когда до выхода изъ Джибути, т. е. до выхода для соединенія оставалось не больше трехъ недѣль (на самомъ дѣлѣ Небогатовъ вышелъ изъ Джибути 25 марта). Значитъ предположеніе, что адмиралъ Рожественскій, пробывши на Мадагаскарѣ $2^1/_2$ мѣсяца, будто бы изъ за ожиданія Небогатова, не могъ, или его не могли заставить, подождать трехъ недѣль — невѣроятно. Прямо нельзя допустить такую мысль.

Это могло быть при единственномъ условіи, что адмиралъ Небогатовъ запоздалъ противъ первоначальнаго разсчета. Если бы онъ запоздалъ съ изготовленіемъ и этимъ нарушилъ бы составленный планъ, то это выяснилось бы въ началѣ января, когда начались на заводахъ забастовки. И такъ какъ послѣ этого адмиралъ Рожественскій пробылъ на Мадагаскарѣ еще почти два мѣсяца, то слѣдовательно это предположеніе надо отбросить.

Точно также Небогатовъ не могъ нарушить никакихъ предположеній продолжительностью своихъ переходовъ — скорѣе напротивъ. Отрядъ адмирала Фелькерзама шелъ отъ Либавы до острова Крита мѣсяцъ, а Небогатовъ, и притомъ при худшихъ обстоятельствахъ погоды, сдѣлалъ этотъ переходъ въ 27 дней. Могло конечно случиться, что приходъ Небогатова на островъ Критъ 1 марта не былъ извѣстенъ адмиралу Рожественскому, ушедшему 3 марта, но вѣдь извѣстія о быстромъ движеніи Небогатова получались и раньше и со многихъ пунктовъ, и ожидать извѣстія о его приходѣ на Критъ можно было съ часу на часъ. При расчетѣ же времени прохода Небогатовымъ Суецкаго канала можно было также судить по времени, протекшему съ момента выхода изъ Либавы до выхода изъ Суеца, отрядовъ адмирала Фелькерзама и капитана I-го ранга Добротворскаго. Первый потратилъ на это (съ 1 октября по 14 ноября) 44 дня, а второй (съ 3 ноября по 31 декабря) 58 дней. Правильнѣе было разсчитывать на эту послѣднюю цифру. Небогатовъ же употребилъ на это всего 39 дней (со 2 февраля по 13 марта), слѣдовательно онъ поспѣлъ бы гораздо раньше, чѣмъ его могли бы ожидать, и не было никакихъ причинъ (судя по его переходу до Крита) думать, что онъ опоздаетъ.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что вторая эскадра совсѣмъ не изъ за того такъ долго пробыла у Мадагаскара, что она

ждала, или тѣмъ паче, что ее *заставляли* ждать адмирала Небогатова. Очевидно адмиралу Рожественскому была предоставлена свобода дѣйствій, или его связывали изъ Петербурга совсѣмъ другими соображеніями, а можетъ быть причины эти были мѣстныя — все это осталось пока невыясненнымъ.

Почему вышелъ адмиралъ Небогатовъ.

Но разъ вторая эскадра не была связана съ третьей и могла уйти, ея не дождавшись, то почему же третья эскадра вышла?

Вся эта кажущаяся путаница распутается только тогда, когда сдѣлается извѣстнымъ все дѣло о попыткахъ пріобрѣтенія нами чилійскихъ и аргентинскихъ крейсеровъ.

Выше было уже упомянуто, что въ декабрѣ надежда эта пропала и, назначенный командовать этими крейсерами, адмиралъ Небогатовъ сталъ готовить первый эшелонъ третьей эскадры. Но къ несчастью черезъ мѣсяцъ это эфемерное дѣло всплыло опять и опять на немъ начали строить разсчеты. Опять былъ назначенъ весь личный составъ, пріобрѣтены пароходы для перевозки его на мѣсто рандеву и все это было сосредоточено въ Либавѣ и готово къ отплытію. Начальникомъ отряда этихъ крейсеровъ былъ назначенъ адмиралъ Беклемишевъ.

Вотъ, если разсчитывали на эти крейсера, то можно объяснить, почему отправили Небогатова, внѣ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ его ждать адмиралъ Рожественскій.

Также можно объяснить тогда, почему такъ долго адмиралъ Рожественскій находился, или его держали, какъ бы въ несопредѣленномъ положеніи, какъ бы въ состояніи колебанія. Дѣло съ покупкой крейсеровъ, то казалось близкимъ къ осуществленію, то почти совершившимся фактомъ, а то вдругъ являлись будто бы неожиданныя препятствія, — на самомъ дѣлѣ ловко создаваемыя различными проходимцами, кормившимися у этой фантастической продажи — и всѣ эти перепетіи, пожалуй, и отражались на вопросѣ о выходѣ адмирала Рожественскаго на театръ военныхъ дѣйствій. Третья эскадра такъ влiять не могла—въ ея силѣ и движеніи все было ясно и опредѣленно, и колебаній и проволочки въ рѣшеніи быть не могло.

Была ли связь между движеніями второй эскадры и отрядомъ Небогатова.

Уходъ второй эскадры нѣкоторые ставятъ въ связь съ движеніемъ отряда Небогатова, которое послужило какъ бы средствомъ ввести въ заблужденіе противника относительно времени появленія адмирала Рожественскаго въ Тихомъ Океанѣ. Утверждали, что будто бы японцы могли думать, что вторая эскадра пошла на сѣверъ, чтобы поджидать Небогатова, а потому адмиралъ Рожественскій, пошедшій между тѣмъ прямо на востокъ, появился въ водахъ Тихаго Океана гораздо раньше, чѣмъ его тамъ ждали.

Едва ли это имѣло какое нибудь основаніе. Дѣйствительно, въ моментъ выхода второй эскадры, отрядъ Небогатова только что пришелъ на островъ Критъ, и послѣ этого простоялъ тамъ на якорѣ 7 дней (ушелъ 8 марта). Это съ полною очевидностью доказывало, что никакого согласованія въ движеніи второй эскадры и этого отряда не было. Вотъ напр. если бы адмиралъ Рожественскій покинулъ Мадагаскаръ во время пребыванія отряда Небогатова въ Джибути, ну, положимъ, даже въ мо-

ментъ выхода послѣдняго изъ Суэца, тогда вышеприведенное соображенie еще могло бы имѣть мѣсто. Но въ это время (25 и 13 марта) адмиралъ Рожественскiй былъ уже далеко. Вообще ввести въ заблужденie противника въ данномъ случаѣ было очень трудно. Уходъ съ Мадагаскара скрыть было никакъ нельзя, и дѣйствительно объ этомъ сейчасъ же стало извѣстно всему мiру, а также извѣстнымъ оказалось и то, что эскадра направилась на востокъ. Хотя и выбранъ былъ путь совершенно непосѣщаемый пароходами, но все таки таковые оказались, можетъ быть и нечаянно, а можетъ быть японцами былъ организованъ и надзоръ. Слѣдить за эскадрой было болѣе чѣмъ легко. Днемъ на громадное разстоянiе выдавалъ ее дымъ, такъ что можно было слѣдить за ней, держась внѣ ея видимости, а ночью она шла со всѣми огнями, которые представляли изъ себя такую „рожественскую елку", какъ ее называли, по которой легко было ее найти, если бы днемъ ея слѣдъ и былъ бы потерянъ. Дозорной и развѣдочной службы на далекомъ разстоянiи отъ эскадры не было, да можетъ быть это было и затруднительно, такъ какъ это требуетъ большого расхода угля, а на этомъ переходѣ каждый тоннъ угля, который не надо было грузить въ открытомъ океанѣ, представлялъ изъ себя большую цѣнность. Шедшiй же впереди эскадры, въ разстоянiи всего 3—4 миль, такъ называемый, развѣдочный отрядъ, совершенно не соотвѣтствовалъ при такихъ обстоятельствахъ своему названiю.

Конечно чѣмъ дальше въ океанъ продвигалась эскадра, тѣмъ труднѣе было своевременно сообщать объ ея движенiи, если даже дѣйствительно такое сообщенie и было организовано у японцевъ. Но разъ они не намѣревались встрѣтить эскадру въ одномъ изъ проливовъ, ведущихъ въ Тихiй Океанъ, нужды въ такой организацiи не было — достаточно было убѣдиться въ томъ, пошла ли эскадра на востокъ, или на сѣверъ, и для этого довольно было прослѣдить за ней впродолженiи нѣсколькихъ дней.

Но этого адмиралъ Рожественскiй знать не могъ, а потому его рѣшенie, идти черезъ Малаккскiй проливъ, надо признать шагомъ въ высокой степени искуснымъ. Именно здѣсь его можно было меньше всего ожидать. Но нельзя отрицать и того, что, если бы японцы разсчитывали дѣйствительно напасть на эскадру, хотя бы съ одними минными судами, они имѣли возможность организовать за нею наблюденie и знать во время о томъ, куда именно она направится.

26 марта эскадра прошла Сингапуръ и можетъ быть уже тутъ адмиралу Рожественскому стало извѣстно о выходѣ отряда Небогатова изъ Джибути 25 марта. Какъ утверждаетъ послѣднiй, онъ не зналъ, куда направилась вторая эскадра.

Ровно ничего нельзя возразить противъ того, что адмиралъ Рожественскiй не сообщилъ своего маршрута, ни въ Петербургъ, ни кому бы то ни было на эскадрѣ, пока она не ушла изъ Носсибей—у насъ настоящихъ военныхъ секретовъ хранить не умѣютъ и такъ или иначе маршрутъ сталъ бы извѣстенъ японскимъ агентамъ. Но это совсѣмъ не значило, что можно было оставлять адмирала Небогатова въ полномъ недоумѣнiи. Если бы въ Джибути былъ посланъ офицеръ, съ порученiемъ передать Небогатову запечатанный конвертъ, то тайна была бы сохранена.

Чтобы она не могла быть распространена на берегу, можно было

предписать вскрыть конвертъ по выходѣ отряда изъ Джибути. Такой пріемъ вполнѣ гарантировалъ соблюденіе тайны.

Наконецъ, если адмиралъ Рожественскій считалъ, что отрядъ Небогатова его только свяжетъ, а потому и не давалъ ему никакихъ инструкцій, то, уходя изъ Носси-бей, ему легко было рѣшительно и окончательно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ, и прямо надо считать невѣроятнымъ, чтобы съ этимъ взглядомъ не стали бы считаться въ Петербургѣ.

Тотъ фактъ, что ничего изъ этого сдѣлано не было, еще разъ доказывалъ, что движеніе второй эскадры происходило совершенно независимо отъ движенія адмирала Небогатова.

Долженъ ли былъ продолжать путь адмиралъ Небогатовъ послѣ ухода 2-й эскадры съ Мадагаскара.

Послѣдній, значитъ, направлялся Главнымъ Морскимъ Штабомъ. Благоразумно ли было позволять Небогатову двигаться дальше, разъ Рожественскій ушелъ безъ него и опередилъ его на такое огромное разстояніе? Быть можетъ, лучше было вернуть этотъ отрядъ съ Крита? На послѣдній вопросъ скорѣе можно было отвѣтить отрицательно. Разъ этотъ отрядъ двинулся, его надо уже было продвигать дальше и держать его какъ можно ближе къ театру военныхъ дѣйствій, чтобы имѣть его подъ рукой для окончательнаго направленія, въ зависимости отъ имѣющихъ произойти событій. Въ случаѣ крупной неудачи второй эскадры при входѣ въ Тихій Океанъ, отрядъ Небогатова можно было вернуть еще изъ Джибути, а въ случаѣ опасности для него перехода изъ Джибути въ Суецъ, напр. вслѣдствіе оказавшихся въ этомъ раіонѣ значительныхъ японскихъ силъ, — хотя это и было болѣе чѣмъ невѣроятно — отрядъ могъ быть интернированъ въ Джибути. Если же адмиралъ Рожественскій, войдя благополучно въ Тихій Океанъ, пошелъ-бы дальше, то можно было двинуть изъ Джибути и отрядъ Небогатова. Для этого благоразумнѣе конечно было подождать извѣстій о входѣ второй эскадры въ Тихій Океанъ, тѣмъ болѣе, что этихъ извѣстій надо было ожидать съ часу на часъ во время пребыванія адмирала Небогатова въ Джибути. Въ случаѣ сравнительнаго успѣха второй эскадры (на полный успѣхъ разсчитывать было никакъ нельзя) — напр. тяжелыхъ потерь и со стороны японцевъ, отрядъ Небогатова могъ бы, или пройти вслѣдъ за остатками второй эскадры на сѣверъ, или, въ случаѣ ихъ отступленія, явиться для нихъ желаннымъ покрѣпленіемъ. При полной же неудачѣ второй эскадры оставалась возможность интернировать отрядъ въ Сайгонѣ.

Надо полагать, что ко всѣмъ этимъ соображеніямъ присоединялись еще надежды на отрядъ экзотическихъ крейсеровъ. Именно, въ послѣднихъ числахъ марта эти надежды особенно процвѣтали. Съ часа на часъ ожидали отправленія всего личнаго состава крейсеровъ изъ Либавы. Поэтому быть можетъ предполагали, что отрядъ Небогатова окажется въ Зондскомъ архипелагѣ не одинъ.

Должна ли была вторая эскадра ждать въ Индо-Китаѣ адмирала Небогатова.

31 марта адмиралъ Рожественскій прибылъ къ берегамъ Индо-Китая (Камрангъ), откуда вышелъ на сѣверъ 1 мая, послѣ присоединенія къ нему 26 апрѣля (въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ) отряда Небогатова. Въ разборѣ причинъ, руководившихъ этими событіями, приходится опять держаться логическихъ предположеній, такъ какъ отчеты о сущности этихъ событій опубликованы не были.

Если адмирала Рожественскаго из Петербурга *заставили* въ Камрангѣ ждать Небогатова, и именно здѣсь стѣснили его, поставивъ его дѣйствія въ зависимость отъ движенія третьей эскадры (выше было уже указано, что стоянка эскадры на Мадагаскарѣ не можетъ быть объяснена зависимостью ея отъ Небогатова), то остается только поражаться, что можно было впасть въ такую ужасную ошибку. Адмиралъ Рожественскій былъ на мѣстѣ, ему была виднѣе вся обстановка, ему приходилось имѣть дѣло съ постоянными напоминаніями французовъ о невозможности дальнѣйшаго его пребыванія въ нейтральномъ порту, и т. п.... Здѣсь ужъ нельзя было поступить иначе, какъ предоставить начальнику эскадры полную мочь, предоставивъ ему распорядиться и отрядомъ Небогатова по его полному усмотрѣнію. Зная, что послѣдній вышелъ изъ Джибути 25 марта и что слѣдовательно можно ожидать его прихода въ Зондскій архипелагъ примѣрно черезъ мѣсяцъ, адмиралу Рожественскому предстояло рѣшить — ждать его или не ждать?

Если онъ считалъ этотъ отрядъ для себя, въ смыслѣ усиленія, безполезнымъ и даже вреднымъ, — хотя никакихъ основаній для этого подыскать нельзя, — тогда единственнымъ основаніемъ, чтобы все таки его ждать, могла быть опасность, что отрядъ этотъ можетъ подвергнуться нападенію превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Оставить товарищей на произволъ судьбы, подвергая ихъ опасности гибели въ неравномъ бою, столь тяжело, что этимъ могло быть объяснено все. Но какъ бы тщательно не разбирать обстановку всего этого дѣла, опасности этой не было, или если она и была, то этимъ самымъ въ огромной степени увеличивались шансы на успѣхъ для второй эскадры, а тогда этотъ рискъ отрядомъ Небогатова являлся вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Можно ли было представить себѣ, что если бы вторая эскадра, послѣ недѣльной стоянки въ Камрангѣ, т. е. въ началѣ апрѣля, двинулась бы на сѣверъ, чтобы японцы (если бы они и были въ южномъ китайскомъ морѣ) оставили позади ея достаточно сильный отрядъ и притомъ на очень долгое время, чтобы навѣрняка уничтожить имѣвшаго появиться тутъ недѣли черезъ три отрядъ Небогатова! Да вѣдь это было бы чистое безуміе! На это надо было бы отдѣлить по крайней мѣрѣ отрядъ изъ четырехъ броненосныхъ крейсеровъ, т. е. *одну треть* всего броненоснаго японскаго флота. Тогда задача второй эскадры на столько бы облегчалась, что надо было всѣми силами желать, чтобы японцы такъ поступили. Едва ли однако начальникъ второй эскадры надѣялся на такую грубую ошибку со стороны своего противника.

Если бы японцы всѣ свои силы расположили между частями русскаго флота, т. е., пропустивши адмирала Рожественскаго на сѣверъ, отдѣлили бы его отъ Небогатова и стали бы его преслѣдовать, то и этотъ планъ никто не назвалъ бы удачнымъ. Такъ какъ адмиралъ Рожественскій былъ бы на три недѣли впереди Небогатова, то, или японцамъ, при преслѣдованіи, пришлось бы оставить намѣреніе уничтожить Небогатова, или опять отдѣлить для этого такія силы, которыя могли повести къ пораженію ихъ главныхъ силъ въ бою со второй эскадрой. Нечего говорить еще объ огромной невыгодѣ имѣть главныя непріятельскія силы между собой и своими базами (берегами Японіи).

Такимъ образомъ единственно возможное расположеніе непріятельскихъ силъ — было сосредоточеніе ихъ и прегражденіе ими въ томъ или другомъ мѣстѣ пути адмиралу Рожественскому на сѣверъ. А тогда, пока не произошелъ бы бой, путь для Небогатова былъ чистъ. Результатовъ этого боя, если, по мнѣнію адмирала Рожественскаго, онъ не долженъ былъ въ немъ участвовать, Небогатовъ могъ выждать у Сайгона (не заходя въ рѣку), или въ тѣхъ же Камрангѣ и Ванъ-Фонгѣ. Если второй эскадрѣ удалось тамъ пробыть мѣсяцъ, то тоже самое было доступно и отряду Небогатова. Въ зависимости отъ результатовъ боя, отрядъ могъ двинуться впередъ, соединиться съ отступающей второй эскадрой, или интернироваться въ Сайгонѣ. Соотвѣтствующія инструкціи могли быть оставлены въ Сингапурѣ и Батавіи, разъ ужъ былъ упущенъ случай оріентировать адмирала Небогатова въ Джибути.

Такимъ образомъ, разъ невѣроятно предположеніе, чтобы вторую эскадру *заставили изъ Петербурга* ждать въ Камрангѣ отрядъ Небогатова, и разъ движеніе второй эскадры впередъ, не дождавшись этого отряда, не грозило послѣднему никакими опасностями, остается придти къ заключенію, что, или мѣсячная стоянка въ Камрангѣ вызывалась причинами не имѣющими никакой связи съ отрядомъ Небогатова, или начальникъ второй эскадры просто считалъ въ это время полезнымъ присоединеніе этого отряда къ эскадрѣ, а потому его и ждалъ. Послѣдняя причина казалась бы болѣе естественной.

Какое вліяніе имѣли задержки 2-й эскадры на шансы ея на успѣхъ.

Здѣсь возникаетъ еще вопросъ — въ какой мѣрѣ задержки эскадры на Мадагаскарѣ и въ Камрангѣ, внѣ зависимости отъ причинъ этихъ задержекъ, могли вліять на бóльшую подготовленность японскаго флота къ встрѣчѣ, а слѣдовательно и увеличить шансы нашего пораженія.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получить не трудно.

Послѣ 1 августа 1904 г. японскій флотъ въ бояхъ не участвовалъ и могъ приступить къ исправленію кораблей. Правда приходилось продолжать блокаду Портъ-Артура, но во-первыхъ число русскихъ кораблей уменьшилось на 1 броненосецъ, 1 броненосный и 3 бронепалубныхъ крейсера и нѣсколько миноносцевъ, а во-вторыхъ, самое позднее въ октябрѣ и японцы могли убѣдиться, что русскій флотъ не выйдетъ и что можно опасаться развѣ только прорыва единичныхъ кораблей. Огромное количество морскихъ орудій и судовыхъ командъ на сухопутныхъ позиціяхъ доказывали это съ полной ясностью, но конечно помимо этого совсѣмъ точныя свѣдѣнія они имѣли и отъ шпіоновъ. Наконецъ съ 26 ноября они могли быть совсѣмъ спокойны и считать, что на театрѣ военныхъ дѣйствій русскаго флота нѣтъ. Здравый военный разсчетъ конечно предписывалъ имъ имѣть свой флотъ въ полной готовности къ самому раннему возможному сроку прибытія на театръ военныхъ дѣйствій второй эскадры. Разъ она вышла 1 октября, этимъ срокомъ являлось 15 февраля—1 марта. Слѣдовательно для поочереднаго приведенія кораблей въ исправность, они имѣли $6^1/_2$ мѣсяцевъ (съ 1 августа), а 3 мѣсяца этимъ могли свободно заниматься всѣ корабли, причемъ все что нужно было изготовить на заводахъ, выписать изъ Европы, напр. запасъ снарядовъ и т. п.—на все это тоже времени было $6^1/_2$ мѣсяцевъ.

Могъ-ли при такихъ условіяхъ японскій флотъ привести себя въ полную боевую готовность? Очевидно могъ. Наша эскадра, вернувшаяся 29 іюля въ Портъ-Артуръ, черезъ двѣ недѣли была готова къ новому выходу, и не вышла только потому, что совѣтъ флагмановъ и капитановъ отказался отъ выходовъ въ принципѣ. Владивостокскій отрядъ требовалъ для готовности къ выходу трехъ недѣль, причемъ самой крупной работой являлось изготовленіе нѣсколькихъ новыхъ дымовыхъ трубъ. И такое время потребовалось при скудныхъ средствахъ нашихъ портовъ. Предполагать, что японцамъ были нанесены болѣе тяжкія поврежденія нежели нашимъ кораблямъ, не было никакого основанія — скорѣе напротивъ. Число судовъ подлежащихъ исправленію тоже было не больше — всѣ бронепалубные крейсеры и два броненосныхъ крейсера въ бояхъ 28 іюля и 1 августа не принимали хоть сколько-нибудь дѣятельнаго участія. Слѣдовательно, при многочисленности японскихъ портовъ и широкомъ ихъ оборудованіи, не только всѣ японскія суда могли быть приготовлены къ бою, но можно было тщательно привести ихъ въ порядокъ по всѣмъ частямъ, замѣнить поврежденныя орудія другими, очистить подводныя части въ докахъ, перебрать машины, и, по мѣрѣ изготовленія кораблей, производить неустанную практику въ маневрированіи и стрѣльбѣ. Конечно, такъ какъ русская эскадра прибыла на $2^1/_2$ мѣсяца позже самаго ранняго срока, практика эта могла быть тщательнѣе и обширнѣе, но общіе отзывы говорятъ о превосходномъ маневрированіи японцевъ и очень мѣткой стрѣльбѣ и во время перваго періода кампаніи, и слѣдовательно эти $2^1/_2$ мѣсяца не могли ужъ имѣть сколько-нибудь рѣшающаго значенія въ искусствѣ японцевъ, и тщетно было надѣяться застать ихъ недостаточно подготовленными, а тѣмъ болѣе побѣдить, если-бы наша эскадра двигалась безъ всякихъ задержекъ. Японцы достаточно доказали свою предусмотрительность, чтобы можно было серьезно объ этомъ говорить.

Сравненіе силы 2-й эскадры съ японскимъ флотомъ.

Такъ или иначе, но 26 апрѣля отрядъ Небогатова присоединился въ Ванъ-Фонгѣ къ эскадрѣ, и 1 мая она тронулась въ путь на сѣверъ. Теперь ужъ можно было въ каждый данный моментъ ждать встрѣчи съ противникомъ и боя.

Всѣ шансы на побѣду были на сторонѣ японцевъ.

Общее водоизмѣщеніе нашихъ броненосныхъ судовъ (включая сюда „Нахимовъ") было 119.752 тонны противъ 138.922 тоннъ японскихъ, но въ то время какъ у нихъ имѣлось только одно устарѣлое судно — „Чинъ-Іенъ", у насъ ихъ имѣлось три („Наваринъ", „Имп. Николай I", „Нахимовъ"), притомъ даже со старой артиллеріей. Изъ остальныхъ судовъ три были малы и плохо защищены (броненосцы береговой обороны) и вообще всѣ наши корабли, за исключеніемъ четырехъ типа „Суворовъ", имѣли гораздо худшую броневую защиту нежели японцы.

Наконецъ всѣ ихъ броненосные корабли, за исключеніемъ одного, имѣли ходъ отъ 16 до 18 узловъ, тогда какъ такой ходъ у насъ могли развить только 4 корабля („Бородино" исключенъ), а большинство остальныхъ имѣло не больше 12 узловъ хода.

Подсчетъ силы артиллеріи на этихъ судахъ тоже былъ далеко не въ нашу пользу:

	12″		10″	9″	8″		6″		4,″7	3″
	нов.	стар.	нов.	стар.	нов.	стар.	нов.	стар.	нов.	нов.
русскіе . . .	20	6	15	4	—	8	65	26	12	100
японцы	20	4	1	—	30	—	174	—	»	184

Перевѣсъ нашъ, въ 14 орудій въ 10 дюймовъ, больше чѣмъ возмѣщался 30-ю японскими 8 дюймовыми орудіями, средняя-же ихъ артиллерія была вдвое многочисленнѣе. Снаряды наши заключали въ себѣ гораздо меньшее количество взрывчатаго вещества нежели японскіе (въ 5—6 разъ) и такъ были устроены, что рвались только при ударѣ о броню. Притомъ надо отмѣтить, что эти сравнительныя качества выяснены были не въ послѣдовавшемъ бою, какъ это часто писалось, но были они извѣстны заранѣе — еще въ мирное время. Данныя нашихъ снарядовъ были конечно хорошо намъ извѣстны, а объ японскихъ можно было судить по англійскимъ, такъ какъ у японцевъ артиллерія англійскаго образца, и данныя англійскихъ снарядовъ помѣщались въ англійскихъ оффиціальныхъ опубликованныхъ изданіяхъ, а также было достаточно извѣстно о результатахъ опыта стрѣльбы съ броненосца „Majestic“ по „Belleisle“. Наконецъ свойство японскихъ снарядовъ достаточно сказалось въ первый періодъ войны.

Кромѣ того всѣ японскіе корабли были соотвѣтственно больше и мореходнѣе, а потому стрѣльба съ нихъ была легче и наконецъ, самое главное — комендоры ихъ были превосходно напрактикованы и притомъ въ стрѣльбѣ на дальнія дистанціи, тогда какъ наши неправильно обучались и въ мирное время, а во время перехода не практиковались почти совсѣмъ.

Такимъ образомъ, не смотря на небольшую разницу въ водоизмѣщеніи и на равенство въ количествѣ крупной артиллеріи (8″ пушки должны быть отнесены по дальности и пробиваемости скорѣе къ крупной артиллеріи нежели къ средней), броненосные отряды противниковъ — а отъ ихъ силы зависѣло и рѣшеніе боя—отнюдь нельзя было считать равными и едва-ли кто оцѣнилъ-бы силу русскаго броненоснаго отряда больше чѣмъ въ половину силы соотвѣтствующаго японскаго.

Что касается до развѣдочныхъ отрядовъ, то хотя у японцевъ и не было крейсеровъ такой величины, какъ „Олегъ“ и „Аврора“ и столь быстроходныхъ, какъ „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“, но за то число ихъ крейсеровъ было почти вдвое больше.

По силѣ артиллеріи ихъ крейсерскій отрядъ тоже надо было считать примѣрно вдвое сильнѣе (семь—8″, сорокъ—6″, сто одно—4″,7 и пятьдесятъ шесть—3″ противъ нашихъ тридцати семи—6″, восемнадцати—4″,7 и пятидесяти четырехъ—3″). Нѣсколько вспомогательныхъ нашихъ крейсеровъ мало мѣняли соотношеніе силъ. Наконецъ о сравненіи минныхъ флотилій противниковъ не могло быть и рѣчи — превосходство японцевъ было прямо подавляющимъ.

Всѣ перечисленные недостатки уже не могли быть исправлены во время пути. Сознаніе ихъ должно было повести къ другой совсѣмъ организаціи вспомогательной эскадры съ самаго начала войны, потомъ они-же, разъ время для такой организаціи было упущено, должны были-бы привести къ рѣшенію не посылать эскадру, и наконецъ, хотя и позднее ихъ сознаніе, при все ухудшающейся обстановкѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій, должно было имѣть послѣдствіемъ своевременное возвращеніе эскадры.

Чѣмъ можно было отчасти уравновѣсить неравенство силъ.

Но разъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, это сдѣлано не было, разъ эскадра все-таки шла, не имѣя никакихъ шансовъ на побѣду, сознаніе этихъ недостатковъ, уже неустранимыхъ во время похода, должно было привести къ самымъ тщательнымъ заботамъ, чтобы уравновѣсить эти недостатки всевозможными мѣрами, не упуская изъ вида ни одной мелочи, не жалѣя огромнаго труда даже для этихъ мелочей, имѣя въ головѣ одну мысль—все, что усиливаетъ эскадру хоть немного, имѣетъ огромную цѣну. Это былъ единственный путь къ тому, чтобы неудачу сдѣлать менѣе крупной, чтобы нанести и противнику возможно бóльшій вредъ. Обратный же способъ дѣйствій очевидно велъ къ катастрофѣ. Въ чемъ же могли заключаться эти мѣры?

Чѣмъ можно было бы сплотить личный составъ.

Прежде всего конечно въ сплоченіи личнаго состава эскадры въ одну тѣсную семью, въ созданіи самой тѣсной связи между начальниками и подчиненными, въ развитіи между ними полнаго довѣрія и взаимнаго пониманія.

Для этого необходимы были постоянныя бѣсѣды начальника эскадры съ младшими флагманами и съ командирами, обсужденія съ ними во всѣхъ подробностяхъ встрѣчаемыхъ трудностей и способовъ къ ихъ преодолѣнію; подробное до малѣйшихъ деталей обсужденіе всевозможныхъ комбинацій въ бою, намѣреній какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Здѣсь начальникъ эскадры узналъ бы близко всѣхъ своихъ подчиненныхъ, зналъ бы, въ какой степени на кого и въ чемъ можно было положиться, чего отъ кого можно было ожидать, здѣсь можно было подбодрить слабыхъ, незамѣтно провести свои идеи въ сознаніе всѣхъ, такъ чтобы они стали общими, использовать благоразумные совѣты, такъ какъ одному предвидѣть все невозможно и т. п. Кромѣ того на корабляхъ какъ можно чаще должны были видѣть начальника эскадры, видѣть его заботы, слышать его привѣтливое ободряющее слово, знать, что всякое стараніе, всякій достигнутый успѣхъ будутъ замѣчены начальникомъ и отмѣчены его благодарностью... Все это на столько подымало бы духъ и бодрость личнаго состава, что всякія необходимыя строгости, всякія лишенія и трудности похода переносились бы легко и безропотно.

Къ сожалѣнію, это главное средство для усиленія эскадры не нашло себѣ на ней примѣненія. Начальникъ эскадры явно не довѣрялъ своимъ флагманамъ и командирамъ и такъ ясно и постоянно это показывалъ, что для нихъ въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Ему вѣрили, на него надѣялись, но безсознательно, инстинктивно, предполагая, но ничего не зная. Его боялись какъ огня, всѣ находились подъ гнетомъ его неумолимой суровости, но никто не зналъ, какъ продолжить его дѣло, если бы его не стало. Всякая личная иниціатива была задавлена, всѣ пріучались только слѣпо повиноваться. Какъ предполагалось вести бой, какіе пріемы

предполагалось употребить въ томъ или другомъ случаѣ—никто не зналъ. Да никто и не видѣлъ никогда начальника эскадры, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось бывать на флагманскомъ кораблѣ — самъ же начальникъ эскадры никогда никуда не ѣздилъ. Рѣдко, исключительно рѣдко, кто слышалъ одобреніе своимъ удачнымъ дѣйствіямъ — они обыкновенно принимались какъ должное. За то порицанія, самыя жестокія, часто глубоко оскорбительныя по формѣ, сыпались градомъ... О духѣ личнаго состава эскадры заботы не было. Его не возвышали, а скорѣе убивали, и съ такимъ направленіемъ трудно было побѣдить.

Качества личнаго состава 2-й эскадры.

А между тѣмъ личный составъ 2-й эскадры являлся чрезвычайно благодарнымъ матеріаломъ въ рукахъ искуснаго руководителя и совершенно не заслуживалъ, ни недовѣрія, ни тѣмъ болѣе—пренебреженія. Несмотря на свою малоопытность при выходѣ изъ Либавы, вѣдь ни кто иной какъ этотъ личный составъ — командиры, офицеры и нижніе чины, самоотверженно работали не покладая рукъ, самымъ тщательнымъ образомъ, въ сознаніи важности выполняемаго долга, за страхъ и за совѣсть, относились ко всѣмъ деталямъ своихъ обязанностей, и, благодаря этому, совершили подвигъ, неслыханный до того времени, которому удивляются моряки всѣхъ странъ, и въ возможность котораго никто не вѣрилъ, раньше чѣмъ онъ не сталъ совершившимся фактомъ. Развѣ можно назвать иначе, чѣмъ подвигомъ, этотъ огромный переходъ въ 20.000 миль безъ возможности чиниться и грузить уголь въ портахъ, при чемъ *ни одно* судно не отстало! Развѣ это сдѣлалъ только одинъ начальникъ эскадры, а не ввѣренный ему личный составъ? Кто думалъ, что машины, какъ старыхъ, такъ и въ особенности новыхъ кораблей, выдержатъ такое тяжкое испытаніе? Кто не знаетъ, что наши инженеръ-механики все таки въ общемъ малоопытны? А вотъ всетаки эти же инженеръ-механики, благодаря своему самоотверженному отношенію къ дѣлу и нечеловѣческимъ усиліямъ, достигли того, что казалось было бы не по силамъ наилучшимъ въ мірѣ инженеръ-механикамъ, и именно они дали возможность совершить этотъ выходящій изъ ряда вонъ подвигъ. А въ какомъ видѣ они довели машины до самаго боя, достаточно показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ бою ни одинъ корабль, даже наиболѣе избитый, не выходилъ изъ строя изъ-за поврежденій въ механизмахъ и, когда понадобилось, напр., миноносецъ „Громкій" и крейсеръ „Изумрудъ" дали превосходный ходъ. Также прекрасный ходъ дали „Олегъ", „Аврора" и „Жемчугъ", и не вина инженеръ-механиковъ, что ходъ этотъ былъ использованъ для ухода съ мѣста боя на югъ, вмѣсто прорыва во Владивостокъ.

И вѣдь дошли не только суда второй эскадры, все таки такъ или иначе отобранныя—какъ лучшія, но и суда отряда Небогатова—броненосцы береговой обороны, считавшіеся совершенно неспособными къ морскимъ переходамъ. А они между тѣмъ сдѣлали *зимній* переходъ Нѣмецкимъ моремъ, Бискайской бухтой и Атлантическимъ океаномъ! И отрядъ этотъ двигался даже скорѣе, чѣмъ другія—болѣе мореходныя суда. Такъ, развѣ это не геройская работа личнаго состава, и развѣ можно послѣ этого говорить, что изъ русскихъ нельзя сдѣлать превосходныхъ моряковъ!

А погрузки угля на океанской зыби, а исправленія въ морѣ! Чего стоитъ напр. исправленіе руля на „Громкомъ" во время перехода Индѣй-

скимъ океаномъ. Работа ведется водолазами. Миноносецъ валяетъ съ борта на бортъ, и водолазовъ все время отбиваетъ отъ руля—того и гляди совсѣмъ отобьетъ. А кругомъ акулы и на миноносцѣ стоятъ люди съ ружьями и выстрѣлами отгоняютъ окулъ. Развѣ это все не подвиги!

Развѣ не стоило поработать надъ такимъ личнымъ составомъ начальнику эскадры, тѣмъ болѣе, что личный составъ, не смотря на многое, все таки вѣрилъ въ своего вождя, и самоотверженно, съ восторгомъ и беззавѣтно откликнулся бы на его призывъ къ сплоченности, единенію въ мысли и дружественности.

Въ такомъ личномъ составѣ легко было создать всѣ эти качества, даже при какой угодно суровости. Надо было только этого желать и понимать всю важность этого.

А какъ велъ себя личный составъ въ бою 14 мая — развѣ можно не преклониться передъ нимъ, вчитываясь въ описаніе этой ужасной для Россіи катастрофы? Развѣ, потерявъ головные корабли, на которыхъ находились адмиралы, эскадра терялась? Развѣ головные корабли, поочередно, не вели строй, до самаго момента своей гибели? А развѣ не геройски гибли эти корабли, горящіе какъ факелы и продолжавшіе стрѣлять до момента своего погруженія въ воду? А развѣ не герои эти офицеры „Суворова"—лейтенанты Богдановъ, Вырубовъ и прапорщикъ Курсель, которые, передавая начальника эскадры и его штабъ на миноносецъ „Буйный", сами не послѣдовали за ними. Вѣдь „Суворовъ" въ этотъ моментъ представлялъ изъ себя сплошное пожарище, не имѣлъ уже ни одной могущей стрѣлять пушки, и не могъ уже оказать никакого и никому сопротивленія? Вѣдь очевидно корабль долженъ былъ стать легкой добычей перваго наткнувшагося на него миноносца.

И такъ дѣйствовалъ личный составъ въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, видя гибель своихъ кораблей и крушеніе надежды на успѣхъ, будучи предоставленъ самъ себѣ, не чувствуя никакого руководства, не зная, каковы были намѣренія и планы начальника, чтобы продолжать ихъ послѣ его выбытія изъ строя!

Нѣтъ, такой личный составъ заслуживалъ лучшаго къ себѣ отношенія и большей заботливости и вниманія къ состоянію его духа. Никакая суровость и требовательность не были для него непосильной тяжестью и даже не убили его духъ—это онъ доказалъ на дѣлѣ, но разумное довѣріе и доля теплой дружественности, сознательное участіе въ планѣ начальника—удесятерили бы его уже и безъ того приподнятыя силы, сдѣлали бы эти силы болѣе сплоченными и искусными, или вѣрнѣе—знающими, и послѣдствія этого не могли бы не сказаться такъ или иначе на результатѣ боя. И хотя бы это сохранило только одинъ изъ нашихъ кораблей, или повело бы къ уничтоженію хотя бы одного непріятельскаго — развѣ этого было мало, чтобы приложить всѣ силы, чтобы создать эту сплоченность и ясное пониманіе того, что дѣлается!

Указаніями морской тактики пренебрегли.

Но кромѣ пренебреженія сплоченностью личнаго состава, не было обращено вниманія на цѣлый рядъ выработанныхъ положеній морской тактики, принявшихъ уже въ благоустроенныхъ флотахъ видъ азбучныхъ истинъ. Ко всему этому относились съ презрительнымъ пренебреженіемъ, какъ къ нестоющимъ вниманія мелочамъ, а мелочи незамѣтно сложились и, при-

соединившись къ крупнымъ органическимъ недостаткамъ эскадры, вмѣсто того, чтобы ихъ уменьшать и уравновѣшивать, вели къ неминуемой катастрофѣ.

Такимъ образомъ совершенно пренебрегали разработкой и практикой дозорной и развѣдочной службы, — эскадра все время, даже въ ожиданіи минныхъ атакъ, несла огни, и въ плаваніи безъ огней не практиковалась, окраска кораблей была оставлена самая невыгодная для боя, передъ боемъ не предполагалось выбрасывать дерево и деревянныя шлюпки, не было обдумано какъ использовать наивыгоднѣйшимъ образомъ станціи безпроводнаго телеграфа огромной силы, которыми были снабжены нѣкоторыя суда эскадры. Раздѣленіе эскадры и строй противорѣчили всѣмъ установившемся по этимъ вопросамъ понятіямъ и т. п.

Многихъ это волновало и мучило на эскадрѣ, но объясненія всѣхъ этихъ странностей не было. Были только приказанія такъ дѣлать, и они оставались непонятными, вселяли смутную тревогу и будили дурныя предчувствія.

Однимъ словомъ — органическіе недостатки эскадры не устранялись, а всемѣрно пріумножались цѣлымъ рядомъ никому непонятныхъ и всѣхъ тревожившихъ распоряженій и упущеній.

Въ такомъ видѣ эскадра покинула бухту Ванъ-Фонгъ 1 мая.

Походный порядокъ послѣ Ванъ-Фонга.

Походный порядокъ былъ данъ отдѣльный для дня и ночи. Какъ дневной, такъ и ночной строи являлись очень странными.

Развѣдочный отрядъ, сгруппированный вмѣстѣ и шедшій впереди эскадры всего въ разстояніи 3—4 кабельтововъ, ничего конечно раньше эскадры усмотрѣть не могъ и всѣ четверо во всякомъ случаѣ дѣлали то дѣло, которое могъ сдѣлать и одинъ. Расположеніе же остальныхъ, и притомъ наиболѣе сильныхъ крейсеровъ, между броненосцами и транспортами, являлось совершенно непонятнымъ. Наконецъ наиболѣе быстроходные крейсеры были привязаны къ головнымъ кораблямъ. Въ результатѣ, крейсеры нисколько не увеличивали кругозора эскадры, а слѣдовательно невозможность внезапности появленія непріятеля ровно ничѣмъ не была обезпечена, т. е. значитъ эскадра не поспѣла бы поднять пары, броненосцы не поспѣли бы построиться, транспорты запутались бы между другими отрядами и т. п.

Въ подобныхъ случаяхъ совѣтуютъ боевой эскадрѣ и транспортамъ идти совершенно отдѣльными группами, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы другъ друга не стѣснять.

Корабли, назначенные для охраны транспортовъ должны быть при нихъ, но въ извѣстномъ отъ нихъ разстояніи, чтобы не быть стѣсненными въ маневрированіи, и непремѣнно должны находиться въ боевомъ строѣ. Корабли Небогатова—непосредственно за транспортами въ строѣ фронта, быть можетъ представляли хорошую картину, но пока было неизвѣстно откуда именно появится непріятель, этотъ строй былъ совершенно ненуженъ, а между тѣмъ онъ неудобенъ для быстраго перестроенія, тѣмъ паче для передвиженія, и стѣснялъ движенія транспортовъ, въ случаѣ появленія непріятеля. Крейсеры должны были быть эшелонированы въ различныя стороны на большія разстоянія, занимая тѣмъ болѣе внѣшнее положеніе, чѣмъ они сильнѣе.

Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ совѣтуютъ транспортамъ, съ охраняющими ихъ судами, идти на румбъ, противопололожный тому, откуда появились главныя непріятельскія силы, а боевой эскадрѣ идти имъ на встрѣчу. Крейсеры собираются въ однородныя по возможности группы и мѣшаютъ непріятельскимъ крейсерамъ подойти къ транспортамъ.

Раздѣленіе броненосцевъ на отряды.

Также далеко непонятнымъ являлось раздѣленіе на отряды и броненосныхъ судовъ. Такъ какъ эскадра состояла изъ судовъ очень разнородныхъ, заставить всѣ суда маневрировать вмѣстѣ было бы неблагоразумно — это значило бы совершенно не воспользоваться качествами новыхъ и быстроходныхъ кораблей.

Само собою напрашивалось такое раздѣленіе на отряды. Прежде всего въ отдѣльный отрядъ желательно было свести наиболѣе новыя, сильныя и быстроходныя суда. Такъ какъ машина броненосца „Бородино" оказалась ненадежной еще передъ отправленіемъ, и броненосецъ этотъ не могъ развить такого же хода, какъ остальные корабли этого типа, его могъ замѣнить „Ослябя", который въ виду слабости бронированія его носа и кормы, можно было помѣтить третьимъ въ строю—между „Александромъ" и „Орломъ" т. е. именно на томъ мѣстѣ, которое занималъ „Бородино". Три корабля со старой артиллеріей: „Императоръ Николай I", „Наваринъ" и „Нахимовъ" очевидно прямо напрашивались на то, чтобы составить отдѣльный отрядъ. Если ужъ необходимо было отдѣлить броненосный отрядъ для защиты транспортовъ, то именно этотъ лучше всего соотвѣтствовалъ этой цѣли.

Третій отрядъ могъ быть составленъ изъ трехъ броненосцевъ береговой обороны, причемъ „Апраксинъ", какъ имѣющій только одно кормовое орудіе, лучше было поставить головнымъ.

Четвертый отрядъ могъ бы заключать въ себѣ только два корабля: „Бородино" и „Сисой Великій", и назначеніе его могло бы быть—присоединяться, въ зависимости отъ хода боя, къ тому отряду, который соотвѣтствовалъ бы ему по ходу и нуждался бы въ помощи. На „Бородино" могъ бы поднять свой флагъ адмиралъ Фелькерзамъ, а на „Апраксинѣ" адмиралъ Небогатовъ. Три старыхъ корабля могли бы находиться подъ командой старшаго изъ командировъ. Въ случаѣ, если бы первый отрядъ (быстроходные броненосцы) принужденъ былъ, напр. изъ за поврежденій уменьшить свой ходъ, этимъ кораблямъ естественнѣе всего было примкнуть къ нему. Въ случаѣ необходимости уменьшить имъ самимъ ходъ, самое естественное для нихъ было стать во главѣ отряда Небогатова, или отряда старыхъ броненосцевъ, смотря по обстоятельствамъ.

Но во всякомъ случаѣ каждый отрядъ долженъ былъ имѣть полную свободу дѣйствій, руководствуясь лишь общимъ планомъ начальника эскадры, хорошо усвоеннымъ младшими флагманами, командирами и офицерами (въ виду возможности перехода командованія). Это было единственное средство парализовать, насколько возможно, разнокалиберность кораблей и извлечь изъ нихъ все, что они могли дать. Вотъ почему въ особенности было важно начальнику эскадры возможно плотнѣе сблизиться со своими подчиненными, постоянно съ ними совѣщаться, и совмѣстно обсуждать всевозможныя детали боя. Это слѣдовало дѣлать во время якорныхъ стоянокъ положительно ежедневно, смотря на это какъ на одно изъ важнѣйшихъ и первостепенныхъ дѣлъ, какъ на важнѣйшій залогъ успѣха.

Нужно ли отдѣлять боевыя суда для защиты транспортовъ.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что цѣлесообразность отдѣленія броненоснаго отряда для защиты транспортовъ является очень сомнительной. Разъ бой завязывался съ главными непріятельскими силами, все зависѣло отъ исхода этого боя и слѣдовательно разумно было жертвовать всѣмъ, чтобы сосредоточить именно на немъ всѣ свои силы и ничѣмъ не стѣснять ихъ маневрированіе. При томъ превосходствѣ силъ, которое имѣли японцы—транспорты все равно спасти было нельзя, или вѣрнѣе—единственное спасеніе для нихъ—это быстрое удаленіе по направленію противуположному тому, откуда появился непріятель, и въ то время, когда онъ еще не видитъ нашей эскадры. Именно для этого, огромную важность имѣло выдвиганіе крейсеровъ на большое разстояніе отъ эскадры. Съ транспортами могутъ оставаться только совершенно непригодныя для боя суда, напр. вспомогательные крейсеры. Остальнымъ крейсерамъ лучше всего соединиться въ однотипные по возможности отряды, и принять посильное участіе въ бою, тщательно наблюдая за непріятельскими крейсерамъ соотвѣтствующей силы, чтобы они не направились въ сторону транспортовъ. Иначе можетъ случиться, что сила отдѣленная для охраненія транспортовъ пропадетъ даромъ—непріятель можетъ ничего противъ нихъ не отдѣлить, сосредоточитъ свои силы сначала для уничтоженія боевой эскадры, послѣ чего транспорты сами попадутъ въ его руки, да и нужда въ нихъ послѣ этого пропадаетъ. Отдѣленіе значительной силы для охраны транспортовъ — это неразумное раздѣленіе силъ. Конечно находясь такъ далеко отъ конечной своей цѣли (Владивостока), нельзя было идти совсѣмъ безъ транспортовъ, но все таки и уменьшать шансы свои въ бою, изъ за воображаемой возможности сохранить транспорты, положительно было нельзя.

На это можетъ явиться возраженіе—а вдругъ планъ непріятеля былъ построенъ именно на томъ, чтобы уничтожить транспорты, такъ какъ безъ нихъ русская эскадра не могли бы продолжать плаваніе. Но на это можно возразить такъ. Если непріятель предпринялъ эту попытку съ частью своихъ силъ, то она обречена на неудачу. Если же всѣ его силы налицо, то произойдетъ генеральное сраженіе, въ которомъ забота о транспортахъ должна стоять на послѣднемъ планѣ. Единственно что можетъ произойти, хотя это и маловѣроятно, что непріятельскія главныя силы будутъ уклоняться отъ боя, стараясь дать возможность своимъ крейсерамъ подобраться къ транспортамъ, но, руководствуясь такой второстепенной цѣлью, они могутъ дать хорошій случай нашимъ силамъ вступать въ бой въ благопріятный для себя моментъ, и едва ли можно было думать, что они это сдѣлаютъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы имъ это удалось, и пришлось бы сражаться, будучи прижатымъ къ своимъ транспортамъ, оставалось бы этому только подчиниться, опять таки не отступая отъ сосредоточенія всѣхъ силъ для боя. Но идти самому сознательно на встрѣчу такой комбинаціи—едва ли разумно. Средство къ тому, чтобы не рисковать лишиться сразу всѣхъ транспортовъ, могло напр. заключаться въ томъ, чтобы раздѣлить ихъ на двѣ группы и имѣть одну при себѣ, съ которою поступать, какъ было указано выше, а другую—сзади на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль, обезпечивъ сношеніе съ ней по безпроводному телеграфу.

Ночной строй облегчалъ непріятелю минныя атаки.

Переходя затѣмъ къ ночному походному строю, странность его еще болѣе бросается въ глаза, нежели дневного.

Двѣ колонны транспортовъ шли окруженные со всѣхъ сторонъ колоннами боевыхъ судовъ. Откуда бы ни произведена была минная атака, лучшую обстановку для нея придумать было трудно. Если бы миноносцы продефилировали контръ-курсомъ внѣ строя, то мина, не попавшая въ корабль внѣшней колонны, могла пересѣчь путь еще трехъ колоннъ и почти навѣрное въ кого нибудь бы ударила. Но по крайней мѣрѣ при этомъ корабли внѣшней колонны могли стрѣлять по миноносцамъ. Если же миноносцы ринулись бы въ промежутокъ между колоннами, а въ особенности въ средній—между транспортами, они могли бы свободно разбрасывать мины направо и налѣво, сами не подвергаясь никакой опасности, такъ какъ при стрѣльбѣ гораздо больше шансовъ имѣли пострадать именно транспорты, а не непріятельскіе миноносцы. Наконецъ совершенно цѣлыми, такъ какъ транспорты ихъ бы заслоняли, миноносцы могли добраться до замыкающаго въ строѣ фронта отряда Небогатова, выбросить свои послѣднія мины, и быстро исчезнуть въ темнотѣ, удаляясь со скоростью равной суммѣ скоростей своей и эскадры.

Значитъ миноносцамъ надо было только попасть между колоннами. Это было имъ болѣе чѣмъ легко, такъ какъ, въ добавокъ къ такому невозможному строю, эскадра несла всѣ отличительные огни, а шедшіе сзади госпитальные суда—и топовые огни, которые издали указывали миноносцамъ на мѣсто эскадры.

Можно себѣ представить, въ какое разстройство и смятеніе пришла бы эскадра въ такомъ строѣ въ случаѣ минной атаки—сколько было бы столкновеній, стрѣльбы по собственнымъ кораблямъ и т. п.

Естественный строй противъ минныхъ атакъ—это кильватеръ съ увеличенными промежутками, такъ какъ всякая мина, сразу не попавшая въ цѣль, становится уже безопасной. Увеличенные промежутки уменьшаютъ вѣроятность попаданія и даютъ отдѣльнымъ кораблямъ свободу маневрированія. Въ этихъ же видахъ отряды должны были идти отдѣльно на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. При безпроводномъ телеграфѣ не было никакой опасности изъ-за этого разлучиться. Наконецъ основнымъ положеніемъ ночного плаванія должно было служить—полное отсутствіе какихъ-либо огней.

Чтобы пріучиться къ такому плаванію времени было болѣе чѣмъ достаточно. Напр. отрядъ Небогатова все плаваніе совершилъ безъ огней, и шелъ безъ огней даже въ такомъ узкомъ и бойкомъ мѣстѣ, какъ Сингапурскій проливъ.

Слабыя попытки къ развѣдочной службѣ.

Такимъ образомъ, ни отъ внезапнаго появленія непріятеля—днемъ, ни отъ минныхъ атакъ—ночью, эскадра обезпечена не была, тогда какъ и то и другое было вполнѣ достижимо.

4 мая, въ виду того, что на слѣдующій день предполагалась нагрузка угля, „Свѣтлана“ и „Уралъ“ были отправлены сдѣлать рейсъ на 30 миль впередъ. Но такъ какъ они должны были вернуться обратно къ 6 ч. дня 4 же мая, то конечно такой короткій рейсъ, да еще за сутки до предполагаемаго дѣйствія (погрузки угля), которое онъ будто бы имѣлъ назначеніемъ обезпечить, не имѣлъ никакого отношенія къ тому, что принято называть развѣдочной службой.

Также и во время самой погрузки угля, четыре вспомогательныхъ крейсера держались всего въ разстояніи видимости сигналовъ, т. е. въ 30—35 кабельтовахъ. Это тоже не могло назваться дѣйствительнымъ, и отъ чего либо обезпечивающимъ, дозоромъ.

Послѣ 12 часовой погрузки пошли дальше, и въ 10 ч. задержали англійскій пароходъ „Oldhamia".

6 мая. 6 мая эскадра произвела салютъ въ 31 выстрѣлъ, что едва ли соотвѣтствовало обстоятельствамъ, если нежелательно было себя обнаруживать, а надо думать это было именно такъ, въ виду того, что эскадра въ это время направлялась въ Тихій океанъ, чтобы обогнуть Формозу съ востока. Передъ наступленіемъ ночи былъ поднятъ сигналъ: „требуется внимательность, сегодня ночью особенно", но строй оставался все тотъ же самый и эскадра продолжала нести огни.

Вѣроятно для того, чтобы ввести противника въ заблужденіе, задержанный въ это утро, еще одинъ пароходъ, былъ отпущенъ. Хотя онъ и оказался потомъ состоящимъ на японской службѣ, но конечно нельзя не признать освобожденіе этого парохода чрезвычайно разумнымъ.

Выборъ пути во Владивостокъ. Теперь предстояло рѣшить — продолжать ли идти дальше восточнѣе японскихъ острововъ, или входить въ сѣверное китайское море. Выбрано было послѣднее. Отъ выбора пути зависѣло чрезвычайно много. Выбирая путь черезъ Корейскій проливъ, нельзя было не сознавать, что здѣсь обстановка для японцевъ самая благопріятная, и что именно здѣсь они могутъ сосредоточить всѣ силы, какъ своего линейнаго и крейсерскаго, такъ и миннаго (включая сюда и подводный) флота. Задача нашего флота — была отвлечь японцевъ какъ можно дальше отъ ихъ базъ, а тѣмъ болѣе отъ пункта, который окруженъ цѣлымъ рядомъ базъ. Этимъ значительно уменьшалась бы численность противника, не говоря ужъ о сравненіи всѣхъ другихъ шансовъ на успѣхъ, разъ японцамъ пришлось бы сражаться вдали отъ своихъ базъ.

Но для того, чтобы извлечь адмирала Того изъ Корейскаго пролива — единственное средство для этого — было идти кругомъ Японіи. Была ли способна на это эскадра?

Судя по тѣмъ огромнымъ переходамъ, которые она дѣлала, пространство не могло служить ей препятствіемъ. Достаточная мореходность даже такихъ судовъ, какъ броненосцевъ береговой обороны, была вполнѣ доказана ихъ зимнимъ переходомъ Атлантическимъ океаномъ, гдѣ они встрѣтили очень свѣжую погоду. Уголь для такого перехода тоже былъ налицо. Разсчитывать на погрузку угля въ открытомъ морѣ уже было труднѣе—погода внѣ тропиковъ измѣнчивѣе, но за то теперь по пути лежалъ цѣлый рядъ островов, принадлежащихъ непріятелю, и слѣдовательно пользоваться ими можно было свободно, не считаясь съ нейтралитетомъ.

Особенно удобна въ этомъ отношеніи группа Бонинскихъ острововъ, неукрѣпленная и съ такимъ малочисленнымъ населеніемъ, что оно не могло оказать и тѣни сопротивленія эскадрѣ. Эта группа могла быть прямо обращена во временную базу для нашей эскадры. Демонстраціи отсюда противъ японскаго побережья и крейсерскія операціи, которыя могли быть развиты въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, имѣли очень большой шансъ вызвать выходъ флота Того въ океанъ, а тогда увеличивались и

наши шансы для боя и являлась возможность разойтись съ главными японскими силами и проникнуть въ Японское море. Вообще борьба могла бы затянуться на долгое время, со стороны японцевъ потребовались бы неимовѣрныя усилія, чтобы справиться съ нашей эскадрой и впродолженіи всего этого времени вся торговля Японіи съ Европой и Америкой была бы нарушена операціями нашихъ крейсеровъ.

Если присоединить сюда возможность выхода крейсеровъ изъ Владивостока, то и пути подвоза къ японской арміи черезъ Корейскій проливъ и Желтое море становились тоже опасными.

Конечно возможно, что адмиралъ Того все равно не вышелъ бы изъ Японскаго моря, и по мѣрѣ передвиженія нашей эскадры вдоль восточнаго берега Японіи, онъ передвигался бы по кратчайшему пути (по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ) къ Сангарскому и Лаперузову проливамъ. Положимъ даже, ему бы было точно извѣстно передвиженіе нашей эскадры, что очень сомнительно, при извѣстномъ удаленіи отъ береговъ, а мы—объ его передвиженіяхъ ничего бы не знали, и это навѣрно такъ бы и было. Но все таки ему очень трудно было опредѣлить до послѣдняго момента — какимъ проливомъ направятся главныя силы нашей эскадры—Лаперузовымъ или Сангарскимъ. Помимо возможности демонстрацій отрядами транспортовъ и вспомогательныхъ и даже настоящихъ крейсеровъ, частые въ этой мѣстности туманы могли представить для нашей эскадры цѣлый рядъ случаевъ скрыть свои движенія.

Наконецъ существовала еще одна комбинація—переходъ эскадры отъ Бонинскихъ острововъ въ Петропавловскъ, превосходная бухта котораго могла служить надежнымъ убѣжищемъ на долгое время Вслѣдствіе отсутствія телеграфа, извѣстіе объ этомъ дошло бы до японцевъ черезъ очень долгое время, когда эскадра могла бы ужъ пройти въ Охотское море и спуститься къ Лаперузову проливу вдоль Сахалина, пользуясь его телеграфной линіей, чтобы знать все, что дѣлается во Владивостокѣ и кругомъ Сахалина (значитъ и въ Лаперузовомъ проливѣ), и чтобы войти въ соглашеніе относительно обоюдныхъ дѣйствій съ владивостокскимъ отрядомъ, который оказался бы у японцевъ въ тылу. Положеніе Того было бы очень трудное, въ особенности въ виду почти постоянныхъ здѣсь тумановъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ эти операціи для нашей эскадры представляли большія трудности и совсѣмъ не сулили вѣрнаго успѣха.

Все это правда. Но, если принять во вниманіе, что путь черезъ Корейскій проливъ велъ къ вѣрному пораженію—въ этомъ тоже сомнѣваться нельзя, — то все остальное, хотя и далеко ненадежное, все же было лучше.

Даже съ гораздо болѣе сильной эскадрой, нежели у японцевъ, было опасно идти въ Корейскій проливъ—это бы значило передать въ руки болѣе слабому противнику всѣ шансы на побѣду. Идти же туда съ такой сравнительно слабой силой, какъ наша эскадра,—значило идти на вѣрное пораженіе.

Разъ ужъ все таки рѣшились, несмотря на всю безнадежность успѣха, отправить эскадру, а затѣмъ—позволить продолжать ей путь,—оставалось вырвать возможный успѣхъ искуснымъ стратегическимъ разсчетомъ, использованіемъ географической обстановки и всѣхъ могущихъ встрѣтиться благопріятныхъ обстоятельствъ. А разъ еще пренебреженіе и этимъ при-

ложилось ко всему прочему, о чемъ было говорено выше, катастрофа была неизбѣжна. Она и произошла.

Отдѣленіе Кубани и Терека.

9 мая, миновавъ южную группу острововъ Ріу-Кіу, эскадра направилась въ сѣверное Китайское море, и были отдѣлены въ Тихій океанъ вспомогательные крейсеры „Терекъ", „Кубань" и взятый англійскій пароходъ „Oldhamia", съ котораго команда была помѣщена на госпитальномъ кораблѣ — „Орлѣ". Послѣдній долженъ былъ идти во Владивостокъ самостоятельно, а первые два предназначались для самостоятельныхъ крейсерскихъ операцій. Очевидно, разъ тамъ не было эскадры, а слѣдовательно опоры, разъ эскадра направлялась въ Корейскій проливъ, то, даже въ случаѣ прорыва его во Владивостокъ, роль этого небольшого отряда была очень жалкая.

Походный строй оставался все тотъ же и вблизи непріятеля.

Теперь эскадрѣ болѣе чѣмъ когда либо надо было быть въ постоянной готовности къ бою. Однако послѣдовавшія измѣненія въ походномъ строю едва ли соотвѣтствовали этой необходимости. Все на такомъ же маломъ разстояніи впереди шелъ — яко бы развѣдочный отрядъ—теперь въ строѣ клина. Транспорты же и днемъ были поставлены внутри эскадры, т. е. еще больше ее стѣсняли, въ случаѣ внезапнаго появленія непріятеля, чѣмъ раньше. Внезапность же эта была болѣе чѣмъ возможна при отсутствіи дозорной и развѣдочной службы. Ночью опять эскадра несла огни.

Послѣдняя погрузка угля.

10 мая былъ штиль и, пользуясь этимъ, эскадрѣ приказано было грузиться углемъ. Такъ какъ на всѣхъ корабляхъ угля было болѣе чѣмъ достаточно, то всѣ объясняли себѣ эту погрузку намѣреніемъ адмирала идти кругомъ Японіи, а заходъ его въ сѣверное Китайское море лишь маневромъ для того, чтобы сбить непріятеля съ толка. Иначе погрузка угля являлась безполезнымъ рискомъ, такъ какъ эскадра уже плавала въ японскихъ водахъ и внезапное появленіе непріятеля было вполнѣ возможно, И дѣйствительно въ этотъ день по эскадрѣ отданъ былъ приказъ—„ожидать боя ежечасно". Однако кончилась погрузка и эскадра направилась не на О а на W.

Смерть адмирала Фелькерзама.

Вечеромъ 10 мая скончался адмиралъ Фелькерзамъ, но эскадра и даже флагманы объ этомъ извѣщены не были и флагъ покойнаго адмирала не былъ спущенъ.

11 мая.

11 мая эскадра уже вступила на обыкновенный коммерческій путь, начали встрѣчаться суда, и теперь ужъ очевидно о ней могли дать знать противнику.

Въ полдень она находилась противъ Чусанскаго архипелага. На слѣдующій день, т. е. 12 мая, утромъ, находясь противъ устья Янтсе-Кіанга, отъ эскадры была отдѣлена большая часть транспортовъ, которой приказано было идти въ Шанхай. До устья Янтсе-Кіанга ихъ должны были сопровождать „Ріонъ" и „Днѣпръ", которые послѣ того ужъ не должны были присоединиться къ эскадрѣ, а идти въ назначенный имъ раіонъ для крейсерскихъ операцій. Послѣ этого эскадра измѣнила курсъ и направилась въ Корейскій проливъ.

Такимъ образомъ эскадра, войдя въ Китайское море, сдѣлала значительный крюкъ къ западу. Какая была цѣль этого крюка? Хотѣли собрать какія нибудь свѣдѣнія? Въ Кіо-Чау и въ Шанхаѣ находились наши агенты, которые могли выйти на встрѣчу эскадрѣ. Черезъ нихъ также

можно было передать послѣднія распоряженія во Владивостокъ для совмѣстныхъ дѣйствій.

Чѣмъ могъ помочь эскадрѣ Владивостокъ.

Но теперь извѣстно, что никакихъ сношеній съ Владивостокомъ не было вообще, и тамъ и не предполагалось чѣмъ либо содѣйствовать эскадрѣ. Можетъ быть это вызывалось плачевнымъ состояніемъ морскихъ силъ во Владивостокѣ. А состояніе это было дѣйствительно плачевное. Только что „Громобой" закончилъ свои исправленія, полученныя имъ въ бою 1 августа, какъ его пробный рейсъ нашли возможнымъ совмѣстить съ посылкой на немъ 700 человѣкъ этапной команды въ Посьетъ, хотя во Владивостокѣ и было нѣсколько военныхъ транспортовъ большого водоизмѣщенія. Надъ адмираломъ Іессеномъ висѣлъ точно какой то рокъ—подобно какъ это случилось съ нимъ, когда онъ шелъ въ тотъ же Посьетъ съ „Богатыремъ", онъ опять на „Громобоѣ" задѣлъ за каменную гряду и распоролъ себѣ дно на большомъ протяженіи.

Къ счастью крейсеръ добрался до Владивостока, но его непремѣнно надо было ввести въ докъ, а тамъ стоялъ незакончившій еще свои исправленія „Богатырь". Пришлось его вывести, причемъ его исправленіе вообще оказалось неудачнымъ и онъ сильно потекъ. Для новаго его исправленія надо было ждать окончанія работъ на „Громобоѣ".

Понемногу прибывали во Владивостокъ подводныя лодки, но во-первыхъ, вслѣдствіе зимняго времени нельзя было учиться на нихъ плавать, а во-вторыхъ они были присланы наскоро, нѣкоторыя даже безъ существенныхъ своихъ частей, и при отсутствіи во Владивостокѣ морского начальника выдающейся энергіи и распорядительности, трудно было ожидать, чтобы подводная флотилія могла быть подготовлена для какого либо содѣйствія второй эскадрѣ.

Наконецъ 10 мая „Громобой" вновь былъ выведенъ изъ строя. Еще въ мартѣ во Владивостокѣ имѣлось извѣстіе, что въ Хакодате изготовляются два минныхъ транспорта, спеціально для загражденія Владивостока.

27 апрѣля съ нѣкоторыхъ изъ наблюдательныхъ станцій сообщили, что видѣли два непріятельскихъ парохода, но случилось какъ то такъ, что никто не видѣлъ, что эти пароходы поставили двѣ линіи миннаго загражденія—отъ острова Аскольда до острова Римскаго Корсакова. Этимъ японцы ставили новую и послѣднюю преграду 2 эскадрѣ — передъ входомъ въ ея базу. Охрана морскихъ подступовъ къ Владивостоку, собственно говоря, не существовала. Но намъ благопріятствовало счастье. 8 мая промѣрный пароходъ увидѣлъ у Римскаго Корсакова плавающую мину и прибуксировалъ ее къ острову, и этимъ японское загражденіе было обнаружено. Было рѣшено, что при выходѣ изъ Владивостока слѣдуетъ идти въ сопровожденіи тралящаго каравана на разстояніи 35 миль. Однако 10 мая, когда уже было извѣстно, что 10 дней тому назадъ вторая эскадра вышла изъ Камранга, адмиралъ Іессенъ вышелъ на „Громобоѣ"—для провѣрки и опытовъ сношенія по безпроводному телеграфу съ Владивостокомъ, въ которомъ былъ установленъ аппаратъ, дававшій депеши до 350 миль. Онъ вышелъ съ тралящимъ караваномъ, но почему то отпустилъ его, пройдя всего 12 миль — пройдя дальше всего 5 миль, онъ наткнулся на японскую мину и получилъ пробоину въ кормѣ. Пробоина оказалась не особенно опасной, но крейсеръ былъ вынужденъ возвратиться,

и конечно идти на встрѣчу второй эскадрѣ уже не могъ. Такимъ образомъ во Владивостокѣ былъ только одинъ исправный крейсеръ „Россія" и 7 слабыхъ миноносцевъ.

Для чего эскадра приближалась къ Китайскому берегу.

Вотъ объ этомъ адмиралъ Рожественскій уже могъ бы получить извѣстіе, когда онъ подходилъ 12 мая къ устью Янтсе-Кіанга, но оно имѣло бы для него важное значеніе только въ томъ случаѣ, если бы предполагались какія либо совмѣстныя дѣйствія. Разъ же этого не было, только для этого одного не стоило приближаться къ берегу, который, во-первыхъ могъ скрывать непріятельскую минную флотилію (Чусанскій архипелагъ), а во-вторыхъ—изъ за этого пришлось выходить на обыденный коммерческій путь, т. е. давать лишній шансъ къ тому, чтобы быть раньше открытымъ.

Остается тогда думать, что этотъ крюкъ былъ сдѣланъ для того, чтобы проводить транспорты. Отдѣляя ихъ отъ эскадры въ 9 ч. утра 12 мая, когда имъ оставалось пройти очень небольшое разстояніе до устья Янтсе-Кіанга, адмиралъ приказалъ ихъ сопровождать двумъ вспомогательнымъ крейсерамъ, которымъ было указано сигналомъ „имѣть наблюденіе за ихъ безопасностью отъ непріятельскихъ крейсеровъ". Кстати здѣсь будетъ замѣтить, что это было совершенно непосильно для вспомогательныхъ крейсеровъ и вѣроятно было сдѣлано только для ободренія транспортовъ.

Цѣлесообразно ли было эскадрѣ провожать транспорты и для этого рисковать другими неудобствами? Едва ли. Отдѣляемые транспорты уже теряли всякую цѣнность и изъ за нихъ нельзя было рисковать ничѣмъ.

Какъ можно было использовать транспорты и вспомогательные крейсеры.

Но всѣ эти распоряженія и передвиженія получали огромный смыслъ и значеніе, если бы... эскадра намѣревалась выбрать путь кругомъ Японіи. Тогда входъ въ Китайское море, появленіе у китайскихъ береговъ, курсъ отъ нихъ на Корейскій проливъ—все это дало бы увѣренность противнику, что именно этимъ путемъ направляется эскадра. Эта увѣренность была бы поддержана приходомъ транспортовъ въ Шанхай—дѣйствительно идя въ Корейскій проливъ, т. е. кратчайшимъ путемъ, транспорты уже становились излишними. Для такой демонстраціи можно было пожертвовать нѣсколькими транспортами, запасы которыхъ уже были использованы. Если бы при этомъ отдѣлившіеся вспомогательные крейсеры произвели демонстрацію у Корейскаго пролива, подойдя къ нему ночью возможно ближе и обнаруживъ свое присутствіе самымъ энергичнымъ безпроводнымъ телеграфированіемъ, дѣло обстояло бы еще лучше. Едва ли адмиралъ Того продолжалъ бы спокойно стоять въ Мозампо, и ему пришлось бы провести нѣсколько дней въ морѣ въ тревожномъ ожиданіи.

Эта демонстрація для вспомогательныхъ крейсеровъ была бы совершенно безопасна. При своей превосходной мореходности, быстромъ ходѣ и огромномъ запасѣ угля, имъ совершенно не страшны были японскіе крейсеры, отъ которыхъ они всегда могли уйти. Послѣ этого они могли бы присоединиться къ эскадрѣ на условленномъ рандеву, напр. у тѣхъ же Бонинскихъ острововъ.

Какія мѣры вытекали изъ рѣшенія идти въ Корейскій проливъ.

Но при намѣреніи эскадры идти Корейскимъ проливомъ, все это получало совершенно другой смыслъ. Появленіе транспортовъ въ Шанхаѣ давало увѣренность японцамъ, что эскадра выбрала именно этотъ путь. Они такъ это и поняли, какъ это видно изъ японскихъ источниковъ.

Намѣреваясь идти Корейскимъ проливомъ, надо было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить противника думать, что эскадра пошла кругомъ Японіи. Для этого средства могли быть такія. Эскадра, войдя въ Сѣверное Китайское море, могла днемъ пройти въ виду какихъ либо японскихъ острововъ обратно въ Тихій Океанъ, а потомъ ночью через широкій проходъ между южной и средней группами Ріо-Кіу, вернуться въ Китайское море, и продержаться нѣсколько дней на мѣстѣ, внѣ коммерческаго пути. Въ это время, ненужные уже транспорты, разъ путь лежалъ черезъ Корейскій проливъ, должны были бы идти полнымъ ходомъ къ Сангарскому проливу, появляясь время отъ времени въ виду береговъ Японіи, постоянно посылая рядъ депешъ по безпроводному телеграфу. Къ Сангарскому проливу имъ слѣдовало подойти ночью и черезъ него прорваться. Конечно транспорты рисковали быть атакованными миноносцами и нѣсколькими мелкими судами, которые могли тутъ оказаться у японцевъ, но недѣйствительность минныхъ атакъ уже достаточно сказалась впродолженіи этой войны, чтобы стоило ихъ сильно опасаться, и для защиты отъ мелкихъ судовъ, съ транспортами могли быть отправлены напр. „Владиміръ Мономахъ" съ „Дмитріемъ Донскимъ" или „Нахимовъ"— т. е. корабли, изъ которыхъ въ бою нельзя было извлечь пользы, да и какъ крейсеры они не годились. А между тѣмъ ихъ присутствіе увеличивало бы подозрѣніе, что Сангарскимъ проливомъ направляется эскадра.

И все таки часть транспортовъ могла быть потеряна. Но эта потеря имѣла бы по крайней мѣрѣ смыслъ, а тѣ, которые прошли бы благополучно, добрались бы до Владивостока, доставили бы туда (въ будущую базу эскадры) оставшіеся у нихъ запасы, и именно при этомъ эскадра послѣ прорыва наилучшимъ образомъ могла ими воспользоваться. Отосланные же въ Шанхай и взятые съ собою въ Корейскій проливъ, они все равно были потеряны для эскадры. Въ первомъ случаѣ—изъ за ихъ интернированія, во второмъ—изъ за отсутствія всякой надежды провести ихъ цѣлыми при прорывѣ. Чтобы усилить впечатлѣніе, что эскадра пошла къ Сангарскому проливу, можно было выслать отрядъ вспомогательныхъ крейсеровъ для демонстраціи въ Корейскій проливъ. На этотъ разъ имъ слѣдовало появиться передъ проливомъ днемъ, чтобы японскіе крейсеры могли ихъ ясно разглядѣть—чтобы ясно было, что это демонстрація. И когда Того, передъ этой демонстраціей, получилъ бы извѣстіе, что вдоль восточнаго берега движется непріятель, что тамъ видѣли военныя суда, а затѣмъ послѣ демонстраціи—онъ узналъ бы, что Сангарскимъ проливомъ идутъ какія то суда—едва ли ему было бы легко во всемъ этомъ разобраться, и едва ли бы онъ могъ спокойно до послѣдняго момента оставаться на рейдѣ въ Мозампо.

Черезъ три четыре дня послѣ демонстраціи вспомогательныхъ крейсеровъ, наша эскадра, освобожденная отъ всѣхъ транспортовъ, могла сдѣлать попытку прорваться черезъ Корейскій проливъ, разъ уже этотъ путь считался единственнымъ.

Конечно всѣ эти демонстраціи могли потерпѣть неудачу, но вѣдь тогда эскадра приходила лишь къ тому результату, на который она прямо и сознательно шла при выбранномъ ею способѣ дѣйствій, съ прибавкой лишь уменьшенія шансовъ на успѣхъ, вслѣдствіе стѣсненія ея транспортами, и вѣрной потерей этихъ транспортовъ при прорывѣ. Чѣмъ же значитъ она

рисковала, сдѣлавъ хоть что нибудь, чтобы облегчить себѣ свою трудную задачу? При принятомъ же ею способѣ дѣйствій дѣло японцамъ облегчалось до крайности. Имъ было извѣстно, что 12 мая эскадра двинулась отъ береговъ Китая по направленію къ Корейскому проливу. Прибывшіе въ Шанхай транспорты утвердили ихъ въ этой мысли—безъ нихъ океаномъ идти было нельзя. И они спокойно ее ждали.

Оставленіе шести транспортовъ при эскадрѣ.

Эскадра между тѣмъ все таки связала себя 6-ю транспортами, изъ которыхъ напр. „Камчатка", „Корея" и „Иртышъ" отнимали у нея ходъ. Еще 10 мая напр. „Иртышъ" сообщилъ сигналомъ, что онъ не можетъ дать хода больше 9½ узловъ. Тихоходный отрядъ боевыхъ судовъ имѣлъ силу и могъ извѣстное время дѣйствовать самостоятельно, и не требовалъ въ бою присутствія непремѣнно рядомъ другого отряда. Тихоходные же транспорты непремѣнно обрекались на гибель, или изъ за нихъ должна была уменьшить ходъ эскадра. Приходилось ихъ или бросать или давать имъ защиту. Такимъ образомъ оставленіе этихъ транспортовъ при эскадрѣ является совершенно непонятнымъ.

Отдѣленіе отъ эскадры вспомогательныхъ крейсеровъ.

А вотъ отсылка отъ эскадры всѣхъ вспомогательныхъ крейсеровъ была для нея очень чувствительной. Эскадра лишала себя развѣдочнаго отряда съ превосходною мореходностью, и огромнымъ раіономъ. Этотъ отрядъ могъ бы идти далеко впереди, а во время боя, давъ полный ходъ, имѣлъ бы очень большіе шансы прорваться во Владивостокъ, или уйти на югъ, для предназначеннаго ему крейсерства, но лишь послѣ того, какъ онъ сослужилъ бы службу развѣдчиковъ.

Обратимся теперь къ тому, что дѣлала на самомъ дѣлѣ эскадра.

Походный строй при подходѣ къ Корейскому проливу.

Разница въ походномъ строю выразилась лишь тѣмъ, что между колоннами боевыхъ судовъ шли транспорты въ одной колоннѣ, а не въ двухъ. Ночью разница выразилась въ томъ, что наружные отличительные огни были закрыты, но правая колонна несла красные, а лѣвая — зеленые огни и слѣдовательно для непріятельскихъ миноносцевъ представлялась такая же возможность успѣшныхъ дѣйствій, какъ и прежде *).

Задержка эскадры передъ Корейскимъ проливомъ.

Эскадра шла небольшимъ ходомъ, часто его еще уменьшая до 5 узловъ, а значительная часть дня 13 мая была посвящена эволюціямъ. На эскадрѣ нѣкоторые думали, что она нарочно задерживалась, будто бы изъ опасенія вступить въ бой въ пятницу и 13 числа.

Но хотя нѣкоторые такъ и думали, едва ли это имѣло за собой какія нибудь основанія. Ужъ если избѣгать для боя какого либо дня—такъ это слѣдующаго – 14 мая, которое совпадало съ высокоторжественнымъ днемъ— вѣдь кто могъ сказать, чѣмъ окончится бой? А въ русской морской исторіи осталась зловѣщая память о сраженіи, данномъ въ высокоторжественный день. Въ 1790 году Нассау-Зигенъ, желая ознаменовать день восшествія на престолъ Екатерины Великой полной побѣдой надъ шведами, атаковалъ ихъ шхерный флотъ въ Роченсальмѣ, не смотря на то, что погода явно была для этого неблагопріятная и очень удобная для шведовъ. Въ результатѣ—русскій флотъ потерпѣлъ жестокое пораженіе единственное

*) „Послѣдніе дни второй эскадры". Одного изъ участниковъ Цусимскаго боя. СПБ. 1906.

по своимъ размѣрамъ до... Цусимы. Поэтому едва ли въ задержкѣ эскадры игралъ роль выборъ того или другого дня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько часовъ эволюцій передъ боемъ едва ли могли принести существенную пользу. Гораздо большее значеніе имѣло бы сообщеніе флагманамъ и командирамъ плана адмирала, для возможности самостоятельныхъ сознательныхъ дѣйствій, но вотъ этого то и не было.

Было только сообщено, что—конечная цѣль—Владивостокъ, куда и надо было стараться попасть при всякихъ случайностяхъ. При этомъ надо отмѣтить, что судамъ не было сообщено расположеніе наблюдательныхъ постовъ по берегу приморской области и они не знали, что можно переговорить съ Владивостокомъ изъ многихъ мѣстъ.

Первыя извѣстія о непріятелѣ.

Еще шли эволюціи, какъ аппараты безпроводнаго телеграфа уже обнаружили присутствіе непріятеля. Да оно и понятно—эскадра находилась ва меридіанѣ острова Квельпарта, всего въ разстояніи какихъ нибудь 30 миль отъ него.

Въ часъ дня съ „Суворова“ были сигналы: „непріятельскіе развѣдчики видятъ нашъ дымъ и много между собою телеграфируютъ“ и „слѣдуетъ ожидать сегодня ночью повторныхъ минныхъ атакъ“.

На „Суворовѣ“ очевидно пробовали вывести изъ телеграфныхъ переговоровъ непріятеля заключеніе о численности его судовъ, и въ 5 ч. дня съ него былъ сдѣланъ сигналъ: „по телеграфнымъ знакамъ хорошо вижу, что возлѣ насъ переговариваются семь непріятельскихъ кораблей“. Точность этого способа опредѣленія непріятельскихъ силъ подвержена большому сомнѣнію и очень вѣроятно, что, положившись на этотъ способъ, можно было скорѣе затемнить себѣ обстановку, нежели ее выяснить. Дѣйствительно всѣ имѣющіяся описанія боя не даютъ какихъ либо указаній о присутствіи здѣсь японскаго отряда такой силы, а телеграммы могли принадлежать одинаково, какъ судамъ, такъ и береговымъ станціямъ.

Строй въ ночь передъ боемъ.

Несмотря на огромную вѣроятность въ эту ночь минныхъ атакъ (эскадра подходила къ Корейскому проливу), походный строй все оставался тотъ же и опять горѣли обращенные внутрь отличительные огни.

Съ разсвѣтомъ 14 мая могъ внезапно появиться непріятель и тѣмъ болѣе это было возможно, что въ воздухѣ стояла мгла, но эскадра продолжала идти въ трехъ колоннахъ. Развѣдочный отрядъ нисколько не былъ выдвинутъ больше впередъ и теперь, а начальникъ отряда крейсеровъ съ двумя сильнѣйшими крейсерами шелъ въ хвостѣ.

Работа японскихъ развѣдчиковъ.

Въ 5 ч. утра впереди показался коммерческій пароходъ и сейчасъ же скрылся. На него не обратили вниманія и никого за нимъ не послали. На самомъ дѣлѣ это былъ вспомогательный крейсеръ „Шинамомару“, который далъ знать адмиралу Того о появленіи русской эскадры. Съ этого момента должны были начаться донесенія японскихъ развѣдчиковъ по безпроводному телеграфу адмиралу Того — ихъ можно было нарушить сильными аппаратами „Урала“, но этимъ важнымъ преимуществомъ было пожертвовано въ пользу болѣе чѣмъ сомнительной возможности, по этимъ переговорамъ „считать невидимаго непріятеля“.

„Уралъ“ просилъ разрѣшенія нарушить эти переговоры, но ему было отвѣчено по семафору: „не мѣшать японцамъ телеграфировать“.

Въ 6 ч. утра на правомъ траверзѣ II-го броненоснаго отряда, въ

разстоянiи 55—60 кабельтовыхъ, появился крейсеръ „Идзуми" и легъ параллельнымъ курсомъ съ эскадрой, поддерживая одинаковый съ нею ходъ. Ему никто не мѣшалъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлаетъ эскадра, о чемъ онъ, конечно, подробно доносилъ адмиралу Того, и съ „Суворова" былъ только сигналъ: „I и II броненоснымъ отрядамъ наводить на него орудія", но выстрѣловъ ...не было, и японскiй крейсеръ спокойно продолжалъ слѣдить за эскадрой. Между тѣмъ достаточно было выслать одинъ изъ крейсеровъ „Олегъ" или „Аврору", чтобы не только заставить „Идзуми" отступить, но можно было его догнать и нанести ему тяжкія поврежденія.

Что было впереди эскадры, оставалось неизвѣстнымъ. Не только крейсера не были выдвинуты впередъ, но даже развѣдочный отрядъ („Свѣтлана", „Уралъ" и „Алмазъ") былъ переведенъ въ $8^1/_4$ ч. утра въ тылъ, гдѣ находились и остальные крейсеры.

Между тѣмъ работа непріятельскихъ крейсеровъ была въ полномъ разгарѣ. Въ исходѣ 11-го часа на лѣвомъ траверзѣ I-го броненоснаго отряда, въ разстоянiи около 70 кабельтововъ расположился отрядъ, состоявшiй изъ броненосца „Ченъ-Iенъ" и крейсеровъ „Матсушима", „Итсукушима" и „Хашидате", а вслѣдъ за ними появился и подошелъ на 35—38 кабельтововъ отрядъ изъ крейсеровъ „Кассаги", „Читозе", „Нитака" и „Цсусима".

Въ 10 ч. 50 м. эскадра была предупреждена, что съ „Суворова" будетъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ 12" орудія по неотвязчивому „Идзуми", но самого выстрѣла не послѣдовало.

Въ $11^1/_4$ ч. эскадра перестроилась въ одну кильватерную колонну. Японскiй отрядъ съ „Кассаги" во главѣ былъ настолько близокъ, что на III-мъ броненосномъ отрядѣ, противъ котораго онъ находился, лихорадочно ждали разрѣшенія открыть огонь. Въ этотъ моментъ послѣдовалъ нечаянный выстрѣлъ съ „Орла". Тутъ ужъ сдержать комендоровъ было трудно, и съ разныхъ судовъ было сдѣлано до 30 безпорядочныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе чего съ „Суворова" былъ сдѣланъ сигналъ: „не бросать даромъ спарядовъ".

Непріятельскiе крейсерскiе отряды сейчасъ же раздались въ стороны. „Ченъ-Iенъ" со своими крейсерами исчезъ влѣво, „Идзуми"— вправо, а отрядъ во главѣ съ „Кассаги" сначала подался влѣво, а затѣмъ далъ полный ходъ, пересѣкъ курсъ эскадры и, выстроившись во фронтъ, сталъ скрываться въ NO четверти.

Но за то появились съ лѣвой стороны два крейсера „Чiйода" и „Чихайя", и могли сообщить своему адмиралу, что русская эскадра въ полдень перемѣнила курсъ съ NO 60° на NO 23°.

Неопредѣленность строя, въ которомъ должна была вступить эскадра въ бой.

Судя по предыдущему перестроенiю эскадры, можно было думать, что рѣшено принять бой въ одной линiи кильватера—вѣдь непріятель могъ появиться каждую минуту. Но въ $12^1/_2$ ч. эскадра вновь перестроилась. I броненосный отрядъ подался вправо на 15 кабельтововъ, II отрядъ немного влѣво, обходя джонку, которая пересѣкла его курсъ и на которую пало подозрѣнiе, что она набросала плавучія мины. Повидимому у начальника эскадры было намѣренiе поставить въ правую колонну и II броненосный отрядъ, такъ какъ сначала былъ сдѣланъ сигналъ

„I-му и II-му броненоснымъ отрядамъ повернуть послѣдовательно на 8 R вправо и имѣть 11 узловъ хода“, но черезъ 10 минутъ, II-му броненосному отряду, не успѣвшему еще начать поворота, былъ сдѣланъ „отмѣнительный“ и „курсъ NO 23°“.

Въ это же время начальникъ эскадры нашелъ возможнымъ удѣлить свое вниманіе и перестановкѣ крейсеровъ. Съ „Суворова“ послѣдовалъ сигналъ—„Свѣтланѣ“ защищать транспорты съ правой стороны. Такимъ образомъ эскадра выстроилась въ двѣ колонны (не считая транспортовъ и мелкихъ крейсеровъ), при чемъ она была расположена уступами: головной лѣвой колонны „Ослябя“ шелъ на траверзѣ концевого правой—„Орла“.

Едва ли такое построеніе для боя можно признать удобнымъ. Двѣ колонны очень трудно поворачиваютъ вправо или влѣво, а между тѣмъ надо было быть къ этому готовымъ, такъ какъ, при отсутствіи развѣдочной службы, совершенно неизвѣстно было—откуда именно появятся непріятельскія главныя силы.

Затѣмъ во главѣ лѣвой колонны оказался корабль безъ адмирала, и старшій послѣ начальника эскадры—адміралъ Небогатовъ былъ въ хвостѣ колонны. Притомъ онъ совершенно былъ незнакомъ съ планомъ начальника эскадры, такъ какъ, кромѣ кратковременнаго свиданія въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ, во время котораго никакихъ разговоровъ о боѣ не было, онъ начальника эскадры больше не видѣлъ. О смерти адмирала Фелькерзама онъ не зналъ. Наконецъ „Ослябя“ былъ неподходящимъ кораблемъ для головного, какъ лишенный брони по ватерлиніи въ носу.

Результаты допущенія японскимъ развѣдчикамъ работать безнаказанно, и бездѣятельности нашихъ.

Около часу всѣ непріятельскіе развѣдчики исчезли—это явно показывало, что сейчасъ появятся главныя непріятельскія силы. Этимъ промежуткомъ времени можно было бы воспользоваться, чтобы измѣнить свой строй на болѣе цѣлесообразный, приказать транспортамъ уходить полнымъ ходомъ назадъ и т. п., чѣмъ разсчеты Того могли бы быть нарушены, такъ какъ дѣйствительность не оправдала бы донесеній, сдѣланныхъ ему развѣдчиками. Но и этотъ случай былъ упущенъ, и Того полностью воспользовался попустительствомъ со стороны русской эскадры по отношенію къ его развѣдчикамъ. Вотъ что имѣется въ его донесеніи по поводу этого (Морск. Сб. № 8, 1905 г.). „Наши суда (крейсеры) изрѣдка обстрѣливались непріятелемъ до тѣхъ поръ, пока они не подошли близко къ Цусимѣ. Но имъ все же удавалось оставаться въ соприкосновеніи съ непріятелемъ, и *ежеминутно* они телеграфировали всѣ подробности о его положеніи. Утро и день были очень туманны, такъ что далѣе чѣмъ за 5 миль ничего не было видно, но благодаря прекрасной службѣ крейсеровъ и несмотря на то, что непріятель былъ отъ меня въ разстояніи 20 миль, я былъ такъ хорошо освѣдомленъ о его положеніи, какъ будто онъ находился въ полѣ моего зрѣнія. Такъ еще прежде, чѣмъ я его увидѣлъ, я зналъ, что его боевая линія состоитъ изъ соединенныхъ 2-й и 3-й балтійскихъ эскадръ, сопровождаемыхъ особыми семью*) вспомогательными судами; что суда идутъ

*) За седьмой транспортъ развѣдчики приняли вѣроятно одинъ изъ госпитальныхъ кораблей.

двумя кильватарными колоннами; что главныя силы находятся во главѣ правой колонны, вспомогательныя суда въ замкѣ ея и, что вся эскадра идетъ на сѣверо-востокъ со скоростью 12 узловъ. Я рѣшилъ поэтому напасть на непріятеля около 2 час. пополудни главными своими силами вблизи Окиношимы и начать нападеніе на передовыя суда лѣвой колонны".

Очевидно долженъ быть поставленъ вопросъ—можно ли было лишить противника возможности такого точнаго разсчета, и едва ли на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно.

Развѣдочная служба преслѣдуетъ двѣ цѣли—узнать какъ можно больше о противникѣ и скрыть какъ можно больше о себѣ. Очевидно скрыть подходъ эскадры къ Корейскому проливу было немыслимо, и нельзя было думать, чтобы непріятельскія главныя силы не оказались во время въ томъ именно мѣстѣ, въ которомъ японскій адмиралъ находилъ наиболѣе удобнымъ преградить дорогу русской эскадрѣ. Трудно было также нашимъ крейсерамъ на столько близко подобраться къ непріятельскимъ главнымъ силамъ и на столько долго около нихъ продержаться, чтобы сообщать о нихъ все время различныя подробности. Для этого наши крейсеры были слишкомъ слабы, не имѣя въ своемъ составѣ ни одного броненоснаго крейсера, тогда какъ у японцевъ ихъ было восемь. Но въ томъ, что въ Корейскомъ проливѣ сосредоточенъ весь японскій флотъ, начальникъ русской эскадры былъ, по его словамъ, увѣренъ заранѣе, и тѣмъ болѣе онъ имѣлъ къ этому основаній, что никакихъ мѣръ, чтобы раздѣлить японскія силы, чтобы навести ихъ на ложный путь, чтобы утомить ихъ долгимъ пребываніемъ въ морѣ, онъ не предпринималъ.

Но помимо этого, для работы русскихъ развѣдчиковъ открывалось обширное поле дѣйствій. Отрядъ, составленный изъ „Олега", „Авроры", „Свѣтланы", „Жемчуга", „Изумруда" и „Урала", (къ сожалѣнію остальные вспомогательные крейсеры были отпущены слишкомъ рано и совсѣмъ не использованы) имѣлъ, благодаря своему ходу полную самостоятельность и удаляться отъ эскадры ему опасаться было нечего. Онъ совершенно свободно могъ идти на нѣсколько часовъ впереди эскадры, и чтобы его оттѣснить, японцамъ понадобилось бы выставить всѣ свои отряды крейсеровъ. Только при такомъ условіи допустимъ былъ тотъ строй эскадры, которымъ она шла все время (и ночью) до 11 ч. утра. Если японцы ее въ это время не атаковали внезапно, то это надо считать просто счастьемъ. Минныя атаки на ходу вообще мало дѣйствительны, но всякому пренебреженію ими есть предѣлъ, и этотъ предѣлъ былъ перейденъ русской эскадрой — при выбранномъ ею строѣ (три колонны съ огнями), минная атака японцевъ не могла не удаться—развѣ бы только имъ помѣшала погода.

Если бы развѣдочный отрядъ вышеуказаннаго состава былъ впереди эскадры, никакія наблюденія японскихъ развѣдчиковъ оказались бы невозможными, какъ оказались бы невозможными и ихъ донесенія, такъ какъ аппаратъ „Урала" могъ привести всѣ аппараты японцевъ въ негодность на долгое время. Адмиралу Того пришлось бы съ главными силами сняться съ якоря накануне, и продержаться всю ночь въ морѣ, а также выслать на ночь въ море для охраны обоихъ проливовъ миноносцы. А такъ какъ погода была свѣжая, то это не мало утомило бы ихъ и не мало причинило бы имъ аварій. Именно благодаря свѣжей погодѣ, можно было сдѣлать попытку ночью транспортамъ прорваться во Владивостокъ—

вѣдь все равно, если ихъ не отсылали назадъ, ихъ вели на вѣрную гибель. А въ случаѣ безвыходнаго положенія, они всегда могли себя затопить.

Во всякомъ случаѣ ночью, при подходѣ эскадры къ Корейскому проливу, ихъ слѣдовало отослать на 20 - 30 миль назадъ, и это можно было еще сдѣлать до послѣдняго момента и если бы впереди была завѣса нашихъ крейсеровъ, японцы бы объ этомъ не узнали. Если бы наконецъ наши крейсеры преслѣдовали скрывавшіеся между 11 и 12 часами отряды японскихъ крейсеровъ, то они скоро наткнулись бы на главныя японскія силы, передъ которыми бы они отступили, весьма вѣроятно и съ потерями, но тогда начальникъ эскадры зналъ бы точно—когда и откуда ихъ ждать. На самомъ же дѣлѣ повидимому этой увѣренности не было—и прямое тому доказательство - новое перестроеніе эскадры только въ тотъ моментъ, какъ появились эти главныя силы.

Это было въ 1 ч. 30 м. дня. Они показались справа впереди и шли большимъ ходомъ на пересѣчку курса нашей эскадры.

Новое перестроеніе эскадры въ моментъ появленія главныхъ японскихъ силъ.

Очевидно японцы появились не оттуда и маневрировали не такъ, какъ ожидалъ начальникъ эскадры, такъ какъ, въ моментъ появленія японскихъ главныхъ силъ, онъ началъ вновь перестраиваться и притомъ въ строй, которымъ эскадра шла всего за часъ передъ этимъ (съ $11^{1}/_{4}$ до $12^{1}/_{2}$ ч. дня). А именно послѣ уже появленія Того, съ „Суворова" послѣдовалъ сигналъ: „I-му броненосному отряду повернуть всѣмъ вдругъ влѣво на 8 R". Но не успѣлъ этотъ отрядъ еще дойти до линіи II и III-го броненосныхъ отрядовъ, какъ непріятель началъ уже пересѣкать ихъ курсъ. Тогда послѣдовалъ новый сигналъ: „II и III-му броненоснымъ отрядамъ вступить въ кильватеръ", и въ тоже время I-й броненосный отрядъ повернулъ на прежній курсъ.

Значеніе перваго удара въ морскомъ бою.

Вся исторія войны на морѣ доказываетъ, что въ морскомъ бою результатъ перваго удара имѣетъ огромное значеніе – имъ обыкновенно рѣшается участь всего боя. Да оно и понятно. Въ морскомъ бою, вслѣдствіе отсутствія вліянія мѣстности—нѣтъ резервовъ—всѣ силы *сразу* пускаются въ дѣло, и кто лучше подготовитъ первый ударъ, тотъ получаетъ огромное преимущество, которое уже очень трудно чѣмъ нибудь уравновѣсить.

Вотъ какой выводъ сдѣланъ однимъ изъ русскихъ офицеровъ (М. Сб. № 51, 1899 г.), изъ сраженія при С. Яго (1898 г.): „при старомъ, медленно дѣйствующемъ оружіи бывала возможность учиться во время боя, поправиться послѣ сдѣланной ошибки, одуматься послѣ перваго ошеломленія; но при современномъ, быстро и смертельно дѣйствующемъ оружіи, ошибка быстро превращается въ катастрофу; ничтожный перевѣсъ въ *началѣ* боя черезъ нѣсколько минутъ переходитъ въ огромное превосходство и небольшой недостатокъ въ военной подготовкѣ доводитъ, въ короткое время, до полной деморализаціи".

Конечно огромную роль въ количествѣ попаданій играетъ обученіе стрѣльбѣ и самая техника стрѣльбы (дальномѣры, прицѣлы и т. п.), въ особенности въ бою на большой дистанціи, но часто забываютъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ плохой стрѣльбы—мѣтко направленный и хорошо сосредоточенный огонь непріятеля въ первые моменты боя; масса

убитыхъ и раненыхъ, пожары, замѣшательство въ строѣ, выходъ нѣкоторыхъ кораблей изъ строя—все это удручающе дѣйствуетъ на личный составъ и заставляетъ наилучшимъ образомъ обученныхъ людей отвратительно стрѣлять. Обратно—ничто такъ не бодритъ, не умножаетъ силы и искусство, какъ первоначальный успѣхъ. Вотъ почему мало хорошо обучить людей - надо еще, чтобы главный начальникъ умѣлъ создать обстановку, въ которой это обученіе могло бы развернуться во всей своей силѣ—иначе все будетъ сведено на нѣтъ нравственной подавленностью.

Нервныя, поспѣшныя, непонятныя никому перестроенія, въ виду стройно двигающагося непріятеля—ужъ это одно могло скверно повлiять на настроеніе личнаго состава Отсутствіе опредѣленнаго общаго характера дѣйствій (плана) поневолѣ передавала смутность мысли отъ старшихъ начальниковъ къ младшимъ. Было сказано, что огонь слѣдуетъ сосредоточить на адмиральскомъ кораблѣ, но какъ же было это сдѣлать, когда наши корабли были вытянуты въ одну линію огромной длины, а непріятель пересѣкалъ нашъ курсъ впереди. Ужъ изъ середины строя, а тѣмъ болѣе изъ хвоста, это сдѣлать было прямо невозможно. Что предприметъ I броненосный отрядъ, за которымъ предлагалось только слѣпо слѣдовать, никто не зналъ — дѣйствовать самостоятельно разрѣшено не было.

Какъ было цѣлесообразнѣе дѣйствовать русской эскадрѣ при разсчетѣ перваго удара.

Очевидно для болѣе слабой, съ хуже обученной командой, каковой была русская эскадра, выгодно было съ перваго же момента сойтись на самую короткую дистанцію, если возможно – обратить бой въ общую безпорядочную свалку, въ сраженія отдѣльныхъ группъ. Это было единственное средство сравнять шансы въ маневрированіи и стрѣльбѣ,—единственная надежда возмѣстить потерю своего корабля, уничтоженіемъ и непріятельскаго, — единственный способъ сразу ввести въ бой всѣ свои силы, избѣгнуть того, чтобы часть эскадры была безсильной **зрительницей** избіенія другой части—угнетающее моральное воздѣйствіе такого безсильнаго созерцанія огромно.

Возможно ли было это для русской эскадры? Надѣяться на это было нельзя — преимущество въ ходѣ было на сторонѣ японцевъ, и они могли этого не позволить. Но на самомъ дѣлѣ, повидимому, это было возможно. Японцы сдѣлали ошибку, но русскіе ею не воспользовались, да и не были подготовлены къ тому, чтобы ее использовать.

Планъ Того былъ очень простъ—пользуясь своимъ преимуществомъ въ ходѣ, маневрировать поперекъ пути русской эскадры, выбивая сосредоточеннымъ огнемъ по очереди изъ строя русскіе головные корабли, начиная съ адмиральскихъ. Но для выполненія этого плана требовалось выполненіе нѣсколькихъ условій. Надо было маневрировать на достаточно большомъ разстояніи, чтобы во время поворотовъ непріятель не могъ бы поспѣть прорваться впередъ; конечно его можно было догнать и вновь обогнуть, но тогда временно вступали бы въ бой всѣ и непріятельскія силы. Такъ какъ слабая сторона этого плана именно въ поворотахъ, то эти повороты надо было дѣлать скорѣе, т. е. вдругъ, а не послѣдовательно.

Нѣтъ, однакоже такого маневра, которому нельзя было бы противупоставить другой. Напр. достаточно было бы русской эскадрѣ находиться

въ строѣ фронта, чтобы значительно ослабить преимущество японцевъ при выбранномъ ими способѣ дѣйствій. Но строй фронта—трудный строй. Надо умѣть въ немъ держаться, а во время семимѣсячнаго плаванія, не было найдено случая выучиться этому — во время переходовъ онъ не употреблялся. Кромѣ того, при этомъ строѣ, русская эскадра, хотя и развила бы несравненно сильнѣйшій огонь, чѣмъ при томъ строѣ и его расположеніи относительно непріятеля, какъ это было на самомъ дѣлѣ, но все таки болѣе слабый, чѣмъ бортовой огонь непріятеля. Поэтому на строй фронта слѣдовало смотрѣть только какъ на обезпеченіе возможности немедленно ввести въ дѣло всѣ свои силы, въ зависимости отъ того, что будетъ дѣлать непріятель. И вотъ, разъ онъ началъ бы ходить взадъ и впередъ поперегъ пролива, то тотъ же маневръ былъ доступенъ и нашей эскадрѣ, сражаясь все время на параллельныхъ курсахъ, при чемъ и ей конечно необходимо было бы поворачивать всѣмъ вдругъ. Но, благодаря преимуществу въ ходѣ, непріятель могъ бы все таки дѣлать попытки обходить голову русской эскадры. Однако каждая такая попытка вела бы, во-первыхъ, къ сближенію, для японцевъ невыгодному, а во-вторыхъ, пропускала бы русскихъ впередъ, что тоже имъ было не желательно. Такимъ образомъ линія маневрированія японцевъ переносилась бы часто на N—S, вмѣсто направленія O—W, которое имъ удалось удержать на самомъ дѣлѣ, и гораздо болѣе для нихъ выгоднаго. Затѣмъ для нарушенія плана японцевъ у русскихъ былъ еще одинъ пріемъ: во время этихъ боковыхъ обходовъ головы, и при неизбѣжномъ въ этомъ случаѣ сближеніи, выдѣлять быстроходный отрядъ новыхъ броненосцевъ и преграждать японскимъ головнымъ кораблямъ путь. Тогда имъ оставалось бы, или идти на полное сближеніе, или поворачивать, что задерживало бы, ихъ на мѣстѣ, и это давало бы возможность сблизиться и остальнымъ русскимъ отрядамъ.

Всѣ эти пріемы конечно не могли передать въ руки русскихъ преимущества въ силѣ и въ ходѣ — все это было на сторонѣ японцевъ, но этимъ все таки шансы были бы значительно сравнены, тогда какъ, при отсутствіи всякаго противодѣйствія маневрамъ японцевъ, и безъ того значительные ихъ шансы на побѣду выростали до огромныхъ размѣровъ.

Неиспользованная ошибка японцевъ.

Русскіе не прибѣгли къ этимъ пріемамъ, но тутъ помогли имъ сами японцы—они сами давали прекрасный случай для сближенія и для обращенія боя въ общую свалку въ наивыгоднѣйшій для русскихъ моментъ—въ самомъ началѣ боя.

Русская эскадра только еще начала перестраиваться, когда Того уже пересѣкъ ея курсъ, но очевидно онъ не разсчиталъ соотношенія скоростей и прошелъ **слишкомъ далеко**, чтобы можно было открыть огонь. Такимъ образомъ онъ упустилъ первый случай сосредоточить бортовой огонь всей своей эскадры по „Суворову“, который былъ къ нему ближайшимъ и по „Ослябѣ“, который шелъ во главѣ уступа на 10 кабельтововъ дальше. Упущенный моментъ особенно былъ выгоденъ, такъ какъ І-й броненосный отрядъ перестраивался.

Перейдя на лѣвую сторону нашей эскадры, адмиралъ Того, вмѣсто того, чтобы повернуть вдругъ, къ каковому пріему онъ неизмѣнно прибѣгалъ впродолженіи послѣдующаго боя, началъ поворачивать послѣдова-

тельно. Этимъ онъ позволилъ головному русской эскадры, даже при эскадренномъ ходѣ 11 — 12 узловъ, подойти на дистанцію 32 кабельтова и открыть огонь въ то время, какъ самъ онъ на него отвѣчать не могъ и корабли его створились подъ огнемъ русскихъ, которые все приближались къ точкѣ послѣдовательнаго поворота японцевъ. Адмиралъ Того оправдываетъ свой неловкій маневръ такъ: „Наши главныя силы шли послѣ этого нѣкоторое время на юго-западъ, чтобы возбудить мысль, будто бы мы намѣрены идти прямо на непріятеля. Въ 2 ч. 5 м. (по русскимъ свѣдѣніямъ это было въ 1 ч. 50 м.) мы сразу (на самомъ дѣлѣ послѣдовательно) повернули на востокъ, измѣнили нашъ фронтъ и направились наискось противъ непріятельскаго авангарда. Въ такомъ положеніи мы начали бой“.

На самомъ дѣлѣ адмиралъ Того просто проскочилъ слишкомъ далеко и опоздалъ съ поворотомъ. Моментъ для русскихъ представлялся превосходный. Стоило только I-му броненосному отряду дать полный ходъ и выйти впередъ, чтобы дорога въ NO четверть для адмирала Того была преграждена — сближеніе на самую короткую дистанцію для него было неминуемо. Повернуть всѣмъ вдругъ и податься къ сѣверу уже было немыслимо, разъ послѣдовательный поворотъ былъ начатъ. Поворотъ въ другую сторону—вправо—велъ тоже къ сближенію съ русскими почти вплотную.

Вмѣстѣ съ I-мъ броненоснымъ отрядомъ долженъ былъ дать полный ходъ, и отдѣлиться отъ отряда адмирала Небогатова, II-й броненосный отрядъ и, направившись къ точкѣ послѣдовательнаго поворота непріятеля, сосредоточить свой огонь по створящимся кораблямъ, въ то время, какъ I-й отрядъ принималъ бы поочередно корабли уже повернувшіе. Остановка и замѣшательство въ японской линіи были неминуемы и это дало бы возможность подоспѣть къ мѣсту и III-му броненосному отряду. Сюда надо было спѣшить и всѣмъ крейсерамъ, предоставивъ транспорты на произволъ судьбы, пользуясь тѣмъ, что японскіе крейсеры находились сзади и поспѣли бы на мѣсто не раньше, чѣмъ минутъ черезъ 10—15 послѣ русскихъ. Бой не могъ не обратиться въ общую безпорядочную свалку, въ которой могли быть пущены въ ходъ мины и даже случайно таранъ. Это и было бы наивыгоднѣйшей обстановкой для русскихъ. Страшно пострадали бы при такой схваткѣ грудь съ грудью русскіе корабли, но нельзя себѣ представить, чтобы цѣлыми изъ нея вышли и японцы. И только благодаря своей ошибкѣ, тѣ рисковали очутиться въ такомъ положеніи, но эта ошибка не была русскими использована и.... уже больше въ продолженіи боя не повторялась.

Для выполненія этого маневра русскіе отряды должны были имѣть право маневрировать самостоятельно, подъ руководствомъ начальниковъ, которые настолько думали бы единой мыслью съ начальникомъ эскадры, что съ перваго его движенія разгадали бы его маневръ. Для этого надо было много и часто обсуждать вмѣстѣ всевозможныя комбинаціи боя, а въ особенности столь вѣроятную, предлагаемую въ каждомъ изслѣдованіи по тактикѣ, къ которой прибѣгли японцы. Но этого единства мысли не было, и во главѣ III-го отряда былъ мертвый адмиралъ.

Что же сдѣлали на самомъ дѣлѣ русскіе? I-й броненосный отрядъ вмѣсто того, чтобы броситься полнымъ ходомъ впередъ, описывалъ обы-

кновеннымъ ходомъ коордонатъ влѣво — т. е. собственно говоря — остановился на мѣстѣ. Опасаясь на него наскочить, II-й отрядъ долженъ былъ уменьшить ходъ и, дѣйствительно, въ этотъ моментъ на „Ослябѣ“ былъ поднятъ сигналъ „имѣть 8 узловъ хода“. Крейсеры, вслѣдъ за транспортами, бросились вправо и въ бою главныхъ силъ участія не приняли. Такимъ образомъ фактически толклась на мѣстѣ русская эскадра, а не японская. Открытый русскими при этихъ условіяхъ огонь, при томъ же для русскихъ комендоровъ на слишкомъ большой для нихъ дистанціи — ближайшій „Суворовъ“ былъ на разстояніи 32 кабельтововъ отъ Того — не могъ дать того града попаданій, который рисковали получить японцы съ разстояніи въ 15—10 кабельтововъ, а время.... уходило. Повернулъ „Миказа“, за нимъ второй, третій, и черезъ нѣсколько минутъ этотъ градъ попаданій обрушился на русскіе флагманскіе корабли. Для японцевъ 30 кабельтововъ было прекраснымъ разстояніемъ, чтобы осуществить этотъ градъ. Быстро вся японская эскадра вытянулась на NO, въ то время какъ склонялся вправо и русскій авангардъ. „Обѣ непріятельскія колонны постепенно мѣняли свой курсъ на востокъ и образовали одну неправильную колонну“, говоритъ въ своемъ донесеніи Того. Казалось бы положеніе одинаковое—на двухъ параллельныхъ линіяхъ. Но градъ попаданій уже сдѣлалъ свое дѣло. Черезъ 15 минутъ послѣ открытія русскими огня, на „Суворовѣ“ и „Ослябѣ“ уже оказались сильные пожары, второй получилъ уже смертельную пробоину въ носу и носовая его башня была разбита. „Суворовъ“ дѣлаетъ было попытку сблизиться, но его встрѣчаетъ бортовой огонь всѣхъ броненосцевъ Того, и сильно избитый, въ огнѣ, съ раненымъ уже дважды адмираломъ, съ поврежденнымъ рулевымъ приводомъ, онъ въ 2 ч. 20 м. уже выходитъ изъ строя. Черезъ 5 минутъ временно изъ строя выходитъ „Бородино“, а за нимъ весь въ пламени „Александръ III“, но оба они оправляются и вновь вступаютъ въ линію, при чемъ во главѣ становится „Бородино“. Вслѣдъ за „Суворовымъ“ выходитъ изъ строя „Ослябя“ со страшнымъ креномъ и на глазахъ у всѣхъ идетъ ко дну.

Вотъ результатъ града попаданій японцевъ — ихъ перваго удара. Можно представить себѣ огромное моральное вліяніе этого результата— удручающее для русскихъ—и огромный подъемъ духа у японцевъ. Тутъ и у великолѣпно обученныхъ командъ пропала бы хорошая стрѣльба, а у необученныхъ... Въ эти первые полчаса и былъ рѣшенъ бой. А между тѣмъ счастливый случай давалъ возможность русскимъ обратить это первое столкновеніе въ столь же жестокое и для японцевъ. Тогда еще можно было надѣяться — теперь же дѣло было кончено.

Характеръ дальнѣйшаго боя, послѣ перваго удара.

Весь дальнѣйшій бой представлялъ изъ себя **методическое** избіеніе геройски, съ отчаянной безнадежностью, **сопротивлявшихся,** но уже собственно не наносившихъ японцамъ вреда, русскихъ кораблей. Вотъ почему главнымъ образомъ и не пострадала почти совсѣмъ японская эскадра, а не отъ плохого качества нашихъ снарядовъ, хотя конечно и это играло большую роль. А главное—не было достаточно попаданій. И это явленіе замѣчалось во всѣхъ морскихъ бояхъ, вызвавши знаменитое выраженіе Фаррагута — „лучшая защита есть хорошо направленный собственный огонь“. Это и защищало японцевъ и совершенно беззащитны въ этомъ отношеніи были русскіе.

Въ 2 ч. 50 м. „Бородино“ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что японцы прошли впередъ и повернулъ было на N, угрожая такимъ образомъ японскому арьергарду. Но I японскій отрядъ стройно повернулъ вдругъ, пришедшій на его мѣсто, II отрядъ сдѣлалъ тоже самое, и русскій авангардъ, повернувшій было вслѣдъ за „Бородино“, очутился подъ такимъ жестокимъ огнемъ, что вновь въ безсиліи склоняется къ О. Въ это время во главѣ строя становится „Императоръ Александръ III“, уступившій его временно „Бородину“, во время выхода своего изъ строя. Эскадры проходятъ контръ-курсами. Поровнявшись съ русскимъ арьергардомъ, I японскій отрядъ въ 3 ч. 10 м. вновь повернулъ вдругъ, и, увеличивши этимъ дистанцію до 40 кабельтововъ, пошелъ вдоль русской линіи, идя съ ней теперь параллельнымъ курсомъ. II отрядъ (броненосные крейсеры) адмиралъ Того отдѣлилъ на югъ. Почему онъ это сдѣлалъ—не совсѣмъ ясно. Быть можетъ онъ хотѣлъ предупредить возможность русской эскадрѣ отступить на югъ—послѣдняя въ это время начала склоняться на SO, или онъ считалъ ее ужъ столь слабой, что надѣялся легко справиться съ ней одинъ, и послалъ II отрядъ на помощь бронепалубнымъ своимъ крейсерамъ. Быть можетъ онъ опасался за эти послѣдніе, потому что русская эскадра въ это время направлялась къ своимъ транспортамъ и могла дѣйствовать по нападавшимъ на нихъ японскимъ крейсерамъ свомъ правымъ бортомъ, еще не бывшимъ въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ японскій II отрядъ скрылся изъ вида нашей эскадры и появился потомъ уже съ правой стороны. Въ $3^1/_2$ ч. скрылся во мглѣ и адмиралъ Того.

Въ это время сзади эскадры съ лѣвой стороны показался „Суворовъ“—онъ очевидно старался догнать эскадру, которая повернула къ нему, но все таки до него не дошла. Это былъ собственно удобный моментъ для того чтобы повернуть къ сѣверу, и отчего это не было сдѣлано остается неяснымъ.

Отсутствіе сознательнаго руководительства боемъ.

Впрочемъ трудно было и ожидать какого либо руководительства боемъ. Хотя уже часъ тому назадъ, оба адмиральскихъ корабля выбыли изъ строя, но адмиралъ Небогатовъ все еще шелъ въ хвостѣ. Эскадру велъ „Императоръ Александръ III“, но былъ ли живъ въ это время командиръ и даже старшій офицеръ — осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть фактически въ это время распоряжался эскадрой лейтенантъ и даже мичманъ. Напр. когда въ 6 ч. этотъ броненосецъ вышелъ окончательно изъ строя—а до этого момента онъ его велъ—на мостикѣ не видно было ни одного офицера.

Курсъ русской эскадры можно объяснить скорѣй всего заботой о транспортахъ и нашихъ крейсерахъ, такъ какъ въ это время броненосные японскіе крейсеры оказались съ правой стороны, т. е. въ томъ направленіи гдѣ были транспорты. Вообще съ $3^1/_2$ до 4 ч., а можетъ быть и дальше—броненосцы, крейсеры и транспорты находились въ близкомъ сосѣдствѣ, причемъ послѣдніе сильно мѣшали боевымъ судамъ.

Командиръ „Изумруда“, который шелъ все время съ броненосцами, пишетъ въ своемъ донесеніи объ этомъ моментѣ такъ: „На время строи крейсеровъ и броненосцевъ III и II отрядовъ слились. Было очень трудно слѣдить за ходомъ боя, такъ какъ приходилось все свое вниманіе обращать на управленіе крейсеромъ, дабы не столкнуться съ которымъ ни-

будь изъ транспортовъ, потерявшихъ всякій строй, и миноносцевъ то и дѣло прорѣзавшихъ строй".

Въ 4 ч. вновь вырисовался изъ мглы отрядъ адмирала Того, съ которымъ наша эскадра легла пораллельнымъ курсомъ, а II японскій отрядъ прошелъ у нея за кормой и вступилъ своему I отряду въ кильватеръ. Послѣ этого оба отряда начали обходить нашу эскадру съ головы и ей пришлось вновь повернуть къ югу.

Гибель „Суворова".

Въ это время опять показался весь въ огнѣ „Суворовъ", на этотъ разъ съ правой стороны. Какъ разъ въ этотъ моментъ его атаковалъ отрядъ миноносцевъ, и хотя онъ могъ стрѣлять по нимъ только изъ одной 75 мм. пушки, но, видя приближающуюся эскадру, они ушли, не нанеся ему никакого вреда. „Суворовъ" прошелъ подъ кормою концевого эскадры, но слѣдовать за нею не могъ. Въ это время подошелъ къ нему миноносецъ „Буйный" и снялъ съ него начальника эскадры и его штабъ. Собственно „Суворовъ" находился въ такомъ положеніи, что его оставалось только затопить, снявъ съ него команду, но на „Буйномъ" уже было 250 человѣкъ спасенныхъ съ „Осляби", а другихъ миноносцевъ здѣсь не оказалось и никто не позаботился послать къ „Суворову" кого либо для снятія команды. Тотъ такъ и продолжалъ безпомощно горѣть до 7 час. вечера, когда вновь на него наткнулся отрядъ японскихъ миноносцевъ и совершенно безнаказанно потопилъ его минами.

Только въ $7^1/_2$ ч. вечера, пришедшій въ себя адмиралъ Рожественскій, узнавши, что не весь штабъ спасенъ, приказалъ послать другой миноносецъ къ „Суворову", но было уже поздно.

Гибель „Камчатки".

Вмѣстѣ съ „Суворовымъ", около 7 ч. вечера, находясь отъ него въ небольшомъ разстояніи, погибла „Камчатка". Она получила серьезную пробоину еще въ 4 ч. дня, и въ $6^1/_2$ ч. была окружена непріятелемъ. Несмотря на то, что защищаться она не могла, она флага не спускала, и смертельно раненый лейтенантъ Никоновъ, послѣдній ея командиръ, на предложеніе спустить флагъ отвѣчалъ: „все что хотите, но только не спускать флагъ". Вскорѣ послѣ этого Камчатка пошла ко дну.

Часовой перерывъ боя.

Между тѣмъ эскадра наша направлялась къ югу и усилившаяся мгла скрыла противниковъ другъ отъ друга.

Воспользовавшись этимъ, она повернула на W, а затѣмъ и на NO 23°, описавъ такимъ образомъ петлю. Того же думалъ, что русскіе продолжаютъ идти на югъ, и только пройдя туда же довольно большое разстояніе, онъ замѣтилъ свою ошибку и повернулъ въ догонку за русскими. Благодаря этому, бой между главными силами прекратился почти на цѣлый часъ.

Русская эскадра исправила строй, и, все продолжая имѣть во главѣ броненосецъ „Императоръ Александръ III", а адмирала Небогатова съ его отрядомъ въ хвостѣ, шла на сѣверъ.

Возобновленіе боя.

Но въ $5^1/_2$ часовъ сзади съ правой стороны показался I японскій отрядъ, быстро нагонявшій, и бой вновь завязался — на этотъ разъ на параллельныхъ курсахъ, на перемѣнномъ разстояніи отъ 28 до 44 кабельтововъ. Японцы опять сосредоточили свой огонь на головномъ, и въ 6 ч. вечера „Императоръ Александръ III", имѣя

сильный кренъ, вышелъ изъ строя, но быстро оправился и вступилъ вновь въ строй между „Сенявинымъ“ и „Ушаковымъ“. Вслѣдствіе поврежденій и временныхъ выходовъ изъ строя, порядокъ судовъ сбился, и теперь впереди были „Бородино“ и „Орелъ“, за ними адмиралъ Небогатовъ съ „Николаемъ I“, „Апраксинымъ“ и „Сенявинымъ“, за послѣднимъ шелъ „Александръ III“, а за нимъ: „Ушаковъ“, „Наваринъ“, „Нахимовъ“ и „Сисой“. Адмиралъ Того съ броненосцами продолжалъ идти параллельнымъ курсомъ.

Гибель „Императора Александра III“.

Въ 6 ч. 30 м. „Императоръ Александръ III“, страшно избитый, съ массой пробоинъ, вдругъ вышелъ круто влѣво изъ строя и перевернулся—очевидно ему неудалось справиться съ разливавшейся внутри броненосца водой.

Передача командованія Небогатову.

Въ это же время спереди эскадры показался шедшій къ ней на встрѣчу миноносецъ „Безупречный“, сообщившій, что начальникъ эсхдры раненъ, что онъ передаетъ командованіе адмиралу Небогатову и приказываетъ идти во Владивостокъ.

Только въ этотъ моментъ адмиралъ Небогатовъ фактически принялъ командованіе эскадрой, что онъ могъ съ полнымъ правомъ сдѣлать уже въ 2 ч. 40 мин. Такимъ образомъ, впродолженіи четырехъ часовъ русская эскадра оставалась безъ всякаго руководства, хотя въ строю и находился адмиралъ.

Когда было разобрано, что передавалъ „Безупречный“, адмиралъ Небогатовъ вышелъ изъ линіи, сталъ головнымъ и направился къ сѣверу. „Бородино“, бывшій до этого момента головнымъ, вступилъ ему въ кильватеръ, а за нимъ и остальные корабли. На этотъ разъ Того не сталъ поперегъ пути русской эскадры, и скоро выяснилось почему—по всему горизонту съ сѣвера показались отряды миноносцевъ, только ожидавшіе темноты, чтобы начать атаку.

Гибель „Бородино“.

Въ это время въ „Бородино“, который ужъ былъ очень сильно избитъ, попалъ снарядъ большого калибра и произвелъ страшный пожаръ. Весь окутанный пламенемъ и дымомъ, онъ вышелъ изъ строя и въ 7 ч. 15 м. перевернулся.

Между тѣмъ Того, не желая съ наступленіемъ темноты мѣшать своимъ миноносцамъ, увеличилъ ходъ и скрылся въ NO четверти.

Поворотъ отряда броненосцевъ на сѣверъ.

Сначала наша эскадра повернула отъ миноносцевъ на противуположный курсъ, но по мѣрѣ наступленія темноты, она начала поворачивать къ западу, а въ $8^1/_4$ часовъ вечера легла на курсъ NO 23° —по направленію во Владивостокъ. Изъ крейсеровъ при ней оказался только одинъ „Изумрудъ“.

Что дѣлали крейсеры въ бою.

Еще во время стоянки вс Камрангѣ, задача крейсерамъ въ бою, по словамъ адмирала Энквиста, была поставлена такая — защищать транспорты и оказывать помощь главнымъ силамъ. Для этого крейсеры были раздѣлены на два отряда — крейсерскій („Олегъ“, „Аврора“, „Донской“ и „Мономахъ“) долженъ былъ преслѣдовать вторую цѣль, дѣйствуя самостоятельно, а развѣдочный („Свѣтлана“, „Уралъ“, и „Алмазъ“) предназначался для охраны транспортовъ. „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ должны были состоять при броненосцахъ.

Но наканунѣ боя было сдѣлано распоряженіе, чтобы при транспор-

тахъ состояли и „Донской“ и „Мономахъ“. Такимъ образомъ для самостоятельныхъ дѣйствій оставалось всего два крейсера.

Когда начался бой, адмиралъ Энквистъ съ „Олегомъ“ и „Авророй“ прибавилъ ходъ и склонился было вправо, чтобы, согласно имѣвшейся у него инструкціи, занять позицію въ сторонѣ отъ эскадры, противуположной отъ непріятеля. Но вскорѣ показались отряды японскихъ бронепалубныхъ крейсеровъ, направлявшіеся къ транспортамъ, а потому туда же направился и адмиралъ Энквистъ. Бой онъ велъ на очень большомъ разстояніи—около 50 кабельтововъ—а потому, принимая во вниманіе калибръ орудій крейсеровъ (только у японцевъ было нѣсколько 8″ орудій), особыхъ поврежденій ни съ той ни съ другой стороны не было. По донесенію адмирала Энквиста, транспорты, вслѣдствіе тѣсноты мѣста въ которомъ происходилъ бой, не могли держаться на столько далеко отъ сражавшихся главныхъ силъ, чтобы имъ не мѣшать, и потому „не мало стѣсняли ея движенія. Постоянные повороты эскадры сбили транспорты въ кучу, и, благодаря этому, зачастую мѣшали стрѣльбѣ своихъ конвоировъ“.

Это значитъ, что часто транспорты оказывались между нападавшими и защищавшими ихъ крейсерами, что является нѣсколько страннымъ, принимая во вниманіе значительный ходъ крейсеровъ, отдаленность противника и незначительное количество транспортовъ. Это какъ-бы показываетъ, что крейсеры вели защиту транспортовъ, придерживаясь къ нимъ слишкомъ близко, и толпились вмѣстѣ съ ними на одномъ мѣстѣ.

Два раза, въ то время, какъ сражавшіяся главныя силы проходили вблизи мѣста транспортовъ, адмиралъ Энквистъ дѣлалъ попытки пристроиться въ кильватеръ эскадрѣ, но сейчасъ-же вновь его отвлекала отъ этого защита транспортовъ — очевидно при этихъ попыткахъ онъ имѣлъ транспорты между собою и нападавшими на нихъ японскими крейсерами, такъ какъ тѣ дѣйствовали съ юга, а сражавшіяся эскадры находились къ сѣверу отъ транспортовъ. Одинъ разъ наши крейсеры попали подъ жестокій огонь японскихъ броненосныхъ крейсеровъ, когда тѣ, отдѣлившись отъ Того, напали на наши броненосцы съ другой стороны. Это было между 3 и 4-мя часами дня.

Такимъ образомъ крейсеры, бросаясь то въ ту, то въ другую сторону, не принесли достаточной пользы, ни главнымъ силамъ, ни транспортамъ. Это надо объяснить неопредѣленностью общаго плана.

Два же крейсера „Изумрудъ“ и „Жемчугъ“, исполняя полученныя ими инструкціи, совершенно напрасно маневрировали вмѣстѣ съ эскадрой, не будучи въ состояніи принять какое либо активное участіе въ бою, вслѣдствіе малаго калибра своихъ орудій.

Въ общемъ крейсеры дѣйствовали разрозненно, безъ опредѣленнаго плана, въ рѣшительный бой съ японскими бронепалубными крейсерами на близкой дистанціи не вступали, и большинство изъ нихъ отъ непріятельскаго огня потерпѣло вообще мало.

Больше всего пострадала „Аврора“, на которой убито 10 и ранено 81 человѣкъ. Какъ „Аврора“, такъ и „Олегъ“ получили нѣсколько пробоинъ у ватерлиніи и имѣли нѣсколько отдѣленій, заполненныхъ водой.

Какъ адмиралъ Энквистъ покинулъ эскадру.

Къ концу боя крейсеры шли лѣвѣе броненосцевъ. Адмиралъ Энквистъ видѣлъ, какъ погибъ „Бородино", видѣлъ отряды японскихъ миноносцевъ, которые преграждали нашей эскадрѣ путь на сѣверъ, видѣлъ, какъ броненосцы повернули отъ нихъ на югъ, онъ видѣлъ, какіе броненосцы остались въ строю — все это показываетъ, въ особенности принимая во вниманіе наступавшую темноту, что онъ находился не въ большомъ разстояніи отъ главныхъ силъ. Также онъ раньше видѣлъ сигналъ миноносца „Блестящій" о томъ, что командованіе эскадрой передается адмиралу Небогатову.

Вполнѣ естественнымъ казалось бы со стороны отряда крейсеровъ — держаться какъ можно ближе къ адмиралу, чтобы не разлучиться съ нимъ при наступающей темнотѣ, и такъ какъ броненосцы въ это время шли на югъ, т. е. по направленію къ крейсерамъ, то имъ оставалось только идти къ нимъ на встрѣчу, или по крайней мѣрѣ продержаться нѣкоторое время на мѣстѣ, чтобы пристроиться имъ въ кильватеръ. Еще естественнѣе было крейсерамъ, видя отряды японскихъ миноносцевъ, идти полнымъ ходомъ къ броненосцамъ, обойти ихъ съ хвоста и расположиться между ними и надвигающимися непріятельскими миноносцами, чтобы принять первыя минныя атаки на себя, тѣмъ болѣе, что броненосцы выдержали жестокій 6-ти часовой бой и надо было думать, что они были лишены мелкой артиллеріи, тогда какъ артиллерія крейсеровъ пострадала очень мало, о чемъ адмиралъ Энквистъ могъ судить по своему флагманскому крейсеру „Олегъ", бывшему, вмѣстѣ съ „Авророй", въ болѣе сильномъ огнѣ, нежели остальные крейсеры, и на которомъ было выведено изъ строя только одно 75 мм. орудіе.

Вѣдь броненосцевъ оставалось еще восемь и тутъ и наступилъ моментъ, когда крейсерамъ представлялся случай, и они обязаны были это сдѣлать — „оказать помощь главнымъ силамъ".

При движеніи эскадры на югъ, мѣсто крейсеровъ очевидно было въ арьергардѣ, и конечно въ авангардѣ, если бы эскадра — какъ это произошло на самомъ дѣлѣ — вновь повернула бы на сѣверъ.

Между тѣмъ, по донесенію адмирала Энквиста видно, что уже „послѣ поворота эскадры (на югъ), обойдя транспорты и миноносцы, крейсеры повернули и легли на SW. Въ это время за „Олегомъ" шли: „Аврора", „Владиміръ Мономахъ" и отставшій „Дмитрій Донской", а съ лѣвой стороны держался „Жемчугъ". Всѣ прочія суда эскадры (т. е. крейсеры „Свѣтлана", „Алмазъ", миноносцы и транспорты) находились лѣвѣе крейсеровъ.

Послѣ этого ужъ сдѣлалось темно.

Въ 7 ч. 25 м. (по другимъ источникамъ только въ это время погибъ „Бородино". Съ „Изумруда" видѣли, какъ крейсеры пошли на югъ, т. е. еще не было полной темноты, и значитъ и съ крейсеровъ въ это время видѣли броненосцы) адмиралъ Энквистъ уже „легъ на S и далъ полный ходъ для избѣжанія попаданія минъ (съ замѣченныхъ непріятельскихъ миноносцевъ), а также для того, чтобы попытаться пройти на сѣверъ, обогнувъ нашу эскадру, что впрочемъ скоро долженъ былъ признать слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ пришлось бы перерѣзать путь всѣмъ судамъ нашей эскадры, курсы и скорости которыхъ ему были неизвѣстны".

Понятно, что за „Олегомъ“ послѣдовали всѣ остальные крейсеры (по нѣкоторымъ источникамъ съ „Олега“ былъ сигналъ—крейсерамъ слѣдовать за нимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что могли поспѣть за нимъ только „Аврора“ и „Жемчугъ“, такъ какъ съ самаго начала „Олегъ“ далъ ходъ въ 17 узловъ. „Мономахъ“ и „Донской“ совсѣмъ не могли дать такого хода, а „Свѣтлана“ имѣла пробоину въ носу и затопленное носовое отдѣленіе.

Поэтому, увлекши за собой крейсеры и давъ полный ходъ, адмиралъ Энквистъ сознательно раздѣлилъ свой отрядъ. Отставшіе крейсеры, исполняя инструкцію начальника эскадры, — въ случаѣ разлученія пробиваться во Владивостокъ (объ этомъ приказаніи упоминаютъ всѣ пробивавшіеся на сѣверъ), потерявъ своего начальника отряда, повернули и пошли на сѣверъ, но конечно найти эскадру въ темнотѣ не могли. Между тѣмъ они оказались бы при эскадрѣ, если бы ихъ не увлекъ сначала на югъ крейсеръ „Олегъ“.

По донесенію адмирала Энквиста, онъ нѣсколько разъ дѣлалъ попытку повернуть на сѣверъ, чтобы пройти во Владивостокъ (вѣроятно руководствуясь вышеуказаннымъ приказаніемъ начальника эскадры), но каждый разъ принужденъ былъ поворачивать назадъ изъ за того, что подвергался атакамъ миноносцевъ и **видѣлъ огни японскаго флота**. Теперь вполнѣ уже установленъ фактъ, что японскаго флота въ этомъ пространствѣ не было. По плану адмирала Того, вполнѣ разумному, съ наступленіемъ темноты, всѣ отряды должны были идти на сѣверъ и расположиться по линіи, идущей отъ Корейскаго берега черезъ островъ Дажелетъ, къ берегамъ Японіи, чтобы перехватывать на слѣдующій день тѣ русскія суда, которыя уцѣлѣли бы послѣ минныхъ атакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ очищалось поле дѣйствій для японскихъ миноносцевъ и не могло быть случая атаки собственныхъ судовъ. Такъ было бы логично думать и нашимъ крейсерамъ. Они увидѣли огни, въ то время какъ отбивались отъ минныхъ атакъ. Трудно было допустить, чтобы эти огни принадлежали японскому боевому флоту. Въ крайнемъ случаѣ эти огни могли принадлежать мелкимъ крейсерамъ (на самомъ дѣлѣ и ихъ не было), или вспомогательнымъ транспортамъ, сопровождавшимъ миноносцы. Едва ли крейсерамъ были опасны эти суда. Впрочемъ, едва ли они могли опасаться и боевой эскадры, даже при всей невѣроятности ея нахожденія здѣсь. Имѣя прекрасный ходъ, имъ легко было въ темнотѣ избѣжать съ ней боя, и прорваться по любому направленію.

Опасеніе минныхъ атакъ, заставившеее крейсеры отступить отъ такой важной цѣли, какъ прорывъ во Владивостокъ, показываетъ, что недостаточно былъ оцѣненъ опытъ года войны, который ясно доказалъ, что при соблюденіи темноты (не открывая электрическаго освѣщенія) и при сохраненіи хода, вѣроятность успѣха минной атаки прямо ничтожна. Въ особенности яркое доказательство этому дала ночь послѣ сраженія 28 іюля 1904 года, когда наши подбитые корабли, съ самымъ незначительнымъ ходомъ, удачно отбились отъ атакъ многочисленныхъ японскихъ миноносцевъ. Такой же взглядъ былъ установленъ и морской тактикой еще задолго до войны. Справедливость его подтвердилась и здѣсь. Не смотря на огромное количество миноносцевъ (около 50), очень немногіе корабли были повреждены минами, да и то только тѣ, которые свѣтили

фонарями. Наконецъ, принимая на себя минныя атаки и даже рискуя быть подорванными, крейсеры только исполняли бы свою роль, отвлекая извѣстное число миноносцевъ отъ броненосцевъ. Однимъ словомъ все говорило за то, чтобы крейсерамъ, уже допустивъ ошибку своего уклоненія на югъ, пока было еще свѣтло и была видна эскадра, какъ можно скорѣе исправить эту ошибку и повернуть на сѣверъ, преодолѣвая препятствія на пути, а не поворачивая отъ нихъ вновь на совершенно неестественный курсъ къ югу.

Въ 1 ч. ночи адмиралъ Энкистъ совершенно отказался отъ попытокъ пробиться на сѣверъ, и рѣшительно пошелъ въ Желтое море „разсчитывая **можетъ быть** увидѣть нашу эскадру, отступающую на угольщиковъ, оставленныхъ въ Шанхаѣ, какъ это **повидимому** предполагалось въ случаѣ неудачи въ Корейскомъ проливѣ".

Но очевидно эта надежда была напрасна. Дѣйствительно, съ $7^1/_2$ ч. вечера до 2 ч. ночи отрядъ шелъ среднимъ ходомъ „около 15 узловъ, увеличивая его до 17 во время минныхъ атакъ". Въ 2 часа, даже когда, по мнѣнію начальника отряда, онъ разошелся съ непріятелемъ, онъ продолжалъ идти 12 узловымъ ходомъ.

Очевидно значитъ, что, если бы даже эскадра и шла на югъ, то она была очень далеко позади и не было никакой надежды, что она догонитъ крейсеры, хотя съ разсвѣтомъ, не видя никого, они и уменьшили ходъ до 10 узловъ.

По опросѣ въ этотъ моментъ оказалось, что на „Олегѣ" и „Жемчугѣ" осталось угля на переходъ въ 1,300 миль экономическимъ ходомъ, на „Аврорѣ" же нѣсколько больше.

„*Не имѣя никакихъ инструкцій* на случай разлученія послѣ боя съ эскадрой", говоритъ адмиралъ Энквистъ, „было весьма трудно рѣшить, что предпринять", и такъ какъ трудно было надѣяться пройти Лаперузовымъ проливомъ, изъ за недостатка угля и пробоинъ, которыя могли стать опасными при свѣжей погодѣ, онъ „рѣшилъ идти въ Шанхай (?), чтобы тамъ попытаться принять въ 24 часовой срокъ уголь съ нашихъ транспортовъ и на тихой водѣ задѣлать въ это время, насколько возможно своими средствами, пробоины и, взявъ съ собой угольщика, идти, или Лаперузовымъ проливомъ во Владивостокъ, или возвращаться въ Россію, въ зависимости отъ судьбы нашей эскадры". Однако, встрѣтивъ на слѣдующій день утромъ (16 мая) буксиръ „Свирь", хотя „относительно эскадры ничего новаго со „Свири" сообщить не могли", начальникъ отряда доноситъ, что „встрѣча со „Свирью" измѣнила его рѣшеніе идти въ Шанхай, въ которомъ онъ боялся подвергнуться немедленному разоруженію", а потому рѣшилъ идти въ Манилу. Туда отрядъ прибылъ 21 мая, и былъ интернированъ.

Миноносцы „Бодрый" и „Блестящій".

Кромѣ крейсеровъ, „Олегъ" увлекъ за собой и шесть миноносцевъ: „Бодрый", „Блестящій", „Грозный", „Быстрый", „Громкій" и „Буйный". Послѣдніе четыре скоро опомнились или отстали и потому повернули на сѣверъ, а первые два продолжали слѣдовать за крейсерами. Но „Блестящій" былъ поврежденъ и началъ отставать, а „Бодрый" не рѣшился послѣдовать примѣру крейсеровъ и остался при немъ. Въ 5 ч. утра „Блестящій" не могъ больше держаться на водѣ и утонулъ. „Бодрый" снялъ съ него

людей и продолжалъ путь на югъ, но крейсеровъ догнать не могъ. Послѣ этого онъ выдержалъ штормъ, сжегъ весь уголь, все дерево и остался въ безпомощномъ состояніи. Только черезъ пять дней проходившій англійскій коммерческій пароходъ взялъ его на буксиръ и привелъ въ Шанхай, гдѣ онъ былъ интернированъ.

Минныя атаки японцевъ.

Повернувшій въ $8^1/_4$ ч. вечера отрядъ броненосцевъ шелъ въ такомъ порядкѣ. Впереди адмиралъ Небогатовъ на „Имп. Николаѣ I“ съ „Орломъ“; затѣмъ въ разстояніи 4 кабельтововъ „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“, а за ними, значительно отставши, „Ушаковъ“, „Нахимовъ“, „Сисой“ и „Наваринъ“. Адмиралъ Небогатовъ далъ полный ходъ — около 12 узловъ, но онъ не принялъ во вниманіе, что въ то время, какъ его корабль былъ почти совершенно цѣлъ, нѣкоторые изъ остальныхъ имѣли тяжкія поврежденія и не могли за нимъ слѣдовать. Напр. „Сисой“ имѣлъ серьезную пробоину у ватерлиніи въ носу, а „Наваринъ“ двѣ такія пробоины въ кормѣ.

Немедленно, вслѣдъ за поворотомъ, начались непрерывныя минныя атаки. Передніе корабли электрическаго освѣщенія не открывали, но задніе начали свѣтить, и на нихъ главнымъ образомъ и набрасывались японскіе миноносцы. Дѣйствительно, идя въ атаку полнымъ ходомъ на встрѣчу эскадрѣ, миноносцы легко проскакивали мимо переднихъ кораблей, да еще шедшихъ въ темнотѣ, и выпускали свои мины по концевымъ. Атаковали японцы храбро, подходили на 3—5 кабельтововъ (по донесенію Энквиста и на одинъ кабельтовъ), но попадая подъ жестокій огонь, выпускали мины очень торопливо и безъ достаточнаго хладнокровія, а потому попавшихъ минъ было чрезвычайно мало, или вѣрнѣе говоря, мины попадали только въ видѣ исключенія и то лишь при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ первые пять кораблей не попала ни одна мина, хотя „Ушаковъ“ не могъ поспѣть за остальными, отсталъ и долженъ былъ отбиваться въ одиночку.

Гибель „Нахимова“.

Первымъ изъ пострадавшихъ былъ „Нахимовъ“. Только что броненосцы повернули на сѣверъ, какъ онъ увидѣлъ около себя миноносецъ, но не стрѣлялъ, такъ такъ принялъ его за свой. Между тѣмъ это оказался непріятельскій и выпущенная имъ мина попала въ носъ. Пришлось выйти изъ строя, застопорить машину и начать подводить пластырь, такъ какъ крейсеръ сильно садился носомъ. Тутъ-то и начался на него рядъ атакъ, но, несмотря на благопріятную для японцевъ обстановку, всѣ эти атаки были отбиты. Съ пробоиной однако справиться не удалось, и съ разсвѣтомъ крейсеръ отправился къ виднѣвшемуся берегу (Цусимѣ) и началъ спускать шлюпки, чтобы свозить команду. Въ это время къ нему подошелъ японскій крейсеръ и нѣсколько миноносцевъ. Хотя серьезныхъ поврежденій въ бою „Нахимовъ“ не получилъ, но вступить въ бой было немыслимо, такъ какъ крейсеръ уже погружался въ воду. Поэтому былъ поднятъ сигналъ о невозможности сопротивленія и на японскій крейсеръ былъ отправленъ офицеръ для веденія переговоровъ. Японскій командиръ встрѣтилъ офицера угрозой, что онъ будетъ стрѣлять, если русскіе будутъ топить крейсеръ, который онъ считаетъ своимъ призомъ. На это ему было заявлено, что крейсеръ уже тонетъ, и японцы приняли тогда значительное участіе въ спасеніи команды.

Подвигъ „Наварина“.

„Сисой“ и „Наваринъ“ изъ за своихъ пробоинъ скоро отстали отъ эскадры — послѣднiй напр. не могъ идти полнымъ ходомъ, такъ какъ корма садилась и вода вливалась въ пробоины. Поэтому онъ застопорилъ машины и началъ подводить пластырь. Въ это время около него собралось больше 20 миноносцевъ и производили на него цѣлый рядъ атакъ. До 11 ч. вечера онъ отбивался успѣшно, но въ этотъ моментъ одинъ изъ миноносцевъ незамѣтно подобрался къ кормѣ и мина его попала. Во время замѣшательства произведеннаго взрывомъ, другой миноносецъ удачно попалъ своей миной въ середину праваго борта. Броненосецъ сильно накренился и оказался совершенно въ безпомощномъ положенiи, такъ какъ справиться съ многочисленными пробоинами оказалось совершенно невозможно. Въ такомъ положенiи къ нему подошли съ лѣвой стороны два миноносца и совершенно безнаказанно выпустили въ него двѣ мины. Обѣ попали и броненосецъ перевернулся. Это было въ первомъ часу ночи.

Гибель „Сисоя Великаго“ и „Владимiра Мономаха“.

„Сисой“, не смотря на пробоину въ носу, которая заставляла его идти малымъ ходомъ, удачно отбивался отъ минныхъ атакъ до 2 ч. ночи, но въ этотъ моментъ мина попала ему въ рулевое отдѣленiе и онъ потерялъ руль. Броненосецъ наполнился водой и имѣлъ сильный кренъ, а потому съ разсвѣтомъ онъ повернулъ къ Цусимѣ, чтобы спасти команду. Тутъ онъ встрѣтилъ крейсеръ „Мономахъ“ тоже въ безпомощномъ положенiи.

Его сопровождалъ миноносецъ „Громкiй“. Крейсеръ отставъ отъ адмирала Энквиста, до 9 ч. вечера три раза подвергся миннымъ атакамъ, но отбился отъ нихъ. Въ это время къ нему подошелъ „Громкiй“, сдѣлавъ предварительно опознательный сигналъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ показанъ такой-же опознательный сигналъ и крейсеръ получилъ мину въ правый бортъ. Съ огромными трудами подвели пластырь, такъ какъ продолжавшiяся минныя атаки заставляли часто давать ходъ. Въ полночь пластырь сорвало и крейсеръ получилъ сильный кренъ, но все таки онъ удачно продолжалъ отбиваться отъ минныхъ атакъ, которыя продолжались до 2 ч. ночи. Когда онъ встрѣтилъ „Сисоя“, вода уже подходила къ топкамъ и надежды на то, что крейсеръ удержится на водѣ, не было никакой.

Къ „Сисою“ и „Мономаху“ подошли японскiе вспомогательные крейсеры, и такъ какъ суда все равно тонули, то флаги были спущены и открыты кингстоны. Японцы приступили къ спасенiю команды. „Сисой“ они было пробовали взять на буксиръ, но въ это время онъ перевернулся. Вслѣдъ за этимъ затонулъ и „Мономахъ“.

Подвигъ миноносца „Громкiй“.

Еще раньше чѣмъ все это произошло, миноносецъ „Громкiй“ получилъ приказанiе отъ командира „Вл. Мономаха“ прорываться въ Владивостокъ. За нимъ погнались 3 миноносца—тѣ которые подошли къ „Нахимову“, когда онъ приблизился къ Цусимѣ. Но „Громкiй“ быстро развилъ 23 узла хода и два непрiятельскихъ миноносца скоро отстали. Около 10 ч. отсталъ и третiй, получивъ вѣроятно серьезныя поврежденiя. Черезъ полчаса однако изъ подъ берега вышелъ еще одинъ непрiятельскiй миноносецъ, съ которымъ „Громкiй“ велъ бой на погонѣ, а въ 11½ ч. съ правой стороны подоспѣлъ еще одинъ. Цѣлый часъ продолжался неравный бой, и миноносецъ совершенно

избитый и потерявшій всю артиллерію и большую часть команды, рѣшено было затопить. Поэтому новыя пробоины не задѣлывались, изъ задѣланныхъ уже были выдернуты пробки и открыты были кингстоны. Миноносецъ все болѣе и болѣе погружался въ воду, медленно двигаясь впередъ— непріятель-же подошелъ совсѣмъ близко и осыпалъ палубу градомъ снарядовъ. Въ это время смертельно былъ раненъ командиръ, капитанъ 2-го ранга Кернъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ единственное оставшееся цѣлымъ 47″ орудіе сдѣлало послѣдній выстрѣлъ—патроновъ больше не было. Японцы подошли еще ближе, спустили шлюпки и начали спасать людей, а миноносецъ пошелъ ко дну. Такъ окончилось это геройское дѣло.

Результаты японскихъ минныхъ атакъ.

Резюмируя результаты японскихъ минныхъ атакъ, мы видимъ, что изъ 16 русскихъ кораблей (не считая миноносцевъ и транспортовъ), оказавшихся въ темную ночь, при стихшей погодѣ, въ узкомъ пространствѣ, которое кишѣло японскими миноносцами, только четыре корабля были атакованы удачно. Два изъ нихъ имѣли ужъ передъ тѣмъ тяжкія поврежденія, и большинство минъ попадало уже въ неподвижныя суда. Но, даже сильно поврежденныя минами, корабли продолжали съ успѣхомъ отбиваться отъ дальнѣйшихъ минныхъ атакъ. Въ двухъ случаяхъ удачнаго выпуска мины непріятельскіе миноносцы были приняты за свои. Минъ-же было выпущено множество. Только во время одной изъ минныхъ атакъ, по „Олегу“ и по „Аврорѣ“ было выпущено, по донесенію адмирала Энквиста, семнадцать минъ. Такимъ образомъ процентъ попаданія надо считать положительно ничтожнымъ.

Позиція японской эскадры 15 мая.

Теперь японцамъ предстояло выполнить третью часть своего плана—преградить дорогу тѣмъ русскимъ кораблямъ, которымъ удалось благополучно избѣжать минныхъ атакъ и выйти въ Японское море. Для этого, какъ было выше указано, вся ихъ эскадра еще съ вечера покинула Корейскій проливъ и расположилась на линіи между берегами Кореи и Японіи, проходящей черезъ островъ Дажелетъ.

Сдача отряда адмирала Небогатова.

Съ адмираломъ Небогатовымъ къ разсвѣту оказалось только 5 судовъ: „Имп. Николай I“, „Орелъ“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, и „Изумрудъ“. Японцевъ не было видно, горизонтъ былъ совершенно чистъ, и волна окончательно улеглась.

Но уже ночью пріемные аппараты безпроводнаго телеграфа показывали, что непріятель тутъ—можно было различить, что переговариваются корабли, находящіеся недалеко, съ другими очень отдаленными. Очевидно, вся эта часть плана японцевъ была бы нарушена, если бы они были лишены возможности пользоваться безпроводнымъ телеграфомъ. Слишкомъ велико было пространство, въ каждой точкѣ котораго могли проходить русскія суда, и своевременно послать всюду достаточную силу было немыслимо, не будучи своевременно извѣщеннымъ. Поэтому еще разъ приходится пожалѣть, что „Уралъ“ такъ и погибъ, не выполнивъ то, на что единственно и притомъ дѣйствительно былъ способенъ — привести въ негодность всѣ безпроводные телеграфы японцевъ.

Впрочемъ, отрядъ Небогатова найти было не трудно, — онъ шелъ обыкновеннымъ путемъ изъ Корейскаго пролива во Владивостокъ. Разумнѣе было бы идти вдоль береговъ Японіи, хотя это было бы и нѣ-

сколько дальше. Каждый часъ болѣе поздняго открытія японцами могъ быть дорогъ, въ виду частыхъ здѣсь тумановъ.

Вскорѣ послѣ разсвѣта былъ усмотрѣнъ съ лѣвой стороны одинъ дымъ, а черезъ нѣсколько минутъ ихъ было уже четыре, а скоро число ихъ дошло до семи. Изъ нихъ ясно выдѣлился одинъ крейсеръ типъ „Сума", подошедшій ближе, чтобы опредѣлить наши силы. Адмиралъ сигналомъ спросилъ броненосцы береговой обороны о состояніи ихъ артиллеріи, на что съ „Сенявина" отвѣтили — „имѣю малыя поврежденія, скоро исправлю". Тогда отъ адмирала послѣдовалъ сигналъ „приготовиться къ бою" и онъ склонился въ сторону непріятеля, но тотъ въ свою очередь тоже уклонился влѣво, не желая принять бой. Отрядъ нашъ легъ на прежній курсъ.

Но въ это время показались уже дымы и сзади, а скоро—и съ правой стороны. Отрядъ былъ, очевидно, окруженъ. По мѣрѣ приближенія непріятеля оказалось, что здѣсь на лицо вся его броненосная эскадра и всѣ бронепалубные крейсеры—всего 27 судовъ.

Очевидно, бой былъ совершенно безнадеженъ. Помимо малочисленности нашего отряда, на „Имп. Николаѣ I" вся артиллерія была старая, на „Орлѣ" почти вся артиллерія была приведена въ негодность, а на „Сенявинѣ" и „Апраксинѣ", помимо малаго количества снарядовъ, скрѣпляющія кольца 10" орудій (неудачнаго чертежа) разошлись и едва ли теперь каждое изъ нихъ могло выдержать больше десяти выстрѣловъ.

Значитъ оставалось только озаботиться объ уничтоженіи кораблей— открыть кингстоны, быть можетъ подорвать дно, чтобы сдѣлать это скорѣе, и снабдить людей всѣмъ, что дало бы возможность продержаться на водѣ до подхода японцевъ, которые, конечно, приняли бы всѣ мѣры для спасенія команды. Достаточно было только вспомнить, хотя бы примѣръ „Рюрика". Въ виду того, что „Орелъ" сильно пострадалъ въ предыдущемъ бою, и спасательныя средства его могли оказаться очень скудными, надо было озаботиться соотвѣтственной ему помощью. Однако, адмиралъ Небогатовъ иначе оцѣнилъ обстановку. Ему представилось, что при потопленіи кораблей должны погибнуть всѣ 2000 человѣкъ, жизнь которыхъ лежала на его отвѣтственности, а потому онъ рѣшилъ сдаться. Рѣшеніе это, очевидно, противорѣчило уставу и каждый офицеръ, какъ на флагманскомъ кораблѣ, такъ и на другихъ корабляхъ могъ не подчиняться этому рѣшенію, и взять на себя отвѣтственность за открытіе кингстоновъ. И если бы могли состояться военные совѣты, какъ это полагается въ подобныхъ случаяхъ по уставу, положительно немыслимо было бы рѣшеніе сдаться.

Но военныхъ совѣтовъ не было, даже на флагманскомъ кораблѣ. Всѣ находились на своихъ мѣстахъ по боевому росписанію, такъ какъ былъ сигналъ „приготовиться къ бою" — всѣ такъ и считали, что послѣдуетъ бой, не смотря на всю его безнадежность.

Времени на военные совѣты и на приготовленіе къ уничтоженію кораблей было достаточно—японцы методически окружали отрядъ, и, даже съ момента появленія ихъ броненосной эскадры, прошло около часа до того времени, какъ японцы пошли на такое сближеніе, при которомъ они могли уже открыть огонь. Это было въ 10 ч. утра. Между тѣмъ на отрядѣ вдругъ увидѣли, что на „Имп. Николаѣ I" спустили кормовой и стеньговые флаги— и подняли сигналъ по международному своду (XGH) „сдаюсь, желаю

вступить въ переговоры". Можно было еще думать, что сигналъ имѣетъ второе значеніе, и что выигрывается время для потопленія кораблей. Съ колебаніями, но на другихъ судахъ послѣдовали движенію адмирала и отрепетовали сигналъ. Только „Изумрудъ" рѣшилъ не подчиняться этому рѣшенію, далъ полный ходъ и направился въ NO четверть, которая еще была свободна отъ непріятеля. За нимъ погнались нѣсколько крейсеровъ.

Японцы, очевидно, сигнала не разобрали и съ разстоянія 55 кабельтововъ открыли огонь, но вскорѣ его прекратили. Впрочемъ, дальше недоразумѣній никакихъ не могло быть. Въ 10 ч. 20 м., сначала на флагманскомъ кораблѣ, а затѣмъ и на другихъ, подняли японскіе флаги. Въ 11 ч. адмиралъ Небогатовъ поѣхалъ на японскій флагманскій корабль и сдача состоялась.

Произошло это въ широтѣ 36° 56′ N и долготѣ 131° 46′ O. За „Изумрудомъ" погнались „Читозе", „Касаги" и „Нитака", но онъ имѣлъ, хотя и небольшое преимущество въ ходѣ и въ 2 часа японцы значительно отстали и принуждены были прекратить погоню.

Гибель „Изумруда".

Отойдя далеко въ сторону береговъ Японіи отъ прямого пути во Владивостокъ и предполагая, что другіе японскіе крейсеры не замедлятъ туда направиться, чтобы перехватить „Изумрудъ", командиръ рѣшилъ идти въ бухту „Владиміръ", чтобы тамъ выждать событій. Бухту „Владиміръ" онъ предпочелъ бухтѣ „Ольга", потому что считалъ ее какъ, болѣе заселенный пунктъ, заминированною. Угля было мало, пришлось отовсюду снимать и жечь дерево. Въ ночь съ 16 на 17 мая крейсеръ подошелъ къ бухтѣ, но до утра ждать не могъ, такъ какъ оставалось всего 10 тоннъ угля. Въ темнотѣ и мглѣ крейсеръ выскочилъ на камни, а потому пришлось свезти команду и взорвать крейсеръ, чтобы онъ не могъ достаться непріятелю, въ случаѣ его появленія.

Подвигъ „Ушакова".

Отставшій отъ отряда „Ушаковъ" удачно отразилъ всѣ минныя атаки и благополучно шелъ по направленію къ Владивостоку до $4^{1}/_{2}$ ч. дня 15 мая. Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ на горизонтѣ японскую эскадру, отъ которой отдѣлились два броненосныхъ крейсера и направились къ нему. Издали одинъ изъ нихъ держалъ сигналъ, сообщавшій о сдачѣ Небогатова и предлагавшій послѣдовать его примѣру. Командиръ, капитанъ 1-го ранга Миклуха-Маклай, не сталъ дожидаться окончанія разбора сигнала. „Довольно", сказалъ онъ, „открывайте огонь". Очевидно, борьба была неравная и, когда надежда на успѣхъ была потеряна, на броненосцѣ были открыты кингстоны и въ 6 часовъ вечера онъ затонулъ. Японцы начали спасать команду, но доблестный командиръ „Ушакова" погибъ, отказавшись оставить свой корабль.

Подвигъ „Свѣтланы".

„Свѣтлана", съ миноносцемъ „Быстрый", отдѣлившись отъ адмирала Энквиста, благополучно шла всю ночь, не встрѣчая миноносцевъ. Но на разсвѣтѣ, находясь въ виду Дажелета и корейскаго берега, она была настигнута двумя японскими крейсерами 3-го класса. Снарядовъ было мало, пробоина въ носу не давала возможности развить полный ходъ. Поэтому рѣшено было выброситься на корейскій берегъ. Но японскіе крейсеры быстро догоняли и съ разстоянія въ 45 кабельтововъ открыли огонь. Скоро „Свѣтлана" получила массу пробоинъ и загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. До берега оста-

валось еще 15 миль, когда вышли послѣднiе снаряды. Взорвать крейсеръ оказалось нельзя, такъ какъ погреба были затоплены, а потому открыли кингстоны. Около $10^1/_2$ ч. утра крейсеръ оказался подъ водой. За нѣсколько моментовъ до этого былъ убитъ командиръ, капитанъ 1-го ранга Шеинъ, не покидавшiй мостика. Японскiе крейсеры не стали спасать команду и ушли, а потому многiе не могли удержаться долго на водѣ и утонули. Но все-таки, когда черезъ 5 часовъ подошелъ вспомогательный японскiй крейсеръ, онъ спасъ еще 217 человѣкъ.

Гибель „Быстраго".

Миноносецъ „Быстрый" поспѣлъ дойти до корейскаго берега, высадилъ команду, а самый миноносецъ былъ взорванъ. такъ какъ небыло угля, которой онъ еще не поспѣлъ принять со „Свѣтланы".

Миноносецъ „Буйный".

Спасенiемъ команды съ погибавшихъ судовъ въ особенности выдѣлился миноносецъ „Буйный". Онъ подобралъ многихъ людей съ „Осляби", затѣмъ спасъ часть команды „Урала" и, наконецъ, снялъ съ „Суворова" начальника эскадры и его штабъ. Все это онъ дѣлалъ подъ огнемъ. Надо отмѣтить, что въ тотъ моментъ, когда онъ спасалъ штабъ, на правомъ срѣзѣ „Суворова" въ этомъ мѣстѣ находились лейтенанты: Богдановъ, Вырубовъ и прапорщикъ Курсель. Всѣ они легко могли бы перебраться на миноносецъ — „Суворовъ" все равно уже былъ совершенно безпомощенъ — но они не пожелали оставить свой корабль. Въ общемъ на „Буйномъ" оказалось около 250 человѣкъ, кромѣ его команды.

Миноносецъ, съ наступленiемъ темноты, держался сначала вмѣстѣ съ „Дм. Донскимъ", но потомъ оказалось, что одинъ котелъ сгорѣлъ и онъ не могъ дать больше 130 оборотовъ. „Донской" въ это время скрылся въ темнотѣ.

Военный совѣтъ на „Буйномъ".

На собранномъ военномъ совѣтѣ было рѣшено—идти къ берегу и высадить людей, а миноносецъ уничтожить. Въ случаѣ встрѣчи съ непрiятельскимъ крейсеромъ, чтобы не подвергать раненаго адмирала напрасному разстрѣлу, такъ какъ гибель поврежденнаго миноносца при такой встрѣчѣ была неизбѣжна, рѣшено было поднять флаги бѣлый и краснаго креста, а миноносецъ сдать.

Какъ разъ съ разсвѣтомъ были усмотрѣны два японскихъ крейсера, но не замѣтили миноносецъ и прошли мимо.

Черезъ нѣкоторое время увидѣли „Дм. Донской", около котораго шли миноносцы „Бѣдовый" и „Грозный".

Раненый начальникъ эскадры отказался перейти на „Донской".

Начальнику эскадры было предложено перейти на „Дм. Донской", но онъ отказался, и былъ перевезенъ на катерѣ съ крейсера на „Бѣдовый", который, въ сопровожденiи „Грознаго", направился во Владивостокъ.

Послѣ этого начали перевозить съ „Буйнаго" всѣхъ людей на „Донской", а самый миноносецъ утопили, такъ какъ слѣдовать за крейсеромъ онъ не могъ.

Геройскiй бой „Донского" съ отрядомъ японскихъ крейсеровъ и миноносцевъ.

Около 4 ч. дня, въ виду Дажелета показались сначала крейсеры „Итсукушима", „Матсушима" и „Хашидате", въ сопровожденiи броненосца „Ченъ-Iенъ", а вслѣдъ за ними крейсеры „Нитака" и „Отава". Положенiе „Дм. Донского" было вполнѣ аналогично съ положенiемъ отряда

Небогатова. Хотя крейсеръ и не пострадалъ почти въ бою предыдущаго дня, но все таки перевѣсъ въ силахъ на сторонѣ непріятеля былъ столь великъ, что надежды на какой либо успѣхъ не было никакой. Однако, на крейсерѣ и не думали о сдачѣ. Рѣшено было выброситься на Дажелетъ, до котораго оставалось 25 миль, и пошли по направленію къ нему со скоростью 13 узловъ. Но непріятельскіе крейсеры нагоняли и въ $6^1/_2$ ч. открыли огонь, на который крейсеръ началъ отвѣчать. Скоро начались непрерывные пожары, пробоины покрывали весь бортъ, были повреждены котлы и ходъ уменьшился до 5 узловъ. Особенно большую помѣху представляли изъ себя люди съ „Осляби". Перенесенная ими катастрофа подѣйствовала на нихъ потрясающимъ образомъ, и многіе изъ нихъ были совершенно деморализованы. Ихъ крики, плачъ и стоны— представляли очень тяжелую обстановку для команды „Донского", но и это не умалило ея мужества.

Съ наступленіемъ темноты японцы прекратили огонь, но, очевидно, при нихъ были миноносцы, такъ какъ до 10 часовъ вечера шли минныя атаки. Однако не смотря на всѣ свои поврежденія, крейсеръ успѣшно отбивался и ни одна мина въ него не попала. Вѣроятно, японцамъ показалось, что крейсеръ утопленъ, такъ какъ они оставили его въ покоѣ. Между тѣмъ онъ подошелъ къ берегу на разстояніе двухъ кабельтововъ и началъ на уцѣлѣвшихъ шлюпкахъ перевозить на берегъ команду и къ 6 ч. утра перевезли всѣхъ. Тогда старшій офицеръ (командиръ былъ смертельно раненъ) капитанъ 2-го ранга Блохинъ съ частью людей отвелъ крейсеръ на 45-ти саженную глубину и открылъ кингстоны, и послѣ этого вмѣстѣ съ людьми на барказѣ вернулся къ берегу. Имѣется основаніе думать, что одинъ изъ японскихъ крейсеровъ въ этомъ, неравномъ и геройскомъ для русскихъ, бою — былъ утопленъ.

Сдача „Бѣдоваго" и начальника эскадры со штабомъ.

Миноносцы „Бѣдовый" и „Грозный", отдѣлившись отъ „Дм. Донского", взяли курсъ на Владивостокъ. Оба миноносца находились въ полной исправности и являлось только сомнѣніе — хватитъ ли угля.

Былъ ли вновь собранъ военный совѣтъ, какъ это было сдѣлано на „Буйномъ", и какое онъ принялъ рѣшеніе, осталось пока неизвѣстнымъ. Но во всякомъ случаѣ командиръ „Грознаго" въ этомъ совѣтѣ участія не принималъ, хотя онъ былъ старшимъ изъ командировъ. Ему было только приказано слѣдовать за „Бѣдовымъ", и когда онъ спросилъ, отъ кого исходитъ приказаніе, то получилъ отвѣтъ: „Адмиралъ Рожественскій на миноносцѣ раненъ въ голову и другія мѣста; штабъ тоже большинство ранены; идемъ во Владивостокъ, если не хватитъ угля, то въ Посьетъ". А между тѣмъ сговориться о томъ, что дѣлать, въ случаѣ появленія непріятеля, было необходимо—онъ могъ появиться совершенно внезапно. Къ тому же это не представляло затрудненій—море было совершенно спокойно и миноносцы могли идти рядомъ на какомъ угодно близкомъ разстояніи. Особенно естественно было бы на этомъ настаивать командиру „Грознаго", такъ какъ, если считать адмирала и его штабъ выбывшими изъ строя, онъ оставался старшимъ и на него ложилась отвѣтственность за послѣдующія событія. Во всякомъ случаѣ надо было выяснить совершенно опредѣленно—кто распоряжается и въ какой степени

раны адмирала и старшихъ чиновъ его штаба даютъ имъ возможность нести отвѣтственность, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ.

Послѣдствія такой вредной неопредѣленности и неподготовленности къ бою не замедлили сказаться.

Въ началѣ четвертаго часа дня показались два идущихъ отъ корейскаго берега судна, и скоро выяснилось, что это японскіе эскадренные миноносцы. И вотъ въ этотъ моментъ командиру „Грознаго" пришлось подойти къ „Бѣдовому", и по семафору спрашивать „что будемъ дѣлать". Конечно здѣсь подразумѣвалось—какого плана держаться въ предстоящемъ бою? Какъ же долженъ былъ быть пораженъ командиръ „Грознаго", когда послѣ отвѣта его на вопросъ „сколько онъ можетъ дать хода", что онъ можетъ дать 22 узла, онъ получилъ приказаніе...—уходить во Владивостокъ. Недоумѣвая, онъ спросилъ: „почему уходить, а не принять бой", но не получилъ ужъ никакого отвѣта, и видя, что „Бѣдовый" хода не прибавляетъ, онъ все таки не рѣшался его оставить одного и, уменьшивъ ходъ, продолжалъ держаться около него. На всѣ эти переговоры ушло не мало времени, а между тѣмъ японскіе миноносцы быстро приближались.

Вдругъ на „Бѣдовомъ" подняли флаги парламентерскій и Краснаго Креста. Очевидно онъ рѣшилъ сдаться. Какъ будто на немъ приводили въ исполненіе рѣшеніе военнаго совѣта, принятое наканунѣ на „Буйномъ". Но между положеніемъ послѣдняго и „Бѣдоваго" нельзя не усмотрѣть цѣлаго ряда существенныхъ различій. „Буйный" былъ одинъ, онъ былъ поврежденъ, на палубѣ его находилось 250 человѣкъ спасенныхъ съ „Осляби" и „Урала", и рѣшено было сдать *поврежденный* миноносецъ для спасенія адмирала, въ случаѣ встрѣчи съ *крейсеромъ*. Очевидно при такой встрѣчѣ, да еще при несовсѣмъ успокоившемся морѣ, что имѣло мѣсто наканунѣ вечеромъ и ночью, „Буйный" надо было считать погибшимъ. Уйти отъ крейсера онъ бы не могъ, сражаться съ нимъ было бы безнадежно. Насколько справедливы были опасенія за „Буйный", ясно показываетъ тотъ фактъ, что на слѣдующее утро, когда было тихо, онъ не могъ слѣдовать за „Дмитріемъ Донскимъ", и пришлось, снявъ съ него команду, его уничтожить. Теперь же „Бѣдовый", шелъ въ сопровожденіи другого миноносца; какъ онъ, такъ и этотъ другой, находились въ полной исправности; кромѣ его собственной команды у него былъ только начальникъ эскадры и его штабъ, и встрѣтилъ онъ не крейсеръ, а два непріятельскихъ миноносца такой же силы, какъ онъ и сопровождавшій его „Грозный".

Очевидно, тутъ и рѣчи быть не могло о томъ, чтобы руководствоваться мнѣніемъ военнаго совѣта, бывшаго наканунѣ на „Буйномъ". Во всякомъ случаѣ, если это предполагалось штабомъ адмирала, то надо было посвятить въ это постановленіе военнаго совѣта новыхъ, не участвовавшихъ въ немъ лицъ—командировъ и офицеровъ „Бѣдоваго" и „Грознаго". Можетъ быть первые и были въ него посвящены, но вторые навѣрно не были, а между тѣмъ командиръ „Грознаго" былъ старшій изъ командировъ. И если бы это было сдѣлано утромъ, то до 3-хъ часовъ дня было болѣе чѣмъ достаточно времени обсудить и принять такое рѣшеніе, которое не явилось бы ни для кого сюрпризомъ. Теперь же недоумѣвающему командиру „Грознаго" пришлось ограничиться слабымъ, еще необоснo-

ваннымъ на знаніи того, что предполагалось, протестомъ въ видѣ вопроса: „почему уходить и не принять бой“, а когда подъемъ флаговъ бѣлаго и краснаго креста открылъ ему глаза, то ему ужъ не оставалось иныхъ путей для протеста, кромѣ собственнаго примѣра. Неужели, если бы онъ на глазахъ у „Бѣдоваго“ пошелъ бы на встрѣчу японскимъ миноносцамъ и вступилъ бы съ ними въ неравный бой, командиръ „Бѣдоваго“ не приказалъ бы спустить флаги о сдачѣ, и не пошелъ бы на выручку своего товарища? Прямо нельзя допустить мысли, чтобы случилось иначе. И проходя мимо него навстрѣчу непріятелю, командиръ „Грознаго“ имѣлъ неоспоримое право требовать спуска флаговъ и вступленія „Бѣдоваго“ въ бой. И кто бы рѣшился не исполнить такое требованіе? Навѣрно, никто. Но на обдумываніе и рѣшеніе времени не было,—непріятель уже находился на такомъ разстояніи, что въ каждый моментъ могъ открыть огонь, онъ быть можетъ уже разобралъ значеніе поднятыхъ на „Бѣдовомъ“ флаговъ. Командиръ „Грознаго“ далъ полный ходъ и пошелъ въ сторону отъ непріятеля.

А японцы дѣйствительно не разобрали значенія поднятыхъ флаговъ — они открыли огонь по „Бѣдовому“. Вотъ былъ еще моментъ для „Грознаго“, для того, чтобы признать сдачу не существующей и повернуть на японцевъ и приказать спустить эти флаги, подъемъ которыхъ, очевидно, не допускалъ даже и противникъ... Но опять это былъ только моментъ. Японцы уже догадались о значеніи сигнала, и какъ имъ было не догадаться, когда они увидѣли, что одинъ изъ русскихъ миноносцевъ остался на мѣстѣ и на выстрѣлы не отвѣчаетъ, а другой уходитъ—это не могло имъ не открыть глаза на истинный смыслъ происходящаго. А тогда сейчасъ же одинъ изъ миноносцевъ пошелъ къ „Бѣдовому“, а другой погнался за „Грознымъ“.

Считаясь съ фактомъ, что „Бѣдовый“ въ бой не вступитъ, да и не можетъ вступить, разъ японцы разобрали сигналъ о сдачѣ и прекратили огонь, командиру „Грознаго“, если бы онъ всетаки не захотѣлъ помириться съ фактомъ отдачи въ плѣнъ начальника эскадры и цѣлаго миноносца, оставалось лишь одно — отвлечь на нѣсколько миль преслѣдующій его миноносецъ, а потомъ внезапно повернуть на него, и постараться его уничтожить, напримѣръ, минами, пока другой занятъ у „Бѣдоваго“. А тогда можно было въ зависимости отъ результатовъ, пробовать и отбить призъ. Но для этого не надо было давать полный ходъ — иначе мѣсто боя слишкомъ уже удалялось отъ „Бѣдоваго“ и можно было его не найти, да и для возвращенія могло не хватить угля.

Бой „Грознаго“ съ японскимъ миноносцемъ.

Командиръ „Грознаго“ рѣшилъ иначе и продолжалъ идти полнымъ ходомъ на сѣверъ. Японскій миноносецъ нагонялъ его очень медленно, и бой начался съ разстоянія въ 26 кабельтововъ, которое къ концу боя дошло до 14. Бой окончился для „Грознаго“ удачно. Съ него видѣли, по донесенію командира, какъ „непріятельскій миноносецъ, получивъ, повидимому, нѣсколько серьезныхъ поврежденій, потерявъ трубу и накренившись на правый бортъ, повернулъ назадъ и спустилъ стеньговой флагъ“. „Но не имѣя возможности, вслѣдствіе крайне ограниченнаго количества угля идти за нимъ“, говоритъ въ своемъ донесеніи командиръ: „я приказалъ продолжать стрѣлять ему вслѣдъ, пока не услышалъ возгласовъ

команды: „тонетъ, утонулъ". Командиру въ это время перевязывали рану, но вступившему вмѣсто него въ командованіе офицеру казалось бы естественнымъ подойти къ мѣсту гибели противника и спасти оставшихся въ живыхъ людей. Погода была тихая и тутъ ужъ немного на это пришлось бы израсходовать угля. Самъ „Грозный" отдѣлался сравнительно дешево. Пробоинъ было 6, изъ которыхъ только одна у ватерлиніи. Убито было трое, изъ нихъ одинъ офицеръ, и ранено 4 — между ними командиръ.

Если бы такимъ образомъ бой окончился недалеко отъ „Бѣдоваго", возможна была попытка его отбить, а теперь, конечно, нечего было объ этомъ и думать — идя полнымъ ходомъ на сѣверъ, „Грозный" ушелъ въ это время отъ „Бѣдоваго" больше чѣмъ на 60 миль, дѣло уже шло къ вечеру, и, наконецъ, на это положительно не хватило бы угля.

Поэтому „Грозный" направился во Владивостокъ, куда добрался къ вечеру 16-го мая, причемъ пришлось сжечь всѣ деревянныя вещи, рундуки, люки и угольные мѣшки.

Яхта „Алмазъ".

Еще до Владивостока добрались цѣлыми крейсеръ „Алмазъ" (16 мая) и миноносецъ „Бравый" (17 мая).

Первый былъ, по донесенію командира, отрѣзанъ отъ эскадры и затѣмъ, не будучи въ состояніи присоединиться къ ней, пошелъ во Владивостокъ, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній.

Миноносецъ „Бравый".

Второй былъ серьезно поврежденъ въ бою 14 мая. 6 дюймовый снарядъ пробилъ палубу и котельный кожухъ и, разорвавшись, вывелъ оба носовыхъ котла и пробилъ главныя паровыя трубы. Поэтому онъ не могъ дать хода больше 11 узловъ. Кромѣ того на палубѣ у него было 175 человѣкъ, спасенныхъ съ „Осляби". Командиръ выбралъ совершенно правильный путь—ближе къ берегамъ Японіи, гдѣ меньше всего было вѣроятіе встрѣтить непріятеля. Ночью онъ видѣлъ много миноносцевъ, но они его принимали, очевидно, за своего, а ужъ къ утру онъ вышелъ изъ раіона, занятаго японцами, и для большей невидимости срубилъ мачту и выкрасилъ трубы въ бѣлый цвѣтъ. 16 мая ночью лопнула трубка въ третьемъ котлѣ и миноносецъ могъ двигаться только со скоростью 5 узловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не хватало и угля и пришлось сжечь все дерево. Миль за 40 отъ Аскольда подняли змѣй съ проводомъ и вступили въ переговоры съ владивостокской станціей.

Миноносецъ „Безупречный".

Неизвѣстной осталась участь только миноносца „Безупречный". Имѣется свѣдѣніе, что японскій крейсеръ „Читозе" уничтожилъ русскій миноносецъ утромъ 15 мая,— вѣроятно это и былъ „Безупречный".

Суда эскадры не имѣли никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Приморской области.

При разборѣ переходовъ во Владивостокъ тѣхъ изъ нашихъ судовъ, которымъ удалось добраться до нашихъ береговъ, поражаетъ такой фактъ—никто изъ нихъ очевидно не зналъ, не только въ какомъ положеніи находятся дѣла во Владивостокѣ, но даже напр. никому не было извѣстно— гдѣ поставлены у насъ минныя загражденія, гдѣ замѣчены японскія мины, какъ расположены наши наблюдательные посты, какимъ способомъ можно съ ними сноситься, съ какого разстоянія можно было начать говорить съ Владивостокомъ по безпроводному телеграфу, и т. п.... Тѣмъ болѣе это становится непонятнымъ, что еще передъ отправленіемъ

изъ Либавы, большая часть этихъ свѣдѣній были доставлены начальнику эскадры. Были и планы минныхъ загражденій и карты съ обозначеніемъ наблюдательныхъ постовъ и особый условный сводъ сигналовъ для переговоровъ съ ними и т. п.... А затѣмъ очевидно эти свѣдѣнія могли быть значительно пополнены во время продолжительныхъ стоянокъ эскадры въ Носси-бей и въ Камрангѣ.

Въ Камрангъ напр. прибылъ пароходъ „Ева", который передъ этимъ только за двѣ недѣли вышелъ изъ Владивостока.

Наконецъ послѣднія свѣдѣнія могли быть сообщены изъ Шанхая, если бы эскадра вошла въ сообщеніе съ нашими тамъ агентами, въ то время какъ она грузила послѣдній разъ уголь (10 мая). Но повидимому связь съ Владивостокомъ совсѣмъ не входила въ планъ дѣйствій 2 эскадры. А напр. уже 7 мая во Владивостокѣ было обнаружено, что японцы поставили 750 минъ передъ входомъ въ Уссурійскій заливъ.

А между тѣмъ храненіе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ штабѣ, вмѣсто распространенія ихъ по судамъ эскадры, очень дурно отразилось на соображеніяхъ судовъ, подходившихъ къ нашимъ берегамъ. Напр. „Изумрудъ" рѣшилъ идти въ бухту Владиміръ потому, что предполагалъ, что бухта Св. Ольги заминирована. Такъ какъ эта бухта ближе, то онъ подошелъ бы къ ней раньше, т. е. съ большимъ количествомъ угля, ему не пришлось бы идти ночью, и крейсеръ вѣроятно не погибъ бы на камняхъ. Также, зная расположеніе наблюдательныхъ постовъ по берегу, можно было, при опасеніи, что бухты заминированы, подойти къ одному изъ нихъ и навести сначала справку.

Напр. миноносецъ „Грозный" многія свои дѣйствія основывалъ на недостаткѣ угля,—изъ за этого онъ даже не повернулъ за выведеннымъ изъ строя противникомъ, когда тотъ находился отъ него всего въ разстояніи 14 кабельтововъ. Значитъ разсчитывали каждый пудъ угля. Но это было такъ, лишь при мнѣніи, что единственный пунктъ куда можно идти—это Владивостокъ. А между тѣмъ гораздо ближе былъ Посьетъ, и еще гораздо южнѣе—на корейской уже территоріи—были наши наблюдательные посты, съ которыми можно было вступить въ сношеніе и черезъ нихъ просить о высылкѣ помощи изъ Владивостока.

Напр. офицеръ съ „Ослаби", пришедшій во Владивостокъ на „Бравомъ" пишетъ: „подходя къ Владивостоку, мы не знали, ни расположенія минныхъ загражденій, ни того, кому принадлежитъ Посьетъ, Аскольдъ и проч.; читали въ **иностранныхъ** газетахъ о высадкѣ японцевъ у Владивостока, о блокадѣ его". Можетъ быть и „Грозный" опасался идти въ Посьетъ по этой же причинѣ.

Бездѣйствіе отряда владивостокскихъ крейсеровъ.

Также и во Владивостокѣ не были подготовлены ко всякимъ случайностямъ, при подходѣ туда остатковъ эскадры. Весьма былъ вѣроятенъ случай, что какое нибудь русское судно могло подойти на видъ Владивостока, или въ раіонъ сношенія съ нимъ по безпроводному телеграфу (а этотъ раіонъ былъ 150—300 миль), будучи преслѣдуемо въ этотъ моментъ непріятелемъ.

На этотъ случай крейсерамъ слѣдовало стоять въ Амурскомъ заливѣ (напр. въ бухтѣ Славянка), подъ полными парами. Тамъ же могли находиться подъ парами нѣсколько пароходовъ для поданія помощи, а также и отрядъ миноносцевъ. А между тѣмъ крейсеры стояли въ Золотомъ Рогѣ

безъ паровъ. Хотя крейсеръ „Громобой“ и имѣлъ минную пробоину, но она была такъ счастливо расположена, что все таки, по мнѣнію командира, позволяла ему выйти въ море. Напр. „Ретвизанъ“ пошелъ въ бой 28 іюля, имѣя подводную пробоину и цѣлое отдѣленіе затопленнымъ.

На крейсерахъ не было даже начальника отряда. Получивъ по безпроводному телеграфу извѣстіе, что идетъ „Алмазъ“, онъ уѣхалъ на катерѣ на Аскольдъ встрѣчать идущія суда. Напр. миноносецъ „Грозный“ былъ встрѣченъ адмираломъ Іессеномъ у южной оконечности „Аскольда“. Но что могъ бы сдѣлать адмиралъ Іессенъ безъ ввѣренныхъ ему крейсеровъ, если бы напр. за „Алмазомъ“ гнались „Читозе“ и „Кассаги“. Онъ могъ бы только быстро уйти во Владивостокъ. Поэтому, казалось бы, его мѣсто было на готовыхъ къ выходу крейсерахъ, а встрѣчать суда могъ и офицеръ гораздо меньшаго чина. А безъ своего начальника крейсеры были лишены самостоятельности, и командиръ порта, на просьбу командировъ разрѣшить имъ выйти, не взялъ этого на себя, а разрѣшилъ имъ только развести пары.

Такъ окончилась эпопея второй эскадры. Опоздали ее начать готовить, основываясь на невѣрныхъ разсчетахъ и обманчивыхъ надеждахъ, готовили ее слишкомъ слабой, послали ее все таки уже въ то время, когда было ясно, что въ томъ составѣ какъ она шла, она надежды на успѣхъ уже имѣть не могла, не вернули ее въ то время, когда задача на нее возложенная уже очевидно была для нея совсѣмъ недостижима, пренебрегли всѣмъ опытомъ этой и предыдущихъ войнъ и указаніями стратегіи и тактики, которыя еще были способны уменьшить несчастіе, и катастрофа, все время висѣвшая надъ этой несчастной самоотверженной эскадрой, разразилась. Эскадра погибла, японцы окончательно овладѣли моремъ и участь войны была съ этого момента окончательно рѣшена. Несчастный миръ, безконечно ослабившій и унизившій Россію на долгіе годы, явился слѣдствіемъ нашей неподготовленности къ морской войнѣ, или вѣрнѣе слѣдствіемъ несогласованія нашей политики съ истиннымъ состояніемъ нашихъ морскихъ силъ.

IV. Выводы.

Преувеличенныя ожиданія отъ боевого опыта этой войны.

Со времени преобразованія деревяннаго паруснаго флота въ паровой и броненосный, т. е. значить впродолженіи 50 лѣтъ, военные моряки всѣхъ странъ находились подъ гнетомъ неотвязчивой мысли—а правильно-ли то, что мы дѣлаемъ? Вѣрные-ли намѣчаются типы судовъ, вѣрная-ли оцѣнка дается тому или другому оружію, или элементу корабля—артиллеріи, минѣ, тарану, бронѣ, скорости и т. п...? Вѣдь все это создается, преобразовывается и развивается, не будучи провѣрено боевымъ опытомъ, который быть можетъ опрокинетъ всѣ предположенія выработанныя въ мирное время, и огромное количество затраченныхъ на созданіе броненосныхъ флотовъ денегъ окажется брошеннымъ на вѣтеръ. Понятно поэтому, съ какой жадностью набрасывались на каждое столкновеніе на морѣ, стараясь выжать изъ него какія-бы то ни было указанія для будущаго. Собственно на отсутствіе боевыхъ столкновеній на морѣ жаловаться было нельзя: пять лѣтъ тянулась война за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ, и вслѣдъ

затѣмъ произошло большое морское сраженіе при Лиссѣ. Потомъ воевали Парагвай съ Бразиліей и Аргентиной, Чили съ Перу, Россія съ Турціей, Франція съ Германіей, а потомъ съ Китаемъ, англичане бомбардировали Александрію, а испанцы Каллао, произошли междоусобныя войны въ Чили и въ Бразиліи, и одновременно съ послѣдней — война между Японіей и Китаемъ, и наконецъ Соединенные Штаты воевали съ Испаніей. Во всѣхъ этихъ войнахъ происходили операціи и на морѣ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ зависимости отъ успѣха этихъ операцій, рѣшалась и участь войны. А между тѣмъ большинство моряковъ оставалось неудовлетворенными результатами изслѣдованій. Такъ прочно, почему-то, утвердилась мысль, что боевой опытъ долженъ дать нѣчто совсѣмъ другое тому, къ чему готовились въ мирное время, что, когда эти надежды не оправдывались, то говорили, что опытъ слишкомъ ничтоженъ, или, что онъ происходилъ въ слишкомъ исключительной обстановкѣ. Говорили, что надо ждать опыта борьбы между сильными морскими державами, и съ недовѣріемъ и высокомѣріемъ относились къ различнымъ экзотическимъ морскимъ столкновеніемъ между различными южно-американскими республиками, китайцами и японцами.

А между тѣмъ это было сплошное заблужденіе. Изслѣдованіе развитія военно-морского искусства почти за три тысячи лѣтъ показываетъ, что никогда въ его эволюціи не происходило рѣзкихъ скачковъ, все шло постепенно, причемъ нѣкоторыя основныя положенія морской войны оставались незыблемыми за весь этотъ огромный промежутокъ времени. Всегда также, помимо непосредственнаго боевого опыта, огромную роль играла разумная подготовка въ мирное время, основанная на тщательномъ изученіи прошлаго, а въ бою—талантливость флотоводца и умѣнье его примѣнить къ встрѣченной обстановкѣ основныя, незыблемыя положенія военно-морского искусства. Въ такихъ случаяхъ, даже слабые и плохо организованные, флоты побѣждали, и яркими подтвержденіями этого служатъ побѣды Ѳемистокла, Сюффрена и Ушакова, которыхъ отдѣлялъ другъ отъ друга промежутокъ времени въ 2300 лѣтъ.

Такъ происходило это и въ періодъ броненоснаго флота. Неустанная работа мирнаго времени, основанная на тщательномъ изученіи прошлаго и современной обстановки, незамѣтно, но неизмѣнно ведетъ къ правильному рѣшенію вопросовъ морской войны, и въ происходящихъ морскихъ войнахъ жестоко платится именно тотъ, который думаетъ, что можно безнаказанно пренебрегать, не только изученіемъ боевого прошлаго, но и современной работой мирнаго времени, что и составляетъ въ совокупности — науку о веденіи войны на морѣ. Прошлое даетъ незыблемыя основанія для этой науки; современное—умѣлое примѣненіе этихъ основаній къ измѣняющейся обстановкѣ.

Къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой.

Съ непосредственнымъ-же боевымъ опытомъ, при чрезмѣрномъ имъ увлеченіи и недостаточно строгимъ критическимъ отношеніемъ къ происшедшему, бываетъ и такъ, что онъ даетъ выводы совершенно не вѣрные. Напр. послѣ сраженія при Лиссѣ, почти общее мнѣніе было таково, что таранъ—главное оружіе корабля, но раньше чѣмъ явился новый боевой опытъ, работа мирнаго времени поспѣла установить неправильность этого положенія, а затѣмъ оно было подтверждено и болѣе тща-

тельнымъ и научнымъ изслѣдованіемъ того-же боя при Лиссѣ и предшествовавшей ему войны за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ. Вспыхнувшее увлеченіе самодвижущейся миной было умѣрено и охлаждено раньше, чѣмъ боевой опытъ (японо-китайская война) доказалъ, что артиллерія попрежнему остается главнымъ и рѣшающимъ оружіемъ.

Несмотря на то, что въ сраженіи при Ялу китайскіе броненосцы были побѣждены неброненосными японскими крейсерами, и на то, что нѣкоторые чрезмѣрно увлеклись этимъ фактомъ, не отнесясь къ нему достаточно критически—къ сожалѣнію это были именно русскіе моряки во главѣ съ адмираломъ Макаровымъ,—ни одинъ флотъ, за исключеніемъ русскаго, не поддался этому скороспѣлому и непровѣренному заключенію, и именно вскорѣ послѣ японо-китайской войны совершенно перестали строить бронепалубные крейсеры. Поэтому къ непосредственнымъ боевымъ выводамъ надо относиться съ большой осторожностью. Надо посредствомъ самой тщательной критики отдѣлять случайное отъ основного, выяснить вліяніе другъ на друга и связь между собою всѣхъ данныхъ, которыя привели къ побѣдѣ съ одной стороны, и къ пораженію съ другой, и только тогда выводъ получитъ дѣйствительную цѣнность. При поверхностномъ отношеніи къ сраженію при Ялу такъ легко было сказать — крейсеръ побѣдилъ броненосецъ. А между тѣмъ, если принять во вниманіе, что, несмотря на потопленіе нѣсколькихъ китайскихъ судовъ, въ концѣ концовъ все таки два китайскихъ броненосца, устарѣлаго типа, безъ скорострѣльной артиллеріи, съ плохимъ личнымъ составомъ и при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, съ честью отбились отъ японцевъ, имѣвшихъ водоизмѣщеніе въ сложности на 400 тоннъ больше, прекрасно вооруженныхъ и несравненно лучше управляемыхъ, нельзя не придти къ заключенію, что броненосецъ никогда не уступитъ своего мѣста неброненоснымъ крейсерамъ въ эскадренномъ бою. Лучше всего это поняли сами японцы и сейчасъ-же приступили къ постройкѣ цѣлаго ряда эскадренныхъ броненосцевъ и именно броненосныхъ крейсеровъ. И правильная научная работа мирнаго времени продолжала совершенствовать и развивать типъ броненоснаго корабля, не смущаясь скороспѣлыми выводами изъ боевого опыта людей, склонныхъ къ фантастичности, и еще болѣе фантастичными предположеніями такихъ людей о боѣ будущаго.

Боевой опытъ не вноситъ крупныхъ переворотовъ — онъ въ большинствѣ подтверждаетъ правильную работу мирнаго времени.

Вотъ почему всякое тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе морской войны неизмѣнно приводитъ къ выводу, что никакого крупнаго переворота война не вноситъ, что она главнымъ образомъ лишь подтверждаетъ правильность того, къ чему приходили правильной постановкой работы въ мирное время, и что терпѣлъ пораженіе именно тотъ изъ противниковъ, который пренебрегалъ такой работой.

Чтобы не быть голословнымъ, можно указать на мнѣнія о выводахъ, которыя можно было сдѣлать напр. изъ японо-китайской войны, двухъ англичанъ: Вильсона — извѣстнаго морского писателя, и адмирала Фримэнтля — командовавшаго въ то время англійской эскадрой на Дальнемъ Востокѣ.

Вильсонъ говоритъ такъ. „Обозрѣвая полученные выводы, мы видимъ, что сраженіе при Ялу только подтвердило установленные и уже извѣстные принципы. Опытъ этого боя ничего не опровергаетъ, а напротивъ—слу-

житъ сильною поддержкою для мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ, что наука морской войны есть наука точная, могущая предсказывать результаты" (Jronclads in action. Главы XIX—XXII).

Адмиралъ-же Фримэнтль прямо заявляетъ, что „чѣмъ дальше я шелъ въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался — какая это старая, старая исторія... Съ морской точки зрѣнія поражаешься тѣмъ фактомъ, что, несмотря на всѣ новѣйшія усовершенствованія, главные принципы стратегіи и даже тактики остаются вѣчными; только поверхностный изслѣдователь можетъ не замѣтить тѣхъ уроковъ, какіе получаются изученіемъ кампаній Нельсона, Роднея и Сюффрена, если хорошенько подумать о томъ, какъ примѣнить ихъ въ обстановкѣ нашего времени" (Naval aspects of the China —Japan War). Здѣсь приведены только общія заключенія этихъ авторовъ. Въ указанныхъ-же источникахъ можно найти подробное развитіе этихъ заключеній, въ примѣненіе къ типамъ судовъ, значенія различныхъ элементовъ корабля и т. п.. Таковы-же были выводы и изъ испано-американской войны *).

Тоже самое приходится сказать и относительно выводовъ изъ русско-японской войны. Иностранные изслѣдователи сейчасъ-же послѣ войны уже начали приходить къ этому заключенію. Напр. въ интереснѣйшей статьѣ въ „Times", скомпилировавшей японскіе источники о боѣ, сплошь и рядомъ встрѣчаются такія фразы: „Въ этомъ нѣтъ ничего новаго, но тѣмъ не менѣе здѣсь еще разъ подтверждаются давно извѣстныя старыя истины" „Дало-ли это сраженіе какія либо новыя указанія для кораблестроителей? Японцы отвѣчаютъ — ничего существеннаго". Въ письмѣ одного высокопоставленнаго японскаго морского офицера, напечатанномъ въ Japan Mail, говорится: „Уроки послѣдняго большого морского сраженія не даютъ никакихъ новыхъ указаній. Всѣ наиболѣе важные пункты военнаго искусства остались безъ измѣненія" (Морск. сб. 1905 г. № 10). Къ сожалѣнію именно въ русскихъ отчетахъ, резюмирующихъ выводы изъ войны, не указывается, что подтвердилось главнымъ образомъ лишь старое. Это служитъ показателемъ что „стараго" не знали, а потому все и казалось „новымъ". А между тѣмъ японцы правы. Эта война въ огромномъ большинствѣ подтвердила лишь то, что было добыто опытомъ предыдущихъ войнъ и мирнаго времени и совершенно новаго дала очень мало и лишь указала на множество деталей, которыя не могли имѣть и не имѣли сколько нибудь рѣшающаго значенія на исходъ сраженій. Тѣмъ болѣе было-бы опасно обратить теперь главное вниманіе на эти детали, сколь-бы они ни казались интересными, какъ новыя, и упустить крупные, хотя и старые выводы, пренебреженіе которыми, или вѣрнѣе незнаніе которыхъ, между тѣмъ и привело насъ къ проигрышу кампаніи.

Этимъ однако нисколько не умаляется важность изученія минувшей войны. Напротивъ—мы такимъ образомъ пріобрѣтаемъ увѣренность въ правильности нашихъ взглядовъ, выдержавшихъ теперь суровый опытъ войны, и что очень важно—получаемъ *уваженіе къ работѣ мирнаго времени*, убѣждаемся, насколько она плодотворна и нужна, и проникаемся сознаніемъ— какъ тщательно надо изучать прошедшее, чтобы побѣждать въ будущемъ.

---

*) Напр. см. „Выводы и заключенія, полученные изъ америко-испанской войны 1898 года" Морск. сб. 1899 г. №№ 4 и 5.

Цѣнность работы мирнаго времени.

Въ этомъ собственно и заключается главный и наиболѣе цѣнный выводъ изъ этой войны, выводъ тоже не новый, но столь часто забываемый, и забытый именно нами, за что мы и поплатились такъ жестоко. И чтобы не повторилась вновь эта роковая забывчивость, особенно важно развить и подтвердить вѣрность этого заключенія во всѣхъ деталяхъ. Заключенія эти могутъ быть разбиты на три группы: по личному составу, по стратегіи и по тактикѣ.

I. Личный составъ.

Что все на войнѣ зависитъ отъ личнаго состава—являлось непреложной истиной съ незапамятныхъ временъ. Ярко подтвердилось это и здѣсь. Особенное значеніе имѣетъ искусство командного персонала, изъ котораго должно быть выдвинуто на первый планъ искусство въ руководительствѣ флотоводца, искусство комендоровъ въ стрѣльбѣ и общая сплоченность личнаго состава.

Искусство комендоровъ.

Искусствомъ комендоровъ мы пренебрегли, и наши флагманскіе, и замѣнявшіе ихъ, корабли выводились изъ строя градомъ японскихъ снарядовъ („Цесаревичъ“, „Суворовъ“, „Ослябя“, „Бородино“, „Александръ III“, также и „Пересвѣтъ“ былъ больше поврежденъ, чѣмъ остальные), а мы этого града снарядовъ осуществить не могли. А между тѣмъ еще при Слуисѣ (1344 г.), одномъ изъ самыхъ кровопролитныхъ и грандіозныхъ сраженій на морѣ, удачно направленный **градъ** стрѣлъ рѣшилъ всю дальнѣйшую участь боя.

Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ, разбирая причины разгрома французовъ въ эпоху первой республики и имперіи, и въ частности—при Трафальгарѣ, указывалъ, что англійскіе канонеры достигли до возможности дѣлать по выстрѣлу въ минуту, между тѣмъ какъ лучшіе французскіе канонеры дѣлали по одному выстрѣлу въ три минуты. „Этому-то тройному превосходству“, говоритъ онъ, „должны-бы французы приписать свои неудачи съ 1793 года. Этому-то **граду** ядеръ, какъ выражался Нельсонъ, Англія обязана была владычествомъ надъ морями, и онъ самъ обязанъ былъ побѣдами при Абукирѣ, а потомъ при Трафальгарѣ“. Также еще за три года до Трафальгара знаменитый французскій инженеръ Forfait писалъ: „Забавно слушать иногда, какъ часто и долго разсуждаютъ и спорятъ изъ за того только, чтобы опредѣлить превосходство англичанъ!... Четырехъ словъ довольно, чтобы его указать.. У нихъ корабли хорошо организованы, хорошо управляются, и артиллерія ихъ хорошо дѣйствуетъ... У васъ-же — совершенно противное!.. Когда у васъ будетъ тоже, что у нихъ, вы въ состояніи будете имъ противиться... вы даже побьете ихъ“. Тоже самое находимъ и въ статьѣ „Times“, о которой уже было упомянуто выше: „Успѣхъ японцевъ долженъ быть всецѣло приписанъ хорошей стрѣльбѣ и разумной тактикѣ. Японцы стрѣляли на столько хорошо, по сравненію съ противникомъ, что сила ихъ артиллерійскаго огня была въ три и даже въ четыре раза значительнѣе“. Одинаковыя причины привели къ одинаковымъ результатамъ. Въ бою 28 іюля наши комендоры не такъ сильно уступали японскимъ въ искусствѣ — на нашихъ судахъ напр. не было тогда запасныхъ — и разница въ разрушительномъ дѣйствіи артиллеріи была гораздо меньше. Были средства значительно повысить качество комендоровъ 2 эскадры,

но они не были примѣнены. Можно было собрать всѣхъ инструкторовъ съ двухъ учебно-артиллерійскихъ отрядовъ, отобрать лучшихъ комендоровъ изъ черноморскаго флота, а вмѣсто этого взяли значительную часть запасныхъ. Можно было, предназначенныхъ идти на эскадрѣ, комендоровъ непрерывно учить въ Черномъ морѣ, но корабли черноморскаго флота, по обычаю мирнаго времени, зимой не плавали. Даже на береговыхъ батареяхъ, гдѣ имѣются новыя пушки (Кронштадтъ и Севастополь) можно было обучать людей стрѣльбѣ—но эта мысль даже не возникала. И все это, помимо другихъ причинъ, происходило потому, что убѣжденіе въ огромной важности качества комендоровъ было не крѣпко—была позабыта старая истина. Если-бы это было иначе, помимо тщательнаго подбора и энергичнаго обученія, никакихъ денегъ-бы не пожалѣли, чтобы имѣть достаточный запасъ снарядовъ для практики въ пути.

Недостатокъ военнаго образованія офицерскаго состава.

Про офицерскій и командный персоналъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ худо подобранъ—лучшихъ не было. Онъ просто только отражалъ въ себѣ общій недостатокъ всего морского сословія, изъ которыхъ главнымъ—былъ недостатокъ военнаго образованія т. е. знакомства съ военной стороной дѣла. Съ технической стороной своего дѣла личный составъ справился блестящимъ образомъ—матеріальная часть содержалась въ исправности при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, въ особенности это сказалось при грандіозномъ, чисто героическомъ, переходѣ 2-й и перваго эшелона 3-й эскадръ. Но какъ только дѣло касалось военной стороны дѣла—стратегическихъ разсчетовъ, организаціи подготовки къ войнѣ, тактическихъ соображеній—въ частности маневрированій,—слабость во всемъ этомъ прямо бросалась въ глаза. Ярче всего, этого выразилось конечно въ высшихъ начальникахъ, которые явились руководителями въ бояхъ. Отсюда и пренебреженіе развѣдочной службой, и не соотвѣтствующая окраска, и безыскусственные строи, и безыскусственное маневрированіе, и отдача всѣхъ средствъ флота на берегъ и т. п.

Флотъ гораздо больше повиненъ въ проигрышѣ кампаніи, нежели армія.

Много ошибокъ, чисто военныхъ, помимо техническихъ, было допущено и въ военномъ вѣдомствѣ, хотя въ немъ существуетъ корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, который нельзя упрекнуть въ отсутствіи военнаго образованія, и, кромѣ того, всякій сухопутный офицеръ гораздо болѣе свѣдущъ въ военной сторонѣ своего дѣла, нежели морской.

Но нельзя упускать изъ вида, что армія наша была только разбита, тогда какъ флотъ былъ уничтоженъ до тла. Для того, чтобы разбить армію, японцамъ пришлось принести огромныя жертвы людьми, нашъ же флотъ они уничтожили почти безъ всякихъ потерь съ своей стороны. На сухомъ пути японцы имѣли численность по крайней мѣрѣ равную нашей арміи, а по другимъ источникамъ и большую. Уничтожившій же наши двѣ эскадры японскій флотъ, по численности и силѣ судовъ, уступалъ нашимъ двумъ эскадрамъ вмѣстѣ.

Наконецъ наша армія спеціально готовилась для борьбы на западной границѣ и тамъ она во многомъ не была бы застигнута врасплохъ, какъ это случилось при необходимости перебросить огромныя силы, зимой, на разстояніе 10.000 верстъ по желѣзной дорогѣ и дѣйствовать на совершенно ей чуждомъ и неподготовленномъ театрѣ войны.

Достаточно принять только во вниманіе, хотя бы огромное преимущество японцевъ въ собираніи свѣдѣній, благодаря знанію страны, китайцевъ и ихъ языка. Этого преимущества у нихъ не было на морѣ, и нашъ флотъ все время готовился къ войнѣ именно на дальнемъ востокѣ—это вѣдь было собственно даже единственной его серьезной задачей.

И при всѣхъ этихъ условіяхъ все таки онъ былъ уничтоженъ японцами шутя, тогда какъ въ борьбѣ съ нашей арміей они изнемогали.

Это могло быть только слѣдствіемъ коренного недостатка въ личномъ составѣ. Такъ какъ личный составъ не уступалъ японцамъ въ храбрости, выносливости и въ чистой техникѣ, то недостатокъ его коренился именно въ отсутствіи военнаго образованія, понимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, а выказался этотъ недостатокъ особенно ярко въ отсутствіи общаго руководительства, какъ въ подготовкѣ къ войнѣ, такъ и въ веденіи ея и именно со стороны главныхъ руководителей. Этотъ недостатокъ въ руководствѣ и создалъ ту обстановку, которая привела къ гибели обѣ наши эскадры.

Этотъ недостатокъ былъ отмѣченъ совѣтомъ посредниковъ во время занятій по стратегіи въ 1902 году и занесенъ въ ихъ отчетъ. Если принять во вниманіе, что въ этихъ занятіяхъ участвовали особо выбранные адмиралы и штабъ-офицеры нашего флота, и что въ числѣ посредниковъ находились опытнѣйшіе наши адмиралы, этотъ фактъ становится чрезвычайно знаменательнымъ. Тогда на него не обратили достаточнаго вниманія. Теперь онъ далъ себя знать самымъ ощутительнымъ образомъ.

Слѣдовательно является важный выводъ—надо создать у личнаго состава офицеровъ солидныя военныя познанія и имѣть превосходно обученныхъ стрѣльбѣ комендоровъ.

Для достиженія перваго надо твердо поставить изученіе военныхъ наукъ въ морскомъ корпусѣ и морской академіи, и создать плавающія **круглый годъ** боевыя эскадры—только на нихъ теоретическія познанія крѣпко войдутъ въ сознаніе личнаго состава и станутъ неотъемлемымъ его качествомъ. Самымъ серьезнымъ образомъ должны быть поставлены на этихъ эскадрахъ маневры.

Для созданія хорошихъ комендоровъ, мало поставить хорошо обученіе на артиллерійскомъ отрядѣ,—надо еще сохранить лучшихъ изъ комендоровъ въ флотѣ. Для этого надо не жалѣть никакихъ денегъ на оставленіе ихъ на сверхсрочной службѣ, оставляя ихъ, при всевозможныхъ повышеніяхъ и любомъ срокѣ службы, на томъ же кораблѣ и у тѣхъ же пушекъ, къ которымъ они поступили послѣ артиллерійскаго отряда, снимая ихъ только съ кораблей, утратившихъ боевое значеніе. Это будетъ стоить дорого, но эти затраты съ лихвой окупятся въ первую же войну.

Искусство въ руководствѣ флотомъ также можетъ быть получено адмиралами лишь при командованіи ими постоянно плавающими боевыми эскадрами, а не учебными отрядами, какъ это было у насъ. Нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что изъ русскихъ адмираловъ, бывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, только 4 командовали въ мирное время боевыми эскадрами, но въ дѣйствіяхъ на морѣ во время войны изъ нихъ приняли участіе только два—Старкъ и Макаровъ. Первый былъ въ первые же дни войны смѣненъ, а второй безвременно погибъ, пробывъ во главѣ флота только одинъ мѣсяцъ. Остальные двое оставались на берегу. Одинъ вслѣдствіе

того, что считалъ свое присутствіе болѣе полезнымъ при арміи для направленія ея дѣйствій, а другой—потому что былъ отрѣзанъ отъ флота и еще и искусственно отъ него удаленъ.

Изъ прочихъ же 13 адмираловъ, трое командовали въ мирное время только учебными отрядами, и одинъ плавалъ младшимъ флагманомъ, а остальные никогда ничѣмъ не командовали. Странно было бы и ожидать отъ нихъ искуснаго руководительства эскадрами и отрядами въ бою.

Въ эскадрахъ не было создано духовной связи личнаго состава.

Именно, они также упустили изъ виду огромное значеніе духовнаго единенія своего съ командирами и вообще со всѣмъ личнымъ составомъ ввѣренныхъ имъ эскадръ и отрядовъ. Общая тенденція, какъ во Владивостокѣ, такъ и въ Портъ-Артурѣ и на второй эскадрѣ въ особенности—было держать подчиненныхъ въ невѣдѣніи относительно своихъ плановъ и различныхъ тактическихъ соображеній, и нигдѣ не развивалась и не поддерживалась личная иниціатива командировъ.

Какъ создавалъ духовное единство Нельсонъ.

Нигдѣ не было того „тѣснаго кружка братьевъ товарищей“, который создавалъ всегда Нельсонъ, и чему онъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ своими побѣдами.

А между тѣмъ онъ достигалъ этого самыми простыми средствами. Вотъ напр., какъ Жюрьенъ де ля Гравьеръ описываетъ прибытіе Нельсона для начальствованія тѣмъ флотомъ, съ которымъ онъ одержалъ побѣду при Трафальгарѣ. Характеръ его отношеній къ Коллингвуду, ближайшему его помощнику, выразился въ слѣдующемъ письмѣ.

„Насъ не два—мы едино“, пишетъ Нельсонъ, „и надѣюсь всегда будемъ едино. Я вамъ послалъ, другъ мой, предполагаемый мною планъ нападенія; но это единственно для того, чтобы сообщить вамъ мои намѣренія. Что же касается до выполненія, то я вполнѣ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе“.

„Такое братское согласіе“ пишетъ Жюрьенъ де ла Гравьеръ „должно было удвоить силы британскаго флота, и къ тому же прибытіе Нельсона уже успѣло произвести свой обычный эффектъ. Капитаны, поспѣшившіе на „Виктори“, казалось, забывали чинъ своего адмирала, наперерывъ стараясь выказать ему свою радость. Онъ, силою этого довѣрія, тщательно сближалъ умы, заставлялъ умолкать всѣ пустыя распри, которыя могутъ произвести несогласіе въ эскадрѣ, и прежде чѣмъ подставлять кольчугу подъ удары непріятеля, онъ, такъ сказать, сжималъ ея звенья. За то, во всѣхъ уголкахъ кораблей: въ капитанскихъ каютахъ, въ каютъ-кампаніяхъ и у мичмановъ на кубрикѣ, вездѣ повторялись слова, которыя капитанъ Дѣффъ написалъ женѣ своей: „этотъ Нельсонъ такой любезный, такой превосходный человѣкъ, и такой пріятный начальникъ, что мы всѣ желали бы предупреждать его желанія и приказанія“.

„Нельсонъ не боялся унизить свое званіе, показывая себя сообщительнымъ съ окружавшими его, и охотно признавалъ превосходство ихъ во многихъ изъ тысячи мелочныхъ подробностей, какими изобилуетъ морское дѣло. Такимъ образомъ, онъ отдавалъ справедливость спеціальнымъ достоинствамъ, и умѣлъ вызывать совѣты, которые часто неожиданнымъ свѣтомъ озаряли его соображенія. Впрочемъ, онъ думалъ, что это **участіе каждаго** въ окончательномъ планѣ должно облегчить его выполненіе. Увѣренный, что не должно быть ничего безусловнаго въ предначер-

танномъ заранѣе планѣ, онъ требовалъ не столько точнаго исполненія своихъ приказаній, сколько искренняго и усерднаго содѣйствія".

„Въ глазахъ Нельсона, первою обязанностью адмирала было безпрестанно заботиться о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи своихъ подчиненныхъ. Наканунѣ трафальгарской битвы, онъ обдумывалъ средства обезпечить точную раздачу на суда флота зелени, и рекомендовалъ командирамъ устраивать на судахъ театры, потому что онъ всего болѣе опасался для матросовъ однообразія продолжительныхъ блокадъ и опасныхъ искушеній, какія влечетъ за собой праздность. Поэтому дѣятельность Нельсона была столько же слѣдствіемъ разсчета, сколько и потребностью его натуры; въ важныхъ случаяхъ онъ считалъ ее средствомъ къ успѣшному достиженію цѣли, а въ обыкновенное время—средствомъ поддерживать дисциплину. Онъ старался держать свои экипажи безпрестанно на сторожѣ, **на храпу**, смѣлыми предпріятіями, опасными маневрами; онъ разсчитывалъ на заманчивость этихъ предпріятій, чтобы выбить изъ головы матросовъ дурные замыслы и удержать ихъ въ повиновеніи. „Для меня лучше", говорилъ онъ, „потерять пятьдесятъ человѣкъ отъ непріятельскаго огня, чѣмъ быть принуждену одного изъ нихъ повѣсить". Къ тому же **онъ искренно любилъ этихъ людей** и цѣнилъ ихъ мужество, также какъ Наполеонъ любилъ и цѣнилъ своихъ солдатъ, какъ и всякій **человѣкъ, достойный начальствовать надъ другими, долженъ любить своихъ военныхъ собратій, орудія своей славы**".

Гуманное обращеніе съ командой составляло одну изъ особенностей Нельсона, тѣмъ болѣе поразительную въ то суровое время.

„Нельсонъ и Коллингвудъ", говоритъ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ, „умѣли дѣйствовать на массы энергіей безъ суровости, убѣжденіемъ безъ слабости, и дѣйствовали болѣе посредствомъ окружавшаго ихъ обаянія, нежели посредствомъ находившейся въ ихъ рукахъ власти. Въ то время, когда почти каждый англійскій матросъ носилъ на плечахъ слѣды кошки, они питали отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Оба, обожаемые своими экипажами и своими офицерами, жили среди своей морской семьи въ полной увѣренности, что никогда ихъ власть не потерпитъ отъ близости этихъ сношеній".

„Могу похвалиться", писалъ Нельсонъ, „что я исполнилъ мой долгъ такъ же хорошо, какъ и самый строгій изъ этихъ господъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ я не потерялъ любви своихъ подчиненныхъ". За то въ періодъ времени, когда на многихъ англійскихъ корабляхъ и даже на цѣлыхъ эскадрахъ происходили бунты, корабль, гдѣ былъ Нельсонъ, не видалъ на своихъ шканцахъ ни одной военно-судной комиссіи.

Можно ли было слѣдовать примѣру Нельсона на 2-й эскадрѣ.

Было ли возможно заслужить такую же любовь экипажей, напримѣръ, на 2-й эскадрѣ, не жертвуя при этомъ дисциплиной?

На это даетъ ясный отвѣтъ баталеръ Алексѣй Новиковъ съ броненосца „Орелъ", запись котораго дышетъ правдой. Вотъ извлеченіе изъ этой записи о гибели броненосца „Бородино". „Теперь о командирѣ, капитанѣ 1-го ранга Серебрениковѣ. Онъ тоже былъ раненъ. Скорбная вѣсть о немъ, переходя отъ однихъ къ другимъ, быстро облетѣла весь экипажъ. Всѣ переспрашивали другъ друга, какъ раненъ, остался ли въ боевой рубкѣ или снесенъ внизъ, будетъ ли живъ

и нѣкоторые не ограничивались этимъ и во время затишья бѣгали даже въ операціонный пунктъ, когда узнали, что онъ находится тамъ. Я думаю, что не безынтересно будетъ, если я, уклонившись на минуту отъ цѣли, попробую въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать его съ точки зрѣнія матросовъ".

„Среди нижнихъ чиновъ онъ своимъ человѣческимъ обращеніемъ съ ними стяжалъ себѣ особую популярность и оставилъ по себѣ самое лучшее воспоминаніе. На него они смотрѣли какъ на человѣка, который никогда не шелъ въ разрѣзъ ихъ интересамъ. Онъ какъ-то умѣлъ всегда расположить къ себѣ, внушить имъ довѣріе. Въ глазахъ ихъ онъ представлялся безусловно честнымъ, прямымъ, добрымъ, гуманнымъ. Всѣ знали, съ какою отеческою заботливостью онъ старался улучшить ихъ пищу. Наказывалъ своихъ подчиненныхъ онъ также весьма рѣдко. Его одно слово, одинъ простой выговоръ дѣйствовали на нихъ больше, чѣмъ всякое мордобитіе. Человѣкъ, находясь подъ его вліяніемъ, переставалъ совершать преступныя дѣла. Поэтому броненосецъ „Бородино" и былъ такимъ, на которомъ каждому бы хотѣлось поплавать. Пишущему эти строки самому неоднократно приходилось слышать отъ своихъ товарищей отзывъ въ родѣ слѣдующаго: „Эхъ, какъ бы на „Бородино" попасть, это было бы хорошо". „Почему?" переспрашивалъ я. „Какъ, развѣ ты не знаешь, что тамъ командиръ Серебрениковъ", недоумѣвая говорилъ въ свою очередь тотъ".

„Чтобъ убѣдиться, какъ въ дѣйствительности при такомъ командирѣ жилось нижнимъ чинамъ, я приведу еще такой примѣръ: провинившемуся въ чемъ матросу заявляли, что его за это снимутъ съ „Бородина" на другое судно. Этого было достаточно, чтобы тотъ взмолилъ".

„При этомъ считаю долгомъ оговориться, что всѣ эти приведенные отзывы ничуть не преувеличены. Я человѣкъ посторонній, вмѣстѣ съ г. Серебрениковымъ никогда не служилъ, никакихъ общихъ дѣлъ не имѣлъ и мнѣ нѣтъ надобности преувеличивать и выдумывать что либо отъ себя. Кромѣ того, это видно еще изъ того, что въ то время, когда почти на всѣхъ судахъ были бунты или приготовленія къ тому, то на „Бородино" никто и не думалъ про это и не замѣчалось никакого броженія среди матросовъ".

Изъ этого отрывка ясно видно, какія чувства могли возбуждать въ нижнихъ чинахъ неуклонная и безпросвѣтная суровость начальника эскадры, соединенная еще съ тѣмъ, что почти никто его никогда не видалъ у себя на кораблѣ иначе, какъ въ видѣ грознаго урагана, оставлявшаго послѣ себя длинный слѣдъ всевозможныхъ наказаній.

Единство мысли въ бою.

Также искусное руководительство флотомъ въ бою невозможно, если въ этомъ не принимаютъ участіе младшіе флагманы и командиры кораблей, такъ какъ затруднительность, а часто и полная невозможность какихъ либо сигналовъ въ бою извѣстны съ давнихъ поръ, и этотъ фактъ ни для кого не долженъ былъ бы быть сюрпризомъ. Для этого же необходимо было самое тѣсное единеніе начальника эскадры съ младшими флагманами и командирами, распространяемое ими дальше — среди всѣхъ офицеровъ — чтобы создать единство мысли и намѣреній, при самыхъ, различныхъ комбинаціяхъ боя. А для этого необходимы постоянныя собесѣдованія о

предполагаемыхъ способахъ дѣйствій, и не для того, чтобы эти способы устанавливались большинствомъ голосовъ, какъ нѣкоторые понимаютъ военные совѣты — совсѣмъ нѣтъ. Эти собесѣдованія служатъ для начальника лишь способомъ для того, чтобы перелить свои мысли въ своихъ подчиненныхъ, исправить ихъ тѣми возраженіями и дополненіями, которыя онъ найдетъ справедливыми, отнюдь не подчиняясь большинству, и, наконецъ, именно тутъ онъ изучитъ всѣхъ своихъ помощниковъ и узнаетъ, на кого и въ какой степени онъ можетъ положиться, и кому какую роль можно предоставить въ бою.

Какъ создавалъ Нельсонъ единство мысли въ бою.

Такъ и поступали всѣ побѣждавшіе флотоводцы всѣхъ странъ, и особенно въ этомъ отношеніи выдавался опять таки тотъ же Нельсонъ.

Выше было уже указано, какъ онъ смотрѣлъ на участіе своихъ подчиненныхъ въ общемъ планѣ, и приведена была часть его письма къ Коллингвуду по этому поводу.

Напр. передъ Абукирскимъ боемъ, несмотря на непрерывные спѣшные переходы, Нельсонъ посвятилъ массу времени на обсужденіе совмѣстно съ капитанами всевозможныхъ комбинацій боя съ французской эскадрой. Капитанъ Берри говоритъ (Жизнеоп. Нельсона соч. Мехэна), что „всѣ главныя основы боя (general outlines) были заранѣе обсуждены и составлены особые сигналы, чтобы облегчить распоряженія на мѣстѣ“.

И благодаря этому, несмотря на полную неожиданность обстановки, въ которой англичане застали французовъ въ Абукирской бухтѣ, Нельсону не пришлось ни на минуту останавливаться для какихъ либо совѣщаній, и въ этомъ бою прямо поражаетъ цѣлесообразность дѣйствій каждаго отдѣльнаго командира, ихъ разумная личная инціатива, точно они невидимо все время сговаривались между собою и непрерывно руководились геніемъ своего начальника.

А результатъ этотъ просто явился слѣдствіемъ тщательнаго **предварительнаго** сговора, создавшаго на эскадрѣ единство мысли. Какъ тщательно обдумывалъ Нельсонъ свой способъ нападенія при Трафальгарѣ, показываетъ тотъ фактъ, что этотъ планъ у него уже былъ набросанъ въ общихъ чертахъ за годъ до этого боя (Жизнеописаніе Нельсона. Соч. Лофтона).

А на сколько Нельсонъ считался въ англійскомъ флотѣ знатокомъ тактики, показываетъ мнѣніе о немъ адмирала Лорда Гуда (Hood), одного изъ лучшихъ тактиковъ своего времени, который писалъ про Нельсона, когда тому было всего 24 года, что: „познанія Нельсона въ морской тактикѣ не уступятъ никому“. (Жизнеоп. Нельсона. Соч. Мехэна).

Разъ у него такъ задолго былъ обдуманъ планъ боя, является понятнымъ, что онъ немедленно, по присоединеніи къ эскадрѣ, находившейся передъ Кадиксомъ, могъ сообщить его Коллингвуду, при цитированномъ уже выше письмѣ. А когда онъ собралъ своихъ капитановъ и самъ прочиталъ имъ свой знаменитый приказъ, въ которомъ подробно былъ изложенъ планъ предстоящаго боя, то Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ разсказываетъ, что „при этихъ благородныхъ словахъ, при этомъ простомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленномъ изложеніи самыхъ высшихъ правилъ морской тактики, восклицанія энтузіазма и восторга огласили адмиральскую каюту „Виктори“, куда собраны были для совѣта всѣ адмиралы и капитаны

эскадры. „Дѣйствіе этихъ словъ“, писалъ въ своемъ дневникѣ Нельсонъ, „можно было сравнить съ электрическимъ потрясеніемъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ были тронуты до слезъ. Всѣ единогласно одобрили планъ атаки. Его нашли новымъ, непредвидѣннымъ, удобопонятнымъ и удобоисполнимымъ....“.

И много пришлось измѣнить въ способахъ примѣненія этого плана во время самого боя, такъ какъ измѣнялась обстановка, но главныя, незыблемыя основы плана были такъ хорошо прочувствованы и поняты всѣми, что они были примѣнены полностью и были одними изъ важнѣйшихъ причинъ этой знаменитой побѣды. Недаромъ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ говоритъ про этотъ планъ, что „наиболѣе достойно въ немъ вниманія — это не тактическая сторона его, а нравственная; не искусное раздѣленіе силъ, придуманное Нельсономъ, но благородная довѣренность, его къ этому побудившая“. Вотъ этой благородной довѣренности и недоставало на нашихъ эскадрахъ.

Была ли возможность въ нашихъ эскадрахъ сплотить личный составъ и создать въ немъ единство мысли въ бою.

На все вышеуказанное быть можетъ послѣдуетъ возраженіе, что Нельсонъ и другіе адмиралы паруснаго періода имѣли на все это время, вслѣдствіе продолжительности въ то время войнъ и плаваній. Но отвѣтить на это болѣе чѣмъ легко.

Позабываютъ, что 1-я эскадра Тихаго Океана вступила въ бой съ японскимъ флотомъ только черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ начала войны, а 2-я эскадра только черезъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ выхода изъ Либавы. Времени было болѣе чѣмъ достаточно и притомъ времени самаго благопріятнаго, такъ какъ именно та тяжелая обстановка, въ которой находились эти эскадры, больше всего способствуетъ тѣсному сближенію людей, общности ихъ мыслей и интересовъ. Надо было только этимъ воспользоваться и результаты работы начальниковъ въ этомъ направленіи оказались бы блестящими. И если этого сдѣлано не было, то не изъ за недостатка времени, а изъ за несознанія, какую огромную это имѣетъ важность, и если это сознаніе не являлось само изъ ума и таланта флотоводцевъ, то оно бы непремѣнно явилось у нихъ при тщательномъ изученіи исторіи морскихъ войнъ.

Но этимъ въ нашемъ флотѣ не занимались совсѣмъ. И въ этомъ и лежитъ главная причина пренебреженія столь важными вещами. Вѣдь никто не рѣшится сказать, что это пренебреженіе было проявленіемъ злой воли — вѣдь этому не было бы прямо имени.

Нѣтъ, это просто было незнаніе и результаты этого незнанія принадлежатъ къ главнѣйшимъ выводамъ изъ этой войны, и надо немедленно же принять самыя энергичныя мѣры, чтобы такое фатальное незнаніе не могло бы повториться въ будущемъ.

2. Стратегія.

Планъ войны.

Война эта подтвердила съ полною ясностью, что безъ **плана войны** вести войну съ успѣхомъ болѣе чѣмъ трудно. Здѣсь подъ словомъ „планъ войны“ подразумѣвается планъ подготовки къ войнѣ, т. е. созданіе того исходнаго положенія, съ котораго

придется начинать военныя дѣйствія. Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій называется операціоннымъ планомъ.

Планъ войны долженъ исходить изъ политики государства, съ которой связанъ самымъ тѣснымъ образомъ. Планъ войны обнимаетъ собою созданіе соотвѣтствующаго флота, поддержаніе въ боевой готовности уже находящихся на лицо кораблей еще годныхъ для боя, соотвѣтствующее оборудованіе портовъ и заготовку запасовъ, и наконецъ такую дислокацію морскихъ силъ, которая позволила бы быстро и безопасно ихъ развернуть и направить туда, гдѣ они нанесутъ противнику наибольшій вредъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ планъ войны входитъ подробнѣйшая разработка мобилизаціи личнаго состава и матеріальной части.

Вотъ именно этого плана войны не было у насъ, и былъ онъ у Японіи. Если бы онъ былъ, мы имѣли бы на дальнемъ востокѣ всегда превосходныя сравнительно съ японцами силы, что было для насъ вполнѣ возможно (см. стр. 6 –9), мы имѣли-бы обѣ наши базы тамъ широко оборудованными и содержали бы въ полной готовности сильный резервъ въ Средиземномъ морѣ. Слѣдованіе этому плану заставило бы насъ строить новые корабли въ соотвѣтствіи съ постройкой японскаго флота, не отступая при надобности передъ заграничными заказами, и своевременно перевооружить и содержать въ боевой готовности всѣ корабли еще годные для боя. Имѣя въ виду назначеніе эскадры Средиземнаго моря, какъ резерва для дальняго востока, нельзя было не имѣть при ней плавучей базы и не выработать способовъ пользованія ею.

Кредиты на все это не могли быть не ассигнованы своевременно, если бы морской министръ имѣлъ голосъ въ направленіи иностранной политики, въ томъ смыслѣ, что онъ все время оріентировалъ бы министра иностранныхъ дѣлъ въ вопросѣ о сравнительной силѣ нашего флота и флота нашего противника въ этой политикѣ.

Такого исходнаго положенія создано не было, т. е. планъ войны не существовалъ, а потому и всякій операціонный планъ являлся безпочвеннымъ и случайнымъ.

Операціонные планы 1 и 2 эскадръ.

Операціонный планъ 1 эскадры, если таковой только существовалъ, не соединенный со своевременной ея мобилизаціей и выходомъ въ море, былъ нарушенъ внезапной минной атакой японцевъ. Затѣмъ выходы этой эскадры 10 іюня и 28 іюля 1904 имѣли совершенно неправильную стратегическую задачу – прорваться во Владивостокъ – вмѣсто того, чтобы вступить въ самый ожесточенный бой съ противникомъ, дабы, хотя цѣной своей гибели, подготовить почву для побѣды 2 эскадры. И наконецъ, была совершена крупная стратегическая ошибка – эскадра была принесена въ жертву для защиты крѣпости и погибла безцѣльно, такъ какъ отъ взятія крѣпости судьба кампаніи не измѣнялась, а правильное использованіе эскадры могло дать намъ очень большіе шансы на выигрышъ кампаніи. Что же касается до владивостокскихъ крейсеровъ, то имъ пришлось дѣйствовать безъ всякаго плана, имѣвшаго какую либо связь съ дѣйствіями эскадры въ Портъ-Артурѣ. Тутъ ужъ стратегическій разсчетъ совершенно отсутствовалъ. Результатъ 1 августа въ значительной степени явился послѣдствіемъ неправильнаго стратегическаго разсчета перехода изъ Владивостока къ Корейскому проливу (см. стр. 51).

Планъ 2 эскадры можно охарактеризовать въ трехъ словахъ—она шла на пораженіе. Ея посылка и дѣйствія на театрѣ войны— показываетъ пренебреженіе установившимися стратегическими положеніями. Въ морской стратегіи напр. довольно значительное распространеніе получилъ терминъ „fleet in beeing“. Этимъ терминомъ обозначался болѣе слабый флотъ, который, благодаря искусному разсчету въ своихъ стратегическихъ передвиженіяхъ, избѣгая боя, какъ можно дольше угрожаетъ своему противнику, чѣмъ стѣсняетъ его операціи и этимъ вліяетъ на общій ходъ военныхъ дѣйствій, выжидая въ тоже время благопріятной обстановки, при наличіи которой вступаетъ и въ бой. Это былъ наилучшій способъ дѣйствій для 2 эскадры, но она не сдѣлала къ тому даже попытки. Она прямо пошла на разгромъ.

Отсутствіе обоснованныхъ стратегическихъ разсчетовъ во всѣхъ операціяхъ на морѣ во время этой войны могутъ быть объяснены лишь однимъ—незнакомствомъ съ тѣмъ, что такое стратегія, личнаго состава. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и было. Выводъ отсюда напрашивается самъ собой.

Оборона береговъ.

Совершенно опредѣленныя указанія дала эта война относительно обороны береговъ. Берегами владѣлъ тотъ, кто владѣлъ моремъ, и послѣдній высаживался тамъ, гдѣ только хотѣлъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ точекъ—приморскихъ крѣпостей. Такимъ образомъ старая истина, что берега могутъ быть защищены лишь флотомъ, подтвердилась вновь.

Безурядица въ Портъ-Артурѣ, въ Приморской области и во Владивостокѣ, вслѣдствіе смѣшенія власти различныхъ вѣдомствъ, ясно показала, что необходима твердая единая власть и именно власть морская, такъ какъ весь смыслъ существованія приморскихъ крѣпостей оказался въ ихъ способности служить базами для флота, дѣйствіями котораго сухопутные начальники распоряжаться не могутъ. Самостоятельность же морскихъ начальниковъ отъ сухопутныхъ повела только къ раздорамъ, взаимнымъ противодѣйствіямъ и обвиненіямъ. Единственный отсюда выходъ—сосредоточеніе власти въ рукахъ морского начальника, съ приданіемъ ему непосредственнаго помощника изъ сухопутныхъ чиновъ для руководительства сухопутной обороной. Эта оборона, будучи чисто пассивной и опредѣленной линіей укрѣпленій созданныхъ еще въ мирное время, не можетъ возбуждать и небольшой доли тѣхъ вопросовъ, которые являются во множествѣ комбинацій для активной силы—флота. Поэтому приморской крѣпостью долженъ управлять морякъ—главный командиръ, имѣя своимъ помощникомъ, по дѣйствіямъ на морѣ, начальника эскадры. Директивы относительно направленія дѣйствій на морѣ главный командиръ, или главные командиры, если театръ войны обнимаетъ побережье нѣсколькихъ морей, должны получать отъ главнокомандующаго черезъ посредство его начальника морского штаба. У насъ этого не оказалось. Изъ Портъ-Артура адмиралу Алексѣеву, соединявшему въ своемъ лицѣ и званіе главнаго командира, пришлось уѣхать въ тотъ моментъ, когда его присутствіе тамъ было въ особенности необходимо, а во Владивостокѣ званіе главнаго командира было уничтожено уже давно. Когда-же случилось такъ, что тамъ оказался адмиралъ Скрыдловъ, то этимъ случаемъ не воспользовались и единство власти все таки не установили. Въ особенности единство власти

необходимо въ осажденномъ съ суши порту, но такой участи могъ подвергнуться во время этой войны и Владивостокъ, а въ будущихъ войнахъ столь же легко могутъ подвергнуться Либава и Севастополь.

Что касается до необходимости передать въ морское вѣдомство какъ приморскія батареи, такъ и минную защиту портовъ, то война эта дала цѣлый рядъ неопровержимыхъ доказательствъ правильности этого взгляда. Постоянныя недоразумѣнія изъ за неумѣнья различать свои корабли отъ непріятельскихъ (достаточно вспомнить безнаказанную постановку минъ японцами въ апрѣлѣ у Владивостока и въ ночь на 10 іюня у Портъ-Артура), отсутствіе миннаго загражденія въ Портъ-Артурѣ и недостатокъ его во Владивостокѣ, беззащитность, какъ въ первомъ и во второмъ, рейда и порта отъ бомбардировки, разница въ калибрахъ пушекъ, предназначенныхъ для той же цѣли—для борьбы съ флотомъ, разница въ снарядахъ даже для пушекъ одинаковыхъ калибровъ, и т. п —все это послѣдствія того, что три отрасли одного дѣла, долженствующія быть крѣпко объединенными, отданы въ руки тремъ отдѣльнымъ родамъ оружія.

Морскія команды очень быстро приспосабливаются для обороны даже на сухопутномъ фронтѣ—это блестящимъ образомъ доказали Севастополь и Портъ-Артуръ и всѣми признаны не только геройскіе подвиги моряковъ на сухомъ пути, но и ихъ искусство. Между тѣмъ, какъ въ томъ (парусный флотъ), такъ и въ другомъ (броненосный флотъ) случаѣ, даже мысли не могло явиться о замѣнѣ ослабѣвшихъ судовыхъ кадровъ сухопутными командами.

Если бы на всѣхъ укрѣпленіяхъ Портъ-Артура были морскія команды, если бы калибры орудій и снаряды были тѣ же, что и на эскадрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто напр. въ Германіи, опасность для эскадры отдавать временно на берегъ свое вооруженіе и людей была бы несравненно меньше и это не подрывало бы окончательно ея силу. Когда въ Портъ-Артурѣ судовыя команды гибли на Высокой горѣ, этимъ ужъ предрѣшалась участь кораблей—замѣнить эти команды было некѣмъ.

Значеніе флота.

Наконецъ самый важный выводъ изъ этой войны, относящійся къ области стратегіи—это огромное въ ней значеніе флота. Тоже выводъ не новый и такой, который могъ бы давно войти въ общее сознаніе, но на самомъ дѣлѣ этого сознанія не оказалось даже въ морскомъ вѣдомствѣ. Почерпнуть же его было бы опять легче всего изъ изученія исторіи войнъ, хотя бы только даже русскихъ. Выдающійся нашъ морской историкъ В. Ф. Головачевъ дѣлалъ попытку убѣдить въ этомъ и моряковъ и общество въ статьѣ своей „Значеніе флота для Россіи, на основаніи ея исторіи" *), но безуспѣшно. **Во время этой войны это положеніе сдѣлалось яснымъ для всѣхъ слоевъ общества, но сколь это сознаніе является непрочнымъ, показываетъ тотъ фактъ, что разгромъ флота значительно ослабилъ это сознаніе и вновь не рѣдкость услышать мнѣніе, что Россія страна сухопутная и флотъ ей совершенно ненуженъ.**

Именно морскому сословію надо бороться съ этимъ опаснымъ поворотомъ назадъ, и надо надѣяться, что хоть для него эта война совсѣмъ

*) Была помѣщена и въ „Морскомъ Сборникѣ" и въ „Журналѣ Журналовъ" за 1898 годъ, а также прочитана въ видѣ лекціи въ Морскомъ Собраніи въ Кронштадтѣ.

ясно доказала, что Россія безъ могущественнаго флота не можетъ оставаться въ ряду великихъ державъ. Быть можетъ это подвигнетъ морское сословіе къ тщательному изученію прошлаго, хотя бы только русскаго флота, чтобы въ немъ, соединеннымъ съ изученіемъ современной политической и географической обстановки, въ которой находится Россія, почерпнуть доказательства того, что флотъ будетъ играть такую же важную роль въ любой возможной для насъ войнѣ, какъ и въ минувшей войнѣ съ Японіей. Только, когда сознаніе въ важномъ значеніи флота крѣпко утвердится въ сознаніи хотя бы только морского сословія, а потомъ распространится и дальше, только тогда у насъ будетъ дѣйствительно могущественный флотъ. Вотъ почему этотъ выводъ войны имѣетъ такую важность.

А между тѣмъ именно въ морскомъ сословіи тоже замѣчается опасный поворотъ — начинаютъ ужъ доказывать, что можно ограничиться флотомъ спеціально приспособленнымъ для обороны береговъ. Это значитъ опять начинать со старыхъ ошибокъ. Флотъ береговой обороны всегда былъ и будетъ дырявымъ рубищемъ бѣдняка, которому не на что купить хорошее крѣпкое платье. Поэтому ограниченіе морской силы однимъ лишь флотомъ береговой обороны можетъ быть лишь временнымъ, пока страна терпитъ серьезныя денежныя затрудненія. Утверждаться же въ мысли, что такимъ флотомъ можетъ удовлетвориться великая держава, болѣе чѣмъ опасно. Огромныя выгоды наступленія передъ обороной на сухомъ пути уже давно сдѣлались аксіомой. Между тѣмъ для флота эти выгоды еще больше. Флотъ по самому своему существу средство наступательное, а не оборонительное. Если принять еще во вниманіе тотъ часто забываемый фактъ, что оборонительный флотъ не годится для наступленія, тогда какъ та же армія одинаково годится и для того и для другого способа дѣйствій, еще яснѣе станетъ опасность утверждаться въ мнѣніи о возможности ограничиться однимъ оборонительнымъ флотомъ. Этимъ государство впередъ лишаетъ себя наивыгоднѣйшаго способа дѣйствій на войнѣ — наступленія.

3. Тактика.

Война не дала ничего новаго.

Почти ни одного новаго тактическаго пріема эта война не дала — ни во время боя, ни при блокадѣ, ни для развѣдочной или сторожевой службы. Новые пріемы были только со стороны русскихъ, которые часто поступали противно существующимъ тактическимъ воззрѣніямъ. Но ни разу эти пріемы не сопровождались успѣхомъ, а напротивъ — за нихъ они жестоко платились, и слѣдовательно ихъ надо признать ошибочными.

Раздѣленіе флота.

Свои боевыя суда русскіе на самостоятельные отряды не дѣлили, и ими управлялъ всѣми одновременно начальникъ эскадры. Младшіе флагманы (Ухтомскій, Небогатовъ) получали самостоятельность только послѣ выбытія изъ строя начальника эскадры. Младшимъ флагманамъ придавалось такое малое значеніе, что послѣ смерти адмирала Фелькерзама, его флагъ продолжалъ висѣть на „Ослябѣ“ и корабль, съ адмираломъ въ гробу, былъ поставленъ даже во главѣ колонны,

т. е. иначе говоря—какъ будто не допускалась даже мысль, что эта колонна можетъ маневрировать самостоятельно. И эта мысль свила себѣ крѣпкое гнѣздо въ сознаніи русскихъ адмираловъ, на столько крѣпкое, что адмиралъ Небогатовъ, видя выходъ изъ строя обоихъ флагманскихъ кораблей („Суворова" и „Ослябя"), впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, продолжалъ слѣдовать въ хвостѣ колонны, слѣдуя за тѣмъ кораблемъ, который оказался очереднымъ передовымъ и не беря на себя никакой инціативы. И такое положеніе онъ сохранилъ даже тогда, когда бой почти на цѣлый часъ былъ прерванъ. Только получивъ „офиціальное" увѣдомленіе, что начальникъ эскадры передаетъ ему командованіе, адмиралъ Небогатовъ началъ распоряжаться.

Въ бою 28 іюля русская боевая линія состояла изъ 6 судовъ, въ бою 14 мая — изъ 12, но порядокъ управленія не измѣнился. Совершенно такое же число судовъ въ боевыхъ линіяхъ было и у японцевъ, но 28 іюля вся ихъ линія держалась вмѣстѣ, а 14 мая—боевыя суда были раздѣлены на два самостоятельныхъ отряда—по 6 судовъ въ каждомъ. Второй отрядъ изъ 6 броненосныхъ крейсеровъ сначала маневрировалъ совмѣстно съ первымъ, на близкомъ съ нимъ разстояніи, причемъ повороты на 16 R. „всѣ вдругъ" японцы дѣлали поотрядно — послѣдовательно, а за тѣмъ отрядъ этотъ дѣйствовалъ уже самостоятельно.

Что второе лучше перваго—выводъ не новый. Такъ поступали Сюффренъ (даже при ненадежныхъ командирахъ), Нельсонъ, Ушаковъ и Сенявинъ, и въ своихъ приказахъ передъ боемъ они рѣшительно указывали, что даютъ своимъ помощникамъ полную самостоятельность, предлагая имъ только въ общемъ руководствоваться, **указаннымъ въ томъ же приказѣ общимъ планомъ.**

Вѣроятно всѣ великіе флотоводцы, которые были такъ согласны между собою въ такомъ способѣ дѣйствій, имѣли для этого вѣскія основанія — и основанія эти—незыблемыя тактическія положенія, которыя ярко бросаются въ глаза при изученіи исторіи развитія военно-морского искусства во всѣхъ его періодахъ — гребномъ, парусномъ и броненосномъ. Въ послѣднемъ періодѣ такъ поступили (самостоятельныя дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ) австрійцы при Лиссѣ и японцы при Ялу. Не отступилъ отъ этого основного положенія и Того. Наконецъ вся тактическая литература послѣдняго времени совѣтуетъ тоже самое, и въ особенности, въ случаѣ разнородности кораблей. Разнородность кораблей — это большой минусъ для эскадры — въ этомъ сходились всѣ и до этой войны, и она только вновь подтвердила это положеніе. Но разъ такая разнородность была неизбѣжна — а въ такомъ положеніи находилась именно вторая эскадра — оставалось сдѣлать то, что совѣтуетъ морская тактика для уменьшенія этого неизбѣжнаго вреда. Но для этого надо было изучать исторію прошлаго, откуда почерпаются эти выводы тактики, и **вѣрить** этимъ выводамъ. Но у насъ во флотѣ пренебрегали этимъ, а японцы нѣтъ.

Строй. Это изученіе сказалось на принятыхъ ими строяхъ и системѣ маневрированія. Они держались исключительно строя кильватера, при чемъ, если отдѣльные отряды не шли въ кильватеръ другъ другу, какъ это было напр. въ первой половинѣ Цусимскаго боя, то, чтобы другъ другу не мѣшать и другъ друга не заслонять, отряды держались на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого. Это

конечно было возможно только при условіи предоставленія отдѣльнымъ начальникамъ самостоятельности.

Русскіе прибѣгали къ строю нѣсколькихъ колоннъ, который рѣшительно осуждается и опытомъ прошлаго, и современной тактической литературой. Таковы были напр. походные строи 2-й эскадры и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, когда непріятель могъ появиться совершенно внезапно и слѣдовательно можно было не поспѣть перестроиться. Въ бою 28 іюля крейсеры зашли за линію броненосцевъ и образовали 2-ю колонну, а „Новикъ" съ миноносцами — составлялъ третью, и все это на такомъ маломъ разстояніи, что перелеты могли попадать въ эти корабли. Въ бою 14 мая боевой строй мѣнялся нѣсколько разъ при сближеніи съ непріятельскими главными силами, которыя застали нашу эскадру въ двухъ кильватерныхъ колоннахъ, расположенныхъ уступами – строй совершенно новый, но оказавшійся вполнѣ неудачнымъ. Крейсеры адмирала Энквиста должны были составлять третью колонну, и они было уже пошли на свое мѣсто при появленіи непріятеля, и только нападеніе японскихъ крейсеровъ на транспорты отвлекло ихъ назадъ. Во время боя крейсеры пытались пристроиться въ хвостѣ той-же, уже достаточно длинной, колонны броненосцевъ, а къ концу боя выстроили, по нѣкоторымъ источникамъ, вторую колонну съ лѣвой стороны броненосцевъ

Въ тактической литературѣ, и въ особенности въ послѣднее время, усиленно разрабатывалось примѣненіе строя фронта и приходили къ заключенію, что маневрированіе въ бою должно состоять изъ непрерывныхъ комбинацій этихъ (кильватеръ и фронтъ) двухъ **простыхъ** строевъ. Одна изъ талантливѣйшихъ подобныхъ работъ принадлежала перу русскаго выдающагося офицера – погибшаго безвременно на „Рюрикѣ" — капитана 2 ранга Н. Н. Хлодовскаго. Онъ писалъ ее даже, спеціально имѣя въ виду встрѣчу броненосцевъ типа „Суворовъ" съ японскимъ флотомъ, такъ какъ для нихъ строй фронта въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ особую выгоду, благодаря ихъ сильному кормовому и носовому огню.

Но эти комбинаціи имѣютъ особую цѣну для болѣе слабаго флота, въ частности — для болѣе тихоходнаго. Поэтому японцамъ не было надобности прибѣгать къ этимъ комбинаціямъ, такъ какъ и безъ этого русскій флотъ самъ подставлялъ свои головные корабли сосредоточенному бортовому огню всей японской линіи. Этотъ же огонь у нихъ былъ наисильнѣйшій и имъ незачѣмъ было прибѣгать къ строю фронта.

Русскіе же не дѣлали попытокъ вести бой въ этомъ строѣ, да и не могли собственно этого сдѣлать, такъ какъ эскадра и не умѣла держаться во фронтѣ, не будучи этому обучена.

Маневрированіе.

Что касается до маневрированія японцевъ поперекъ идущей линіи кильватера, чтобы разбить головные корабли (они дѣлали нѣчто въ родѣ этого и при первой встрѣчѣ въ бою 28 іюля), то именно этотъ пріемъ указывается въ изслѣдованіяхъ по морской тактикѣ, какъ наивыгоднѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускается, что этой выгодой можно воспользоваться только внезапно, на нѣсколько минутъ, такъ какъ имѣется много способовъ не допустить этотъ пріемъ, или ему противодѣйствовать. Но разъ русскіе не прибѣгли къ этимъ способамъ, то, очевидно, японцы и пользовались этимъ пріемомъ, почти непрерывно, впродолженіи всего боя, и методически избивали русскіе головные корабли. Имъ это было особенно

легко при ихъ преимуществѣ въ скорости. Русскимъ же мѣшало, какъ бы руководившее всѣми ихъ движеніями, стремленіе прорваться на сѣверъ, вмѣсто того, чтобы выбрать курсъ наиболѣе удобный для боя, а кромѣ того мѣшали транспорты. Поэтому, когда японцы появились и направились на пересѣчку курса нашей эскадрѣ, она только старалась перестроиться на томъ же курсѣ, а не легла параллельнымъ курсомъ съ японцами, что заставило бы ихъ предпринять новый обходъ. Точно также она не могла отступать, такъ какъ непосредственно за ней была куча транспортовъ, которая врѣзалась бы, при такомъ движеніи, въ русскій строй и была бы мимоходомъ уничтожена японскими главными силами. А между тѣмъ отступленіе, именно въ строѣ фронта рекомендуется какъ наилучшій пріемъ для того, чтобы не дать противнику возможности извлечь выгоду изъ внезапности его появленія и маневра. Но именно этому пріему больше всего и мѣшали транспорты.

А затѣмъ, конечно, необходимо было для маневрированія, въ особенности, если это маневрированіе представляетъ изъ себя комбинаціи кильватера съ фронтомъ, умѣть быстро и стройно поворачивать всѣмъ вдругъ. Японцы дѣлали этотъ маневръ превосходно, и постоянно прибѣгали къ нему, какъ въ бою 28 іюля, такъ и 14 мая, а русскіе ни разу такимъ поворотомъ не пользовались, не смотря на несомнѣнную его выгоду, — опять таки вѣроятно вслѣдствіе того, что ему не обучались.

Таранъ и мины на большихъ судахъ.

Таранъ и мины на большихъ судахъ не имѣли примѣненія въ эту войну. Дѣлали попытку таранить „Рюрикъ“ и, по нѣкоторымъ источникамъ, — „Ретвизанъ“, и съ перваго изъ нихъ была выпущена и мина. Но попытки эти оказались неудачны. Но опять таки это не результатъ этой войны. Тоже самое было отмѣчено и въ двухъ предыдущихъ войнахъ — японо-китайской и испано-американской. Въ тактической же литературѣ давно уже доказана почти полная невозможность примѣнять таранъ и ненадежность мины—за исключеніемъ особо благопріятныхъ случаевъ—противъ лишеннаго возможности двигаться и управляться противника. Американцы, напримѣръ, еще задолго до войны уничтожили минные аппараты на броненосцахъ. Но это едва ли можно назвать иначе, какъ излишнимъ увлеченіемъ.

Какъ не уничтожили минныхъ аппаратовъ на большихъ судахъ послѣ двухъ предыдущихъ войнъ, такъ не уничтожатъ ихъ вѣроятно и теперь. При правильномъ взглядѣ на мину, какъ на оружіе подходящаго случая и крайности, и при ничтожномъ вѣсѣ, который требуется для миннаго вооруженія, было бы неразумно его уничтожать, тѣмъ болѣе, что именно эта война подтвердила уже доказанную въ мирное время и именно у насъ въ Россіи, безопасность для своего корабля даже надводныхъ аппаратовъ. Несмотря на то, что такіе аппараты имѣлись на многихъ нашихъ судахъ, и несмотря на то, что въ самыхъ жестокихъ бояхъ были въ нихъ вложены мины — ни одна не повредила своего корабля, хотя снаряды въ нихъ и попадали. Напримѣръ, на крейсерахъ „Россія“ и „Громобой“ въ бою 1 августа всѣ аппараты были заряжены, и послѣ боя оказалось, что всѣ зарядныя отдѣленія исчезли, и почти всѣ совки изогнуты. Значитъ снаряды попадали, зарядныя отдѣленія или отваливались, или взрывались, но это не сопровождалось никакими дурными послѣдствіями для корабля. И „Рюрикъ“ въ самомъ концѣ боя могъ еще пустить мину. А между тѣмъ

тенденція къ уничтоженію минныхъ аппаратовъ на большихъ судахъ и именно изъ за ихъ будто бы опасности, появляется — именно у насъ. Между тѣмъ боевой опытъ этой войны основаній къ этому не далъ.

Что касается до тарана, который тоже собираются уничтожить, то едва ли противъ этого можно возражать, тѣмъ болѣе, что возможность таранить въ крайнемъ случаѣ этимъ нисколько не устраняется, такъ какъ сила и дѣйствительность удара зависятъ не отъ формы тарана, а отъ огромной живой силы движущагося корабля. Поврежденіе же своей носовой части при таранномъ ударѣ было неизбѣжно и при существованіи тарана. Конечно, это имѣетъ смыслъ только тогда, если выдающійся впередъ таранъ дѣйствительно дурно отзывается на эволюціонныхъ качествахъ корабля.

Мины на миноносцахъ.

Война эта подтвердила, что минныя атаки возможны только ночью и то только въ томъ случаѣ, если извѣстно мѣстопребываніе противника. Не зная же точно раіона, гдѣ онъ находится, найти его можно только случайно. При этомъ вѣроятность успѣха минной атаки находится въ прямой зависимости отъ состоянія атакованнаго корабля, его подготовленности къ отраженію и отъ числа миноносцевъ, и въ общемъ вѣроятность эта очень незначительна. Изъ атакъ на якорѣ японцамъ удалась только атака въ ночь съ 26 на 27 января 1904 года, когда русскіе ея не ожидали и не было сторожевой службы. Такая же атака въ ночь съ 10 на 11 іюня потерпѣла полную неудачу, такъ какъ ее ждали. Также были неудачны всѣ минныя атаки противъ „Ретвизана", стоявшаго въ проходѣ, и цѣлый рядъ атакъ противъ „Севастополя", пока не удалось къ нему подобраться незамѣтно въ то время, какъ шелъ сильный снѣгъ. Въ ночь съ 28 на 29 іюля ни одна минная атака не удалась, хотя наши корабли разсѣялись послѣ тяжелаго боя и имѣли значительныя поврежденія. Но они были на ходу и не свѣтили прожекторами, и въ большинствѣ случаевъ миноносцы ихъ не нашли, хотя и знали, что они находятся въ этомъ раіонѣ, а изъ выпущенныхъ минъ не попала ни одна. Такой же неудачей кончилась и минная атака нашего отряда крейсеровъ въ Корейскомъ проливѣ вечеромъ 18 іюня.

Въ ночь съ 14 на 15 мая изъ массы японскихъ атакъ удались только четыре, причемъ двѣ изъ нихъ были противъ кораблей значительно поврежденныхъ и остановившихся на мѣстѣ для задѣлки пробоинъ, а въ двухъ случаяхъ—непріятельскіе миноносцы были приняты за свои. Кромѣ того, эти корабли свѣтили фонарями. Всѣ же корабли, остававшіеся въ темнотѣ, не пострадали. Наконецъ, три, изъ четырехъ подорванныхъ кораблей, отбили цѣлый рядъ послѣдующихъ атакъ и добрались до берега. Только „Наваринъ" получилъ нѣсколько минъ — но уже тогда, когда онъ находился въ совершенно безпомощномъ положеніи.

Наконецъ „Суворовъ" днемъ отбился отъ миноносцевъ, лишенный почти всякихъ средствъ защиты, и вечеромъ былъ потопленъ минами только тогда, когда представлялъ изъ себя неподвижный и безоружный островъ, объятый пожаромъ.

Также неудачными оказались минныя атаки противъ совершенно разбитаго „Дмитрія Донского" въ ночь съ 15 на 16 мая у острова Дажелета.

Мина Уайтхеда.

Въ отношеніи минъ Уайтхеда выяснился одинъ фактъ, который отрицался въ мирное время — въ нѣсколькихъ

случаяхъ было замѣчено, что мины, шедшія удачно, отбрасывались движеніемъ струи вдоль идущаго большимъ ходомъ корабля. Между тѣмъ англичанами уже давно были произведены спеціальные для выясненія этого вопроса опыты (съ миннымъ тараномъ „Polyphemus"), и они дали обратный результатъ. Но это противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что въ этой войнѣ японцы сплошь и рядомъ пускали мины съ очень далекихъ разстояній и потому мины подходили къ кораблю уже на излетѣ. Этимъ объясняется также очень малый процентъ попавшихъ минъ.

Сѣти. Сѣти оказались дѣйствительными противъ минъ, и случаевъ прорѣзанія сѣтей какими либо приспособленіями на минахъ не было. Но, если сѣти и были исключены изъ вооруженія нѣкоторыхъ типовъ кораблей, а носовыя и кормовыя были уничтожены совсѣмъ, то не изъ за ножей на минахъ, дѣйствіе которыхъ всегда считалось очень ненадежнымъ, а изъ за того, что сѣти мѣшаютъ быстрой съемкѣ съ якоря и совершенно недѣйствительны на ходу, такъ какъ всплываютъ. Эти причины остались въ силѣ и теперь. Якорная же стоянка на открытомъ рейдѣ просто остается недопустимой, какъ это считалось и до войны. Сѣти были нужны только русскимъ судамъ, которыя оказались на якорѣ въ ночь съ 26 на 27 января и съ 10 на 11 іюня 1904 года, и во второй разъ ихъ спасли не сѣти, а бдительность, а въ первый разъ они пострадали не изъ за отсутствія сѣтей, а изъ за отсутствія бдительности. Только „Севастополю" принесли истинную пользу именно сѣти, но для этого ихъ пришлось устанавливать кругомъ на бонахъ, что возможно только въ своихъ портахъ, и слѣдовательно сѣти, это скорѣе портовое средство, и если ихъ имѣть при эскадрѣ, то скорѣе на отдѣльномъ транспортѣ, для установки ихъ на бонахъ противъ эскадры въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, а не на каждомъ кораблѣ отдѣльно.

Мина загражденія. Мина загражденія сыграла большую роль въ этой войнѣ. Тоже самое было и во время войны за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ. Несмотря на несовершенство въ то время минъ, за одинъ только мѣсяцъ въ бухтѣ Мобиль погибло на минахъ загражденія семь судовъ сѣверянъ.

Разница того времени съ настоящимъ заключается лишь въ томъ, что тогда типъ мины загражденія былъ только одинъ—предназначенный для защиты своихъ береговъ Теперь же существуетъ два типа такихъ минъ—для защиты своихъ береговъ—на проводникахъ, и для забрасыванія выходовъ изъ непріятельскихъ портовъ – автоматическія. Вторыя для загражденія своихъ береговъ не годятся, такъ какъ стѣсняютъ свои корабли въ той же мѣрѣ, что и непріятельскіе.

Во время японо-китайской войны, китайцы которые были обороняющейся стороной, выбрали именно тѣ мины, которыя соотвѣтствовали ихъ положенію: какъ Портъ-Артуръ, такъ и Вей-ха-вей были защищены минами на проводникахъ. У насъ же оказалось иначе. Минные транспорты (ихъ было два), спеціально предназначенные для забрасыванія непріятельскихъ портовъ, не были употреблены для этой цѣли.

Между тѣмъ минъ на проводникахъ въ Портъ-Артурѣ не оказалось, и инженерное вѣдомство, въ вѣдѣніи котораго состоятъ эти мины, не имѣло въ крѣпости даже минной роты. Пришлось поэтому ставить морскія мины и этимъ стѣснить свои суда. Во Владивостокѣ, хотя мины инженернаго

вѣдомства и имѣлись, но въ столь маломъ количествѣ, что ихъ далеко не хватало для дѣйствительной защиты подходовъ, а потому и тамъ пришлось прибѣгнуть къ морскимъ минамъ.

Употребленіе же японцами автоматическихъ минъ загражденія было вполнѣ правильно—они ими забрасывали наши порты. Огромное количество минъ они поставили передъ Портъ-Артуромъ и на нихъ взорвались—„Петропавловскъ", „Побѣда", два раза „Севастополь" и „Баянъ", кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ судовъ; еще 750 минъ они поставили передъ Владивостокомъ, куда направлялась 2 эскадра. На этомъ загражденіи подорвался „Громобой". Также и въ 1904 году они ставили у Владивостока мины и на нихъ наткнулись—одинъ изъ нашихъ миноносцевъ и германскій пароходъ пришедшій съ углемъ.

Мины на проводникахъ слѣдуетъ считать **оборонительными**, а автоматическія—**наступательными**. Иначе можно опредѣлить первыя, какъ оружіе **пассивной** обороны, а вторыя - **активной**. Къ такой активной оборонѣ относится постановка русскими минныхъ банокъ на обычномъ пути японскихъ отрядовъ во время блокады. На такихъ банкахъ погибли японскіе броненосцы „Хатсусе", „Яшима" и нѣсколько судовъ меньшаго размѣра.

Способы постановки минъ загражденія.

Способы постановки минъ загражденія, выработанныя у насъ въ мирное время оказались мало пригодными. Такъ какъ приходилось мины ставить въ присутствіи непріятеля, судамъ ставящимъ мины необходимо было обладать большой скоростью, чтобы быстро подойти къ мѣсту постановки, быстро сбросить свои мины и столь же быстро уйти. Очевидно плотики для этого не годятся совсѣмъ, и наилучшими судами для этой цѣли оказались миноносцы. Минные транспорты оказались также слишкомъ тихоходными, вслѣдствіе чего ихъ и опасались послать къ японскимъ берегамъ, и кромѣ того запасъ минъ на нихъ слишкомъ великъ, сравнительно со способностью ихъ скорой постановки, и чтобы поставить весь этотъ запасъ имъ пришлось бы слишкомъ долго оставаться около непріятельскаго порта. Однимъ словомъ они неспособны для совершенія быстрыхъ и внезапныхъ набѣговъ— въ чемъ и состоитъ главная ихъ цѣль существованія.

Этотъ ихъ недостатокъ не былъ новостью. Покойный капитанъ 2 ранга Степановъ, погибшій на „Енисеѣ", по мысли котораго были созданы эти транспорты, съ самаго начала выставлялъ эти требованія, но идея его была измѣнена помимо него.

При такомъ же отношеніи къ основной идеѣ, не поможетъ и опытъ войны. Нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что начатые постройкой уже послѣ войны, новые „Амуръ" и „Енисей" долженствующіе замѣнить погибшіе въ Портъ-Артурѣ, вновь обладаютъ какъ разъ тѣми же недостатками, что и прежніе. Наиболѣе раціональное рѣшеніе вопроса—имѣть мины загражденія на быстроходныхъ крейсерахъ 3 класса,—преобразованныхъ согласно съ опытомъ войны „Новикахъ". Запасъ минъ долженъ быть равенъ тому количеству, которое крейсеръ можетъ поставить непрерывно на большомъ ходу.

Такое рѣшеніе вопроса тоже не новость. Уже десять лѣтъ тому назадъ именно такъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ во французскомъ флотѣ.

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что нахожденіе минъ загражденія

на броненосцахъ и большихъ крейсерахъ теряетъ всякій свой смыслъ, тѣмъ болѣе что примѣръ „Петропавловска" ясно показалъ, что эти мины представляютъ большую опасность, въ случаѣ взрыва мины внѣ корабля, противъ того мѣста гдѣ онѣ хранятся.

Артиллерія и броня.

Война эта вновь и самымъ яркимъ образомъ подтвердила, что морской бой рѣшается артиллеріей—это незыблемо установлено еще со времени Великой Армады (1588 г.). Также подтвердилось, что броня даетъ превосходную защиту и пробивается въ рѣдкихъ — исключительныхъ случаяхъ. Особенность этой войны заключается въ томъ, что бои начинались съ огромныхъ разстояній и разстоянія эти иногда поддерживались японцами впродолженіи значительнаго времени, а также всѣ пришли къ заключенію, что самыя выгодныя — это пушки большого калибра и что, такъ называемая, средняя скорострѣльная артиллерія должна исчезнуть. Мелкая артиллерія оказалась совершенно безполезной, а спеціально для отраженія минныхъ атакъ калибръ орудій также долженъ быть значительно повышенъ.

Увеличеніе калибра артиллеріи началось задолго до войны.

Этотъ выводъ какъ-бы противорѣчитъ заключеніямъ изъ японо-китайской и испано-американской войнъ, въ которыхъ средняя скорострѣльная артиллерія играла главную роль.

Но противорѣчіе результата этой войны, и въ этомъ отношеніи, съ непрерывной, хотя и не столь замѣтной, работой мирнаго времени и ея результатами, только чисто кажущееся.

Появленіе средней скорострѣльной артиллеріи и сильно взрывчатыхъ составовъ для начинки снарядовъ, какъ извѣстно немедленно вызвало увеличеніе площади бронированія, и какъ слѣдствіе этого—уменьшеніе толщины брони, тѣмъ болѣе, что этому способствовали крупныя усовершенствованія въ сопротивляемости матеріала, изъ котораго изготовлялась броня.

Все это получило начало во французскомъ флотѣ, и въ немъ эти эволюціи поспѣли получить примѣненіе еще до японо-китайской войны, но у японцевъ и китайцевъ они отразились только отчасти. У японцевъ была уже скорострѣльная артиллерія въ подавляющемъ количествѣ сравнительно съ китайцами. У японцевъ не было броненосцевъ, у китайцевъ-же было ихъ два—остальные-же китайскія суда, носившія названія броненосцевъ, были бронированы совсѣмъ слабо и наконецъ въ китайской эскадрѣ было нѣсколько судовъ совершенно устарѣлыхъ и безбронныхъ. Сильно взрывчатыхъ веществъ для начинки снарядовъ не было ни у тѣхъ, ни у другихъ, но у китайцевъ кромѣ того не было почти фугасныхъ снарядовъ, наиболѣе приспособленныхъ для пораженія безбронныхъ крейсеровъ. Поэтому скорострѣльная артиллерія японцевъ не встрѣтила того средства (увеличенной площади бронированія), которое ей было противупоставлено еще въ мирное время, и нѣсколько китайскихъ судовъ было уничтожено, и между ними яко-бы одно броненосное („Кингъ-Іенъ"). Китайцы-же вслѣдствіе отсутствія скорострѣльной артиллеріи и фугасныхъ снарядовъ, а главное — вслѣдствіе плохой стрѣльбы, не уничтожили ни одного японскаго крейсера. Отсюда преувеличенные и спѣшные выводы о невозможности что либо противупоставить разрушительному дѣйствію скорострѣльной артиллеріи и яко-бы о побѣдѣ броненосцевъ крейсерами.

Но правильно налаженная работа мирнаго времени не поддалась этому увлеченію и поверхностному разбору. Всѣ предположенія объ обращеніи военныхъ флотовъ въ безбронные, къ счастью, не осуществились. Тщательный разборъ японо-китайской войны показалъ, что работа мирнаго времени, основанная на тщательно изученномъ боевомъ опытѣ прошлаго, согласованномъ съ прогрессомъ техники, стояла на правильномъ пути, и по нему она и продолжала идти. Именно вскорѣ послѣ японо-китайской войны почти прекращается постройка неброненосныхъ судовъ, и правильность этого блестяще подтверждается сраженіемъ при С. Яго, сравненіемъ поврежденій „дѣйствительно“ броненоснаго крейсера „Cristobal Colon“ съ поврежденіями остальныхъ трехъ испанскихъ тоже „яко-бы“ броненосныхъ крейсеровъ. Но именно, вслѣдствіе, полной собственно безбронности этихъ трехъ крейсеровъ, дѣйствіе средней и даже мелкой артиллеріи оказалось преувеличеннымъ.

На самомъ-же дѣлѣ распространеніе площади бронированія и огромное при этомъ улучшеніе въ качествѣ брони (поверхностное цементированіе), непремѣнно должны были вызвать повышеніе въ калибрахъ и усиленіе именно средней артиллеріи. И это повышеніе пошло дружнымъ ходомъ еще задолго до японо-русской войны. Этому значительно способствовало еще то обстоятельство, что орудія все большаго и большаго калибра переходили въ разрядъ скорострѣльныхъ и тѣмъ устранялся одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ крупныхъ пушекъ.

Уже въ 1902 году, предполагавшіеся къ постройкѣ броненосцы должны были имѣть скорострѣльную среднюю артиллерію:

въ Соед. Штатахъ . . . 8 — 8″ и 12 — 7″ орудій
„ Италіи . . . . . . 12 — 8″ орудій
„ Германіи . . . . . 12 — $7^1/_2$″ орудій.

Англичане въ это время уже прибавили на своихъ новыхъ броненосцахъ (типъ „King Edward“) четыре орудія въ 9″,2 къ четыремъ 12″ орудіямъ.

И разъ все это въ 1902 году уже сдѣлалось достояніемъ печати, то значитъ рѣшено это было гораздо раньше.

Въ русскомъ флотѣ, еще раньше чѣмъ начали строиться броненосцы типа „Суворовъ“, предполагалось замѣнить всѣ 6 д. орудія 8 дюймовыми, но къ сожалѣнію это предложеніе не было принято и русскій флотъ позже всѣхъ перешелъ къ увеличенію калибра средней артиллеріи (типъ „Андрей Первозванный“), и именно до 8 дюймовъ.

Въ это время въ германскомъ флотѣ 11″ орудіе (28 сант.) уже считалось скорострѣльнымъ.

Вся средняя артиллерія въ этой войнѣ была уже приговоренная къ замѣнѣ гораздо болѣе крупной.

Между тѣмъ въ японо-русской войнѣ вся средняя артиллерія еще была 6″ калибра, и даже на нашихъ новѣйшихъ судахъ (типъ „Суворова“), т. е. такого калибра, который еще за нѣсколько лѣтъ до войны всѣми флотами былъ признанъ за слишкомъ слабый. А здѣсь такой артиллеріи пришлось уже бороться, не съ безбронными судами, какъ это было при Ялу и С. Яго, а съ болѣе или менѣе солидно бронированными броненосцами и крейсерами. Очевидно она оказалась мало дѣйствительной, но сюрпризомъ это не могло и не

должно было быть и также и безъ этой войны эта артиллерія скоро сошла-бы со сцены.

Правильно-ли переходить къ вооруженію кораблей исключительно 12 дм. артиллеріей.

Война только подтвердила правильность заключеній мирнаго времени и только заставила сдѣлать въ этомъ направленіи болѣе рѣзкій скачекъ. Сразу пришли къ заключенію, что не годятся, ни 8 дм., ни 9,2 дм. пушки, а надо ставить только одни 12 дюймовыя. Но и это даже не новость. Въ Россіи еще въ 1900 году предлагался проэктъ броненосца, вооруженнаго исключительно 12 дм. артиллеріей. Въ „All the world's fighting ships" за 1903 годъ на заглавной страницѣ красуется „идеальный броненосецъ для англійскаго флота", вооруженіе котораго авторъ предлагалъ составить изъ двѣнадцати 12 дм. орудій.

Выбранъ ли калибръ вполнѣ правильно, сказать очень трудно. Вѣроятно здѣсь не обошлось безъ нѣкоторой поспѣшности и увлеченія. Почему именно выбранъ 12 дм., а не 11 или 10?

Вѣроятно просто потому, что 12 дм. калибръ самый распространенный и обычный изъ крупныхъ калибровъ, и весьма вѣроятно, что можно было бы подыскать калибръ, который, при совершенно достаточной дальности и разрушительной силѣ, допускалъ бы возможность имѣть больше орудій чѣмъ у противника—число орудій и большая скорострѣльность это тоже очень важный факторъ силы. Увлеченіе слишкомъ большимъ калибромъ уже извѣстно въ исторіи развитія броненоснаго флота. Было время, когда на корабляхъ ставили 17 дм. пушки, потомъ долго держались на $13^1/_2$ дюймахъ, а затѣмъ понизили калибръ до 12 дм. Къ чести русскаго флота надо сказать, что только онъ одинъ избѣгъ этого увлеченія, но этимъ онъ былъ обязанъ талантливому артиллеристу Ф. В. Пестичу. А по его мнѣнію „наивыгоднѣйшимъ калибромъ слѣдуетъ считать такой, который въ опредѣленную единицу времени въ состояніи будетъ внести внутрь корабля противника наибольшее количество металла и взрывчатаго вещества и можетъ дать наибольшее число пробоинъ на единицу поражаемой поверхности".

Въ его время (середина 90 годовъ) такимъ калибромъ дѣйствительно былъ 6 дюймовый, а въ 1902 году это былъ уже $7^1/_2$—8 дюймовый, и очевидно онъ продолжалъ, и долженъ былъ продолжать, повышаться, такъ какъ зависитъ отъ разстоянія, на которомъ ведется бой, качества брони и площади бронированія.

Качество брони конечно можетъ улучшаться, хотя сейчасъ и не видно признаковъ чтобы найдены были для этого новые пути. Площадь бронированія тоже ужъ почти вся использована—почти весь бортъ современнаго корабля уже покрытъ броней. Увеличеніе толщины брони — это средство обоюдоострое, такъ какъ влечетъ за собой ослабленіе артиллеріи въ смыслѣ ея численности. Наконецъ эта война показала, что и существующая броня, прикрывающая жизненныя части корабля, служитъ прекрасной защитой даже и противъ 12 дм. орудій. Значитъ, останавливаясь на 12 дм. калибрѣ, съ непробиваемостью жизненныхъ частей мирятся—иначе пришлось бы значительно повысить калибръ, да и то съ невѣрной надеждой на успѣхъ. И это правильно—за защитой жизненныхъ частей артиллеріи не угоняться никогда—вся исторія развитія броненоснаго флота это показываетъ, и та артиллерія, которая ставила себѣ это главной цѣлью,

приходила къ абсурду —къ уничтоженію и артиллеріи и брони („Italia"). Въ морскихъ сраженіяхъ японо-русской войны стрѣляло множество 12 дм. орудій, а между тѣмъ напр. ни одна машина не была выведена изъ строя до послѣдняго момента, т. е. до гибели корабля. Значитъ артиллерія, какъ это было всегда, и вполнѣ правильно,—ставитъ себѣ задачей разрушать слабо бронированныя надстройки и выбивать людей. А въ такомъ случаѣ напр. 10 дм. пушка можетъ оказаться выгоднѣе 12 дюймовой, и выгоднѣе полученную экономію въ вѣсѣ использовать на увеличеніе бронированія, на лучшую защиту подводной части (это особенно важно), или на увеличеніе числа орудій.

Дистанція боя.

На быстрый скачекъ въ увеличеніи калибра повліяло яко бы значительное увеличеніе дистанціи боя. Но здѣсь тоже не обошлось безъ увлеченія, и даже просто здѣсь произошло явное недоразумѣніе.

Почему то создалось убѣжденіе, что эта война показала, что современный бой долженъ вестись на такихъ огромныхъ дистанціяхъ, которыхъ никто не ожидалъ въ мирное время. Во время войны,при спѣшкѣ, при неизбѣжномъ увлеченіи, такое заключеніе еще было понятно, но почему оно продолжается и теперь—понять очень трудно. Это нѣчто въ родѣ увлеченія тараномъ послѣ Лиссы, хотя это сраженіе и не дало къ тому никакихъ основаній.

Увеличеніе дистанціи боя шло неизмѣнно съ усовершенствованіемъ артиллеріи, т. е. ея мѣткости, и еще задолго до войны пришлось изъ за этого прибѣгнуть къ введенію оптическихъ прицѣловъ.

Въ одной изъ книгъ *), резюмирующей состояніе морской артиллеріи и условія артиллерійскаго боя въ началѣ текущаго столѣтія, говорилось такъ:

„Вообще, надо имѣть возможность открывать огонь **съ самыхъ дальнихъ дистанцій**,—хотя бы и съ малымъ процентомъ попаданія; многими морскими авторитетами высказывается мысль, что сраженіе будущаго будетъ выиграно тѣмъ, на чьей сторонѣ будутъ удачныя попаданія въ первыя минуты боя. Поэтому надо имѣть возможность не позволить противнику открыть огонь раньше насъ, а слѣдовательно **въ мирное время надо обучать стрѣльбѣ съ самыхъ дальнихъ дистанцій**. Обученіе это не будетъ безцѣльно ни въ какомъ случаѣ, ибо люди, **умѣющіе попадать съ дальнихъ дистанцій, тѣмъ лучше будутъ попадать съ близкихъ**. Кромѣ того на дальнихъ дистанціяхъ, съ наибольшей выгодой могутъ быть использованы всѣ преимущества (лучшее обученіе стрѣльбѣ, лучшая матеріальная часть, лучшая броня и т. п.) передъ противникомъ".

Но очевидно эти дальнія дистанціи имѣютъ предѣлъ, который никогда не будетъ перейденъ—предѣлъ дѣйствительно ясной видимости, хотя бы и съ оптическимъ прицѣломъ, и за которымъ попаданія будутъ столь рѣдки и случайны, что, конечно ни въ коемъ случаѣ не надо пренебрегать и ими, но уже рѣшительнаго вліянія на ходъ боя они оказать не могутъ. Вотъ почему въ цитируемомъ сочиненіи дистанція дѣйствительнаго огня опредѣлена въ 35—40 кабельтововъ.

Но именно въ русскомъ флотѣ и эти дистанціи считались чрезмѣрными и не учились стрѣлять и съ такихъ разстояній. Не было также и оптическихъ прицѣловъ.

---

*) Современная морская артиллерія. 1903 г. стр. 88.

Японцы же прекрасно усвоили себѣ сущность дѣла.

Они имѣли лучше обученныхъ людей, бронированіе ихъ кораблей было лучше, скорость ихъ была больше, а потому они широко воспользовались этимъ преимуществомъ, чтобы вести бой съ дальнихъ дистанцій, на которыхъ всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ. Но въ первую половину кампаніи (пока они имѣли дѣло съ 1-ой эскадрой) они тщательно берегли свои корабли, и до рѣшительной схватки, въ которой они ихъ рисковали потерять, они не доходили. Вѣдь имъ надо было имѣть въ виду еще вторую эскадру.

Поэтому они и держались обыкновенно на дистанціяхъ гораздо большихъ 40 кабельтововъ. Но это и сказалось на результатахъ. Перестрѣлки продолжались часами безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ. 1 августа случайнымъ снарядомъ, правда, „Рюрикъ" былъ лишенъ возможности управляться, но вѣдь онъ былъ исключительно плохо защищенъ, а два крейсера, гораздо болѣе слабые и хуже бронированные, нежели японскіе такъ и ушли отъ четырехъ японскихъ. 28 іюля только тогда и получился результатъ, когда, послѣ долговременной безцѣльной перестрѣлки, противники сильно сблизились (до 20 кабельтововъ и даже еще меньше).

Такимъ образомъ изъ первой половины кампаніи никакъ нельзя было сдѣлать вывода, что слѣдуетъ и выгодно сражаться на дистанціяхъ большихъ 30—40 кабельтововъ и слѣдуетъ имѣть артиллерію, выгоднѣйшую не для этихъ послѣднихъ дистанцій, а для гораздо большихъ. Это было выгодно японцамъ, стремившихся загнать наши корабли въ Портъ-Артуръ, чтобы тамъ ихъ уничтожить другими способами, а свои корабли сохранить для борьбы со второй эскадрой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было и изъ этой части кампаніи сдѣлать выводъ, что, если и невыгодно вести бой на огромныхъ дистанціяхъ, то все таки слѣдуетъ умѣть стрѣлять, и имѣть къ этому возможность, и на такихъ разстояніяхъ, чтобы не представлять изъ себя безпомощной мишени. Но для этого совершенно одинаково пригодны какъ 12, такъ и 10 дм., а можетъ быть даже и меньшаго калибра пушки, такъ какъ и эти разстоянія не могутъ перейти предѣла видимости, а число пушекъ на такихъ разстояніяхъ, вслѣдствіе незначительности процента попаданія, играетъ еще большую роль, чѣмъ на близкихъ.

Необходимость сражаться на дистанціи не больше 30—40 кабельтововъ, чтобы добиться рѣшительныхъ результатовъ, доказали сами японцы въ Цусимскомъ бою. Тутъ не было и помина объ огромныхъ разстояніяхъ, характеризовавшихъ первую половину кампаніи И понятно почему—японцамъ ужъ нечего было беречь свои корабли—надо было уничтожить **послѣднія** силы русскихъ, а для этого необходимы были сравнительно короткія дистанціи, на которыхъ артиллерія можетъ развить все свое могущество. Сходиться совсѣмъ близко, имъ, какъ болѣе сильнымъ, было очевидно невыгодно. И напрасно какъ-то игнорируютъ роль на этой дистанціи (около 30 каб. въ первый періодъ боя) средней, даже 6 дм. артиллеріи. Именно и она, а не только 12 дм. пушки, дали тотъ градъ снарядовъ, который ошеломилъ русскихъ, окончательно уничтожилъ у нихъ мѣткость и выбилъ изъ строя головные корабли. И если бы на японскихъ корабляхъ была, современная моменту, средняя артиллерія—$7^1/_2$—8 дм. въ 50 калибровъ длиной, это бы сказалось еще болѣе ярко.

Такимъ образомъ вѣсскихъ основаній, чтобы сразу перескакивать исключительно къ 12 дм. пушкамъ, эта война, и въ особенности Цусимскій бой, не дали. Даже съ большимъ запасомъ впередъ, на прогрессъ въ бронированіи, можно было вѣроятно остановиться на 10 дюймахъ.

Впрочемъ, такъ это или не такъ, во всякомъ случаѣ уже совсѣмъ непонятнымъ является смѣшеніе 10 дм. и 12 дм. калибра, допущенное послѣ войны, напр. на японскихъ корабляхъ. Разницы по существу между этими калибрами нѣтъ, а единство калибра имѣетъ огромное значеніе во многихъ отношеніяхъ.

Очень важно также имѣть тѣ же калибры, что и въ крѣпостной артиллеріи — примѣръ Портъ-Артура въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ. И странно въ самомъ дѣлѣ, что береговая крѣпость — единственное назначеніе которой борьба съ броненосцами, можетъ имѣть для этой цѣли другое орудіе, нежели флотъ.

Снаряды.

Война эта подтвердила огромное значеніе стрѣльбы фугасными снарядами. Еще въ 1896 году во французскомъ флотѣ велась усиленная агитація, не за фугасные снаряды — они уже были у французовъ, — а за значительное увеличеніе ихъ числа за счетъ бронебойныхъ. Англійскіе опыты съ разстрѣливаніемъ броненосца „Belleisle“ наглядно подтвердили важность фугасныхъ снарядовъ.

Наконецъ необходимость фугасныхъ снарядовъ прямо проистекаетъ и изъ увеличенія дистанціи, такъ какъ при этомъ бронепробиваемость быстро падаетъ, а дѣйствіе фугаснаго снаряда, какъ таковаго, не зависитъ отъ дистанціи. Въ цитированной уже выше книгѣ *), сдѣланъ подсчетъ, съ какихъ разстояній стоитъ стрѣлять бронебойными снарядами, при извѣстномъ заданіи бронированія корабля и калибра пушки. И напр. по броненосцу типа „Majestic“ выходило, что изъ 12 дм. орудій бронебойными снарядами стоитъ стрѣлять только на разстояніяхъ меньшихъ 25 кабельтововъ, а изъ 6 дм. пушекъ съ разстояній большихъ 16 кабельтововъ необходимо стрѣлять фугасными снарядами. Японцы такъ и дѣлали, а мы дѣлать этого не могли, такъ какъ у насъ во флотѣ фугасныхъ снарядовъ собственно не было вовсе. Въ то время, какъ **бронебойный** англійскій (а слѣдовательно и японскій) снарядъ (12 и 6 дм. калибровъ) содержитъ въ себѣ взрывчатаго вещества 5 и $5^1/_2$% отъ своего вѣса, русскіе, такъ называемые **фугасные** снаряды этихъ калибровъ заключаютъ въ себѣ лишь 2% и 3% взрывчатаго вещества, а въ бронебойныхъ русскихъ снарядахъ это количество уменьшается еще до 1% и 2%. Между тѣмъ въ англійскихъ **фугасныхъ** снарядахъ это количество составляетъ $9^1/_2$% и $9^1/_4$%, а 6 дм. лиддитовые снаряды содержатъ взрывчатаго вещества $13^1/_4$% отъ своего вѣса.

Почему въ русскомъ флотѣ оказались плохіе снаряды.

А произошло это въ русскомъ флотѣ такъ, судя по отчетамъ морского техническаго комитета по артиллеріи. Оказывается, что съ 1887 по 1894 годъ (когда окончательно выработанъ чертежъ имѣемыхъ теперь въ снаряженіи флота фугасныхъ снарядовъ) часть вѣса снаряда, удѣляемая на разрывной снарядъ, постепенно падала съ 22 % до 3,4 %. Оказалось, что главная причина этого печальнаго явленія, — неразумная погоня

*) Стр. 86.

за дешевизной. Въ испытывавшихся въ 1887 году фугасныхъ снарядахъ завода „Рудницкій и Кучинскій" начинка составляла 22 % отъ общаго вѣса, но для того, чтобы тонкія стѣнки (0,08 отъ діаметра снаряда) могли выдерживать давленіе газовъ при выстрѣлѣ, приходилось для выдѣлки ихъ употреблять лучшую вальцованную сталь. Но изъ за этого снаряды эти были очень дороги. Ради дешевизны перешли къ кованымъ (Пермскій зав. 1890 г.) и наконецъ къ литымъ (Пермскій и Обуховскій зав. 1891 г.) снарядамъ.

Низкія, сравнительно съ вальцованой, качества литой стали вынудили комитетъ утолстить стѣнки вдвое (0,16 діаметра), что уже повлекло за собой уменьшеніе вѣса разрывного снаряда до 8%. Но даже при этомъ условіи стѣнки оказались слабыми и снаряды деформировались. Комитетъ, не желая еще уменьшать зарядъ, потребовалъ отъ стали такихъ качествъ, которыхъ литая сталь не могла дать, и дѣло заглохло на два года, такъ какъ управленіе снабженій не соглашалось на дорогіе вальцованные снаряды, ссылаясь на то, что заказывая фугасные снаряды морское министерство „преслѣдуетъ исключительно экономическую сторону (!) вопроса". (Отчетъ 1893 г.). Но въ 1893 г. появляются крупныя скорострѣльныя пушки, при которыхъ фугасные снаряды пріобрѣтаютъ особое значеніе, а потому, успокоившись было на томъ, что нашъ флотъ можетъ обойтись и безъ фугасныхъ снарядовъ, морское министерство встревожилось, и комитету было приказано выработать чертежи фугасныхъ снарядовъ, но непремѣнно **литые**, т. е. подешевле.

Тогда, во избѣжаніе деформированія и считаясь съ крѣпостью стали того завода, который представилъ самыя низкія цѣны, пришлось еще значительно пожертвоватъ вѣсомъ разрывного вещества, и его уменьшили до 3,4 % отъ общаго вѣса снаряда. Вотъ этими то снарядами и были снабжены наши корабли въ минувшую войну. Между тѣмъ у японцевъ фугасные снаряды оказались изъ вальцованой стали, а потому и взрывчатаго вещества въ нихъ было гораздо больше.

Тоже и съ чугунными снарядами. Изъ за такого качества (дешеваго) металла наши снаряды сплошь и рядомъ давали разрывы въ каналѣ. Рѣшили, что причина этого — слишкомъ большое количество взрывчатаго вещества, и поэтому внутренняя пустота нашихъ снарядовъ на половину, а иногда и больше—заполняется деревомъ. Но разрывы въ каналѣ продолжались, такъ какъ основной причиной этого явленія служили трещины въ снарядѣ, появлявшіяся въ моментъ выстрѣла. Черезъ трещины эти проникаетъ внутрь огонь; дерево конечно представляетъ извѣстное препятствіе для того, чтобы огонь достигъ до внутренняго заряда, но дерево усыхаетъ, и тогда оно уже не защищаетъ заряда и снарядъ взрывается. По излому осколковъ чугунныхъ японскихъ снарядовъ можно было судить о чрезвычайно высокомъ качествѣ металла. Въ подтвержденіе этого одинъ изъ портъ-артурцевъ приводитъ слѣдующій фактъ. Наши чугунныя бомбы, при стрѣльбѣ изъ мортиръ Золотой Горы и Суворовской батареи, давали иногда до 20 проц. преждевременныхъ разрывовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ той же Золотой Горы, было сдѣлано до 200 выстрѣловъ, подобранными въ Артурѣ японскими бомбами, и ни одна изъ нихъ не разорвалась раньше времени, хотя они выдержали два выстрѣла и ударъ о землю послѣ перваго выстрѣла.

Наконецъ наши снаряды не рвались даже при ударѣ въ бортъ, тогда какъ японскіе рвались даже объ воду, и осколки отъ ихъ недолетовъ осыпали борта нашихъ кораблей. Это происходило отъ плохого устройства нашихъ трубокъ, и несоразмѣрно приданнаго имъ замедленія разрыва.

Въ результатѣ, въ смыслѣ снарядовъ, война эта не дала ничего новаго и мы поплатились лишь за то, что не хотѣли прогрессировать въ мирное время.

Боевыя рубки.

Въ отношеніи бронированія, новымъ явился вопросъ о броневыхъ рубкахъ — никто не предполагалъ, что онѣ окажутся совершенно непригодными.

Причина этого — огромные просвѣты и грибовидная крышка, улавливающая осколки. Этотъ недосмотръ — иначе трудно его назвать — тѣмъ болѣе печаленъ, что этотъ большой просвѣтъ совершенно не нуженъ для того, чтобы хорошо видѣть. Для этого достаточна очень узкая щель, съ расширяющимися внаружу гранями. Осколки, попадая на эти наклонныя грани, будутъ отъ нихъ отражаться и едва ли даже попадутъ внутрь рубки. Наконецъ эти узкія щели могутъ задвигаться изнутри и открываться только съ той стороны куда нужно смотрѣть. Очевидно, что надъ устройствомъ боевыхъ рубокъ недостаточно думали, и именно эта война заставила дѣйствительно серьезно заняться этимъ вопросомъ.

Орудійные щиты.

Значеніе щитовъ у орудій для отраженія миноносцевъ остается не совсѣмъ опредѣленнымъ. Сущность въ томъ, что, какъ пришли къ этому и передъ войной, эти орудія въ бою между большими кораблями будутъ молчать, и что прислуга ихъ должна быть скрыта до сближенія на очень короткую дистанцію. Такъ это всѣ и дѣлали, за исключеніемъ „Громобоя", который оплатилъ эту ошибку десятками человѣческихъ жизней, которыя могли быть сохранены. А если это такъ, то орудія эти требуютъ лишь такъ называемыхъ обволакивающихъ щитовъ, которые главнымъ образомъ предназначены для защиты орудійныхъ механизмовъ. Если же признавать возможность дѣйствій такихъ орудій въ бою, то и обыкновенные щиты могутъ принести пользу, такъ какъ будутъ защищать людей отъ осколковъ, летящихъ съ воды отъ разрыва недолетовъ при ударѣ о воду. Но если этого нѣтъ, вѣсъ щитовъ лучше употребить на увеличеніе числа орудій, что увеличитъ живучесть этой артиллеріи, а именно въ живучести она и нуждается. Отражать миноносцы придется съ тѣмъ количествомъ пушекъ, которое осталось послѣ боя, а чѣмъ ихъ больше было, тѣмъ вѣроятно больше и останется.

Пожары.

Что-же касается до пожаровъ на броненосцахъ, то, съ самаго ихъ появленія въ составѣ флотовъ, было извѣстно что они горятъ, разъ есть чему на нихъ горѣть. Передъ самымъ появленіемъ броненосцевъ появились снаряды съ начинкой для прицѣльно стрѣляющихъ пушекъ (раньше они имѣлись только для мортиръ, которыхъ не было на линейныхъ корабляхъ), и съ тѣхъ поръ корабли горятъ во всѣхъ сраженіяхъ, тогда какъ въ періодъ паруснаго деревяннаго флота, пожары были очень рѣдки изъ за отсутствія такихъ снарядовъ. Поэтому китайцы въ 1894 году выбросили съ кораблей много дерева, а въ военно-морской литературѣ о вредѣ дерева исписаны цѣлые томы. На эскадрѣ Тихаго Океана еще въ 1900 году были разработаны подробныя

соображенія о томъ, что должно быть убрано съ кораблей передъ боемъ, чтобы избѣжать пожаровъ. А между тѣмъ лучшіе корабли 2 эскадры (типа „Суворовъ") представляли въ пространствѣ между башнями готовые грандіозные костры, и хотя нѣкоторые командиры и дѣлали попытки отъ нихъ освободиться, но имъ не было разрѣшено это сдѣлать.

Эскадренные броненосцы. Эта война вновь подтвердила, надо думать теперь уже съ полною ясностью для всѣхъ, что бой рѣшается эскадренными броненосцами и именно изъ кораблей этого типа должно состоять ядро всякаго флота. Это положеніе было ясно съ давнихъ поръ, съ самого момента появленія первыхъ мореходныхъ броненосцевъ, но многіе, опираясь яко-бы на отсутствіе боевого опыта, и на ненадежность результатовъ работы мирнаго времени, старались доказать, что можно имѣть могущественный флотъ за дешевую цѣну, составивъ его напр. изъ большихъ крейсеровъ спеціально для крейсерской войны, или изъ безбронныхъ небольшихъ крейсеровъ, долженствовавшихъ быть универсальными или изъ миноносцевъ, подводныхъ лодокъ и т. п... И не смотря на то, что эти увѣренія не имѣли подъ собой никакой почвы, кромѣ страстнаго желанія предлагавшихъ, чтобы это именно было такъ и ихъ легкомысленной увѣренности, что грядущая большая морская война должна непремѣнно опрокинуть все старое и дать нѣчто совсѣмъ новое,—не смотря на всю шаткость всего этого, эти идеи временно внѣдрились въ нѣкоторыхъ флотахъ и оказывали огромное вліяніе на ихъ составъ. И что больше всего увлекало—это дешевизна. Больше всего пострадали отъ этого флоты французскій и русскій. Въ первомъ взяла верхъ одно время, такъ называемая „молодая школа", а во второмъ, значительное время царствовало увлеченіе крейсерской войной, а потомъ во главѣ похода противъ броненосныхъ судовъ сталъ даже такой талантливый человѣкъ, какъ адмиралъ Макаровъ. Французы скоро разстались со своими увлеченіями, но у насъ они держались крѣпче, находя благодарную почву въ отсутствіи среди личнаго состава военнаго образованія и страстнаго увлеченія его исключительно техникой. Поэтому и эскадренные броненосцы появились у насъ сравнительно очень поздно, и еще передъ самой войной мы строили почти исключительно неброненосные крейсеры.

А между тѣмъ силу броненосныхъ кораблей неизмѣнно доказывалъ опытъ положительно всѣхъ столкновеній на морѣ, но его многіе все еще считали какъ-бы недостаточнымъ—все ждали большой морской войны между первоклассными морскими державами. И таковой явилась японо-русская война. И важность выводовъ ея не въ томъ, что они оказались чѣмъ либо новымъ, а въ томъ, что они оказались убѣдительными для всѣхъ, и надо надѣяться и для насъ.

Война подтвердила и другое положеніе о типѣ эскадреннаго броненосца—а именно, что онъ долженъ быть большого водоизмѣщенія, что всякая погоня за экономіей въ водоизмѣщеніи отдѣльныхъ кораблей, хотя-бы даже для увеличенія числа ихъ, ведетъ къ ослабленію флота, а не къ его усиленію, какъ это проповѣдывалось многими. Именно у насъ это положеніе доказывалъ талантливѣйшій строевой офицеръ и морской писатель — погибшій на „Рюрикѣ", капитанъ 2 ранга Хлодовскій, въ своей статьѣ „Законы развитія морской силы" (Морск. Сборн. 98 г.), но къ сожалѣнію его не послушали.

Что касается до выводовъ о вооруженіи и бронированіи эскадреннаго броненосца, какъ это было указано выше, и въ этомъ отношеніи война лишь подтвердила направленіе работы мирнаго времени.

Броненосные крейсеры.

Броненосные крейсеры у японцевъ занимали мѣсто въ боевой линіи. Это является вполнѣ понятнымъ, такъ какъ броненосные крейсеры—тѣ-же эскадренные броненосцы, только болѣе слабые. Кромѣ того у японцевъ было слишкомъ мало броненосцовъ—всего четыре. Русскіе не дѣлали того-же только потому, что броненосныхъ крейсеровъ у нихъ не оказалось, ни въ бою 28 іюля, ни 14 мая. Въ первомъ случаѣ — броненосные крейсеры оказались отдѣленными для второстепенной цѣли—крейсерской войны („Россія“, „Громобой“, „Рюрикъ“), а „Баянъ“ подорвался, тоже при преслѣдованіи второстепенной цѣли—содѣйствіи нашимъ войскамъ при защитѣ Портъ-Артура. При такихъ-же обстоятельствахъ подорвался потомъ вторично „Севастополь“, и для этого-же рисковали „Ретвизаномъ“ и кажется „Полтавой“. Это проистекало изъ убѣжденія, что флоту нашему изъ Портъ-Артура выходить для боя съ японскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ не нужно, и что главная его цѣль—защита крѣпости. На ложность этого принципа было уже достаточно указано въ своемъ мѣстѣ.

Должны-ли существовать оба типа корабля для эскадреннаго боя—эскадренный броненосецъ и броненосный крейсеръ, или они должны слиться въ одинъ—на этотъ вопросъ яснаго отвѣта эта война не дала. Причина этого—отсутствіе у одного изъ противниковъ (русскихъ) этого типа судовъ и полное отсутствіе со стороны тѣхъ-же русскихъ развѣдочной службы.

Благодаря первому обстоятельству, японцы могли вести всю развѣдочную службу посредствомъ бронепалубныхъ крейсеровъ и дѣйствительно ихъ броненосные крейсеры ни разу не являлись въ этой роли. Не пришлось имъ и поддерживать свои бронепалубные крейсеры во время ихъ развѣдокъ, такъ какъ русскіе не дѣлали никакихъ попытокъ воспрепятствовать работѣ японскихъ развѣдчиковъ. Вторая-же причина повела къ тому, что японскимъ броненоснымъ крейсерамъ не пришлось противодѣйствовать русскимъ развѣдчикамъ. А это непремѣнно имѣло-бы мѣсто, если-бы въ роли развѣдчиковъ появились-бы такіе крейсеры, какъ „Варягъ“, „Аскольдъ“, „Богатырь“, „Олегъ“, и даже типъ „Паллады“, не говоря ужъ конечно о русскихъ броненосныхъ крейсерахъ. А между тѣмъ невозможность для бронепалубныхъ крейсеровъ заставить отступить броненосный ярко сказалась во время спасенія „Баяномъ“ людей съ затонувшаго миноносца „Страшный“. Такъ-же точно „Баянъ“ удержалъ-бы свое мѣсто и при развѣдкѣ, и, чтобы его отогнать, непремѣнно пришлось-бы выслать броненосный крейсеръ

Такимъ образомъ въ этой войнѣ броненосные крейсеры не имѣли случая проявить себя въ развѣдочной службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ та-же война показала важное значеніе этой службы.

Съ другой стороны, бой 14 мая показалъ, какъ выгодно имѣть отрядъ боевыхъ судовъ, обладающихъ сравнительно большей скоростью, нежели ядро эскадры, чтобы быстро перебросить его туда, гдѣ это требуется по ходу боя. Русскіе этимъ не воспользовались, имѣя отрядъ быстроходныхъ броненосцевъ, Того-же два раза отдѣлялъ отрядъ броненосныхъ крейсеровъ для этой цѣли.

Изъ всего этого проистекаетъ, что броненосные крейсеры, какъ особый типъ, должны продолжать существовать.

Иначе говоря, въ составѣ эскадръ долженъ существовать отрядъ судовъ, способныхъ принимать участіе въ бою, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладающихъ большей скоростью, нежели эскадренные броненосцы, чтобы быстро передвигать его по мѣсту боя, и имѣющихъ сравнительно съ ними большій запасъ угля и лучшую мореходность, чтобы его можно было выслать для развѣдочной службы. Этими же качествами и опредѣляется отличіе броненоснаго крейсера отъ эскадреннаго броненосца. Но эти качества могутъ быть развиты лишь въ ущербъ силѣ артиллеріи и надежности бронированія—иначе пришлось бы увеличивать ихъ водоизмѣщеніе по сравненію съ эскадренными броненосцами. Во второмъ случаѣ дѣло свелось бы просто къ существованію двухъ типовъ эскадренныхъ броненосцевъ, различающихся лишь по скорости и раіону дѣйствій. Въ первомъ случаѣ артиллерія болѣе быстроходныхъ и дальноходныхъ броненосцевъ будетъ слабѣе.

Но такъ какъ эти броненосцы должны непремѣнно участвовать въ бою, то неразумно уменьшать силу ихъ артиллеріи за счетъ величины калибровъ орудій, и броню—за счетъ ея толщины, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Надо уменьшить лишь **число** орудій, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшится и вѣсъ брони, такъ какъ значительная ея часть идетъ именно на защиту артиллеріи. Эту экономію въ вѣсѣ и слѣдуетъ использовать для увеличенія силы машины и количества угля. Отсюда слѣдуетъ, что броненосный крейсеръ не долженъ уступать въ своемъ водоизмѣщеніи эскадренному броненосцу — только распредѣленіе грузовъ должно быть иное.

Какимъ бы путемъ ни былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ все равно, но необходимость двухъ типовъ боевыхъ эскадренныхъ судовъ, такъ или иначе, должна быть удовлетворена. Одинъ же изъ этихъ типовъ вполнѣ правильно будетъ назвать броненоснымъ крейсеромъ.

Бронепалубные крейсеры.

Что же касается до большихъ бронепалубныхъ крейсеровъ, то безполезность ихъ внѣ всякаго сомнѣнія, да объ этомъ и не стоитъ распространяться, такъ какъ это было рѣшено задолго еще до этой войны во всѣхъ флотахъ, за исключеніемъ, къ сожалѣнію, русскаго. Если японцы могли извлечь пользу изъ своихъ бронепалубныхъ крейсеровъ, притомъ въ большинствѣ старыхъ, то лишь потому, что у русскихъ не было броненосныхъ крейсеровъ.

Роль бронепалубныхъ крейсеровъ при развѣдкахъ могутъ съ тѣмъ же успѣхомъ выполнить большіе быстроходные вспомогательные крейсеры, опираясь на броненосные. Отрядъ такихъ судовъ находился при второй эскадрѣ, но изъ него никакого примѣненія, ни для развѣдочной службы, ни для демонстрацій, сдѣлано не было.

Минный крейсеръ.

Для мелкихъ бронепалубныхъ крейсеровъ, представителемъ которыхъ являлся въ этой войнѣ типъ „Новика“, намѣтилась вполнѣ опредѣленная для нихъ роль! Именно на нихъ ложится задача борьбы съ миноносцами противника и поддержки своихъ. Свою роль „истребителей“ суда, носившія это названіе, совершенно не оправдали и дѣйствовали они просто какъ обыкновенные миноносцы. У русскихъ только и были одни такъ называемые „истребители“, а у японцевъ было множество миноносцевъ небольшого размѣра и однако же ни одинъ „истребитель“ ни одного такого миноносца не уловилъ и не истребилъ.

Изъ типа „Новикъ", при нѣкоторомъ увеличеніи его водоизмѣщенія, спеціально для увеличенія его раіона дѣйствій, и предстоитъ выработаться типу „миннаго крейсера", который будетъ являться неизбѣжнымъ спутникомъ и противникомъ флотилій миноносцевъ. Эти же суда лучше всего могутъ выполнить функціи миннаго заградителя.

Эскадренные миноносцы.

Эскадренные миноносцы оказались слишкомъ малаго водоизмѣщенія—но увеличеніе его было уже намѣчено и въ значительной мѣрѣ осуществлено (напр. въ англійскомъ флотѣ) еще до войны.

Цѣлый рядъ чисто артиллерійскихъ боевъ между миноносцами показалъ важность и на этомъ типѣ сильнаго артиллерійскаго вооруженія. Хотя это оказалось съ первыхъ же дней войны, это не было принято во вниманіе при значительныхъ заказахъ для русскаго флота, сдѣланныхъ черезъ много мѣсяцевъ послѣ начала войны, и поэтому еще долгое время въ составѣ русскаго флота будутъ еще совсѣмъ новые эскадренные миноносцы и недостаточнаго водоизмѣщенія и недостаточно сильно вооруженные. Исключеніе изъ этого составляютъ только минныя суда, построенныя на добровольныя пожертвованія.

Артиллерія для борьбы съ миноносцами (карронады).

Въ виду того, что вслѣдствіе небольшой цѣли и болѣе значительной качки, миноносцы въ артиллерійскомъ бою не въ состояніи будутъ использовать всей дальности современныхъ длинныхъ пушекъ, увеличеніе калибра можетъ быть достигнуто на нихъ уменьшеніемъ длины ихъ орудій, выработавъ для нихъ нѣчто въ родѣ карронадъ временъ паруснаго флота.

Такія же карронады вѣроятно окажутся наиболѣе пригодными для замѣны теперешней артиллеріи, предназначавшейся для уничтоженія миноносцевъ. Такимъ образомъ на спардекахъ большихъ кораблей, на минныхъ крейсерахъ и на миноносцахъ карронада можетъ явиться наивыгоднѣйшимъ оружіемъ.

Теперь для уничтоженія миноносцевъ проектируютъ ставить 4″7 пушки. А между тѣмъ 6″ скорострѣльная пушка длиною въ 10 калибровъ, съ тѣмъ же вѣсомъ снаряда, что и у длинной пушки этого калибра, но начальной его скоростью лишь въ 853 фута, вѣситъ вмѣстѣ съ установкой, почти вдвое меньше, нежели 4,″ 7 пушка въ 45 калибровъ длиной. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первая пушка, въ двойномъ количествѣ, окажется несравненно выгоднѣе второй. Къ тому-же на большихъ судахъ эти пушки могутъ сыграть роль мортиръ, что также очень можетъ пригодиться въ морской войнѣ.

Такія пушки уже имѣются и были выставлены заводомъ Шнейдеръ Канэ еще на всемірной парижской выставкѣ 1900 г., а потому на нихъ и указывается. Конечно между длиною въ 10 и 50 калибровъ можетъ быть много варіацій, и какая изъ нихъ наивыгоднѣйшая, покажетъ тщательное изученіе этого вопроса. Здѣсь же указывается только на идею короченныхъ пушекъ, спеціально для борьбы съ миноносцами.

На эту идею тоже указывалось еще до войны *).

Значеніе миноносцевъ.

Въ общемъ, миноносцы сохранили то значеніе, которое имъ придавали и до войны. Главная ихъ роль—защита побережья, воспрепятствованіе блокадѣ, первая линія при

*) Современная морская артиллерія, стр. 67.

блокадѣ со стороны блокирующаго, а въ бою—уничтоженіе послѣ боя непріятельскихъ кораблей, приведенныхъ уже почти въ безпомощное состояніе.

Подводныя лодки. Подводныя лодки появились у противниковъ только къ концу войны и ни разу не были пущены въ дѣло. Весьма вѣроятно, что таковыя имѣлись у японцевъ 14 мая, но вслѣдствіе свѣжей погоды имъ не удалось принять участія въ бою.

Наилучшая обстановка для дѣйствій подводныхъ лодокъ была при блокадѣ Портъ-Артура, и если-бы въ это время онѣ имѣлись у насъ или у японцевъ, можно было-бы получить не мало весьма цѣнныхъ указаній для дальнѣйшей разработки этого типа судовъ.

Теперь же приходится довольствоваться работой въ этомъ направленіи мирнаго времени, но все предыдущее изслѣдованіе показываетъ, что такая работа, поставленная правильно, приводитъ всегда къ вѣрнымъ результатамъ, которые вполнѣ оправдываются послѣдующимъ боевымъ опытомъ. Такъ это будетъ вѣроятно и съ подводными лодками.

Одно положеніе о подводныхъ лодкахъ, къ которому пришли еще до войны, собственно поспѣло уже оправдаться и во время этой войны. Это огромная трудность создать личный составъ для подводныхъ лодокъ. Вслѣдствіе этого главнымъ образомъ и не удалось, вѣроятно, пустить эти лодки въ дѣло. Купить готовыя подводныя лодки и, въ особенности, для японцевъ (напр. въ Америкѣ), можно было легко и въ самомъ началѣ войны. Доставка ихъ въ Дальній тоже для нихъ не составляла никакихъ затрудненій, но вотъ обучить личный составъ—этого они сдѣлать не поспѣли. Иначе „Севастополь" непремѣнно былъ-бы взорванъ подводной лодкой. Также и наши подводныя лодки во Владивостокѣ. Онѣ прибыли туда зимой, въ самомъ началѣ 1905 года, и контръ-адмиралъ Іессенъ даже доносилъ главнокомандующему, что съ открытіемъ навигаціи онъ вышлетъ подводныя лодки къ берегамъ Японіи. Но на дѣлѣ оказалось, что этого сдѣлать было нельзя—надо было еще создавать для нихъ личный составъ.

Въ будущемъ-же успѣхъ и развитіе подводныхъ лодокъ непосредственно связаны съ вопросами о возможности броненосцамъ справляться съ минными пробоинами и съ вѣроятностью попаданія минами съ подводныхъ лодокъ. На оба эти вопроса война пока дала отвѣты не особенно утѣшительные для подводныхъ лодокъ. Едва-ли можно утверждать, что съ подводной лодки легче попасть миной, нежели съ миноносца, принимая даже во вниманіе, что, вслѣдствіе сравнительной безопасности, личный составъ на первой будетъ дѣйствовать хладнокровнѣе, и днемъ вмѣсто ночи. Все таки подводная лодка всегда будетъ значительно уступать надводному кораблю въ скорости, только вслѣдствіе того, что она движется подъ водой, и никогда никакой перископъ не сможетъ замѣнить непосредственнаго зрѣнія, да еще въ томъ случаѣ, когда приходится оцѣнивать на глазъ курсъ и скорость цѣли—а между тѣмъ отъ вѣрности этой оцѣнки и зависитъ почти цѣликомъ вѣроятность попаданія миной.

Между тѣмъ вѣроятность попаданія минами оказалось во время этой войны очень малой и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда миноносцы почти и даже совсѣмъ не обстрѣливались, какъ это было напр. съ большинствомъ кораблей въ ночь съ 28 на 29 іюля.

Живучесть кораблей.

Что-же касается до живучести кораблей, то она оказалась огромной. Большая часть кораблей подорванных минами удержалась на водѣ. Изъ большихъ судовъ немедленно пошли ко дну только „Петропавловскъ“ и „Хатсусе“, но на обоихъ наблюдался рядъ послѣдовательныхъ внутреннихъ взрывовъ, и значитъ не минная пробоина послужила непосредственной причиной ихъ потопленія. Случалось, что удерживались на водѣ, послѣ взрыва подъ ними мины, даже корабли небольшого водоизмѣщенія, напр. „Бояринъ“ и нѣкоторые изъ эскадренныхъ миноносцевъ. Это значитъ, что внутреннее устройство кораблей, въ смыслѣ борьбы ихъ съ подводными пробоинами сдѣлало огромный шагъ впередъ. И при этомъ необходимо замѣтить, что все таки на этотъ вопросъ сравнительно обращено было очень мало вниманія. Теперь-же, когда такое большое число кораблей пострадало отъ минъ, начнутъ усиленно работать надъ защитой подводной части и спеціально на это будутъ удѣлять значительную часть водоизмѣщенія, и спеціально въ этихъ видахъ его будутъ увеличивать.

Если это не удастся, если при этомъ вѣроятность попаданія минами значительно повысится, надводному флоту придется уступить свое мѣсто подводному, но пока нѣтъ никакихъ признаковъ что это будетъ такъ. Гораздо вѣроятнѣе, что корабли достигнутъ еще болѣе значительной степени непотопляемости, чѣмъ теперь, и борьба надводнаго флота съ подводнымъ затянется на долгое время, — быть можетъ до того момента, когда, какъ тому, такъ и другому придется уступить свое мѣсто идеальному флоту—воздушному. Пока-же подводный флотъ еще на долгое время обреченъ на то, чтобы играть только второстепенную роль. Лихорадочная постройка огромныхъ броненосцевъ послѣ этой войны показываетъ, что всѣ націи одинаково вѣрно оцѣнили ея результаты.

Возвращаясь къ живучести броненосцевъ, надо отмѣтить, что она оказалась превосходной и противъ артиллеріи, разъ были дѣйствительно приняты во вниманіе всѣ выработанныя еще въ мирное время указанія для надежной защиты кораблей и предохраненія ихъ отъ пожара. Погибшіе отъ артиллерійскаго огня „Ослябя“, и корабли типа „Бородино“ лучше всего подтверждаютъ это положеніе. Еще въ 1896 г. французскій кораблестроитель Bertin старался доказать, какое огромное значеніе имѣетъ надежная защита ватерлиніи, и какую страшную опасность представляютъ при кренѣ, пробоины и всякія отверстія выше ватерлиніи, но къ ней близкія. Онъ прямо предупреждалъ, что большинство существовавшихъ въ то время броненосцевъ должны опрокинуться въ бою. Такъ и оказалось. У „Осляби“ была разбита небронированная носовая часть ватерлиніи, а на броненосцахъ типа „Бородино“ фатальную роль сыграли огромная перегрузка и предательско низко расположенные порта 3 дюймовыхъ пушекъ. Тамъ-же гдѣ была броня, она свое назначеніе оправдала вполнѣ и воды внутрь корабля не пустила, именно въ самое опасное для него мѣсто – на броневую палубу. Страшные-же пожары явились прямымъ послѣдствіемъ того, что не было сброшено лишнее дерево и шлюпки.

Заключеніе.

Вотъ тѣ общіе выводы, которые можно сдѣлать изъ этой войны, основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя доступны всѣмъ. И въ этихъ общихъ

выводахъ нѣтъ ничего новаго — только еще разъ подтверждено, что, правильно поставленная и основанная на тщательномъ изученіи прошлаго и теоріи и практики военнаго дѣла, работа мирнаго времени—надежный залогъ побѣды.

Въ отношеніи различныхъ детальныхъ техническихъ приспособленій конечно боевой опытъ далъ цѣлый рядъ новыхъ драгоцѣнныхъ указаній, но входить въ ихъ разсмотрѣніе не составляетъ задачу настоящаго очерка, да для этого нѣтъ и достаточнаго матеріала, который можно было-бы считать подлежащимъ объявленію во всеобщее свѣдѣніе. Надо надѣяться, что именно русскій флотъ, добывшій эти указанія огромной цѣной, первый ими воспользуется.

Вновь также подтверждена старая истина, что все зависитъ отъ личнаго состава, что онъ долженъ обладать солиднымъ военнымъ и техническимъ образованіемъ и воспитываться на постоянно (круглый годъ) плавающихъ эскадрахъ, и что, какъ-бы ни велики были на это затраты—онѣ сторицей окупятся во время войны. Подтвердилось также огромное значеніе правильной организаціи высшаго командованія и таланта и военныхъ познаній флотоводцевъ. Все это истины старыя какъ міръ, тѣ-же самыя, какъ для войны на сушѣ, такъ и на морѣ, которыми однако сплошь и рядомъ пренебрегаютъ, и когда за это жестоко платятся, еще часто не хотятъ видѣть въ чемъ причина катастрофы.

Относительно значенія командиаго персонала не надо никогда забывать слова Леера, приведенныя ниже.

„Считаю долгомъ" говоритъ онъ *), „поставить еще и еще разъ въ особенности на видъ первостепенную важность **командиаго элемента** въ арміи, **начальствованія** надъ войсками, **руководительства** ими; въ немъ заключается главная причина (причина всѣхъ причинъ) успѣховъ или неудачъ на войнѣ".

„На войнѣ, главное значеніе принадлежитъ **моральнымъ, духовнымъ** средствамъ, т. е. человѣку. Тамъ, гдѣ онъ лучше (обученъ и воспитанъ въ **военномъ** отношеніи), тамъ долженъ быть и успѣхъ. Вотъ гдѣ вѣрнѣйшее средство нарушить равновѣсіе въ свою пользу и склонить успѣхъ на свою сторону; но и тутъ, какъ показываетъ военная исторія, нужно отличать **человѣка-солдата** отъ **человѣка-начальника** (въ особенности теперь). Человѣкъ-солдатъ болѣе или менѣе вездѣ былъ и есть одинаковъ съ точки **военнаго духа** (разница нѣкоторая только въ отношеніи **народнаго духа и воинственнаго духа**). Всѣ европейскія арміи дрались и дерутся одинаково хорошо. Каждая изъ нихъ, **при одномъ и томъ же человѣкѣ-солдатѣ**, одерживала побѣды и несла пораженія, имѣла свои дни славы и омраченія, въ **зависимости отъ того, какъ арміей управляли, какъ вели ее**, отъ генія и таланта **человѣка-начальника**, отъ генерала, полководца, отъ **степени ихъ подготовки. Начальствующій персоналъ** и является главнымъ носителемъ и выразителемъ духовнаго начала, отъ котораго на 3/4 зависитъ успѣхъ на войнѣ. Въ немъ коренится и коренилась всегда главная причина успѣховъ и неудачъ на войнѣ. Вотъ на что должно быть обращено особенное вниманіе теперь, помня, что подготовка начальниковъ, какъ и всякаго рода под-

*) Стратегія. Часть I, стр. 432, изд. 1893 г. Курсивъ подлинника.

готовка въ духовномъ отношеніи, какъ дѣло **воспитанія**, является не только дѣломъ многотруднымъ (даже самымъ труднымъ), но и въ то же время — дѣломъ **многолѣтнимъ**, задачею нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній. Та армія, которая превзойдетъ въ этомъ отношеніи другія арміи, будетъ имѣть и всѣ шансы на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что сравниться съ нею въ этомъ, въ относительно короткій срокъ, какъ то возможно въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ, едва ли мыслимо!"

„Я не могу лучше закончить изслѣдованіе вопроса объ управленіи арміями, какъ слѣдующими словами Наполеона I: „... не римскіе легіоны овладѣли Галліей, а Цезарь; не карфагенскія войска заставили трепетать Римъ, а Аннибалъ; не македонская фаланга проникла до Инда, а Александръ; не французская армія доходила до Везера и до Инна, а Тюреннъ; не прусскія войска 7 лѣтъ защищали Пруссію противъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, а Фридрихъ Великій".

Едва ли стоитъ говорить, на сколько слова Леера оказались пророческими относительно операцій на сухомъ пути во время этой войны. Можетъ у нѣкоторыхъ только явиться вопросъ — приложимы ли эти разсужденія къ морской войнѣ? Но кажется вѣдь никто не споритъ, что и въ морской войнѣ все зависитъ отъ личнаго состава, и остается выяснить, на столько ли изъ общей роли личнаго состава выдѣляется роль флотоводца? Безпристрастная исторія даетъ на это отвѣтъ вполнѣ опредѣленный.

Адмиралы, которые побѣждали, внѣ зависимости отъ эпохи, національности и обстановки, въ которой они дѣйствовали (Ѳемистоклъ и Форміо, Рюйтеръ и Турвиль, Нельсонъ и Сюфренъ, Ушаковъ и Сенявинъ), дали образцы высокаго искусства въ стратегіи и въ тактикѣ. И далеко не всегда, не только матеріальная часть, но и качество личнаго состава были на сторонѣ побѣдителей.

Ѳемистоклъ побѣждалъ съ малочисленнымъ, плохо обученнымъ, наскоро организованнымъ и совсѣмъ неопытнымъ флотомъ. Сюфренъ командовалъ эскадрой изъ очень плохихъ кораблей, дурно снабженныхъ, съ отвратительнымъ личнымъ составомъ, и у него не было **ни одной базы**, когда онъ началъ свои операціи.

Большая часть кораблей Ушакова собственно и кораблями не могли называться—боевая его линія состояла на половину изъ фрегатовъ; притомъ эти корабли уступали турецкимъ и въ ходѣ и въ количествѣ и качествѣ артиллеріи. Кромѣ того Ушакову приходилось выдерживать борьбу и со своимъ личнымъ составомъ, который относился къ нему несочувственно, какъ къ новатору въ пріемахъ морской войны.

Знаменитая кампанія Сенявина въ Средиземномъ морѣ протекла въ то время, когда русскій флотъ находился въ полномъ упадкѣ. Извѣстный военный историкъ М. И. Богдановичъ, о состояніи флота въ царствованіе Александра I, пишетъ: „Безпрестанныя войны, веденныя Россіей съ 1805 по 1815 годъ, заставя правительство обратить исключительное вниманіе на умноженіе и содержаніе военно-сухопутныхъ силъ, были причиною тому, что нашъ флотъ оставался въ небреженіи. Исправленіе старыхъ кораблей и постройка новыхъ почти совершенно прекратилась, по недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе флота. Наши моряки, выходя изъ портовъ съ ветхими судами, едва могшими держаться въ

морѣ, дѣйствовали успѣшно противъ шведовъ въ Балтійскомъ морѣ и противъ турокъ въ Архипелагѣ, но такое состояніе флота угрожало совершеннымъ разрушеніемъ нашей морской силы".

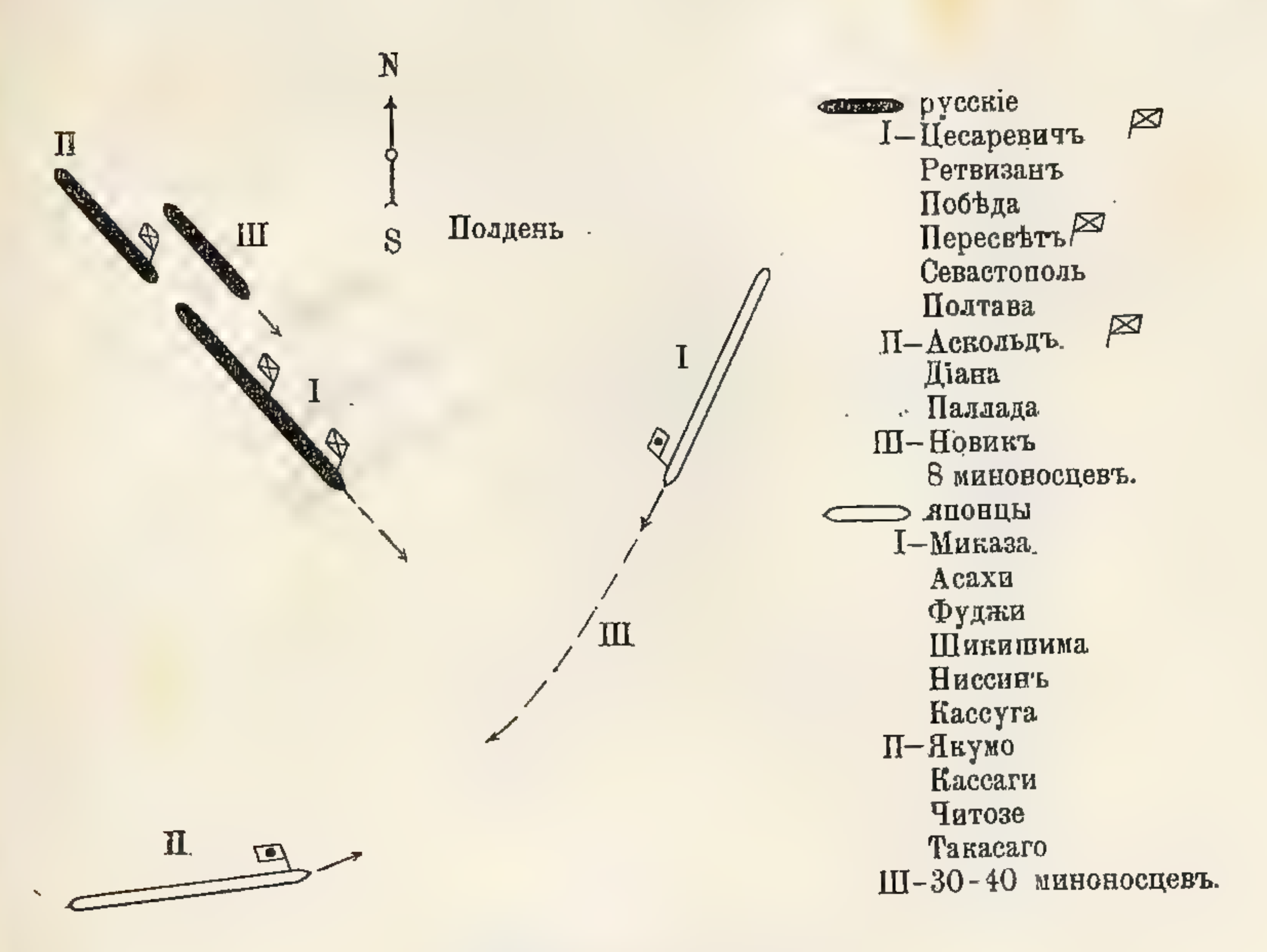
Но во главѣ этого флота стоялъ Сенявинъ и онъ побѣждалъ.

И такихъ примѣровъ въ исторіи флотовъ можно привести сколько угодно.

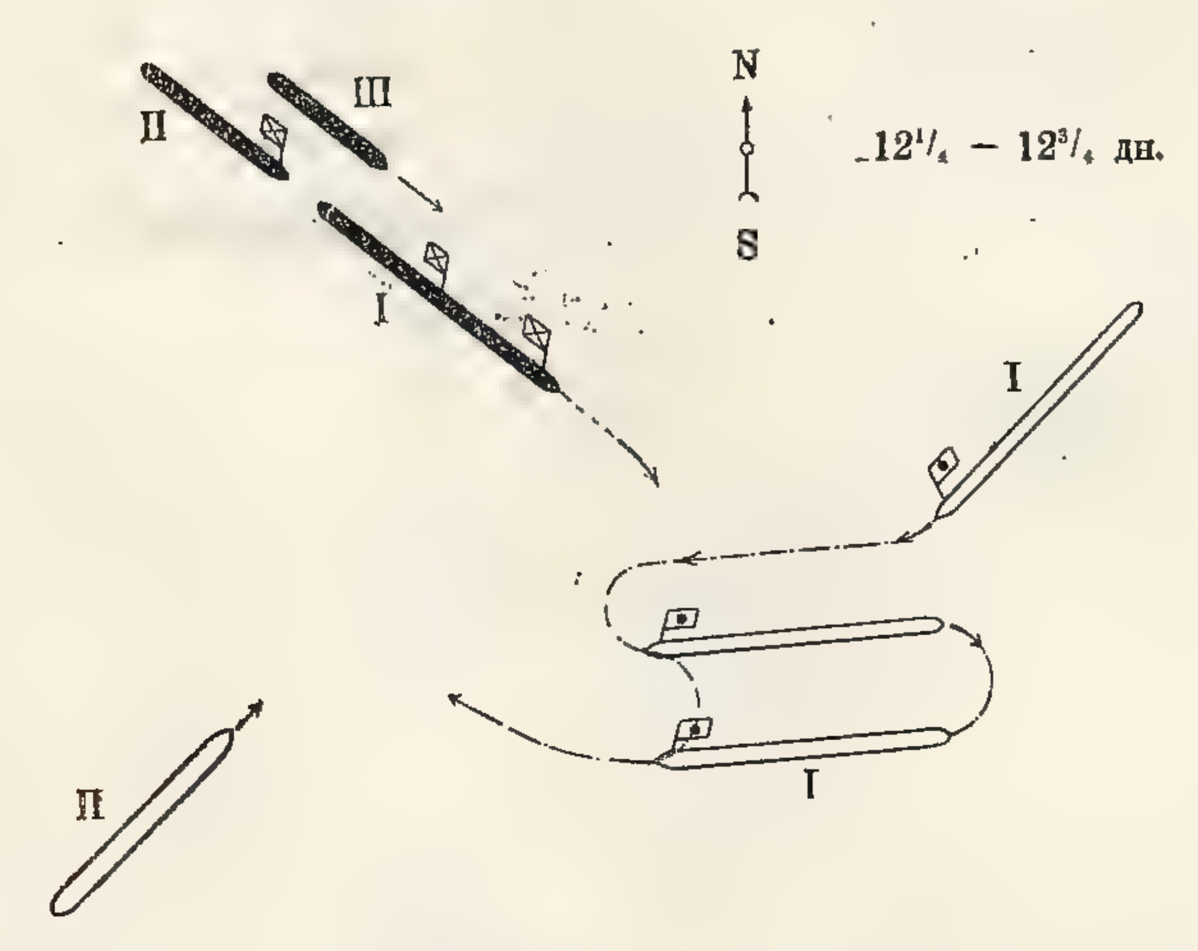
Такъ не будемте же забывать — 3/4 успѣха на войнѣ зависитъ отъ духовнаго начала, а главнымъ его носителемъ и выразителемъ является **начальствующій персоналъ.**

Н. Кладо.

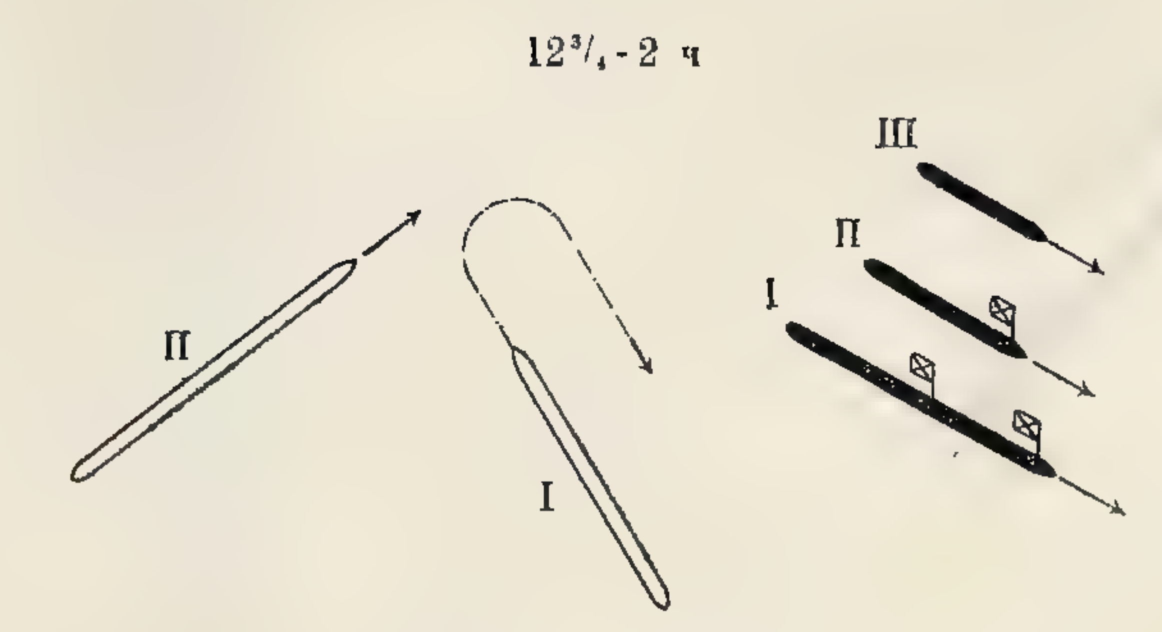

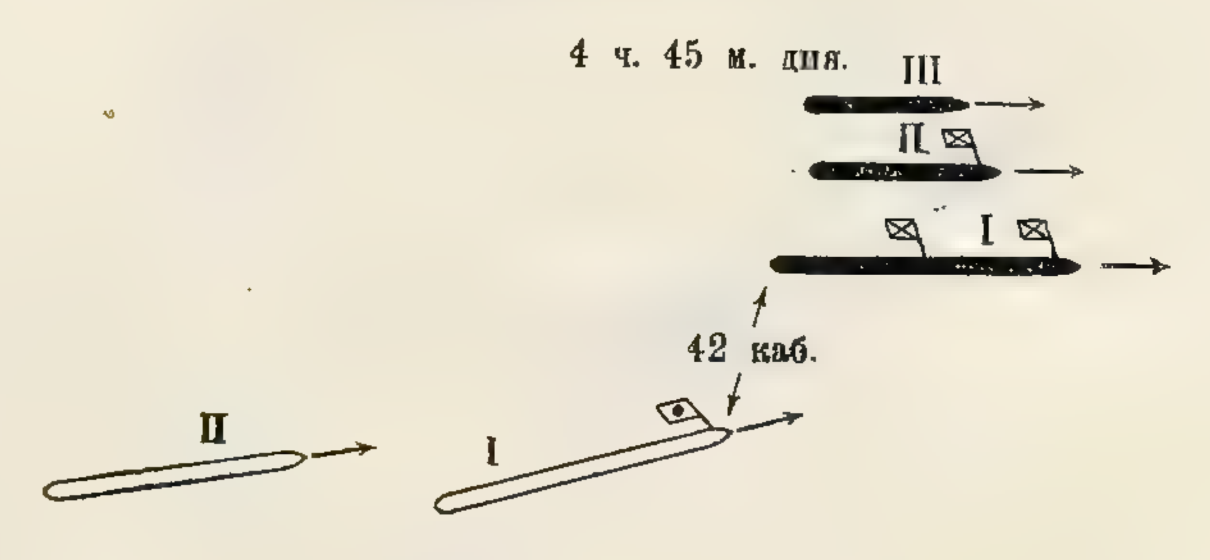
Черт. 1 — къ стр. 42.

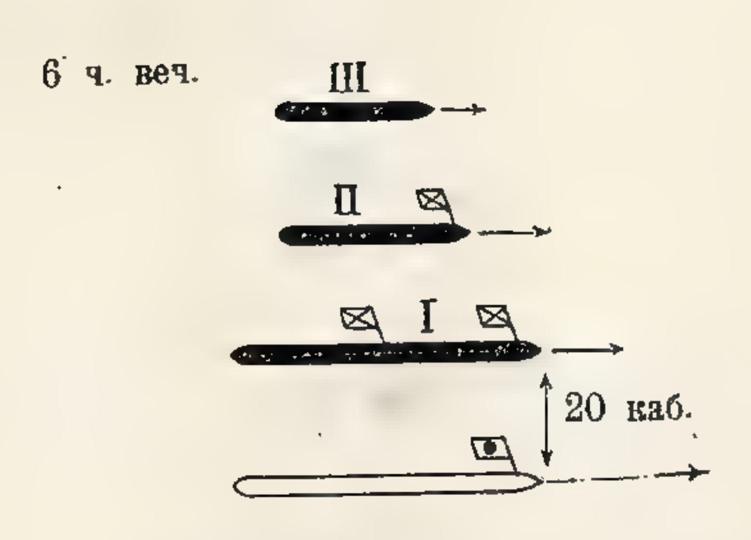
Черт. 2 — къ стр. 43.

Черт. 3 — къ стр. 43.

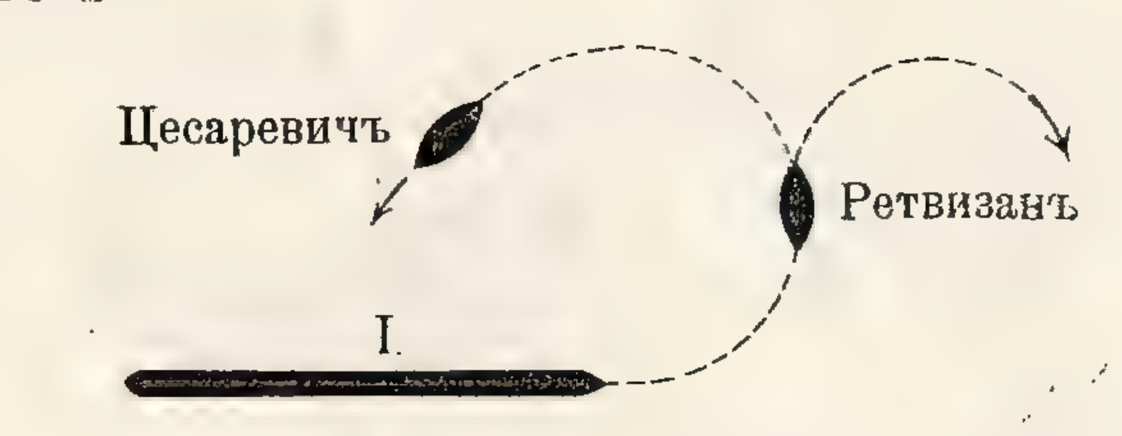

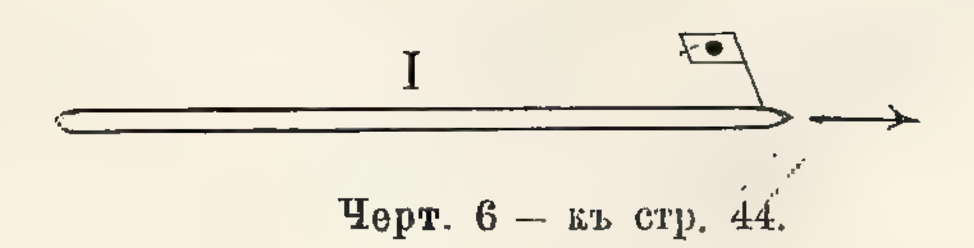
Черт. 4 — къ стр. 43.

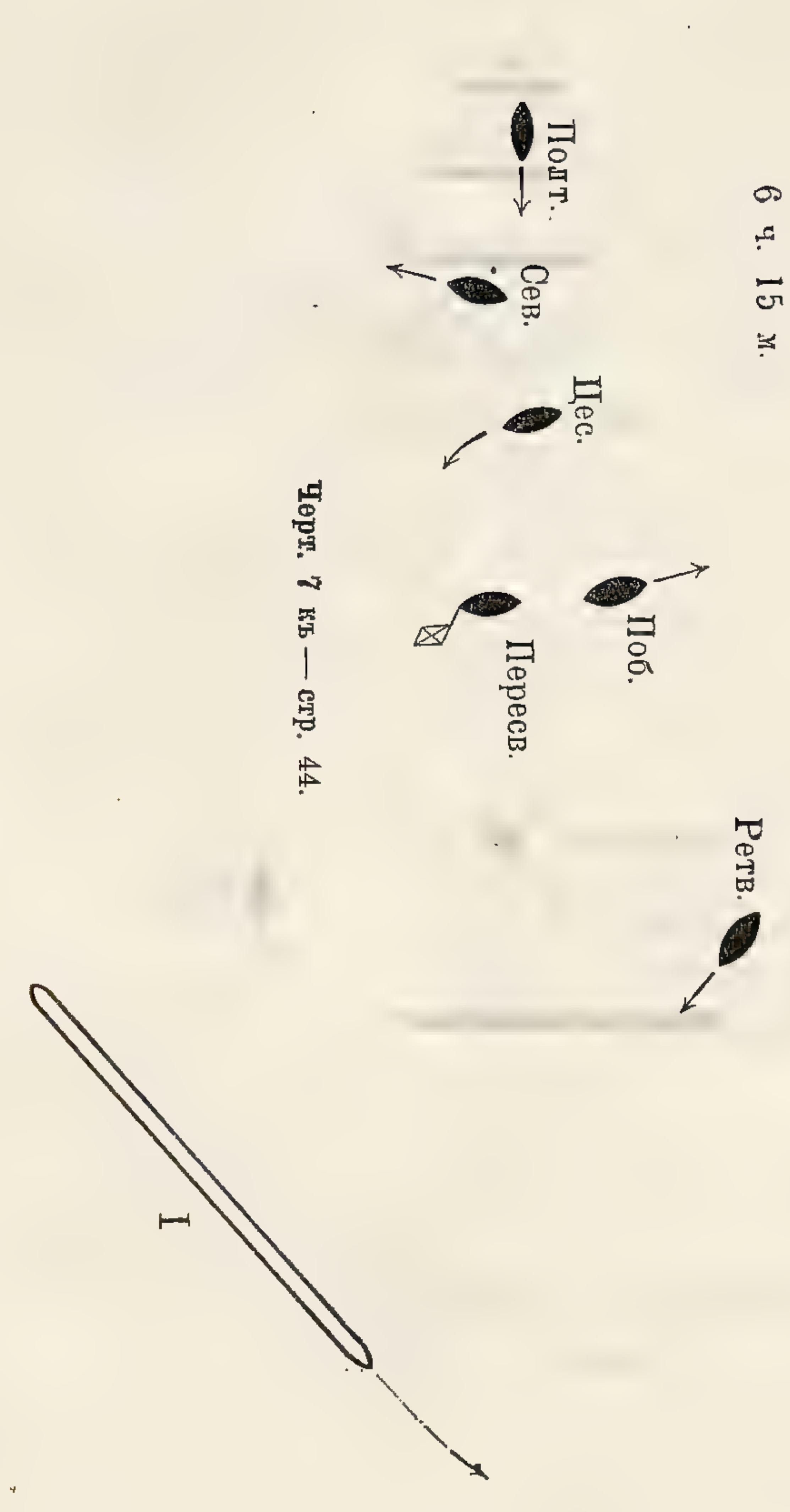
Черт. 5 — къ стр. 43.

6 ч. 10 м.

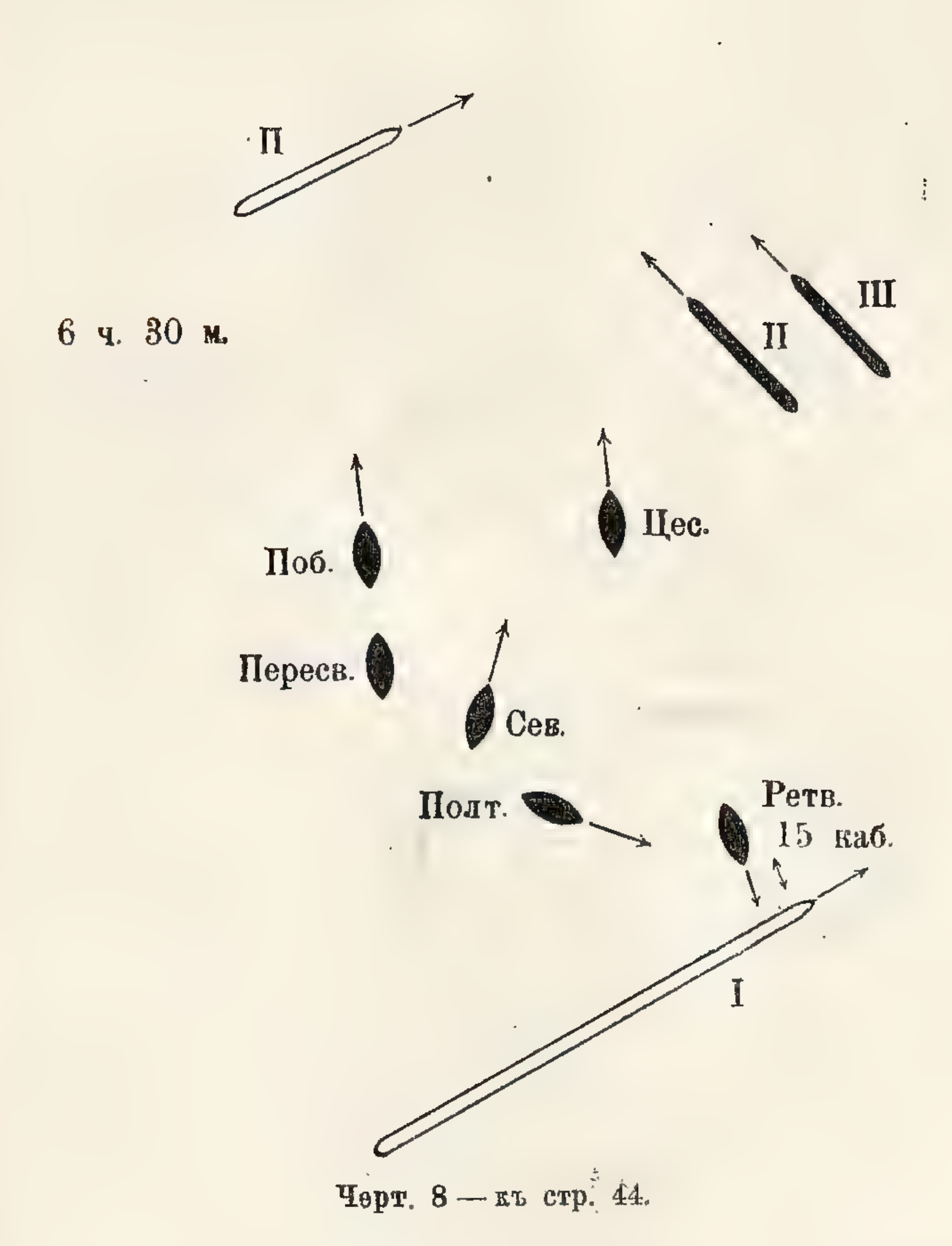

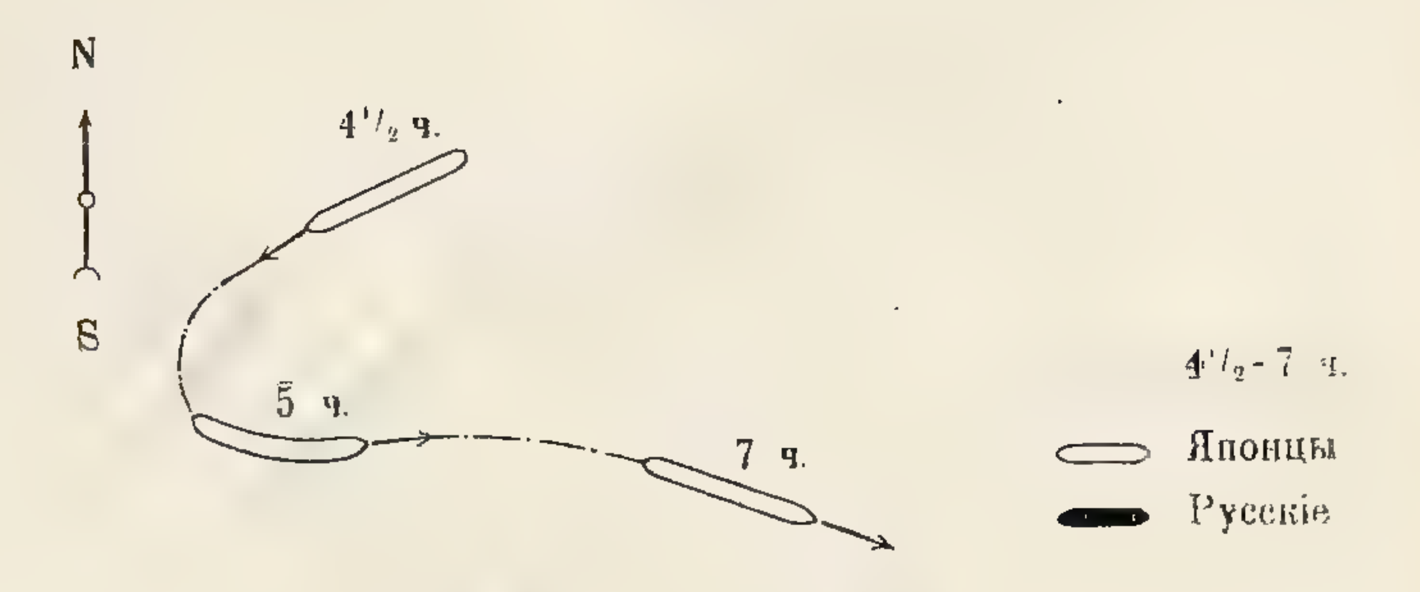
Черт. 6 — къ стр. 44.

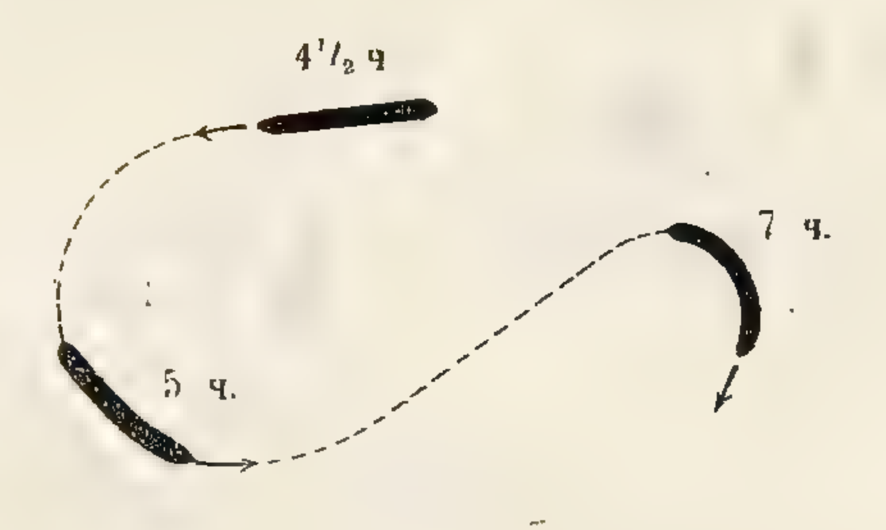

Черт. 7 къ — стр. 44.

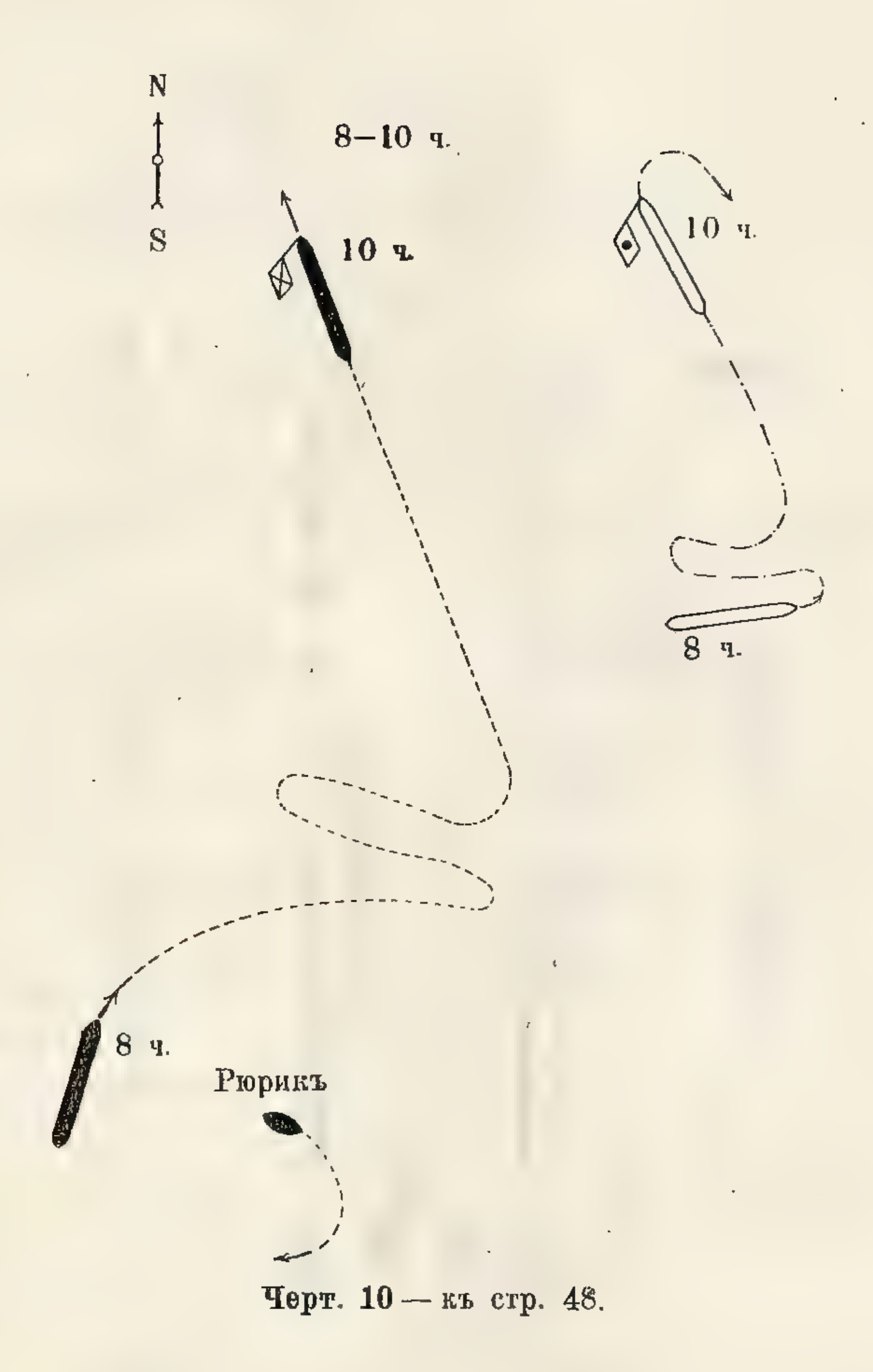
Черт. 8 — къ стр. 44.

Нанива.

Черт. 9 — къ стр. 48.

Черт. 10 — къ стр. 48.

Дневной походный порядокъ.

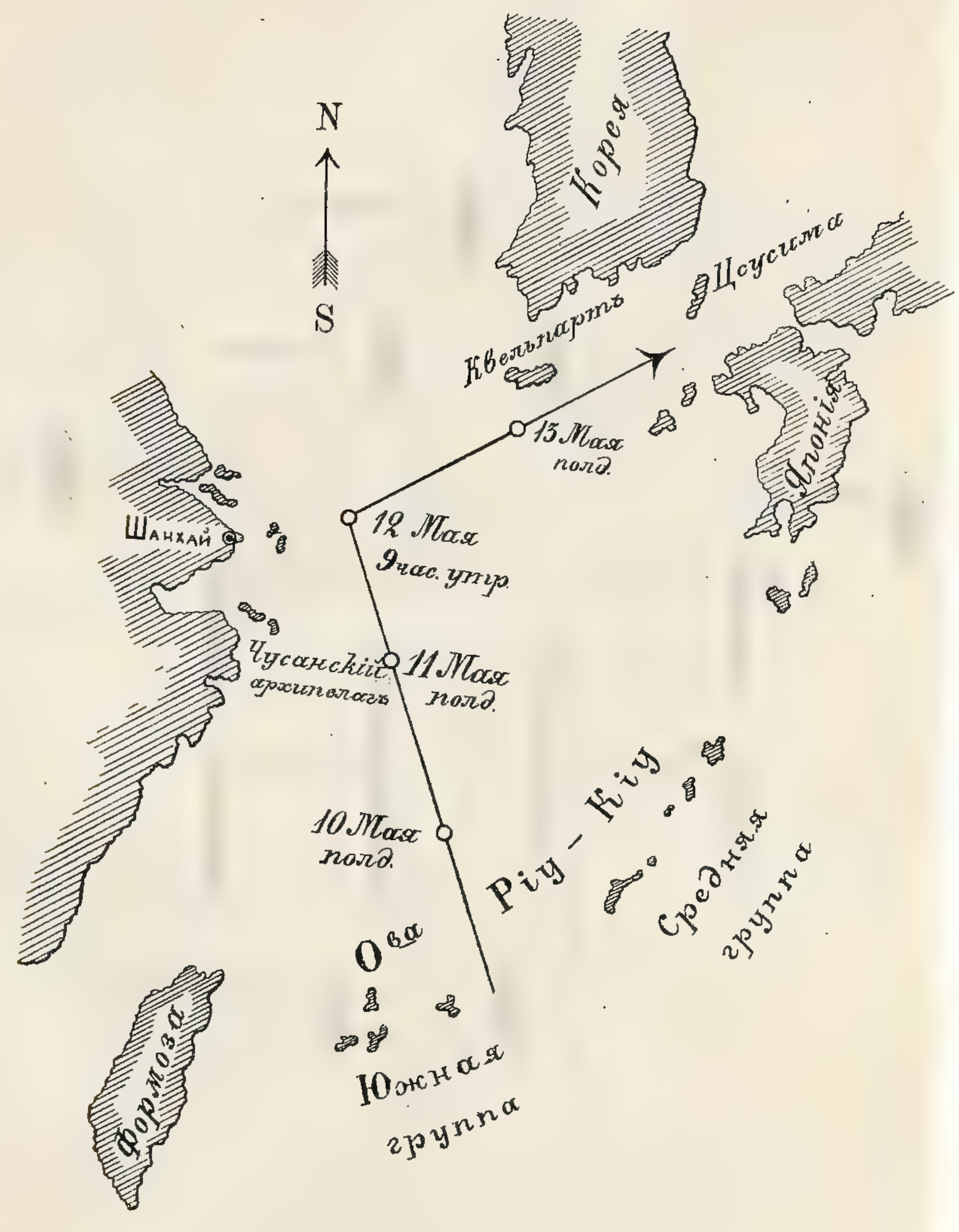
Небогатовъ

Миноносцы на буксирѣ транспортовъ. Ночью разстояніе между колоннами боевыхъ судовъ увеличивалось вдвое и между ними входили двѣ колоцны транспортовъ.

Черт. 11 — къ стр. 72—75.

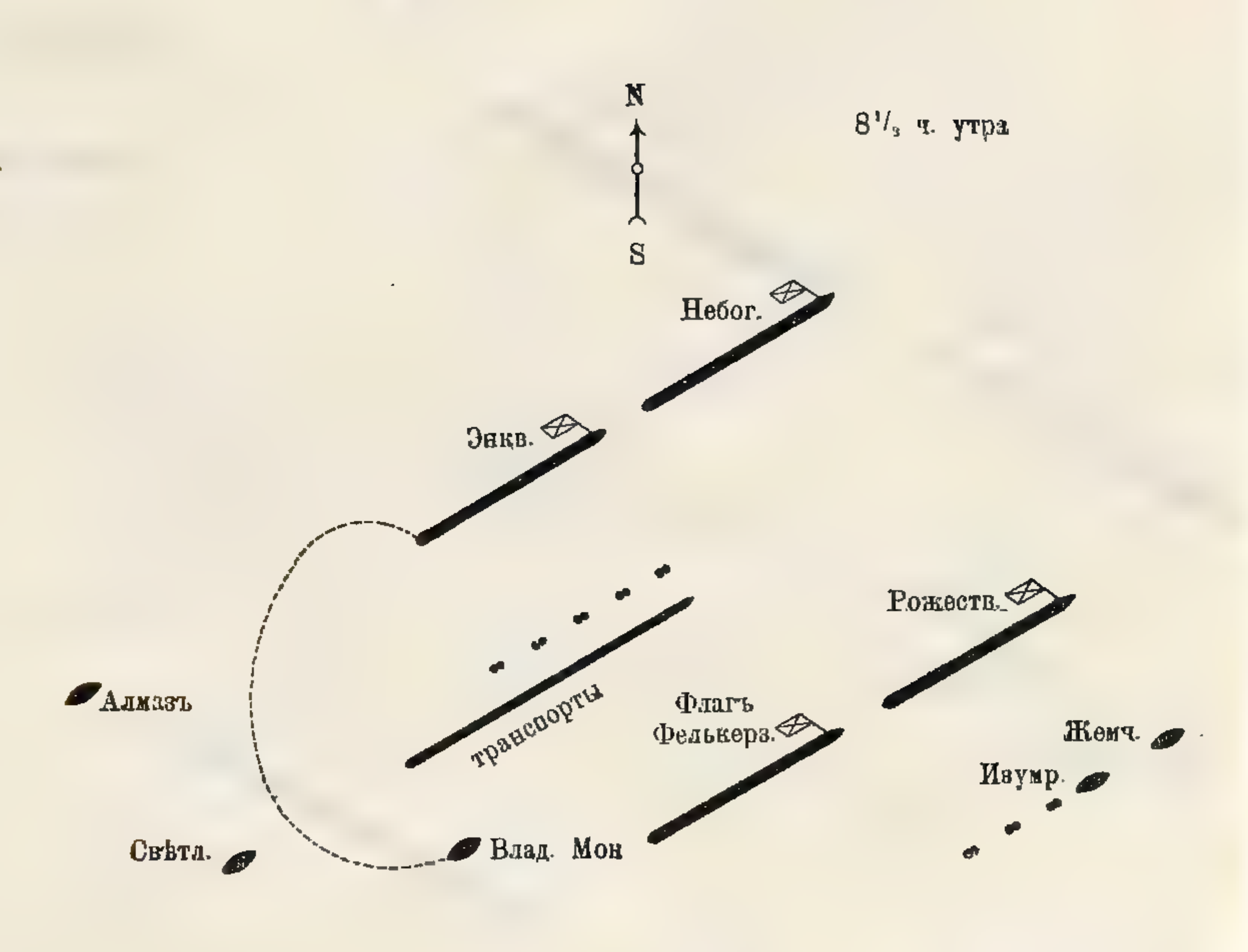
Черт. 12 — къ стр. 78.

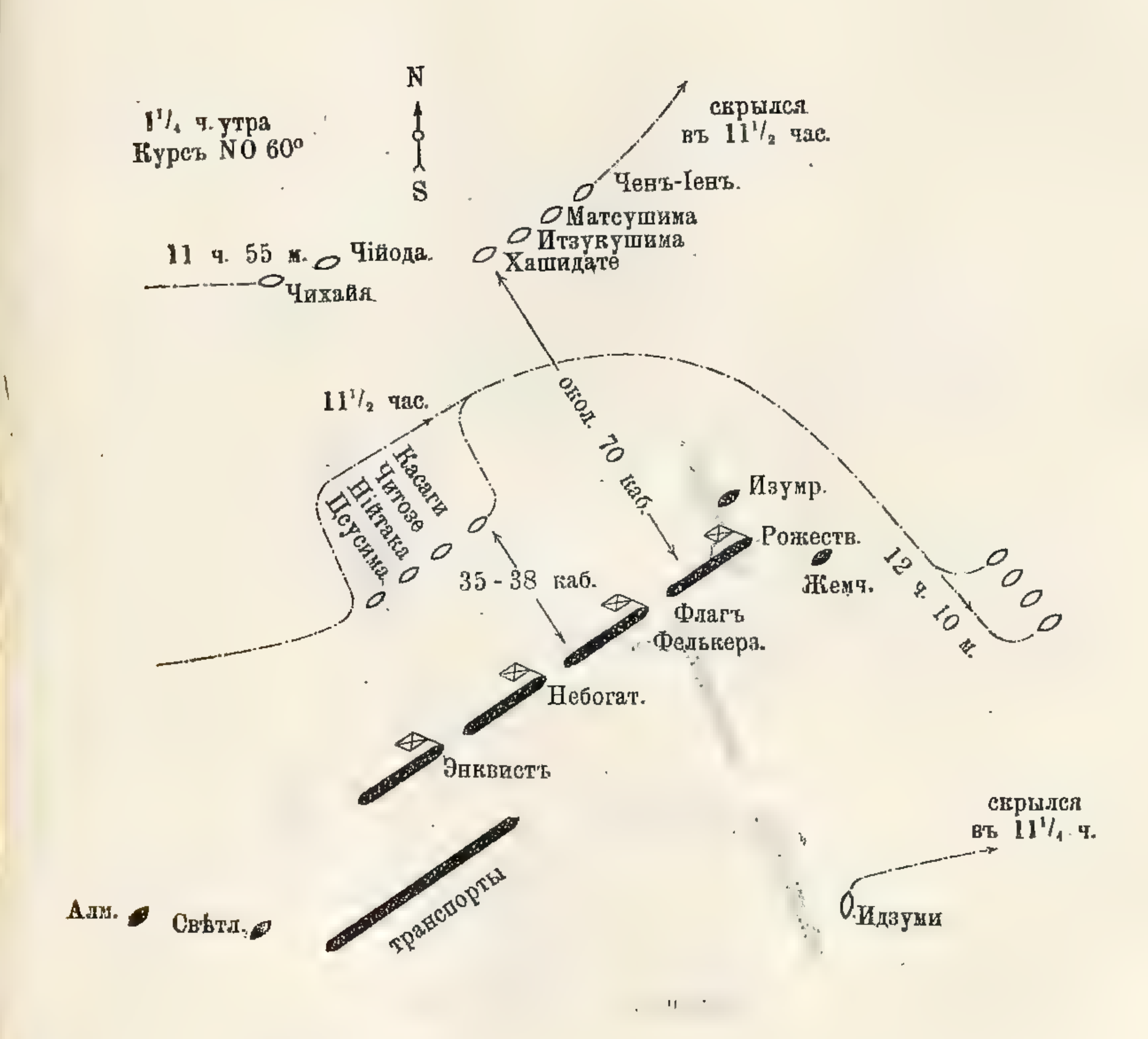
Черт. 13 — къ стр. 78.

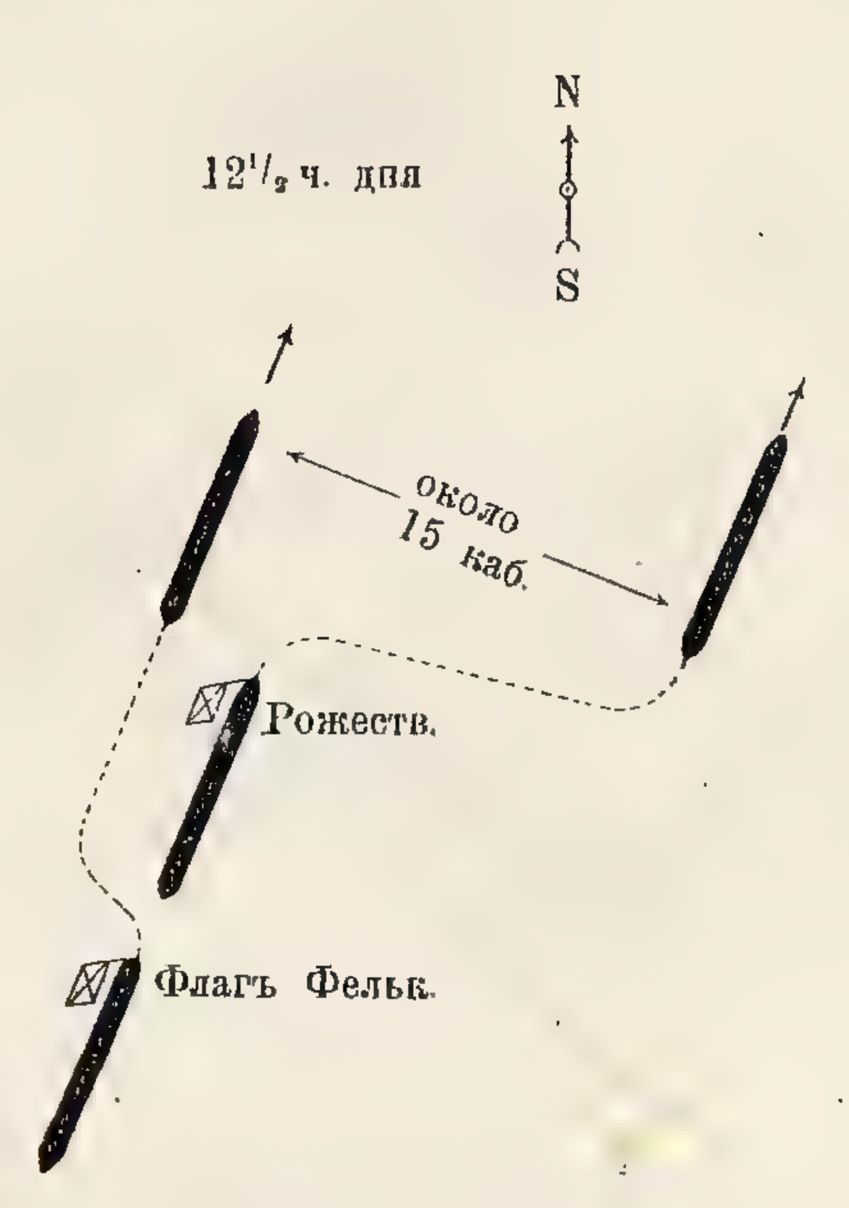
Черт. **14** — къ стр. 83.

Черт. 15 — къ стр. 84.

Черт. 16 — къ стр. 84.

Черт. 17 — къ стр. 84.

1 ч. 15 м.
9 узл.

N

S.

Рожеств.

ок. 15 каб.

Флагъ Фельк.

Небогат.

Жемч.

Изумр.

Энквистъ

транспорты

Свѣтл.

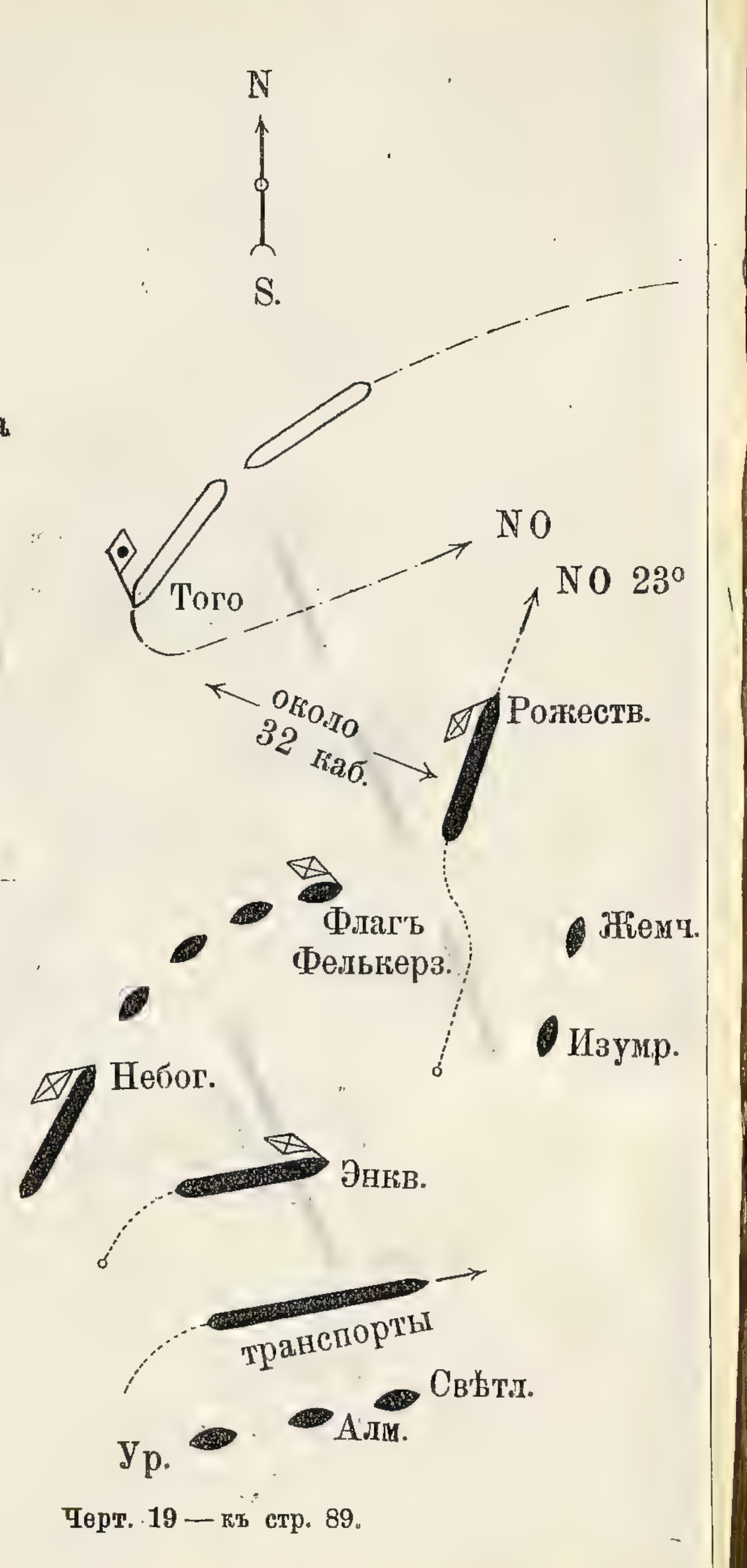
Алм.

Уралъ

Черт. 18 — къ стр. 85.

1 ч. 50 м.
Суворовъ
открылъ огонь.

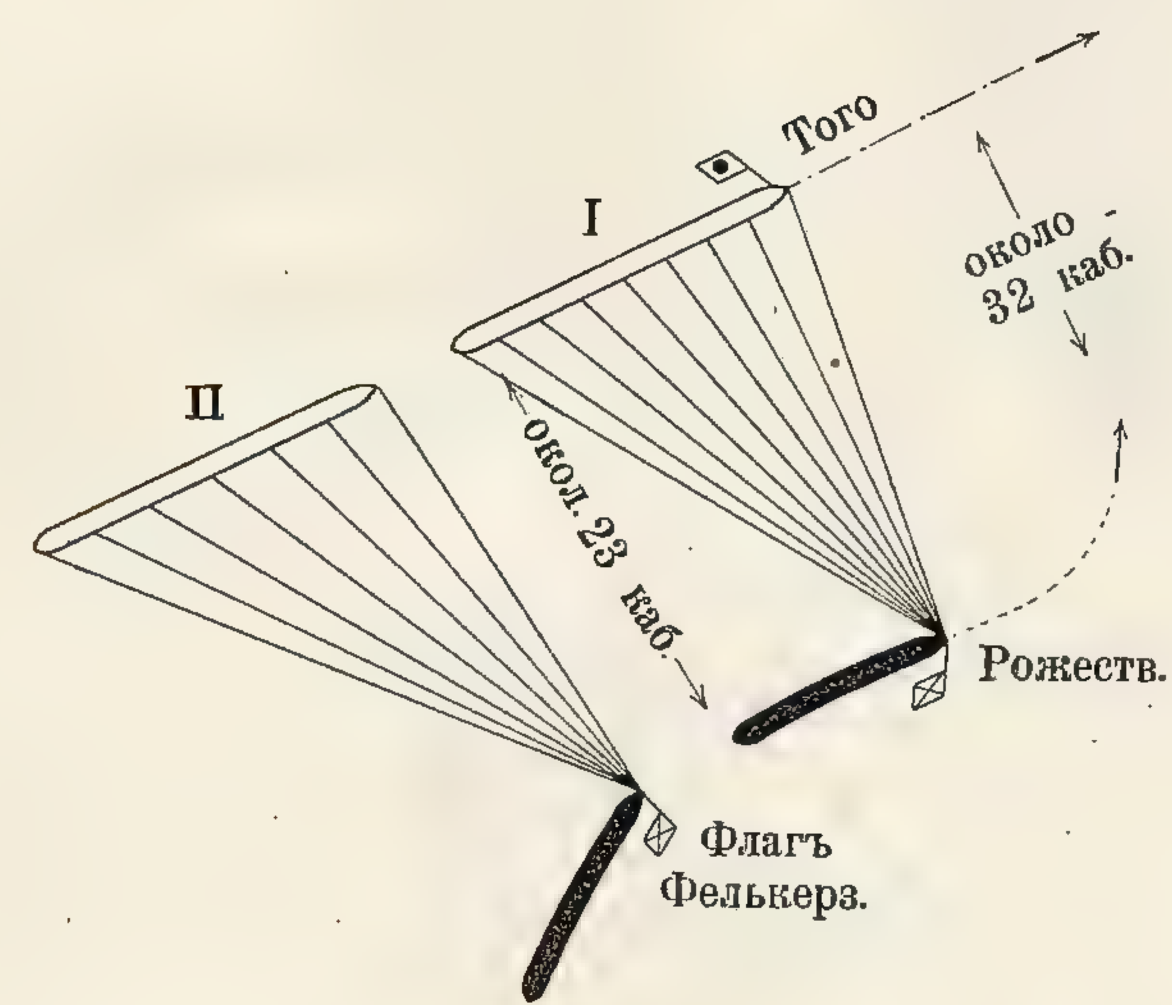
I-Миказа
Шикишима
Асахи
Фуджи
Ниссинъ
Кассуга
II-Ивате
Идзумо
Адзума
Якумо
Азама
Токива

Черт. 19 — къ стр. 89.

2 ч. 5 м.
Сосредоточенiе японскаго огня на Суворовѣ и Ослябѣ.

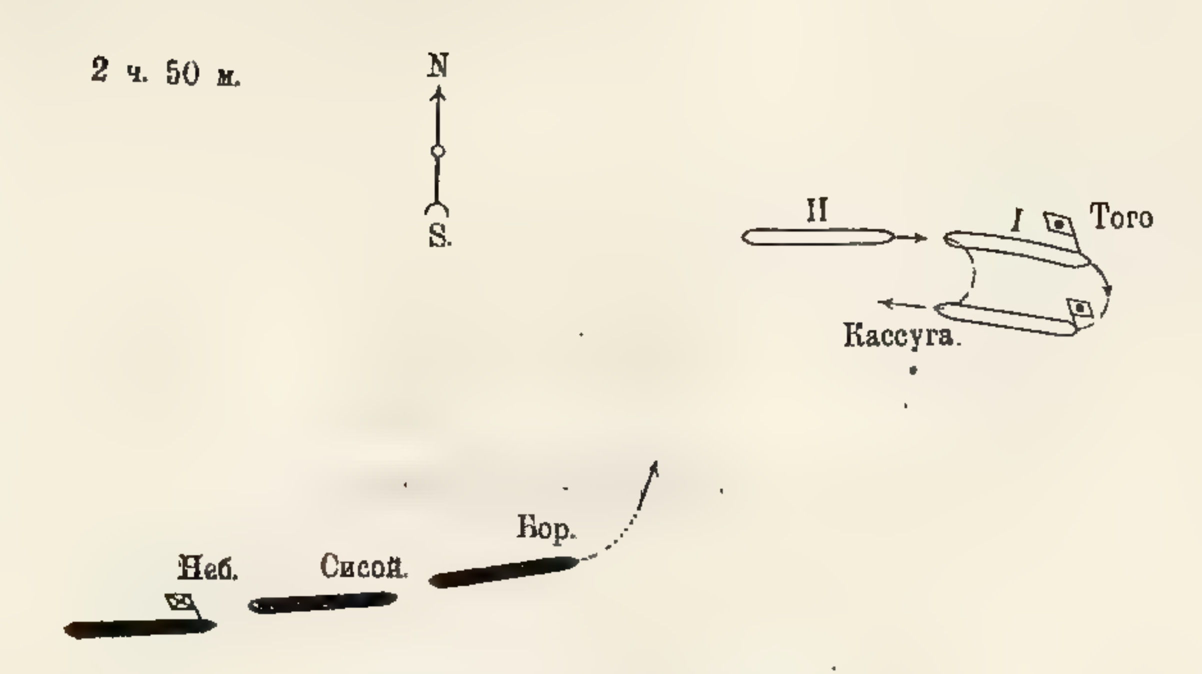

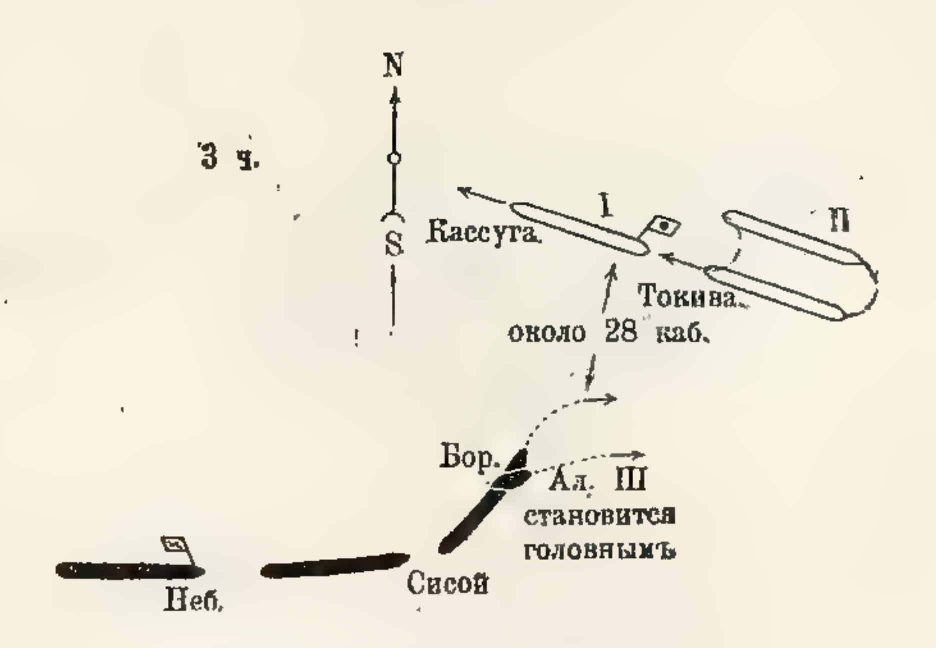
Черт. 20 къ стр. 91.

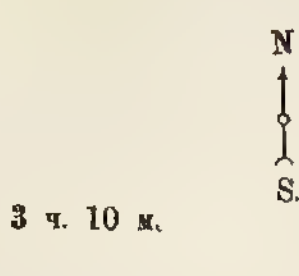
Черт. 21 — къ стр. 91.

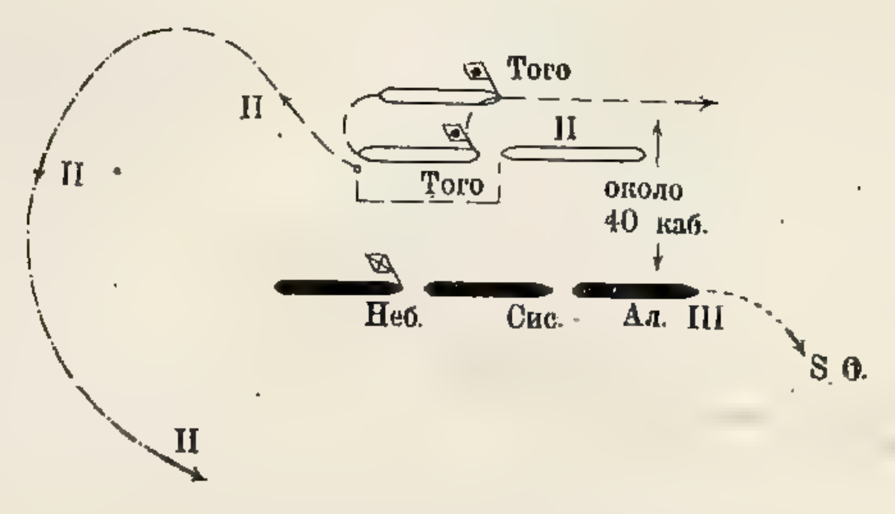
Черт. 22 — къ стр. 104.

Черт. 22 — къ стр. 92.

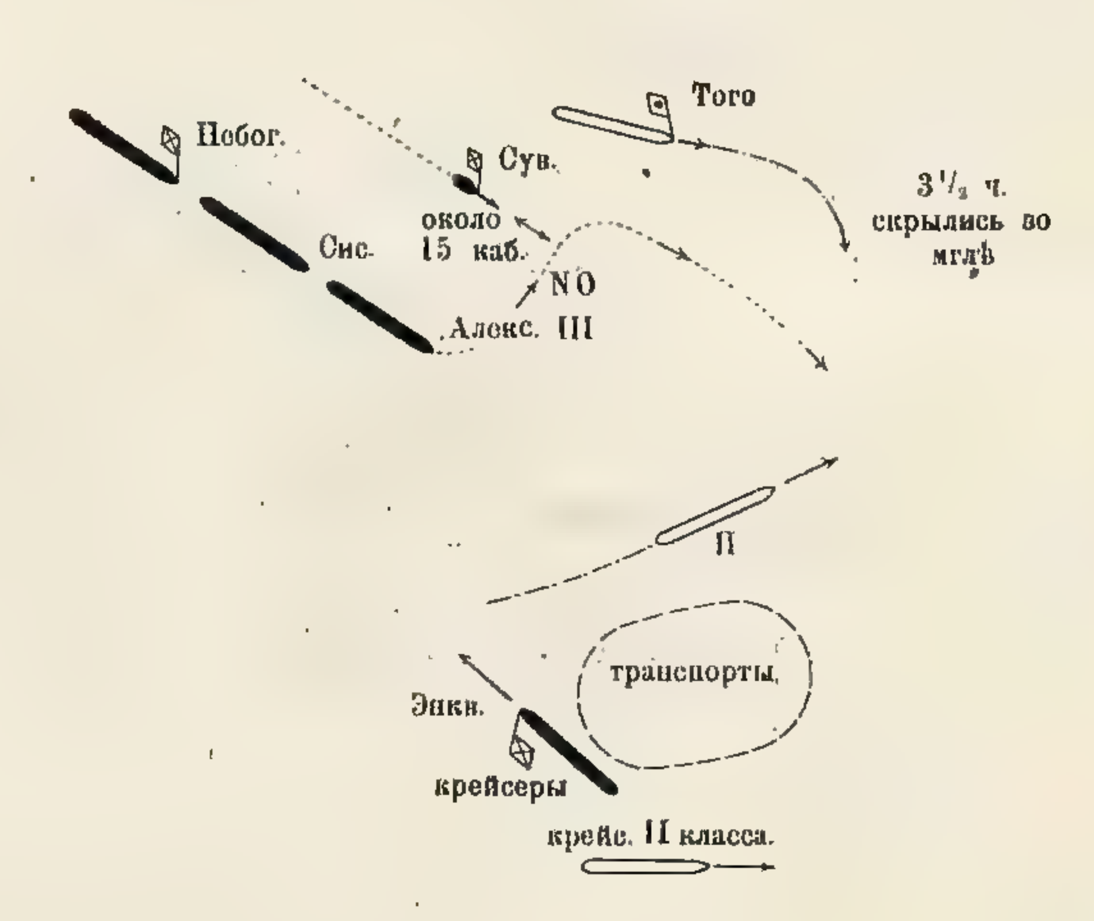
3 ч. 10 м.

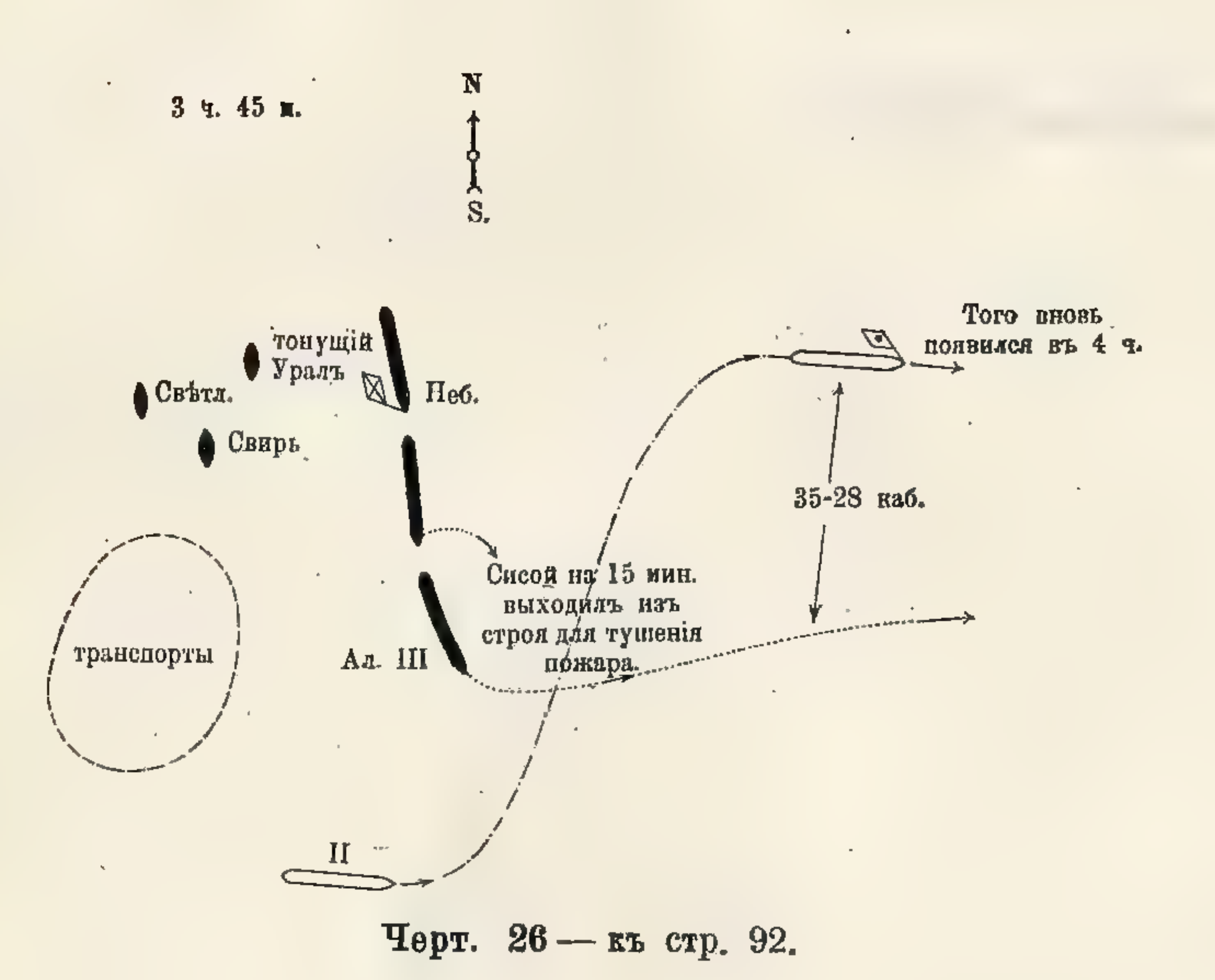
Черт. 24 — къ стр. 105.

3 ч. 20 м.

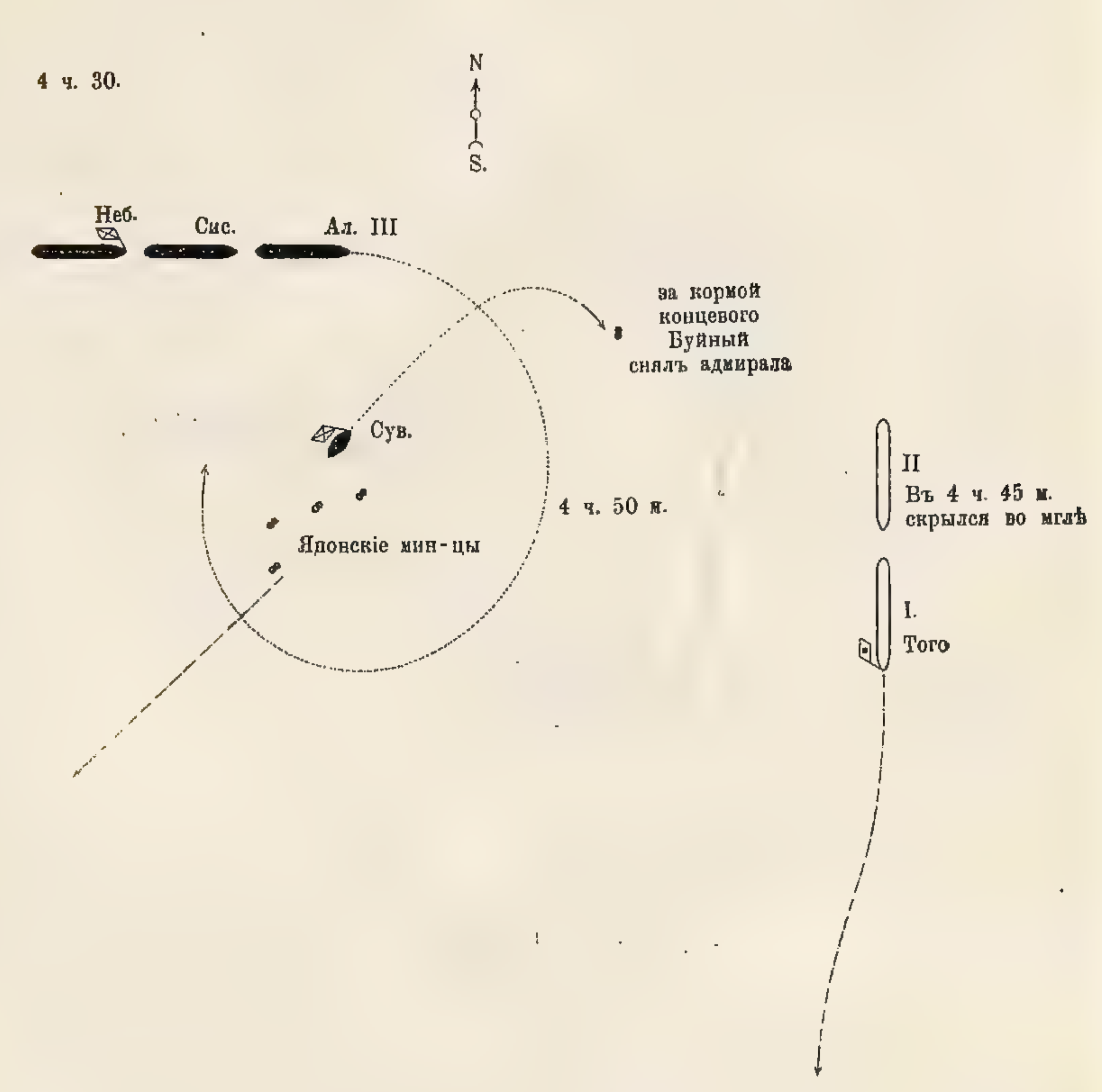

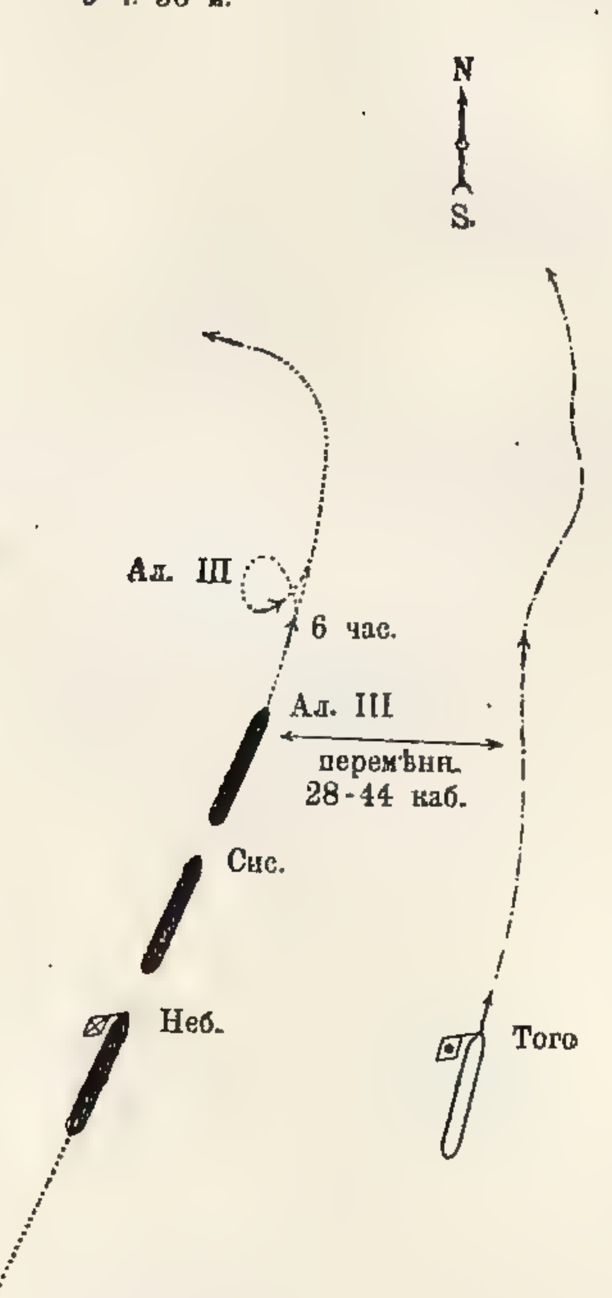
Черт. 25 — къ стр. 92.

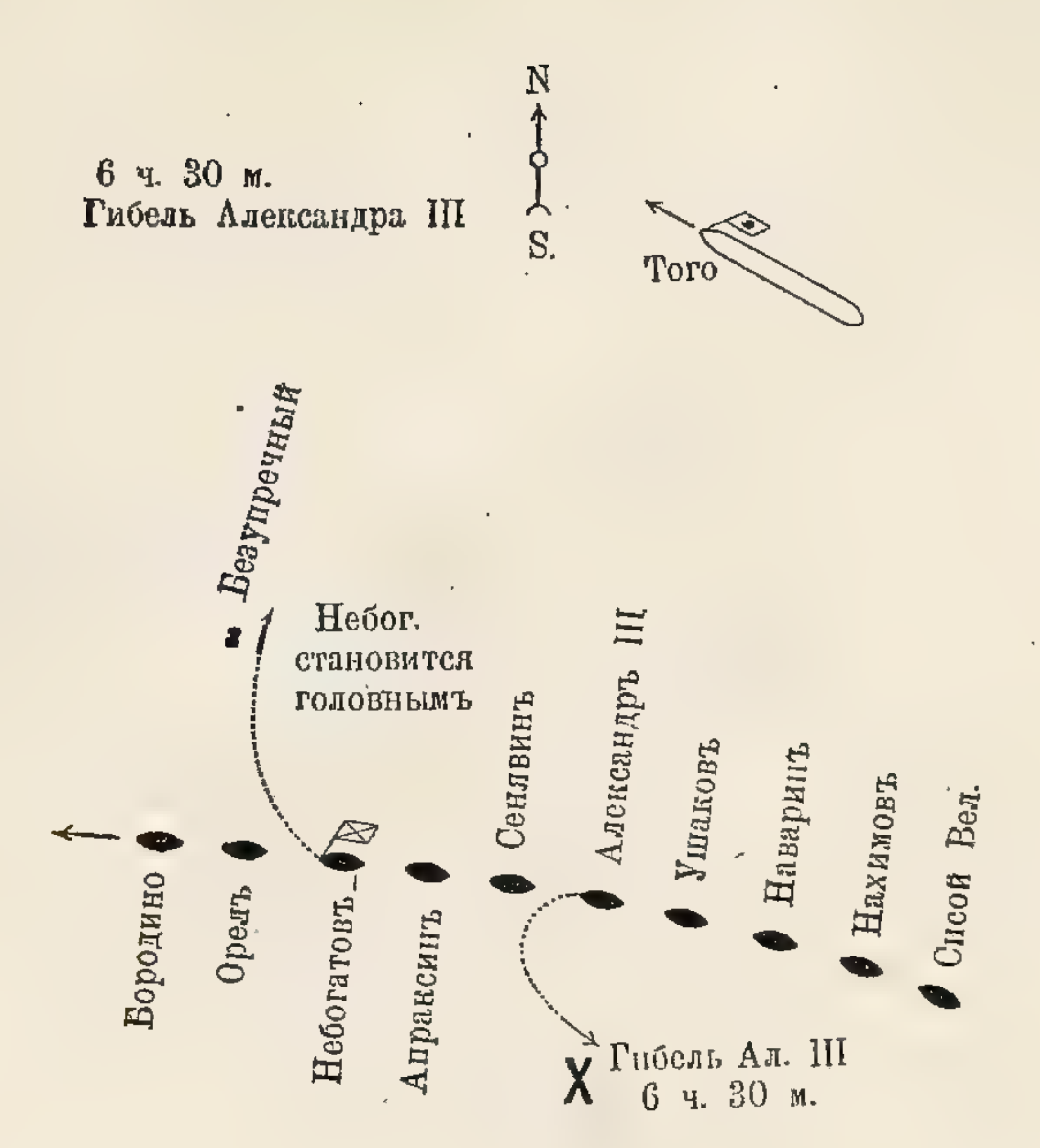
Черт. 26 — къ стр. 92.

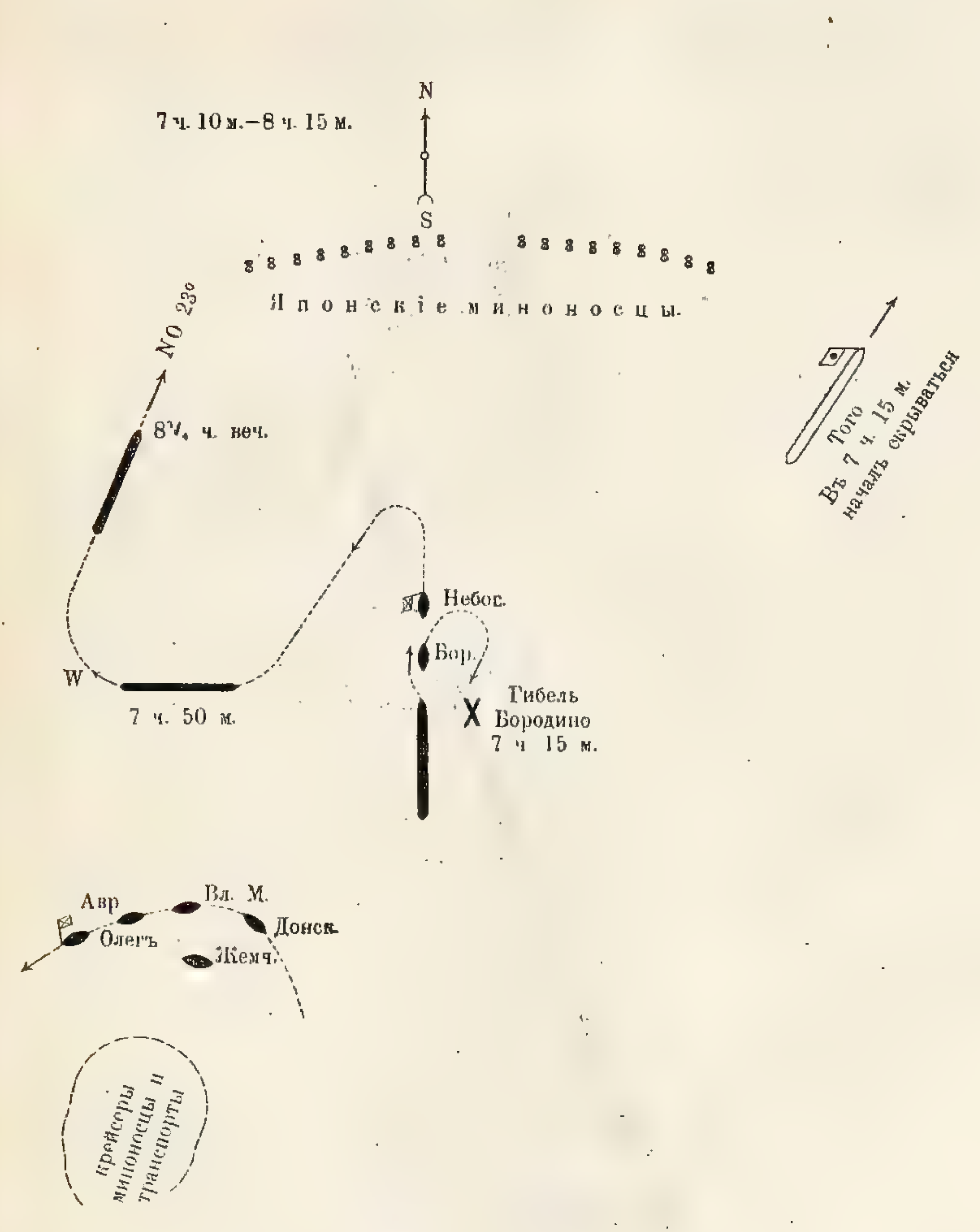
Черт. 27 — къ стр. 93.

Черт. 28 — къ стр. 93.

Черт. 29 — къ стр. 94.

Черт. 30 — къ стр. 94.

8 ч. 30 м.
Курсъ NO 23°

Изумрудъ
Небог.
Николай I
Орелъ
4 каб.
Апраксинъ
Сенявинъ
5 каб.
Ушаковъ
Нахимовъ
Сисой Вел.
Наваринъ

Черт. 31 — къ стр. 99.

N

S

6 крейс. 3 класса

6 крейс. 2 класса

NO 23°

Небогатовъ

Изумр.

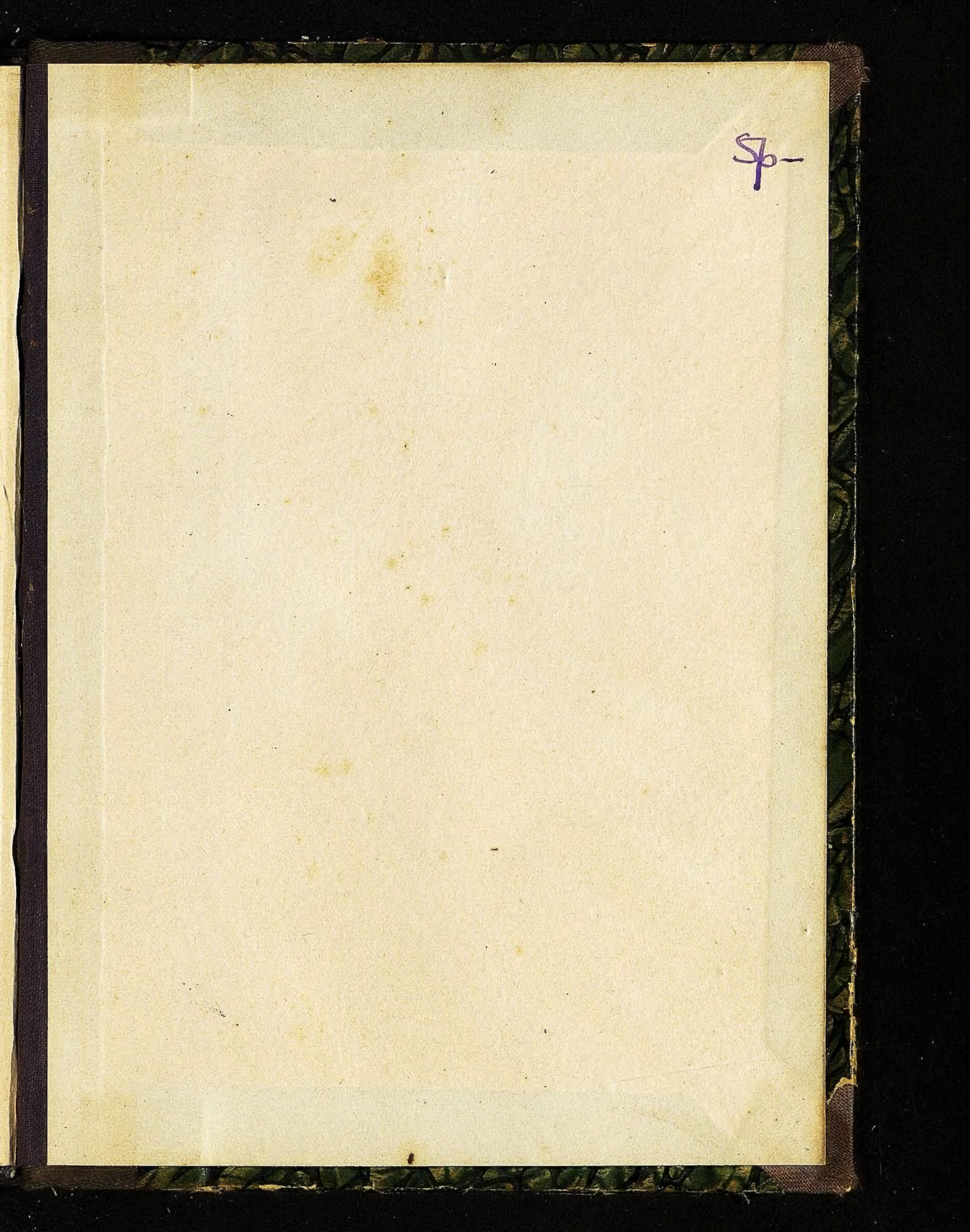
погнались за Изумрудомъ

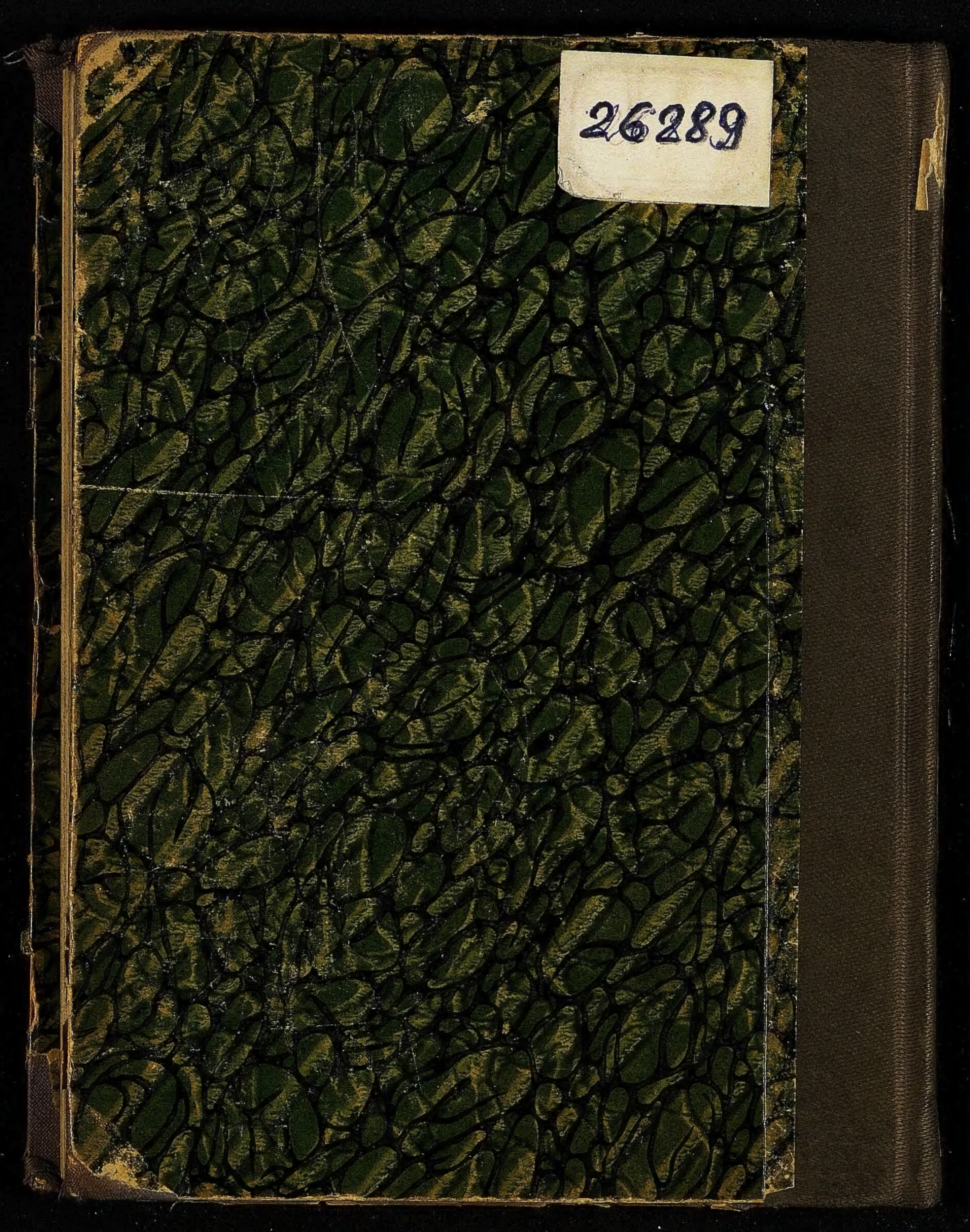
Отрядъ броненосцевъ

2 крейс. 2 кл.
1 „ „ 3 „

Отрядъ броненосныхъ крейсеровъ

Черт. 32 — къ стр. 102.

26289